

РОССПЭН

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКА В XXI ВЕКЕ

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКА

В XXI веке

Российская академия наук
Институт социологии

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКА в **XXI** веке

Москва
РОССПЭН
2011

УДК 323(470+571)
ББК 66.2(2Рос)
М74

Ответственный редактор
Ю. С. Оганисьян

Редакционная коллегия:
В. К. Коломиец, Ю. С. Оганисьян, С. В. Патрушев

Рецензенты:
доктор политических наук профессор А. А. Гусев
доктор политических наук А. С. Железняков

Модернизация и политика в XXI веке / Отв. ред. Ю. С. Оганисьян; Ин-т социологии РАН. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 336 с. : таблицы, схемы, диаграммы.

ISBN 978-5-8243-1540-0

Коллективное исследование Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН, посвященное политическому анализу процессов модернизации, действующим лицам, условиям, факторам, проблемам и перспективам. Значительное внимание уделено социальным и институциональным аспектам формирования российского проекта модернизации в глобализирующемся мире.

Книга предназначена политологам, социологам, историкам.

УДК 323(470+571)
ББК 66.2(2Рос)

ISBN 978-5-8243-1540-0

© Институт социологии РАН, 2011
© Российская политическая энциклопедия, 2011

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Инновационное развитие как программа действий*

Россия стоит сейчас перед необходимостью найти адекватный ответ на два сложных комплекса проблем, обусловленных спецификой сложившейся ситуации.

Первый комплекс порожден особенностями нынешнего этапа мирового развития. Все более или менее развитые страны в той или иной степени пребывают сейчас на пороге перехода к инновационному обществу, по своему значению сравнимого с промышленной революцией XVIII–XIX вв. и научно-технической революцией XX в. Такой переход предполагает неизбежность качественных перемен не только в экономике, но во всех сферах общественного организма.

Одновременно в мире все очевиднее складывается новая расстановка сил. Ее основные признаки — опережающее экономическое и социальное развитие многих стран, сльвших в прошлом отсталыми, и, соответственно, появление новых претендентов на ведущие позиции в миропорядке. Если Россия намерена удержать за собой позиции державы, играющей заметную роль в мироустройстве, ей придется признать неизбежность движения в направлении, характерном для ядра мирового сообщества. В противном случае она пополнит круг государств, с полным основанием определяемых как слаборазвитые. Более того, не исключено, что под угрозой окажется ее существование как цельного, суверенного государства.

Второй комплекс проблем обусловлен особенностями внутреннего развития, но вместе с тем неразрывно связан с первым. Инновационное общество, будучи обществом знаний, предполагает иные, чем прежде, отношения индивида и общества, общества и государ-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта № 10-03-00109а «Экономический кризис и социально-политические аспекты инновационного развития России».

ства. Следовательно, движение к нему неизбежно влечет за собой коренное преобразование общественных отношений, в том числе и прежде всего общественной системы. Разумеется, такое преобразование может предшествовать инновационному развитию лишь при исключительных обстоятельствах, поскольку в полной мере реализуется в процессе поступательного инновационного движения. Однако некоторые элементы новых отношений должны присутствовать с самого начала. Именно от них должен исходить первоначальный политический импульс, способный преодолеть инертность, свойственную любой системе.

Иными словами, выход на путь инновационного развития предполагает наличие политической системы (или ее элементов), которые не только не препятствуют, но и всячески способствуют ему. Между тем политическая система, сложившаяся в России, исчерпав свои потенциалы, оказалась не в состоянии справиться с этой задачей. Следовательно, чтобы начать движение, в политическую систему необходимо внести надлежащие изменения.

Возникшую необходимость начало ощущать общество. Необходимость политических изменений почувствовало и руководство страны. Были произнесены соответствующие слова. Последуют ли за ними реальные решения, пока неясно. Во всяком случае, оптимисты надеются на лучшее.

Как всегда в аналогичной ситуации, перед теми, кому предстоит действовать, встает сакраментальный вопрос: «С чего начать?» Чтобы привести к предполагаемому результату, политические действия должны опираться не только на представление о конечной цели, но и на адекватное знание исходной ситуации и возможных последствий управленческих решений. В противном случае их реализация, скорее всего, выльется в авантюру. Но знание реальной ситуации и представление о возможных последствиях принимаемых решений требует эффективной, не искаженной обратной связи между верхами и низами.

Пока страна такой системой не располагает. В ней не преодолена ориентация на поддакивание и «облизывание» власти. На опасность такой практики было недавно указано и сверху. Но для того, чтобы положить ей конец, недостаточно деклараций и упреков. Не поможет делу всего лишь расширенное использование новых возможностей Интернета.

Следовательно, одна из первостепенных задач трансформации политической системы в интересах инновационного развития — реанимация эффективной обратной связи.

Неприемлемо низка у нас эффективность управленческих механизмов. Политические решения, принимаемые властью, должны безоговорочно исполняться. Это своего рода аксиома. Без нее политический процесс либо превращается в говорильню в духе «пикейных жилетов», либо приобретает хаотический, неуправляемый характер. У нас на протяжении ряда лет нередко наблюдалось и то, и другое. А все попытки навести должный порядок давали, как правило, минимальные результаты. И дело в данном случае не в том, что кто-то чего-то не учел или не умеет. Хотя «неумех» тоже хватает. Дело в системе линейной властной вертикали.

Любая чрезмерно централизованная система управления, замкнутая на одну руководящую личность или небольшую руководящую группу, неизбежно приобретает все характерные для авторитарных режимов изъяны, сводящие на нет действительные или мнимые преимущества иерархизированной властной вертикали. Как правило, такие системы быстро теряют первоначальную эффективность. Решение проблем становится мнимым и влечет за собой лишь возникновение новых.

В основе подобного развития лежит ряд объективных обстоятельств. Чрезмерная централизация, свойственная властной вертикали, в принципе противоречит современной общественной динамике. Процесс не только принятия, но и реализации решений становится громоздким и неповоротливым. Линейная вертикаль порождает абсолютную зависимость управленческих структур от вышестоящих звеньев. Решающее значение приобретает не само свершенное дело, но способность подать его начальству. Одновременно минимизируется значение оценки результатов дела снизу.

Соответственно, объективно возрастает значение и роль общественного контроля над управленческими структурами. Он должен быть не просто усилен. Ему надлежит придать принципиально иной, институциональный характер. Иными словами, вертикаль власти должна быть дополнена горизонталью. Таково еще одно важное условие первоначального преобразования политической системы.

С учетом сказанного попытаемся представить себе модель предполагаемой трансформации, отвечающую не столько идеальным представлениям теоретической мысли, сколько назревшим потребностям общества, в том числе и в первую очередь его инновационного развития.

В циркулирующих моделях трансформации, заслуживающих серьезного рассмотрения, значительное, если не исключительное, внимание уделяется выборам в органы власти, соответствию их ре-

зультатов волеизъявлению граждан, функционированию партий, гарантиям должного представительства различных групп интересов, предотвращению злоупотреблений при организации избирательного процесса. Это, безусловно, оправданно и заслуживает всяческой поддержки. Однако, констатируя это, не следует забывать, что выборы, как и межпартийные игры, — лишь верхний, наиболее заметный слой рассматриваемой проблемы. Существуют и другие, глубинные слои. Обычно в ходе дискуссий разговор о них не ведется. Между тем без их преобразования оздоровление политической системы, а следовательно, и выход на инновационное развитие практически невозможны. И здесь тоже можно многое сделать.

Для осуществления государством его функций не обязательно сохранять сложившуюся ныне разбухшую административную машину. Следовало бы вернуть ее к нормальному состоянию, в частности, отказавшись от чрезмерного дробления ведомств, вызывающего необходимость многочисленных согласований. Было бы полезным до предела сократить многоступенчатость исполнительной вертикали. Чем многочисленнее ступени, тем легче превратить спускаемый сверху импульс в его противоположность.

Жесткую властную вертикаль, исчерпавшую свою роль как средство борьбы с региональным сепаратизмом, надлежит преобразовать из административной в правовую. Это, в частности, предполагает передачу в низы дополнительных и финансово финансируемых функций. Расширение полномочий на местах следует, естественно, сопровождать наращиванием ответственности местной власти перед законом. А вертикаль в той мере, в какой она необходима, можно поддерживать путем усиления контроля над правовой ситуацией.

Не избежать серьезных решений и в кадровой сфере. От взяточников и бездельников следует, естественно, избавляться. Это, однако, не должно рассматриваться как повод для форс-мажорных кампаний вроде всеобщей чистки. Они, как свидетельствует опыт, обычно не дают ожидаемых результатов и только парализуют работу системы. Гораздо целесообразнее организационный подход к кадровой проблеме на основе совершенствования и дальнейшего уточнения совокупности норм и правил *аппаратной работы*.

Эти нормы и правила должны в полной мере, в большей степени, чем до сих пор, определять как деловые, так и нравственные качества работника. На всех должностных уровнях, там, где это еще не сделано, следует регулярно осуществлять квалификационную аттестацию. Для лиц, находящихся на руководящих должностях, надлежит

установить строго соблюдаемую возрастную границу, похожую на ту, которая существует в вооруженных силах. На некоторые категории ответственных чиновников должна быть распространена применяемая в отношении дипломатов практика регулярных территориальных ротаций. Продолжительность пребывания на одной и той же руководящей должности следует ограничить двумя-тремя сроками. Подобные меры, как свидетельствует зарубежный опыт, в состоянии стимулировать позитивные качественные сдвиги в работе административного аппарата.

Обычный гражданин чаще всего сталкивается с государством, обращаясь с конкретными проблемами к олицетворяющему его административному аппарату. И судит о режиме и политической системе по тому, как там встречают и реагируют на просьбы. О качестве работы этого аппарата уже шла речь выше. Оно, как говорится, «ниже колена». Выход в данном случае лишь один: максимально ускорить повсеместный переход к тому, что принято сейчас именовать «электронным правительством» — предельной инструментализации отношений между гражданином и управленческой системой. Их взаимоотношения должны сводиться к трем актам: запрос через Интернет, оплата, поступление конечного продукта — решения или документа. Этими отношениями должна быть проникнута вся сфера государственных услуг от получения паспорта до оформления наследства или уплаты налогов. Возможный результат такого поворота очевиден: недовольство поведением нерадивых чиновников перестанет быть фактором, формирующим складывающуюся в обществе негативную атмосферу.

Аналогичную роль может сыграть позитивный опыт управленческой работы на уровне муниципалитетов. Большинство наших граждан достаточно образованно, чтобы обладать широким кругом интересов. О том, что происходит вдали — за рубежом или в столицах, — они узнают, обратившись к периодике, телевизору или Интернету. Остаются сугубо житейские вопросы: работа, жилье, транспорт, торговая сеть, детские учреждения, поликлиника, школы. И все они, как правило, могут быть решены в пределах населенного пункта, составляющего обычно муниципальный округ. Если это происходит быстро и дает положительные результаты, у граждан формируется позитивное отношение к политической системе в целом.

Чаще, однако, конечный эффект бывает обратным. Муниципалитеты, как правило, не пользуются большой любовью. Объективных причин для этого немало. Во-первых, у них обычно не хватает средств, чтобы делать то, что от них ожидают. Во-вторых, работа в муници-

палитетах мало престижна. Поэтому у руководства ими пребывают далеко не лучшие управленческие кадры. В-третьих, структура муниципалитетов, определенная законом, как и используемые ими методы, в малой степени учитывают специфику муниципальной работы.

Муниципалитеты не обязательно должны копировать организацию и формы управленческих усилий, применяемых на уровне региона и тем более государства. Если муниципальный округ не очень многочисленный, в нем могут быть широко использованы различные формы прямой демократии — решение всей совокупности вопросов, представляющих живой интерес для граждан, путем общих собраний или серии плебисцитов. В рамках муниципального округа это не так уж и сложно. Между тем опыт стран, использующих подобный метод, свидетельствует, что в результате его применения между населением и местной властью складываются прочные связи, которые, в свою очередь, гарантируют эффективность общегосударственной системы.

Не следует недооценивать с этой точки зрения и институализацию так называемой публичной сферы. Политически активная часть населения, влияющая на формирование общественного сознания, испытывает обычно устойчивую потребность в обмене мнениями и публичной демонстрации своих взглядов. Препоны, создаваемые в этой области, воспринимаются ею крайне болезненно и, естественно, усугубляют ее отчуждение. Чтобы избежать подобных последствий, в ряде стран был разработан цикл мер, который можно было бы условно назвать, опираясь на лондонский прецедент, «системой Гайд-парков». Это выделение в достаточно престижных местах специальных территорий для свободного проведения митингов любыми общественными организациями, не запрещенными судебным решением. Это создание сети крытых помещений, типа клубов, для свободного проведения любых общественных мероприятий. Это строгое соблюдение уведомительного характера проведения политических манифестаций и т. д. Пренебрегать этим опытом — себе дороже.

Разумеется, сделать все это одномоментно невозможно. Но и откладывать движение в эту сторону, мягко говоря, нецелесообразно. Тем более что в стране явно активизируются силы, решительно не приемлющие курс на перемены.

Выходя на тропу трансформации, неплохо иметь хотя бы приблизительное представление о возможных масштабах и формах сопротивления намеченным переменам как условия его преодоления. При этом очень важно отличать реальные угрозы от мнимых. Иначе можно долго и упоенно бить в пустоту, не получая заметного результата.

Склонность к этому, в частности, нередко проявляют наши крайние либералы. У них на генетическом уровне утвердилась аллергия к государству как таковому. Воспринимая государственную власть как нечто вроде гоголевского «Вия», они готовы взваливать на нее ответственность за все беды. Отсюда и суть многих рекомендуемых ими рецептов — перекреститься и сказать ему: «Изыди!»

Если бы все было так просто! Добиваешься трансформации политической системы? Хочешь инновационного развития? Нет проблем. Демонтируй государственные институты. Не препятствуй естественному ходу событий. Все в конечном счете встанет на свое место.

В реальной политической жизни ситуация выглядит по-иному. Если добиваешься перемен, надо действовать. А это значит использовать и государственные рычаги, тем более что в нынешних условиях их роль в общественной жизни возрастает.

Очевидно, что для осуществления реальных перемен необходима прежде всего энергичная и сплоченная команда. Ее, по всей вероятности, предстоит еще создать. Но одного этого, как свидетельствует опыт, мало. Требуется также поддержка или хотя бы благожелательный нейтралитет основного ядра властвующей элиты. А с этим дело обстоит, мягко говоря, непросто.

Не будем детально вспоминать о том, как складывалась эта элита в 1990-е гг. С тех пор произошло немало изменений. Острая конкурентная борьба и неумолимое время подорвали влияние ее первоначального ядра — советской партийно-хозяйственной номенклатуры и одной из фракций скоробогачей — олигархов. Оттесненной на задний план оказалась и вынесенная в свое время на поверхность претенциозная интеллектуальная контрэлита. Начиная с нулевых годов нового века освобождаемое ими место все более уверенно занимали, с одной стороны, вытесненные из силовых структур начальствующие и командные кадры, а с другой — выходцы из выросшего и укрепившегося бизнеса.

Последние годы наметился возрастающий приток в ряды властвующей элиты представителей молодых образованных поколений, имеющих более реалистические представления о проблемах, с которыми сталкиваются государство и общество. Пока, однако, их влияние не привело к принципиальным переменам.

В чем заинтересовано сейчас основное ядро властвующей элиты? Прежде всего, в сохранении и упрочении имущественных и властных позиций. Это находит отражение в его устойчивой ориентации на стабильность, трактуемую как неизменность сложившихся отношений собственности и власти. Соответственно, любые установки, направ-

ленные на перемены, пусть даже сулящие позитивные результаты, не вызывают у него какого бы то ни было восторга.

Изменить эту позицию не только можно, но и нужно. Но для этого надлежит продумать и реализовать меры, которые бы обеспечивали властвующей элите гарантии, способные не только ослабить ее враждебность переменам, но и придать им приемлемый для нее характер. В противном случае можно ожидать неприятностей на первом же крутом повороте. Опыт свидетельствует, что такие гарантии будут стоить стране и обществу существенно дешевле, чем потрясения, на которые может решиться недовольная переменаами элита.

Аналогичные меры должны быть осуществлены по отношению к бюрократии, которой надлежит реализовать трансформационные импульсы, поступающие сверху. Существующая у нас управленческая система коррумпирована и не мотивирована на положительные сдвиги. При этом она достаточно влиятельна, чтобы перекрыть многие каналы преобразований. Вместе с тем не следует преувеличивать ее силы. В своей основе она не самостоятельна. Составляя *«служилое сословие»*, она полностью зависит от *«начальства»* и достаточно гибка, чтобы своевременно повернуть туда, куда оно хочет. А если же содействие переменам подсластить материально, готовность служить перестанет быть условной. Главное для нее убедить в том, что провозглашенные перемены задуманы всерьез, а не *«понарошку»*.

Задача полного преобразования системы управления потребует длительного времени. Представление о возможности ее одномоментного решения — из области романтических фантазий. Быть может, для осуществления конкретных задач трансформации имело бы смысл создать, в порядке эксперимента, отдельные управленческие рычаги и институты, структурированные и организованные в духе новых исканий.

Непросто будут складываться в ходе трансформации и отношения с крупным капиталом. Массовое промышленное производство инерционно по своей сути. Его коренная переналадка требует существенных материальных затрат и усилий. Отсюда устойчивый консерватизм владельцев и руководителей такого производства, который сказывается также на отношении к политическим переменам. Это не позволяет исключать вероятности высокой степени сопротивления любым коренным новациям, даже тем, которые вроде бы не затрагивают непосредственные интересы рассматриваемой группы. Свести это сопротивление к минимуму можно только в том случае, если на государственном уровне будут созданы рычаги и стимулы, способ-

ные амортизировать потенциальные потрясения производства и общественной системы в целом в случае реализации новаций.

Крайне опасно игнорировать и то, что инновационная деятельность чревата для капитала повышенным риском. Вкладывать деньги в проекты, которые если и принесут прибыль, то не очень большую и не скоро, он не склонен. Отсюда общеизвестная приверженность капитала к краткосрочным инвестициям и финансовым играм. Достаточно вспомнить в этой связи, как вели себя крупные банки (причем не только российские) в разгар кризисных потрясений, получив в порядке срочной помощи крупные государственные средства. О кредитах реальному производству и инвестициях в инновационные сферы они напрочь забыли. Какая часть полученных субсидий осела тогда в индивидуальных карманах, до сих пор не известно. И вообще, интерес к поискам на инновационном поле возникает у крупного капитала лишь тогда, когда появляется принципиально новая продукция, обладающая перспективами массового коммерческого спроса. Это же в полной мере относится к политическим переменам, чреватым сдвигами в сфере собственности и власти.

Придется, в частности, считаться с тем, что на первых порах интерес к инновационным поискам будут проявлять лишь инициативные бизнес-группы, занимающие маргинальные ниши. И именно от них следует ожидать поддержки трансформационных перемен политического порядка.

В свете сказанного выше произвольно возникает вопрос: есть ли в России общественные силы, искренне заинтересованные в движении к инновационному обществу и трансформации политической системы как необходимому его условию? Есть все основания ответить на этот вопрос положительно. Несмотря на общепризнанное снижение общего интеллектуального уровня, в России поныне сохранились многочисленные группы образованного населения, придерживающиеся различных политических взглядов и движимые несовпадающими интересами, но вместе с тем в полной мере отдающие себе отчет в жизненной необходимости перемен как в политической, так и социальной и экономической сферах. Понимание такой необходимости, как отмечалось выше, постепенно, но неуклонно прокладывает себе путь и в верхушечные группы населения, которые по тем или иным соображениям не хотят ни серьезных потрясений, ни тем более распада государства.

Отношение основной массы населения к переходу к инновационному развитию и модернизации политической системы выглядит пока неопределенным. Опросы, проведенные в последнее время, сви-

детельствуют, что значительная его часть либо вообще не слышала о предлагаемых властью планах модернизации и трансформации политической системы, нацеленных на переход к инновационному развитию, либо имеет о них весьма смутное представление. Но дело не только в этом.

На протяжении истекших лет в России неоднократно предпринимались попытки выработать и предложить обществу различные варианты «объединяющей» ценностной системы. Несмотря на внешнюю привлекательность многих из предлагаемых вариантов, наиболее распространенной реакцией общества был и остается скептицизм. Причины его многообразны. Среди них основанное на личном опыте глубоко укоренившееся убеждение, что любые импульсы, поступающие сверху, в конечном итоге ухудшают условия существования основной массы граждан, и обусловленное этим недоверие к общественным силам, предлагающим чудодейственные рецепты всеобщего «осчастливливания».

Не следует игнорировать также того, что поддержки предполагаемых преобразований придется добиваться в условиях, определяемых длительным и глубоким мировым финансово-экономическим кризисом.

Исторический опыт свидетельствует, что экономические кризисы чреватые не только непосредственными, но и опосредованными последствиями. Одно из наиболее значимых из них — психологическое последствие. Его важная составная часть — воздействие на отношение общества к сложившейся системе власти, политическим структурам и доминирующим в них политическим силам. Соответственно модифицируются и типы массового политического действия.

Один из первоначальных признаков изменений — активизация накопившихся в обществе противоречий, задвинутых на задний план, как бы «замороженных», в так называемые тучные годы. Первые признаки такого «размораживания» ощутила и Россия. Проявились они не сразу и первоначально не в полную силу.

Веские причины для этого налицо. На протяжении XX в. население России испытало столько потрясений, что «болевого порог» у него существенно выше, чем во многих других странах. Острую реакцию населения частично смягчили также некоторые привходящие обстоятельства. У большинства граждан первоначально сохранялась надежда, что возникшие трудности мимолетны. А это, естественно, продолжало питать пресловутую российскую терпимость. Ей способствовала также некоторая, хотя и скромная, «жировая прослойка», приобретенная частью населения в «тучные годы». Свою роль

сыграла социальная политика государства, пустившего в ход накопленные в «тучные годы» нефтедолларовые фонды. Но все это уже в основном в прошлом.

Заторможенная реакция общества на потрясения, которые вызвал кризис, дезориентировала некоторых представителей властвующей элиты. В ее кругах сложилось представление, что подобное положение сохранится и в дальнейшем вне зависимости от того, как поведут себя власти. А это, в свою очередь, толкнуло их на ряд, мягко говоря, непродуманных решений.

Поскольку финансовые резервы, которыми первоначально располагало государство, стали истощаться, а кризис все еще не кончался, страна (и прежде всего власть) оказалась перед острейшей проблемой: где взять жизненно необходимые средства? И тут возникла идея, что легче и проще добыть их в карманах рядовых граждан.

То, что в них после двух лет кризиса почти ничего не осталось, было расценено как несущественная мелочь. Более того. Уже первые признаки интереса институтов власти к содержанию карманов граждан породили своего рода «цепную реакцию» среди многочисленных любителей «халявы». То, что последовало, общеизвестно. Едва выйдя из праздничной «нирваны» нового, 2010 г., года Тигра, жители России были вынуждены с ужасом констатировать, что оживившиеся доморощенные тигры рвут на части их скудные личные бюджеты. Сейчас, спохватившись, власти заявили о намерении удержать наметившуюся тенденцию в разумных пределах. Но, судя по всему, удается это, мягко говоря, не в полной мере.

Естественно, что это не могло не сказаться на массовых настроениях, а следовательно, и на ориентациях большинства российских граждан. Уже проведенные замеры, при всей относительности полученных результатов, свидетельствуют в целом о повышении уровня раздражения у тех, кто ощутил последствия ценового урагана. А таких, как известно, большинство. Показателем роста этого уровня выступает, в частности, расширение сферы сублимации нарастающего раздражения на все новые объекты.

Сказывается ли это раздражение на политическом поведении? В какой-то степени да. Публичные протестные акции участились. В отдельных регионах страны наметились подвижки в электоральном поведении. Тем не менее очевидно, что происходящие перемены гораздо слабее, чем темпы нарастания раздражения.

Очевиден и ответ на вопрос, почему это происходит. В обществе и стране в целом до сих пор не сложилось сколько-нибудь убедительной альтернативы перспективе развития и политическому кур-

су, принятым властями. Системные (представленные в парламенте) партии выдают за нее общие рассуждения, далекие от проблем, которые волнуют общество. У них, как правило, нет реальных достижений на местном уровне, на которые можно было бы сослаться. На их репутации негативно сказывается острый дефицит молодых, деятельных, харизматических лидеров, за которыми могли бы пойти массы.

Несистемные (как правило, радикальные) политические силы «закапсулировались» в своем маргинальном гетто и не в состоянии продемонстрировать обществу ничего, кроме хорошо известного обстоятельства, что они терпеть не могут нынешнее государственное руководство, не прочь «порулить страной» и что идеалом общественного устройства для них является хаос, утвердившийся в России в трагические 90-е гг. Не удивительно, что их попытки использовать рост накопившегося в обществе раздражения, чтобы нарастить политическую мускулатуру, не дают существенных результатов. У них, конечно, сохранилась и сохранится в дальнейшем своя аудитория. Но политического будущего у них нет и вряд ли будет.

Подобная ситуация далеко не оптимальна. Отсутствие убедительной общественно-политической альтернативы препятствует объективно необходимой разрядке раздражения масс на путях политического поведения, не выходящего за пределы конституционного поля и принципов парламентаризма. Отсюда реальная перспектива расширения сферы негативной сублимации, сопровождаемой вспышками гнева, а также массовых, трудно контролируемых действий. Не исключено, что в случае их возникновения к ним постараются пристроиться до сих никому не известные, но весьма разрушительные политические силы.

Очевидно, что в этих условиях заручиться поддержкой перемен в политической системе и предполагаемого инновационного развития со стороны массовых групп населения власть сумеет лишь в том случае, если предоставит убедительное свидетельство своей готовности считаться с интересами населения страны. Каждый этап предполагаемых перемен должен сочетаться с хотя бы небольшими позитивными сдвигами в условиях существования людей. В противном случае эти перемены, при всей их объективной обусловленности, окажутся скомпрометированными.

В этом случае не исключен вариант, в рамках которого раздражение, накопившееся в обществе, может реализоваться в виде регрессивных установок, устремленных в далекое прошлое и отрицающих любые новации.

Объективная сложность ситуации находит свое отражение и в идейно-теоретической сфере.

Первыми на сформулированный верхами тезис о модернизации и инновационном развитии откликнулись эксперты, относящие себя к числу политологов. Обзор высказанных ими взглядов позволил выделить два наиболее типичных подхода. Один из них можно условно назвать *экстремистко-охранным*. Он, в свою очередь, распадается на две подгруппы. Странники первой подгруппы решительно отвергли идею сколько-нибудь существенной модернизации и выступают против любых преобразований в политической системе. Вторые вроде бы готовы пойти на некоторые эксперименты, но рассматривают их как своего рода косметический ремонт квартиры: в пределах побелки потолка или переклейки обоев. Исходные позиции остались при этом теми же: жесткость сложившихся экономических ориентиров и политических институтов должна оставаться неизменной, но внешней их стороне было бы неплохо придать более благообразные формы.

На противоположном полюсе сконцентрировались взгляды, ориентированные в первую очередь либо на слом всей политической системы, либо, по меньшей мере, на замену ее основных элементов. Из соображений политкорректности назовем их *обтекаемо-негативистскими*.

Последнее время понимание того, что модернизация и ее стержень — инновационное развитие — не просто модный набор слоганов, вброшенных в общество с эгоистической целью придать некий смысл действиям нынешней власти, но реальная проблема, которую диктуют объективные обстоятельства, вывело дискуссию за пределы экспертного сообщества, в нее включаются политические партии, представленные в парламенте и претендующие на участие в формировании общественных и политических процессов. Данное обстоятельство внесло в продолжающийся обмен мнениями новые существенные элементы.

Отрицательное отношение к тезису о модернизации в сформулированных партиями подходах формально отсутствует. Но в такой же степени отсутствует более или менее адекватное понимание и содержания модернизации, и ее соотношения с инновационным развитием, и характера назревшей трансформации политической системы. Уже сейчас, несколько укрупняя, есть все основания говорить о появлении на политической арене трех моделей модернизации: ретроградно-стабилизационной, неолиберальной и провозглашающей себя левой.

Первая была предложена теоретиками партии власти. Ими же было придумано ее наименование как консервативной модерниза-

ции. Очевидная противоречивость и теоретическая несостоятельность этой формулы вызвала град насмешек. Конечно, всерьез относиться к ней нелепо. Однако у нее есть свой, реальный смысл. Она предполагает ставку на возможность осуществлять ставшие необходимым преобразования в сфере экономики и политики таким образом, чтобы ни в коей мере не подорвать отношений собственности и не ослабить позиции правящей верхушки. Есть также основания предположить, что предлагаемая формула представляет собой попытку компромисса, способного временно примирить интересы той части властвующей элиты, которая не готова ни на йоту сдвинуться с занятых позиций, и ее оппонентов, понимающих, насколько опасно абсолютное игнорирование назревших изменений.

В основе неолиберальной модели лежит тезис, согласно которому модернизация — это прежде всего установление политических отношений, представляющих собой своеобразную кальку с тех, которые сложились на Западе в новое и новейшее время. Условием экономической модернизации провозглашается дальнейший уход из экономических сферы государства и его институтов и распространение рыночных отношений на новые сферы. Предполагается, что, двигаясь по этому пути и ориентируясь на догоняющее развитие, Россия сумеет создать условия для мощного экономического рывка. То, что эта практика доказала свою несостоятельность и что все большая часть стран Запада уже относится к ней крайне критически, игнорируется.

На обладание левой моделью модернизации и инновационного развития настойчиво претендует КПРФ. В наиболее четком и в то же время сжатом виде она изложена в докладе ее лидера Г. А. Зюганова на пленуме ЦК в апреле 2010 года.

Основной ее тезис сводился к тому, что в России возможна лишь социалистическая модернизация. Но тогда она реальна лишь в условиях социалистического общественного строя. Как известно, пока объективных предпосылок для его установления сейчас нет. Следовательно, желаемая модернизация исключена. Разумеется, этот вывод не сформулирован. Но он неизбежно напрашивается. Быть может, именно поэтому многие из мер предполагаемой модернизации изложены так, что их практически реализовать попросту невозможно.

Такова, быть может, несколько упрощенная, но в целом объективная картина.

Подводя итоги сказанному выше, невозможно отделаться от впечатления, что в модернизации как политике сегодняшнего дня ни одна из действующих в стране партий пока не разобралась. И никакой альтернативной политики в этом деле предложить не может.

Быть может, они продолжают поиск? Это было бы полезным. Ведь взвешенная позиция может быть выработана только в том случае, если при ее подготовке задействован весь спектр всесторонне продуманных позиций.

Инновационный тип развития общества и политическая система в России*

Переход к инновационному развитию официально провозглашен стержневой стратегической задачей российского общества. Об этом сказано много красивых и правильных слов. Приняты развернутые планы на разных уровнях управленческой вертикали и на предприятиях, выделены немалые финансовые средства. Но результаты пока не впечатляют. Научную и гражданскую общественность, да и саму власть, во все большей степени тревожит бросающаяся в глаза пробуксовка реализации инновационных планов и программ. Все чаще в научных и общественных дискуссиях звучит мысль о том, что причина состоит в одностороннем понимании инновационного развития как преимущественно технологической проблемы, в недооценке социально-политической составляющей этого феномена.

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо прежде всего определить, что представляет собой инновационное развитие и как оно соотносится с политической реальностью, со сложившейся в России политической системой.

Следует признать, что инновации, нововведения имели место на протяжении всей истории человечества. Взаимодействуя с природой, люди постоянно изобретали и совершенствовали орудия, средства, способы производственной деятельности ради ее результативности. Однако одни инновации были малозаметными, не выходили за рамки привычных форм деятельности и образа жизни, другие же существенно видоизменяли способы производства и в конечном счете структуру, устройство и функционирование социума.

В цепи нововведений время от времени происходили инновационные «скачки», влекущие за собой качественные изменения форм общественной жизнедеятельности. Так, по инновационным рубежам в производственном освоении материалов в истории пер-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта № 10-03-00109а «Экономический кризис и социально-политические аспекты инновационного развития России».

вобытного общества отчетливо выделяются каменный, бронзовый и железный век. Переход к земледелию положил начало аграрному обществу. Инновационный скачок, порожденный освоением машинного производства, открыл эпоху индустриализма, изменившую облик социума и создавшую почву для промышленного капитализма.

За последние полвека в самом фундаменте человеческого социума, несомненно, происходят качественные сдвиги. Они настолько глубоки, что получали в научном и общественно-политическом лексиконе названия, неизменно включавшие слово «революция»: «вторая промышленная революция», «научно-техническая революция», «информационная революция». Подстегиваемая этими переменами глобализация, в свою очередь, способствовала их распространению на весь мир. Явно наметился переход к новому типу социально-экономического развития. Центр тяжести общественного производства стал быстро перемещаться с материальных факторов на духовные — знание, информацию, творчество. Ученые и публицисты заговорили об «экономике знания» или «умной экономике». Все более очевидно, что доминирующую роль в общественном производстве начинает играть всеобщий труд, т. е. наука, сублимированный в ней интеллектуальный потенциал общества.

Теоретическим слепком этих перемен во второй половине прошлого столетия стали концепции «постиндустриального», «информационного», «постсовременного» общества. Поначалу казалось, что в обозримой перспективе «новый тип общества» утвердится, по крайней мере, в экономически продвинутых странах. Однако вскоре обнаружилось, что в нескончаемом потоке перемен сохраняются и прежние уклады производства и социальных взаимоотношений. И не только на мировой периферии, но и в развитых странах, где они сочетаются с архаичными формами общественного бытия и сознания, подпитываемыми расширением каналов трудно контролируемой глобальной миграции. Поэтому перемены свидетельствуют не столько о «новом обществе», сколько о становлении качественно нового *инновационного типа развития (ИТР)*, базирующегося на творческой энергетике общества, высоких технологиях и отличающегося динамизмом и способностью адаптироваться к быстрым переменам. В результате изменяется характер социально-экономического и социокультурного развития общества. Решающим фактором становится творческий потенциал индивида (*человеческий капитал*), включенный в основанную на доверии и солидарности кооперацию общественной деятельности (*социальный капитал*).

С переходом к ИТР человечество выходит на такой рубеж, когда социум нуждается в кардинальных *социальных инновациях*, призванных соединить принципы и практики управления общественными процессами с механизмами самоуправления и саморегулирования, спонтанно вырастающими из этих процессов. На передний план социально-экономического развития выходит развитие человека как «общественного индивида». Под давлением этой потребности происходит гигантское разрастание социальной сферы (системы институтов и практик, осуществляющих функции образования, здравоохранения, социального обеспечения, обустройства среды обитания, финансирования и организации прикладных и фундаментальных научных исследований).

Развитие столь обширной сферы, предназначенной для раскрытия и активизации творческих сил и способностей человека, требует масштабного накопления социального капитала — богатства общественных отношений кооперации, солидарности, взаимного доверия, базирующихся на взаимосвязях и взаимодействии индивидов в социуме, на «комбинации общественной деятельности». Это смыслообразующее начало тех ценностей и целей, которые выходят за узкий горизонт эгоистических мотивов потребительского индивидуализма. Нарращивание социального капитала создает благоприятную общественную среду для ИТР, формирует инновационную культуру.

В своей совокупности человеческий капитал и социальный капитал и образуют основной ресурсный источник инновационного развития.

Страны, которые встали на этот путь, задают тон в мировом экономическом гандикапе и получают колоссальное превосходство над странами, застрявшими в русле инерционного развития. Несомненно, ИТР отвечает национальным интересам России. Во-первых, переживаемая российским обществом фундаментальная трансформация сама представляет собой масштабную социальную инновацию, неосуществимую в инерционных рамках; решение постоянно возникающих проблем, противоречий и кризисов требует неординарных подходов. Во-вторых, инновационное развитие приобщает Россию к центру и нерву глобальной экономики, а значит, к рычагам и механизмам глобального мироустройства. В условиях глобализации это объективно обусловленная двуединая задача России, без решения которой она вряд ли сможет сохраниться как единое суверенное государство.

Потребность в ИТР все более остро осознается политической и интеллектуальной элитой российского общества.

Одной из причин краха советской системы была неспособность адекватно отреагировать на инновационный вызов. Смысл советской перестройки 2-й половины 1980-х гг. заключался в том, чтобы ответить на этот вызов. Однако либеральные реформы 1990-х гг. поставили общество на грань распада. В повестку дня выдвинулся вопрос о том, как избежать падения в пучину полного хаоса и неуправляемости. Но именно в поисках выхода из системного кризиса зарождалось и крепло понимание той истины, что для России он недостижим простой заменой одной формы индустриального развития (государственного социализма) другой формой (рыночно-капиталистической). Для выхода экономики на более высокий (постиндустриальный) технологический уровень требовалась смена самого типа развития.

Со 2-й половины 1990-х гг. идея ИТР получает все более широкое распространение. На эту тему проводятся семинары и круглые столы, в регионах и на предприятиях разрабатываются соответствующие стратегические планы. В 1999 г. в Ульяновске и Москве была принята «Национальная хартия инновационной культуры», подписанная представителями науки, культуры, образования, бизнеса, органов управления. В ней говорилось о решающей роли культурной среды в формировании позитивного отношения людей к инновациям в производстве и условиях труда, об улучшении среды обитания, общественной жизни. В 2001 г. по этой тематике в Москве под эгидой ЮНЕСКО прошел международный форум, лейтмотивом которого стала мысль о том, что инновационная культура является стратегическим ресурсом XXI столетия. В том же году при Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО был образован Комитет по инновационной культуре, задача которого — налаживание партнерских связей с ЮНЕСКО по разработке этой проблематики.

Концепция инновационного развития вышла и на государственный уровень. В развитие утвержденных в 2003 г. «Основ политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» в феврале 2004 г. был принят правительственный документ «Основные направления политики Российской Федерации в области развития национальной инновационной системы на период до 2010 года». Инновационная политика в этом документе ориентирована на формирование экономики, основанной на новых знаниях и перспективных технологиях. Эти установки были положены в основу концепции и перспективных планов социально-экономического развития России до 2020 г. По инновационной тематике опубликован большой объем литературы и научно-практических разработок.

Однако заметных подвижек не произошло, в том числе в «тучные годы» «энергетического бума», когда, казалось бы, возникла благоприятная обстановка для структурной перестройки экономики.

Мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г., наглядно вскрыл слабости и пороки российской общественно-политической системы, блокировавшие широкообсуждаемые технологические нововведения. Власти не удалось мобилизовать национальную энергию для решения назревших задач ИТР. Не этим ли вызвана смена терминологии в официальных документах? Вместо «инновационного развития» все чаще стало употребляться широкое и неопределенное понятие «модернизация». Это слово прочно вошло в лексикон политических выступлений, не сходит со страниц газет и журналов, с экранов телевизоров. Однако обозначаемое им понятие далеко не однозначно и употребляется в разных смыслах. Для одних «модернизация» — это просто «обновление». Для других — становление высокотехнологичного производства. Третьи усматривают в ней переход к «модерну», к современному обществу по образцу индустриально развитых западных демократий. Невольно закрадывается сомнение: не скрывается ли за этой размытостью словоупотребления желание уйти от острой проблемы назревших и перезревших качественных перемен в российском социуме?

Сомнение только увеличивается, когда в дискуссиях смазывается вопрос о соотношении технологического и социального содержания модернизации, экономики и политики в самом подходе к ней. Наблюдается стремление свести модернизацию к технологическим изменениям, замкнуть ее в экономике, не допустить, чтобы она существенно затронула политическую систему, режим власти, основанный на жесткой вертикали и не опирающийся на горизонтальные пласты гражданского общества.

Президентская комиссия по модернизации с подачи самого президента наметила приоритетные направления инноваций: телекоммуникации, суперкомпьютеры, энергетика, космос, медицина. Технологические прорывы по всем этим направлениям действительно необходимы для инновационного развития российской экономики. Но как их осуществить в общественной среде, зараженной тяжелыми социальными болезнями, сопутствующими авторитарным методам правления и росту социального неравенства? Уже первая попытка создания на территории Сколково российской Силиконовой долины, генерирующей прорывные инновационные идеи, показала неразрывную связь технологических новаций с социальными. Сразу же обнаружилось, что для функционирования «креативного очага» высоких

технологий нужно либо изменять федеральное законодательство (налоговое, таможенное, градостроительное, регистрационное), либо устанавливать на этой территории особый правовой режим (своего рода «инновационный оазис» в национальной экономике).

Пример «Сколкова» показателен. Он свидетельствует о несоответствии нашего правового и политического порядка целям инновационной технологической модернизации. Этот пример наглядно демонстрирует, что крупные технологические инновации должны сопровождаться серьезными демократическими реформами всего общественно-политического устройства.

Между тем в общественное сознание, в том числе теоретическое, сегодня настойчиво внедряется постулат, будто бы в российских условиях технологическую модернизацию экономики может осуществить только авторитарная власть, а уж в процессе экономических преобразований эта власть сама собой демократизируется.

По сути дела, предлагаемая «технократическая идиллия» строится на методологической основе догматических представлений о базисе и надстройке. Столь жесткое разделение общественной жизни на «этажи» принципиально неверно, потому что не учитывает органического взаимодействия экономики и политики, благодаря которому экономические потребности осознаются и реализуются в политической форме и политическими средствами. Тем более в эпохи больших сдвигов, когда происходит «инверсия» экономических и политических факторов, и «технологические модернизации» просто невозможны без соответствующих социально-политических трансформаций.

Нынешние условия явно неблагоприятны для перехода России к ИТР. Инновационное обновление экономики наталкивается на препятствия, порождаемые консерватизмом и застойностью социально-политических порядков, дефицитом политической воли, направленной на проведение крупных инноваций именно в этой сфере. Внедрение высоких технологий затруднено деиндустриализацией страны вследствие радикально-либеральных «экспериментов» 1990-х гг. Урон, понесенный наукой, особенно фундаментальной, лишает перспективы многие стратегические направления инновационного развития.

Слабость гражданского общества мешает разворачиванию творческой энергии общественной самодеятельности, крайне необходимой для достижения великой цели «инновационного прорыва». Ни в элите, ни в самом обществе нет таких креативных сил, которые жизненно заинтересованы в крупных инновациях и способны стать социальной

базой и действенным субъектом ИТР. Напротив, в государственной политике тон задают консервативные силы, заинтересованные в неизблемости социально-политического статус-кво, а значит и в сохранении инерционного типа развития, ориентированного на «рентную экономику». Низкий уровень инновационной культуры и истощение социального капитала препятствуют созданию в России национальной инновационной системы — совокупности институтов, отношений, социальных практик, образующих каркас ИТР и закрепляющих достигнутые на этом пути результаты. Контуры такой системы только еще вырисовываются. Становится все более очевидным, что ее формирование потребует демократической трансформации российской политической системы.

Налицо парадоксальная ситуация: общество столкнулось с императивом «креативной модернизации», не решив задач модернизации более низкого порядка, назовем ее «первичной», призванной освободить социум от традиционалистских и тоталитарных наслоений, очистить от деформаций «дикого капитализма», провести реиндустриализацию страны. Два вида модернизации — «первичная» и «креативная» — неразделимы во времени, хотя первая логически предшествует последней и является ее необходимой предпосылкой. Этот «парадокс» российской модернизации неординарен, и выход из него требует неординарного подхода: не формально-логической очередности стадий модернизационного процесса, а их своеобразной «инверсии», способной адаптировать инновационную политику к зигзагам противоречивого развития общества. Первостепенное значение для такого подхода приобретают воля и профессионализм правящей элиты и ее лидеров в выборе направлений и приоритетов модернизации, способствующих переходу к ИТР.

Дает ли нынешняя политическая система с ее авторитарными плюсами возможности для того, чтобы правящая элита осознала свою историческую ответственность и открыла путь к ИТР? На первый взгляд ответ очевиден. С общетеоретической точки зрения авторитарные методы вроде бы несовместимы с природой креативной экономики; инновационное развитие, вообще творчество нуждаются в свободной атмосфере, т. е. в демократии. Именно таким доводом оперируют сторонники внесистемной оппозиции, утверждая, что сначала Россия должна освободиться от авторитарного режима, а уж потом решать задачи модернизации и ИТР.

Но так можно ждать до греческих календ, потому что нынешняя система власти имеет довольно прочную корневую основу в обществе. Радикальный либерализм 90-х гг. прошлого века, выпустив

из бутылки джинна «необузданного эгоизма», породил не только «великое разочарование» в идеалах демократии и социализма, но и «великое искушение» потребительского благосостояния и достатка. Пройдя сквозь тяжелейшие испытания XX в., российский народ в своем большинстве так и не обрел сколько-нибудь достойного уровня жизни. И это в богатейшей стране, не обделенной талантливыми и трудолюбивыми людьми. На этом фоне щедрые радикально-либеральные посулы всеобщего рыночного благоденствия пробудили в психологии людей конформистские инстинкты.

Можно сколь угодно аргументированно теоретизировать относительно ущербности модели «индустриально-потребительского общества». Но это не заденет сознания населения страны, веками страдавшего от недопотребления. А если проводимый властью курс сопровождается хотя бы малой толикой даров от нефтегазовых сверхприбылей (львиная доля обеспечивает покой и благоденствие государственно-олигархической элиты), то вряд ли можно сомневаться, каким будет политический выбор большинства, не обладающего иммунитетом против вируса чистогана и всеобщей коммерциализации. Это благоприятствует росту консервативных настроений. По данным опросов значительные слои населения недовольны проводимой социальной политикой, но эффект нарастающего раздражения минимизируется этой основой. По-видимому, преодолеть это противоречие в сознании и поведении народного большинства возможно лишь на основе накопления им собственного социально-политического опыта. Для этого нужно время, и России, скорее всего, предстоит пережить более или менее длительный исторический зигзаг.

А пока для смены существующей политической системы нет сколько-нибудь значимых социально-политических ресурсов. Отсутствует альтернатива. Вернее, она неопределенна, носит «веерный» характер, не воспринимается обществом как реальная программа, подкрепленная необходимыми средствами осуществления. В такой ситуации радикальные призывы и действия не получают массовой поддержки, отторгаются обществом. Не в силу каких-то национально-исторических особенностей «российского менталитета», а в силу основанного на недавнем опыте предчувствия «большой катастрофы» и больших рисков срыва в бездну неуправляемости и распада. В то же время общество все острее ощущает, что потребность в переменах не исчезает, она постоянно дает о себе знать. От нее исходят новые и новые импульсы. Эта «жажда перемен» достаточно ясно отразилась в зеркале экономического кризиса и его последствий.

Аргументация внесистемной оппозиции, которая хочет смены политической системы, не срабатывает и не воспринимается обществом, потому что несет на себе печать доктринерского видения реальных противоречий российской трансформации. По многим причинам путь России к демократии долог и тернист. На нынешнем этапе для российского общества характерно противоречие между потребностью в «инновационной модернизации» и преобладающими трендами социально-политического развития. Рост избыточного социального неравенства и «сословное» расслоение общества ведут к усилению авторитарных тенденций и дегуманизации общественных отношений. Но это не застывшее, а живое противоречие, которое создает двустороннее давление. Не только авторитарный режим блокирует переход к ИТР, но и потребности в модернизации бросают вызовы этому режиму.

Модернизация стучится во все двери. От ее креативного содержания — перехода к ИТР — зависят как исход масштабной трансформации страны, так и положение России в глобализирующемся мире. И вместе с тем социальная практика со всей очевидностью показывает, что попытки прорыва в этом направлении наталкиваются на инерционность и тормозные механизмы сложившейся в России политической системы. Возникает необходимость в понимании собственно российского «коридора возможностей» для модернизации инновационного типа.

Нынешняя политическая система возникла в России не на пустом месте. Вслед за крушением во 2-й половине 1980-х — начале 1990-х гг. жестко авторитарной системы, унаследованной от сталинских времен, наступил период резкого ослабления государственности и необузданного разгула вседозволенности. Возникло состояние, близкое к полной потере управляемости. Нельзя было выйти из этого состояния без известного ограничения демократических свобод и укрепления государственных рычагов контроля и управления. Из потребности обуздания хаоса вырос режим «мягкого авторитаризма», который получил поддержку большинства общества, уставшего от свалившихся на него невзгод и лишений. При слабости гражданского общества и не устоявшихся отношениях собственности этот процесс сопровождался бюрократизацией государственных структур, их клановой и групповой «приватизацией», ростом чиновничьего произвола и коррупции. Режим развивался по линии усиления авторитарных тенденций. Это не значит, однако, что он превратился в некий монолит. Экономические и социальные потребности создают определенные возможности для постепенной демократической эволюции «мягкого авторитаризма».

Кризис и его последствия высветили эти возможности. Власть поставлена в такое положение, при котором она не может управлять по-старому. Когда-то Ленин писал о революционной ситуации, в которой верхи не могут, а низы не хотят жить по-прежнему, и это служило объективным показателем зрелости революции. Сейчас в России сложилась своего рода *«реформационная ситуация»*, когда объективно назрела и перезрела модернизация всей общественной системы. Ее альтернатива — общественная деградация, уже захватывающая целые регионы страны и сферы социума, о чем свидетельствуют масштабы коррупции и преступности, наркомании и алкоголизма, падение трудовой этики, рост жестокости и отчуждения, депопуляция обширных территорий. Власть бессильна остановить и даже сдержать эти губительные процессы.

«Реформационная ситуация» все сильнее побуждает правящую элиту думать об изменении способов правления. Экономический кризис стал для нее тревожным звонком. Успешный выход из кризиса требует гибких творческих решений, подрывающих жесткость административной вертикали; требует гражданской инициативы и массового энтузиазма, что противоречит авторитарным методам правления. Механизмы ручного управления все чаще дают сбой, порождая у правящей верхушки неуверенность в своей способности справиться с последствиями кризиса. Все ее поведение представляет собой смесь растерянности, робкого поиска иных подходов и страха за свое будущее. Она вынуждена прибегать к маневрам, делать противоречивые заявления, советоваться с «аутсайдерами», невольно расширяя круг участников политического процесса, допуская в него умеренных оппонентов власти.

Авторитарный режим под давлением невозможности справляться с лавиной вызовов и угроз автократическими методами начинает проявлять некоторую гибкость. В нем образуются трещины, расширяющие публичную сферу, *арену общественной рефлексии* вокруг проблем развития российского социума. Эти пока еще слабо наметившиеся тенденции сулят некоторую надежду, можно сказать, содержат намек на постепенную демократическую эволюцию политической системы, поэтапную консолидацию в ее рамках конструктивных течений *политической оппозиции* и появление новых демократических альтернатив, способных изменить авторитарный вектор государственной политики.

В общественно-политическую жизнь вносится фермент, способный стать катализатором создания в стране *конкурентной среды*, необходимой для поиска адекватных ответов на современные вызовы,

утверждения инновационного типа социально-экономического развития и формирования устойчивой демократии — внутренних источников саморазвития и самообновления общества.

В этом намечающемся процессе экономика и политика тесно переплетаются и взаимодействуют. По мере осознания правящей элитой императивной необходимости кардинального обновления экономики иницилируемые сверху задачи технологической модернизации, независимо от намерений власти, приобретают политический смысл. Наталкиваясь на барьеры политической системы, решение этих задач стимулирует ее демократизацию и тем самым расширяет возможности модернизации общества в целом.

По всей вероятности, демократическая эволюция политической системы в России будет противоречивой и долгой. Это значит, что при нынешних темпах развития и глобализации мира решение узловых проблем перехода страны к ИТР не могут откладываться до завершающих этапов процесса демократизации. Усилия по использованию имеющихся и созданию новых возможностей для постоянного продвижения к намеченной цели, должны предприниматься здесь и сейчас. Иначе Россия неминуемо скатится на периферию формирующегося глобального мира.

Инновационное развитие и демократия*

В основу Стратегии развития России до 2020 г. положена концепция инновационного развития. Это предполагает прежде всего соответствующий уровень развития человека, его творческих сил. Речь идет о формировании человеческого капитала, т. е. знаний, навыков и опыта, необходимых для участия возможно большего числа граждан в инновационных процессах, а также о том, что принято называть социальным капиталом, т. е. взаимосвязями между индивидами и группами индивидов, основанными на ценностях доверия, сотрудничества, ответственности, солидарности и т. п. Оба фактора, в свою очередь, зависят от состояния политической системы общества.

Что необходимо, чтобы все это «заработало»? Какие механизмы могли бы подтолкнуть к действию наше еще довольно инертное общество, наш бизнес, трудовые коллективы? Что могло бы придать но-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта № 10-03-00109а «Экономический кризис и социально-политические аспекты инновационного развития России».

вые импульсы развитию личности, творческих сил человека, создать общественные условия, адекватные требованиям инновационного развития? В фокусе размышлений об этом неизбежно оказывается *проблема демократии*. Нужна ли демократия для инновационного развития, и если да, то в какой мере, в каких формах?

Мнения на этот счет существуют разные. Есть точка зрения, что не нужна. Ссылаются на примеры стран, где модернизация стартовала при военных диктатурах или, во всяком случае, при достаточно жестких, недемократических режимах. Логика такая: прежде всего нужен порядок, нужна власть, способная навязать обществу инновационную модернизацию, а демократия и прочие блага современной цивилизации придут потом...

Но можно ли считать «тигров» и «драконов» Юго-Восточной Азии примером инновационного развития в точном смысле? Вряд ли то была индустриальная модернизация, основанная на заимствовании западных технологий и модели развития. Но Россия уже прошла в свое время через индустриализацию по-сталински... А теперь стоит перед вызовами постиндустриализма. Она нуждается не только в восстановлении и модернизации промышленности, но и в переходе к развитию инновационного типа (понимая под этим постоянный процесс производства, распространения и применения новых знаний, новых технологий). А это предполагает соответствующий уровень развития человека, его творческих сил, предполагает условия для гражданской, политической активности, для участия в публичной политике, а значит, и простор для гражданского общества, открытость власти, демократическое взаимодействие общества и власти.

Есть и другая сторона проблемы. Кем и чем должны определяться направленность и формы социально-экономического развития, распределение ресурсов? Рынками? Корпоративной и государственной бюрократией? Тем «новым гегемоном», о котором однажды говорил Сурков, имея в виду средний класс, которому будто бы принадлежит сегодня политическая власть? Правящей партией, отождествляющей себя с государством? Думой, которая «не для дискуссий»? Но тогда неизбежны изъяны и перекосы в развитии, которые характеризуют современную Россию.

Ситуация в России с этой точки зрения противоречива. В предшествующий период на первый план вышла объективная необходимость восстановления и укрепления российской государственности, централизации власти. Восстановление государственности стало главной задачей президентства Путина. Выстраивая вертикаль власти, Путин развил главное, что унаследовал от Ельцина, — институт супер-

президентства, причем провел эту линию, опираясь прежде всего на спецслужбы и другие силовые структуры. Эта линия, проводимая под флагом наведения порядка, получила поддержку большинства граждан и тем самым легитимацию.

Объективная необходимость восстановления и укрепления российской государственности реализовалась в нелиберальной, авторитарной по своей сути политической системе. Сначала она получила название «управляемой демократии». Затем, ввиду двусмысленности этого понятия, ему предпочли понятие «суверенной демократии». С одной стороны, оно направлено против заявленной прежними администрациями США политики «распространения демократии в мире» и навязывания другим, в том числе России, западного образца либеральной демократии. С другой, за этим скрывается также претензия на *суверенитет власти*, на ее право определять направление развития общества и границы демократии, исходя прежде всего из корпоративных интересов самих властных верхов.

Политическая система «нелиберальной демократии» в конечном счете неэффективна. Страна получила торможение процесса модернизации, «рост без развития». Осознание этого привело к постановке в повестку дня проблемы инновационного развития (хотя о необходимости этого говорилось уже давно). Эмпирические исследования указывают на *позитивную корреляцию* общественного развития и демократии. Это менее очевидно в отношении собственно экономического развития, но есть основания утверждать, что в условиях дефицита демократии ее расширение способствует экономическому росту. Тем более это верно, по-видимому, когда речь идет об инновационном развитии.

Более определенно о позитивной корреляции демократии и развития говорят исторические факты. История промышленного капитализма на Западе свидетельствует: распространение и законодательное закрепление профсоюзных прав и свобод (а это один из важнейших критериев демократии) способствовало переходу от экстенсивных к интенсивным методам промышленного производства, подталкивало к созданию и применению новой техники.

Но это прошлое. Было бы неверно механически переносить особенности эпохи промышленного капитализма на современность. Сейчас речь идет о формировании постиндустриального общества. Роль демократических прав и свобод в стимулировании инновационного развития особенно значима, она приобретает новые измерения, отражающие требования новой эпохи.

Впрочем, проблема взаимосвязи демократии и эффективности весьма непроста. Демократии присущи свои противоречия и огра-

ничения. Нет и не может быть абсолютной, неограниченной демократии. Демократические процедуры замедляют процесс принятия решений, но позволяют повышать их качество. Хотя при этом могут приниматься и не самые оптимальные решения, выгодные тем или иным «группам давления»...

России в этом отношении присущи свои существенные особенности. Демократия предполагает ситуацию неопределенности политического выбора. Неопределенность заложена в конкуренции политических сил и политических проектов, в периодической смене власти. Политические системы Запада в принципе приемлют такую неопределенность, поскольку там она, как правило, не угрожает целостности обществ, скрепляемой исторически сложившимся устойчивым конституционным порядком.

Ситуация в России гораздо сложнее. Россия — огромная, рекордно протяженная по территории и крайне сложная и в этническом, и в других отношениях страна. Центробежные тенденции здесь сильнее, а центростремительные — слабее. Здесь не выработалось срединной политической культуры, как в Западной Европе, велика вероятность политической поляризации и раскола общества.

Отсюда — *дилемма политического развития России* на современном этапе. С одной стороны, существует потребность в необходимом минимуме реальной демократии, т. е. в условиях для свободного развития личности, гражданского общества, политического участия, в соблюдении принципа разделения властей, независимом суде, независимых и ответственных СМИ, устранении административного произвола, засилья бюрократии, поскольку это препятствует развитию человеческого потенциала для инновационного развития.

С другой стороны, наличествует императив сохранения целостности страны, политической стабильности, что побуждает к централизаторским усилиям с опорой на силовые структуры и порождает крайнюю настороженность властей в отношении неподконтрольной демократической самоорганизации и самодеятельности, реальной оппозиции. Эта настороженность усилилась в связи с так называемыми цветными революциями в сопредельных государствах на постсоветском пространстве.

Кроме того, нельзя не учитывать такого фактора, как вызов глобализации. Глобализация обостряет международную конкуренцию и тем самым порождает запрос на сильное государство, способное минимизировать ее издержки и максимизировать приносимые ею выгоды. Но насколько сильное государство совместимо с развитием демократии? Не противоречит ли одно другому? Не означает ли раз-

витие демократии ослабления государства и тем самым подрыв «порядка»?

Здесь находятся корни установки на выстраивание вертикали власти в путинский период. К тому же сырьевое богатство страны стало благодатной почвой для укрепления позиций бюрократической верхушки, тесно связанной с сырьевым сектором в экономике. В то же время необходимость структурной перестройки и повышения конкурентоспособности российской экономики в условиях ее все более глубокой интеграции в мировую порождает объективную потребность в более открытой и демократичной политической системе.

Но непримиримого противоречия тут нет. Демократическое государство сильно поддержкой своих граждан, легитимностью выборных органов власти. Демократическое государство может быть сильным. Тогда как государство, «сила» которого сводится к сверхцентрализации, всесилию чиновничьей бюрократии, сплошь и рядом оказывается на поверку слабым, неспособным обеспечить правовой порядок и решение проблем развития.

В политике власти на современном этапе российской реформации присутствует определенная *двойственность*. Это очевидным образом проявилось, например, на X съезде партии «Единая Россия» (ноябрь 2008 г.). Наблюдатели отметили тогда явный контраст между лексикой Грызлова, который ни слова не сказал о демократии, личности, свободе (как, впрочем, и Путин в своем докладе), и новоизбранного президента Медведева, который в приветствии съезду напомнил о своих десяти политических инициативах, направленных «на развитие демократии и повышение качества представительства в органах власти, на рост числа участников политического процесса и развитие политической конкуренции, на усиление роли и влияния различных социальных групп — как можно большего числа граждан — в политической жизни страны, на расширение их прямого участия в формировании органов власти и в контроле над деятельностью органов власти»¹.

Это, несомненно, важные слова в контексте современных российских реалий. Но что за ними стоит? Их можно было бы понять как признание неадекватности сложившейся политической системы вызовам времени. Ведь факт, что за пять лет (2004–2008) из страны уехали 440 тыс. человек, из них около 40 % — высококвалифицированные специалисты. И один из главных мотивов отъезда — отсут-

¹ X съезд партии «Единая Россия». 20 ноября 2008 г. URL: <http://news.kremlin.ru/news/2134>.

стве социальных и правовых гарантий, неуверенность в будущем. Обещанная адаптация государственных и политических институтов к современной ситуации, к вызовам, с которыми сталкивается страна, свелась к отдельным «поправочкам», которые мало что меняют (если не считать увеличения легислатуры президента и Госдумы, что не укрепляет, а ослабляет принцип выборности высших органов власти).

Препятствием для перехода к развитию инновационного типа остается зависимость российской экономики от экспорта энергоресурсов. Это не только делает ее крайне уязвимой к потрясениям на мировых рынках, но и сковывает экономические возможности общества в долгосрочном плане. Подрывается мотивация инвестиций в развитие человека (образование, здравоохранение), тормозится рост реальных доходов, возрастает социальная напряженность. Однобокая экономическая структура не позволяет в полной мере реализоваться личностному потенциалу большинства граждан.

Вместо того чтобы сосредоточиться на решении этой главной проблемы, власти избрали более простой путь — декретируют амбициозные инновационные проекты типа «Сколково». На строительство этого инновационного «оазиса», этого инкубатора элитной «техноструктуры» выделяются огромные бюджетные средства. Предусмотрено также создание там особого правового режима, хотя тем самым нарушается конституционный принцип равенства граждан перед законом.

Особый правовой статус «Сколково» — это фактически признание того, что существующий в стране политико-правовой порядок не соответствует задачам инновационного развития. Можно создать привлекательную инновационную «витрину» в отдельном, построенном «с чистого листа» городе, но изменит ли это общую ситуацию в стране? Заниматься устранением экономических и правовых барьеров, стоящих на пути инновационного развития, — это сложно, да к тому же тут неизбежно столкновение с мощными частными интересами. А для «Сколково» можно внести особые положения в Налоговый кодекс, в законы о местном самоуправлении и региональной власти, в Градостроительный и Земельный кодексы, в законы о техническом регулировании, о таможенном тарифе и др.

Многие ученые, экономисты, простые граждане скептически восприняли этот проект, утвержденный, как водится, без парламентского или общественного обсуждения. Существует понимание того, что решение проблем перехода к инновационному развитию требует, прежде всего, структурной перестройки экономики. Страна нуждается в реиндустриализации, в восстановлении и модернизации основ-

ных отраслей обрабатывающей промышленности — потенциальных потребителей инновационных технологий. Попытка искусственно навязать инновационный процесс сверху, в отсутствие восприимчивой к инновациям социально-экономической среды, вряд может быть продуктивной.

В конечном счете все упирается в политическую систему. Административный произвол в повседневной жизни, судебной практике, действиях правоохранительных органов на местах никак не способствует подъему инновационного предпринимательства. Процессы модернизации блокируются самой политической системой, режимом власти. Институты власти подавляют механизмы, которые должны и могли бы инициировать появление более сложных форм социальной организации, формирование так называемого креативного класса.

На протяжении многих лет говорится о необходимости поддержки малого и среднего бизнеса. Но предлагаемые в этом направлении меры встречают сопротивление на местах. Многие предприниматели становятся жертвой несправедливых преследований со стороны правоохранительных органов. Тысячи инициативных, талантливых людей находятся в заключении по экономическим статьям Уголовного кодекса. Распространены заказные уголовные дела. Предприниматели испытывают страх за свою собственность, жизнь и свободу¹.

Научная общественность обеспокоена скандальными фактами необоснованных преследований ученых. Широко известны случаи, когда ученых осуждали на длительные сроки заключения по сфабрикованным обвинениям в «государственной измене», «разглашении государственной тайны», «экспорте технологий двойного подчинения», а фактически за общение с иностранцами. Эта практика, отмечает «Общественный комитет защиты ученых» в своем обращении к властям, никак не согласуется с призывами к ученым, уехавшим на Запад, возвращаться в Россию и вообще с попытками остановить деградацию науки в России².

Согласно данным мониторинга, проводимого Фондом защиты гласности, в России все более ущемляется свобода прессы. Расширяется арсенал средств воздействия на массмедиа. Против журналистов обращают законодательство об экстремистской деятельности. На независимые издания оказывают давление региональные управления по делам печати и средств массовых коммуникаций. Нередки,

¹ См.: Обращение к депутатам Государственной думы. 25.01.2010. URL: www.vedomosti.ru/golos/.

² Новая газета. 2010. 26 апр.

особенно во время выборов, отказы в печатании или распространении СМИ, изъятия, скупка, арест тиража и т. п. По оценке экспертов, в большинстве субъектов Российской Федерации пресса *несвободна* (22) или *относительно несвободна* (44)¹. Не потому ли гласность объявлена «плохим словом»?

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации говорится о создании условий для реализации творческого потенциала личности и повышения качества человеческого капитала. Принципиальный вопрос заключается в следующем: будут ли сделаны необходимые в этой связи политические выводы? Есть ли политическая воля для этого? Какие механизмы могут и должны быть задействованы, чтобы декларации не остались декларациями? Как мотивировать людей на инновационное развитие?

Формирование человеческого потенциала нации во многом определяется политикой государства, оно может способствовать этому, создавать более благоприятную среду и условия, но может вольно или невольно этому препятствовать (вследствие бюрократизации управления, отрыва власти от народа, административного произвола, коррумпированности государственного аппарата и т. п.). В этом смысле развитие демократии — один из важнейших факторов, от которых зависит умножение человеческого потенциала инновационно-го развития.

В конечном счете речь идет о расширении возможностей развития человека. Это *политическая* задача, которая включает такие аспекты, как создание условий для свободного развития личности, гражданского общества, для участия в политической жизни, устранение препятствий, тормозящих развитие сил человека, его креативной активности. Ключевое значение имеют создание институциональной системы, способной направлять рыночные силы таким образом, чтобы они служили целям общества, — новое качество образования, здравоохранения, повышение роли науки, снижение чрезмерного социального неравенства, преодоление бедности, борьба с засильем бюрократии и коррупцией.

Для нормального развития общества, а тем более для перехода к инновационному развитию необходим известный минимум *реальной* демократии, что подразумевает соблюдение принципа разделения властей, полноценный, отвечающий своему назначению парламент, подотчетность власти, независимый суд, реальную конкуренцию политических партий и проектов, независимые и ответственные СМИ.

¹ Новая газета. 2010. 30 апр.

В сложившейся политической системе этого либо нет, либо возможности для этого крайне ограничены. Ее «фирменным знаком» стал принцип *безальтернативности*.

Большинство граждан России придерживаются мнения, что страна нуждается в демократии. Согласно опросам Левада-центра, так считают 55 % респондентов. При этом, правда, 27 % заявляют, что демократия в России не нужна, но это можно рассматривать как прямой результат разочарования значительной части граждан в либеральных реформах, а также предубеждения в отношении западной модели демократии (на вопрос «какая демократия нужна России» 48 % ответили, что это должна быть демократия, соответствующая национальным традициям и специфике России).

Отсутствие реальной демократии и зажатость гражданского общества крайне затрудняют и делают проблематичным формирование человеческого потенциала, адекватного требованиям инновационного развития. Предпосылки для развития человека и его творческих сил нужно *создавать*. Решающую роль здесь призвана играть политика. От качества политики зависит создание более благоприятной для формирования человеческого и социального капитала институциональной и социокультурной среды.

Ответить на вызовы времени невозможно, не развивая реальную демократию и гражданскую активность людей. Для решения стоящих перед страной масштабных задач необходимо преодоление отчужденности между обществом и властью. В этом видится основная проблема России на современном этапе.

Социальные и политические предпосылки инновационного типа развития: проблема демократического консенсуса

В XIX и XX столетиях тренды общественных перемен определялись движением к демократии. При этом общественная эволюция прошла два этапа: политической демократии и промышленной демократии. В своей первой фазе (согласно рассуждениям А. Турэна) демократия консолидирована, объективизирована и затрагивает интересы всех слоев населения, всех граждан страны. В своей второй фазе демократия дифференцирована, субъективирована и сконцентрирована на защите интересов рабочего класса.

Промышленная демократия сыграла чрезвычайно важную роль, устранив «провисание» между двумя векторами — общественно-

политическим и социально-экономическим. Отметим три наиболее важных аспекта:

преодоление отчуждения рабочего движения от публичной социально-экономической политики как отчуждения классового;

концептуализация трудового, социального конфликта, укоренение способов его регулирования в методах, сопоставимых с ценностной базой, правовыми механизмами капиталистического общества;

концептуализация и утверждение трипартизма. Трехстороннее регулирование социально-экономических отношений выполняет роль механизма социальной интеграции, переключения профсоюзов с позиций классовой борьбы на позитивную, адекватную гражданскому участию деятельность, осуществляемую в рамках закона.

Промышленная демократия в США начинается с трудового законодательства середины 1930-х гг., узаконившего профсоюзные и коллективно-договорные права рабочих. Известна директива Генри Форда (последнего из магнатов бизнеса, подчинившегося новым правилам лишь в начале 1940-х гг.): «Никто из лидеров профсоюза никогда не перешагнет порог дирекции автомобилестроительного комплекса». Однако перешагнули и продолжают перешагивать пороги, отделяющие руководителей от исполнителей. Тем самым преодолевается единственная, как утверждал Маркс, ролевая аттестация, доступная рабочему классу при капитализме — функция наемной рабочей силы. Последний тезис убедителен в тех аспектах, где раскрываются процессы, свойственные раннему индустриализму. В дальнейшем этот постулат не получает исторической санкции на достоверность.

Э. Тоффлер различает «три волны» индустриализма. «Первая волна», по его терминологии, идентична ранней фазе становления капитализма. Вторая обусловлена вторжением промышленной демократии в производственные структуры. «Третья волна» фиксирует импульсы постиндустриальной эпохи¹. Мысль Тоффлера заключается в том, что каждая новая волна вынуждает многих западных руководителей — политиков и промышленников — отказываться от лозунгов и идей, характерных для предшествующих этапов развития передовых в экономическом отношении стран. Так, по мере интеграции элементов узаконенной промышленной демократии в производственные структуры меняются позиции предпринимателей. На первых порах наиболее распространенной, обретающей интернациональный статус тактикой становится «нейтральное отношение» менеджмента к деятельности профсоюзов, стремящихся увеличить

¹ Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999.

численность и повысить активность своих организаций. Эти установки подкрепляются гарантиями занятости, сохранения условий трудовых контрактов для тех работников, кто состоит в профсоюзе или вступает в него. В дальнейшем, с усложнением трудовых режимов и внедрением высоких технологий, наряду с необходимостью повышать квалификацию работников всех рангов возрастает потребность в новой корпоративной этике.

Понятие корпоративности в экономической культуре означает, что корпорация действует как единый, слаженный организм. Эффективность производства обусловлена единением всех его составляющих, подчиняющихся одним принципам в определении экономической стратегии, трудовой политики, оценках рентабельности предприятия, а также каждого работника по квалификационным стандартам и шкале трудового усердия. Корпоративная стратегия — незыблемый авторитарный принцип любого производственного комплекса. Ее «треножник» не может быть поколеблен. В этом смысле тейлористско-фордистские модели, где единство обеспечивалось жесткой структуризацией всех трудовых элементов, давлением властных структур и бесправием рабочей массы, занимают почетное место первичных корпоративных конструкций эпохи «первой волны», и весьма продуктивных к тому же.

На переломе XIX и XX столетий в экономике, так же как и в политике, происходят сдвиги в приоритетах. Методам крупных промышленников с их всепроникающим жестким рационализмом и ментальностью диктаторов приходят на смену этические кодексы бизнеса, идентичные инновациям, сфокусированным на иных корпоративных принципах, определяющих пространство позиций.

Пространство позиций — ключевое понятие для социальной типологии, структурирующей социум по разным градациям. Помимо прочих значимых характеристик (возрастных, семейных, территориальных, профессиональных, политических, идеологических) позиции в социуме, претворяемые в поведенческие коды, в *нормы* социальных и трудовых контактов, устанавливаются в зависимости от конкретного определения сущностей политической и промышленной демократии. Демократический прессинг в промышленности приводит к освобождению от многих ограничений. Однотипные управленческие структуры, где сведены к единой парадигме приоритеты частной собственности с тотальными функциями менеджмента (при сопутствующем кардинальном разграничении полномочий руководителей всех рангов и обязанностей рядовых исполнителей), вытесняются многоуровневым комплексом отношений.

В первичной, упрощенной схеме организации трудовых процессов режим является додемократическим. В совокупности параметров, относящихся к инновационным позиционным структурам, выделяются тенденции продвижения к более сложным параметрам трудовых отношений. В этой перспективе доминируют более широкие, равноправные, взаимозащищенные и взаимообязывающие как работников, так и управленцев процедуры обсуждения насущных проблем. Режим можно признать демократическим при условии его надежной защищенности государственным законодательством, а также в зависимости от того, в какой мере на подобных процедурах, приравняемых к коллективным переговорам, учитываются требования сторон и главное — возможности претворения важнейших требований рабочих в производственную политику.

Освобождаясь от авторитарных моделей управления, деформирующих трудовой коллектив, экономика Запада перестраивается, демонстрирует новые типы организации трудовых отношений. Британский институт менеджмента, анализируя структуры управления в обрабатывающих отраслях экономики на исходе XX в., пришел к выводу, что гибкие структуры, сегментация менеджмента (с выделением «пилотных моделей» и самоуправляемых автономных бригад) гораздо мобильнее и эффективнее, нежели традиционные методы руководства. «Вторая волна» индустриализма — эра организационного, программного плюрализма и структурного авангардизма, где доминируют стандарты качества, некорпоративная этика. Последняя относится не только к качеству изделий и функциональной грамотности работников, но ко всему жизненному циклу организации. Инновациям в производственной сфере сопутствует новая философия управления.

Проблемы функционального структурирования и контроля рассматриваются только в условиях той реалистической ситуации, в которой находятся люди.

Оптимизация мотивации работников зависит от внутренней кооперации и взаимной ответственности в трудовом коллективе.

Удачи в бизнесе можно добиться, комбинируя системные, когнитивные, социально-психологические факторы. Успех возможен при соблюдении следующих условий: интеграция сетей доверия в трудовые отношения, понимание всеми сотрудниками социально-хозяйственных функций предприятия в сочетании с готовностью каждого члена трудового коллектива повышать уровень своей квалификации.

Позитивным, стимулирующим элементом в проведении структурных инноваций становится гибкая дифференциация управленческо-

го звена. Этические кодексы бизнеса модернизируют субординацию, поощряют инициативу, выдвижение автономных бригад, овладение работниками смежных профессий вплоть до делегирования рядовым производителям высочайших управленческих полномочий.

Трудовые контракты следует интерпретировать в соединении со структурой социально-нравственных ценностей.

Неокорпоративная этика, которой и поныне придерживаются ведущие фирмы мирового сообщества, адекватна лаконичной характеристике английского социолога Д. Томлинсона: «Производственная стратегия — это удерживание совместно управляющими и рабочими перпетуума воссоединений, сцеплений различных практик в рамках одного предприятия».

В процессах взаимного удерживания практик, составляющих трудовую деятельность, вырисовывается трипартистская дилемма, упраздняющая факторы, которые препятствует перпетууму воссоединений не только различных практик, но также различных функций и категорий работников властного и рядового контингента. В укреплении стратегии трипартизма свою позитивную роль сыграли профсоюзы, содействуя продвижению инноваций, которые повысили интенсивность наемного труда. Эти факты привлекли внимание общественности. В США, начиная с 1930-х гг., появляются серии работ, выполненных, главным образом, учеными Гарвардского университета, где экономическая роль профсоюзов подверглась тщательно исследованию. Полученные результаты контрастировали с укоренившимся среди значительной части американцев представлением о профсоюзах как экономически контрпродуктивной силе.

В поддержку тезиса о позитивном воздействии профсоюзов на эффективность производства были представлены следующие доводы:

1. «Союзные» фирмы отличаются меньшим уровнем текучести рабочей силы: здесь выше ставки заработной платы, действует система пенсионного страхования работников предприятий.

2. Вынуждая фирмы поддерживать принцип старшинства как фактора, регулирующего трудовые отношения, профсоюзы снижают чувство соперничества между рабочими, способствуя расширению неформального обучения, добровольной взаимопомощи.

3. Профсоюзы способны повысить мотивацию рабочих, обеспечивая им защиту от произвола со стороны администрации.

В своих трактовках юнионизма как феномена, продуктивного для экономики, гарвардцы исходили из самой природы профсоюзов как демократических институтов. Их роль не сводится к функциям контрагентов предпринимателей, монопольных распорядителей наемной

рабочей силы на рынке труда. Профсоюзы — коллективный голос рабочих, выразители их требований; коллективные переговоры — каналы взаимной коммуникации работодателей и трудящихся. В эпоху «второй волны» индустриализма феномен юнионизма интерпретируется не как внешняя, применительно к экономике, субстанция, но как внутренняя переменная, которая детерминирована теми же факторами, что и производственные реалии.

К выводам коллег из Гарварда присоединились аналитики Тавистокского института человеческих отношений (Великобритания). Юнионизм трактовался ими как феномен промышленной демократии — одного из сущностных концептуальных звеньев в становлении либерально-консенсусной парадигмы трудовых и общественных отношений. По мнению аналитиков из Тавистока, с укреплением связи экономики с демократическими институтами, социальной политикой, трансформацией системы управления открываются выходы к организационным модификациям, в строй вступают производства нового поколения, проекты нередко разрабатываются и обсуждаются предпринимателями совместно с профсоюзами и персоналом.

При этом имидж промышленной демократии не отчуждается, но совмещается с сугубо рациональной прагматикой, свойственной западному менталитету. Методологические установки, как считают М. Вебер, Т. Парсонс, извлекаются из теории сопоставления двух культур — индустриальной, рационально обоснованной, и традиционно-патриархальной, не способной реагировать ни интеллектуально, ни организационно на новые технологии, факторы и комбинации производства. В трактовках представителей разных западных школ и направлений неизменно подчеркивается инновационный характер современного предпринимательства. Ныне предприниматель выглядит не только активным участником производственных, рыночных отношений, он становится субъектом социальных реформ. С укоренением в производстве институтов промышленной демократии возникают новые предпринимательские обязанности: внедрение в производство институтов обучения, просвещения дополняется проведением социальной политики на предприятиях, где функционируют системы обязательного социального страхования, которые защищают работников от рисков травм и болезней.

На этом фоне зафиксированы характерные противоречия российского производства:

— патриархальный стиль работы, стремление при создании трудового коллектива оказывать предпочтение «своим людям», а не

специалистам, вопреки очевидной рациональной необходимости в квалифицированном труде;

— патернализм в политике оплаты труда. Хозяин дела — «благодетель», позволяющий работнику получать больше, чем в госструктурах, вопреки рационально обоснованной стратегии стимулирования индивидуальной активности, инициативы и стремления работника к обогащению интеллектуального потенциала, повышению своего профессионального статуса;

— потребность в создании особой, «семейной атмосферы» в трудовом коллективе вопреки рациональному осмыслению полезности подобных мероприятий, обычно противодействующих внедрению инноваций;

— информационная закрытость руководства для рядовых сотрудников, иерархичность доступа к нему вопреки заявлениям о демократических правах работников, единстве — в интересах дела — администрации и трудового коллектива.

Детали и подробности

В США демократизация общественного порядка происходила параллельно с реформированием экономики. Этот сценарий соединения политической и экономической модернизации отличается от российского сценария, где приход демократии в политике опережает производственную модернизацию и не оказывает на нее положительного воздействия. Представления о модернизации сводятся обычно к набору технических мероприятий, а в разработке экономической стратегии побеждает демагогическая составляющая. «Дискуссия о модернизации была и остается частью интеллектуального и политического пейзажа России», — подчеркивают сопредседатели общественного совета «За модернизацию.ru» В. Иноземцев, Б. Титов, Г. Явлинский. По их мнению, более четкими ориентирами модернизации являются:

1. Ясное самоопределение в глобальном политико-экономическом пространстве. Россия — страна европейской культуры. Модернизация должна сделать ее страной европейской экономики, политики и права.

2. Построение в стране справедливого капитализма, системы, в полной мере реализующей творческие и предпринимательские способности россиян, создающей равные возможности для всех. Только на этой основе можно создать конкурентную диверсифицированную экономику, где доля малого и среднего предпринимательства в валовой

вом продукте и занятости составит к 2025 г. не менее 40 и 50 % соответственно, а экономика будет переориентирована на производство востребованных обществом товаров и услуг с устойчиво сокращающейся долей сырьевого сектора.

3. «Новая индустриализация» страны, которая должна вывести ее в десятку крупнейших экспортеров промышленной продукции на основе беспрецедентного обновления основных фондов, оптимизации издержек и активного внедрения современных технологий в управление.

4. Практическое осуществление первостепенных требований и чаяний российского общества. Следует начать с одной из самых важных для граждан, но не решенной ни в досоветский, ни в советский, ни в постсоветский период проблемы — проблемы собственности на дом и землю. Массовое строительство индивидуального жилья должно стать локомотивом реформ, основой решения социальных проблем, и в то же время базисом для развития частной инициативы, ускоренного развития смежных отраслей и экономики в целом.

5. Отказ от двоемыслия и выдуманных идеологий. Нам не нужно государство, попирающее интересы граждан и цементирующее всевластие бюрократии. Идеологией модернизации должно стать превращение России в страну европейской социальной и политической культуры. Принципы приоритета права над политической целесообразностью, неприкосновенность частной собственности, гражданских прав и свобод и утверждение социальной справедливости должны стать своего рода компасом российской модернизации¹.

Россия, указывают аналитики, богата природными ресурсами и обладает значительным человеческим, интеллектуальным капиталом, который, однако, сокращается под давлением следующих обстоятельств:

- разведены, изолированы друг от друга демократические и социально-экономические параметры социума;
- исчерпаны источники посткризисного развития;
- механизмы запуска инновационного роста в России в значительной степени парализованы.

Решения о модернизации производства постоянно откладываются. Инвестиции осуществляются медленно (особенно в новое оборудование и профессиональное образование). Слабый спрос на инвестиции в знания и умения препятствует повышению эффективности экономики. Каким-то образом оценки производительности

¹ Modernizatsya.ru: компас для реформ // Ведомости. 2010. 8 февр.

труда утратили свою значимость первичных производственных показателей. К негативным факторам относится также неумение многих фирм работать с людьми, использовать их позитивные качества, мотивировать человеческий ресурс. Возможности для проявления личностного потенциала, которые уже существуют, как правило, игнорируются. Между тем в ходе трансформации, осуществляемой по демократическому сценарию, обновляются модели политической, гражданской, трудовой активности и субъектности. Модификации производственного процесса, в частности, отмечены его интенсивной субъективацией, раскрывающейся в поведении индивида и умении учитывать в производственной практике особенности его характера и темперамента.

Англичанин Р. Д. Льюис, всемирно известный специалист по типологии делового поведения, выделяет четыре ярко выраженные разновидности человеческой натуры, сложившиеся в ходе исторической эволюции: монокультурную, традиционную, реактивную и полифоническую¹.

Первый тип — экономический, он исповедует логику бизнеса, восприимчив к рациональной аргументации, законопослушен, дисциплинирован, действует строго по правилам, руководствуясь предписанными нормами и методикой деловой коммуникации. Поведение его осмысленно, целенаправленно и продиктовано стремлением добиться наиболее выгодных для своей фирмы и для себя лично условий при заключении сделки или контракта. Монокультурный психологический тип представлен англичанами, американцами, народами, населяющими Северную Европу. Из европейцев немцы считаются наиболее адекватным воплощением монокультурного типа. *Второй* тип — традиционный. К нему относятся прежде всего японцы, а также китайцы и финны. Главной ценностью для этой разновидности характера остаются национальные традиции. Вместе с тем это натуры, склонные к обучению, совершенствованию. Они быстро и адекватно реагируют на ситуацию, своевременно включаются в нее, успевая стать партнерами технологической модернизации. *Третий* тип — реактивный — мобилен, избирателен в своих реакциях. *Четвертый* — полифонический — соединяет в себе многие разные качества. Он талантлив и восприимчив к национальным традициям, однако внутренне несбалансирован, непредсказуем. С точки зрения монокультурного индивида этот, близкий к россиянину тип недостаточно продуктивен, ему трудно избрать направление своей

¹ Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. М., 1999.

деятельности, сконцентрироваться на выполнении определенной задачи.

Налицо «субстанциализация» некоторых атрибутивных качеств сознания, характера человека. Эти качества вводятся в поле социальной мотивации, открывая индивиду новые возможности производственной адаптации, реализации собственного потенциала. Происходит «материализация» определенных сторон человеческой личности, которые прежде не распознавались и не учитывались как ресурс делового поведения. Однако подобная логика, свойственная индустриальному, политическому рационализму и модернизму, придавлена в характере полифонической личности избыточной эмоциональностью, увлеченностью популярными в начале XX в. «революционаристскими» доктринами с их апологетикой идеального общественного строя и всеобщего равенства. Это обстоятельство ставит полифонического субъекта в чрезвычайно трудную ситуацию в условиях позднейших модернизаций. Все они пронизаны рациональными идеями, учитывают результаты научных исследований, опираются на когнитивные и системные показатели.

«Всеобщее равенство», как и многие другие лозунги эпохи революционаризма, относится к разряду «туманных абстракций», порождающих порой любопытнейшие aberrации — подмену, а также искажение смыслов, используемых мировым сообществом. Так, годы русской революции совпали с периодом наступления эпохи индустриализма, производственного модернизма и промышленной демократии. Борьба за промышленную демократию на Западе отмечена острыми социальными коллизиями, забастовками, вспышками насилия, локальными социальными революциями. Их участниками были самые разные люди. Но при этом обозначилась главная линия, где цели, тактика и стратегия оппозиции были четко определены и осознаны рабочим движением.

В России сторонники революционных преобразований использовали кризисную ситуацию, несостоятельность политики властей, бедствия и внутренние антагонизмы, обострившиеся в годы Первой мировой войны. Большевизм выстраивал свою стратегию, руководствуясь учением Маркса.

Уязвимость теории однолинейного развития

Общепризнана основательность позиций, обоснованных марксизмом. Их фундаментальность заключается в процессах структурирования производительных сил в капиталистическом обществе, которые

описал Маркс. Упомянутые структуры чреватые социальными антагонизмами, производят, как выясняется, не только материальные ценности, но и динамику трудового конфликта. В обстановке глубокого экономического кризиса трудовой конфликт преобразуется в классовый. Перемещаясь в протестную зону, он становится, наряду с рабочим движением, структурным, интегрирующим фактором социального противодействия властям, соединяя отдельные, разрозненные детали оппозиционного спектра в некое единое целое.

Диспозиция Маркса подтвердила свою востребованность при анализе структур и позиций, пронизанных антикапиталистическими настроениями. Носители этих настроений не отделяли идеологическую, политическую мотивацию от чисто практических интересов, продиктованных стремлением рабочих улучшить свое положение, повысить социальный статус. Политическая доминанта также была пронизана конкретными ситуациями, что существенно повысило ее авторитет и приемлемость для лиц, составляющих основной слой наемных работников. Однако параллели с марксизмом «спотыкаются» на консенсусной парадигме и возможности иного сценария, способного преодолеть отчуждение рабочего класса от капиталистического общества.

Уязвимость теории однолинейного развития заключается в том, что анализ структур и механизмов, укореняемых в производственной сфере, ограничен моделью, в которой противопоставлены интересы предпринимателей и профсоюзов. Такая модель, органичная для ранней стадии капитализма, не исключает принципиального противостояния сторон в вопросах, касающихся условий труда и возможностей профсоюзов. Однако существующий в реальности производственный дуализм, олицетворяющий продуктивность рыночной функции, внутреннего товарооборота, неуклонно стремится к сбалансированию интересов, к солидарности, кооперации, концентрации трудовых усилий, преодолевающих конфликтные ситуации, стимулируя взаимную заинтересованность в укреплении национальной экономики.

По оценкам зарубежных социологов (Д. Биннс, К. Макферсон, Ф. Паркин, Д. Ронг, Э. Тоффлер и ряд других), преобладающие в ряде стран формы стратификации внутренне неблагоприятны для ценностного консенсуса. Систематическое социальное неравенство создает конкурирующие формы типического сознания. Ф. Паркин выделил доминирующие, подчиненные и радикальные системы ценностей, соотносимые с конформистскими и оппозиционными настроениями, отметив, что «солидарность рабочих проистекает не из «однороднос-

ти интересов» конфликтующих сторон, а из классовой оппозиции труда капиталу»¹.

«Разумеется, — пишет Л. Зидентоп, один из ведущих европейских исследователей, изучающих политические измерения общественного порядка, — законы государства могут закреплять или создавать формы неравенства, например определять неравное отношение к людям по расовому или половому признаку, что, казалось бы, противоречит представлению о наличии связи (пусть и неявной) между государством и идеей равной свободы»². Однако общественная структура при всех ее модификациях сохраняет в своем багаже элементы равенства и неравенства. Любая система сохраняется в своей целостности, когда она в какой-то степени иерархична, когда установлены уровни ее организации. Не может быть равенства между разными системными функциями и координатами так же, как несводимы к единому знаменателю результаты отдельных коллективных или индивидуальных усилий. У каждого участника общественного воспроизводства, в зависимости от его способностей, квалификации и ответственности, своя степень системного обеспечения, контактирующая с пространством позиций, которое удерживает в равновесии все прочие паттерны социума.

Жизнь, таким образом, свидетельствует, что идея «равной свободы» скорее эфемерна, чем реальна. Более прочной и фундаментальной, по логике Зидентопа, представляется идея равного подчинения граждан какому-то единому системообразующему фактору. В роли такого феномена выступает закон. «Само существование централизованного органа, которому в равной степени подчинены *все*, поддерживает в подданных уверенность в том, что имеется хотя бы один уровень, на котором у них есть что-то общее, даже если это всего лишь равная степень подчиненности одной и той же властной структуре»³.

Тотальности

Закон, вытесняющий привилегии (по лаконичной формуле Зидентопа), уравнивает стартовые условия и возможности проявления социальной и политической активности граждан. Таковы исходные нравственные парадигмы демократии. Их укоренением обозначена эра «*прогресса равенства*» в разных его комбинациях и контекстах.

¹ *Parkin F.* Class Inequality and Political Order. L., 1972. P. 81–82.

² *Зидентоп Л.* Демократия в Европе. М., 2001. С. 114.

³ Там же.

Факторы системного обеспечения равенства, совмещаемые с пространством позиций, свойственных демократическому режиму, подвержены влиянию внешних, глобальных и внутренних, специфически национальных детерминант. К импульсам глобальной весомости, продвигающим демократический транзит, относятся прежде всего исторические волны демократизации, которые, в сущности, и являются предшественниками инновационно-системного типа развития, творцами его предпосылок и преобразований.

Понятие «волна демократизации» принадлежит С. Хантингтону, который выявил «три длинные волны демократизации». Ф. Шмиттер выделяет *четыре* фазы глобальной демократизации. Оба автора сходятся в утверждении, что первая волна порождается Великой французской революцией 1789–1799 гг. Впоследствии идеалы и ценности демократии, подхваченные и продолженные европейскими революциями середины XIX в., транспортируются через океан и осваивают американский континент.

Французская революция, проходившая под лозунгами «Liberte! Egalite! Fraternite!», оказала огромное воздействие на ход мировых событий, очертив круг неизбежных демократических преобразований, свойственных индустриальному обществу.

В графике эволюции *индустриальное общество* представляет некий *тип развития* и общественную модель, которая претендует на универсализацию, формируя и аккумулируя определенные смысловые, политические и прагматические конструкции в виде трендов, взаимозависимостей, правовых установок и предписаний, «опоясывающих» земной шар. Из них наиболее существенны интерпретации общественного блага, впрягаемые в одну упряжку промышленным переворотом, предписывающим, однако (в своей первичной стадии), социальную и законодательную завершенность авторитарных производственных режимов при изоляции от политической ответственности лиц наемного труда, неучастии рабочего класса в управлении производством и обществом.

История человечества насыщена противоречиями. Усиление демократических тенденций происходит параллельно с укреплением авторитарных позиций в экономике. Это фактор системной производственной иерархии, выделяющий сильную державу. Ее государственный потенциал существенно увеличивается еще до того, как происходит глубокая демократизация режима. В результате страна вступает в область демократии, уже располагая соответствующими институтами, механизмами утверждения решений, принятых в результате широких, равноправных, защищенных и взаимообязываю-

щих процедур обсуждения трудных вопросов, связанных с выбором политического курса, внедрением инноваций, их социальной направленностью. Парадокс заключается в том, что параллельно с проведением законодательной инициативы, эквивалентной намерениям правительства, активизируются процессы институционализации инноваций иного характера, включая демократические инъекции, признание оппозиционных движений, где нередко доминируют (как отмечают комментаторы) «погромные для капитализма» настроения, подтачивающие гегемонию государственной власти. «Прогресс равенства», таким образом, не абсолютен. Он контактирует и конкурирует с прогрессом неравенства в статусных позициях и доходах граждан. Сближение в области социальной символики происходит на фоне всеобщего увлечения технократическими идеями. Технократического фанатизма не избежали даже такие крупные западные теоретики, как Д. Белл, С. Липсет и многие другие. «Изменения в классовых и политических отношениях в развитых странах, — отмечал С. Липсет, — могут быть проанализированы в рамках аполитичного марксизма: уровень технологии определяет их формы»¹.

Дело, однако, не только в различии уровней технологии. В идеальном сценарии, по прогнозам западных социологов, процесс укрепления государственного потенциала, совпадая с развитием демократических трендов, «ведет к подчинению государства публичной политике и возрастанию влияния населения на публичную политику. Затем следует изоляция публичной политики от категориального неравенства и интеграция социальных сетей доверия в публичную политику. Все три процесса во взаимодействии приводят к демократизации режима»².

Специалисты настаивают на том, что проблема тотальностей относится к сущностным, метафизическим ориентирам с их глубинными потенциями и способностью создавать целостные конструкции из разнокалиберных составляющих, не разводя теорию и конкретику, политику и прагматику по разным адресам. Анализ «человеческих тотальностей» способствует, во-первых, извлечению «чистого знания социологии» из того горячего материала, где переплавлены определенности и неопределенности живой реальности, состыкуемой с инновациями, которые вводятся под давлением объективных и субъективных причин. Во-вторых, тотальности соприкасаются с фрагмен-

¹ *Lipset S. M. Consensus and Conflict. Essays in Political sociology.* Brunswick; Oxford, 1985. P. 193.

² См.: *Тилли Ч. Демократия.* М., 2007. С. 195.

тами живой человеческой материи, вырабатывающими — в одних условиях — взаимное отчуждение, насилие и гибель для значительной части сограждан. В других обстоятельствах в недрах разномастного человеческого массива выстраиваются и побеждают координаты взаимного притяжения, формируются сети доверия, солидарности, парадигмы гражданского участия. Тотальности проясняют ситуацию.

«*Политика не может быть равнодушной к наследству*»
(М. Гефтер)

Известны слова Авраама Линкольна, охарактеризовавшего демократию как «правительство народа, избранное народом и для народа». Такова *субстанциональная*, свойственная демократическому социуму парадигма, которая суммирует отношения между государством и обществом, властью и рядовыми гражданами. Характер взаимных отношений властного и рядового контингента в рамках упомянутой субстанции определяется набором данных, стимулирующих *взаимодействие* (полнота и открытость политической информации, взаимные, основанные на доверии контакты и диалог), *содействие* (солидарность и взаимопомощь), а также *противодействие* (возможные варианты оппозиции и протеста). История доказывает, что на ранних ступенях развития новой парадигмы подобные варианты взаимных контактов выстраиваются относительно легко, продвигаемые нарастающими волнами демократизации общественной политики.

Еще до нового времени первичные параметры подобной тривальной диспозиции выступают, по сути, практическим воплощением формальных политических отношений. Не посягая ни в коей мере на мощный демократический прессинг Великой французской революции, следует все же упомянуть и о том, что «брусчатка» демократического политического плацдарма закладывалась еще в глубокой древности — греками и римлянами. Республиканские, демократические концепты составляют часть собственной, внутренней культуры Древнего Рима, где проходили испытание на прочность мероприятия, без которых не обходится и современное демократическое общество. В рабовладельческом Древнем Риме была неизбежна тенденция укрепления позиций властвующей иерархии. Эта константа фиксирует право *imperium* (власти), свидетельствуя о сосредоточении функций государственного управления в среде аристократической элиты — патрициев, интересы которых представлены консулатом. Вместе с тем в алгоритме политических комбинаций, в арсенале управленческих полномочий вычленяется *срединная* (в сравнении с рабами

и плантаторами) потребность народа, плебса в реализации человеческого потенциала и противодействии давлению патрициев. Возможность такого противодействия узаконена и вменяется институтам, обеспечивающим разделение властных полномочий. Подобный парадоксальный росчерк рабовладения свидетельствует о возрастающей необходимости учреждения институтов, возмещающих в какой-то степени отсутствие легитимных государственных или иных, поддерживаемых обществом стабильных форм правового, институционального регулирования условий жизни. *Среднее, плебейское звено* в системе управления Римской республики самоутверждается в роли сущностной координаты общественной, политической динамики. Как свидетельствуют исторические материалы, логика социального развития в значительной степени определяется наличием среднего звена, *среднего класса*, от активности которого зависят успехи общественных трансформаций.

Преодоление институционального вакуума, наряду с утверждением принципов расщепления власти при одновременном повышении статуса среднего класса и среднего управленческого звена — *первичные тотальности демократии*. Подобные действия подтачивают «номенклатурные» авторитарные режимы, формируя нетрадиционные реальности и новые социальные потребности населения.

Трансцендентные — для становления демократии — принципы разделения власти, повышения общественного статуса среднего звена в управленческой иерархии получают политическое оформление в укоренении двух главных институтов, задающих систему координат государственного управления Рима: консулата и трибуната. Два консула, избираемые из патрициев, были старшими выборными магистратами в Римской республике и принимали командование во время крупных военных операций. Однако они пребывали в должности всего один год и впоследствии могли быть переизбраны только через десять лет. В этом временном промежутке отставленный от должности правитель именовался проконсулом и выполнял обычно ответственные поручения правительства. Престиж и влияние Рима в значительной степени зависели от успехов его военных кампаний.

Престиж и влияние проконсула также определялись успехами военных операций, проведенных под его командованием. Поднимая в ходе военных баталий весомость и авторитет собственной персоны, проконсул добивался права на свое повторное переизбрание и утверждение в должности консула. Для этого необходимо было заручиться поддержкой трибунов, занимавших важные государственные посты. Трибунат, выражая и консолидируя, в отличие от консулата,

интересы простого народа, обладал тем не менее реальной полнотой власти. Трибуны могли блокировать предложения консулов и накладывать вето на решения сената — высшего государственного органа в Римской республике. Под председательством народных трибунов проводились собрания римского плебса для утверждения законов или кандидатов на выборах в определенные магистраты. Римляне голосовали в 35 трибах. Патрициям не разрешалось принимать участие в таких собраниях и даже присутствовать на них. Наделенный подобными полномочиями, плебисцит превращался, таким образом, в общественный институт, соединяющий в себе функции как объекта, так и субъекта государственной политики.

О высоком статусе трибуната в иерархии властных позиций Рима свидетельствует титул *патрицианского трибуна*, т. е. трибуна, делегированного в государственные институты из среды патрициев. Для осуществления этой цели римлянин перемещался из среды патрициев в плебеи. Так в свое время поступил знаменитый полководец Марк Антоний, который выступил против сената, поддержавшего заговорщиков, намеревавшихся устранить Цезаря от власти. Цель подобного маневра одна: получить право *imperium* и возможность блокировать предложения консулов объявить Цезаря врагом Республики. При таком маневре, который совершил Марк Антоний, патриций утрачивал многие социальные привилегии, обретая взамен возможность воздействовать на государственную политику. Традиция допускала приостановку обычных демократических процедур в кризисные моменты. Однако в канун гражданской войны, предвещавшей гибель Цезаря, деятельность трибуната не только была временно приостановлена, но сам трибунат был ликвидирован как политический институт, владеющий механизмами государственной власти. Трибуны, включая Марка Антония, бежали из Рима, опасаясь за свою жизнь. После гибели Цезаря в 44 г. до н. э. Рим снова стал монархией, и на этот раз перемена оказалась долговечной¹.

Демократия, таким образом, имеет собственную предысторию, оснащенную разными коллизиями с передислокацией маршрутов и отступлениями от первичной стратегической цели. Однако при всех отклонениях, утратах, катастрофах и потере курса корабля, чреватой гибелью экипажа, раскрывается та непреложная истина, что социально-политическая зрелость общества достигается по мере его демократизации. Наряду с расщеплением властного ресурса, обозначившим *первичную* (по историческим меркам) потребность социума в демок-

¹ См.: *Голсуорси А.* Юлий Цезарь. М., 2008.

ратических инъекциях, специфическим индикатором обновления институционального дизайна становятся *хартии*. Хартия — документ юридически-правового и социально-политического характера. Фиксируя основные социальные ценности конкретной эпохи, хартия одновременно устанавливает возможности *включения* отдельной социальной общности, трудового коллектива или индивида в реальные общественные связи и отношения. Примером может служить английская Великая хартия вольностей 1215 г. Будучи ориентирована на сближение интересов общества и его отдельных сегментов, хартия становится частью движения к демократии, формируя или, по крайней мере, способствуя становлению паттернов инновационных демократических преобразований и параметров гражданского участия.

Огюст Конт, один из родоначальников социологии, утверждал, что для любого теоретического исследования чрезвычайно важен подробный исторический материал. «Тотальности» «озвучивают» исторические события, мотивацию народных восстаний. Этот общий глас, предвещающий судьбу народа, не убивает интереса к ее отдельным фрагментам. Напротив, внимание к тотальностям повышает весомость конкретного человеческого фактора, который действует в определенных условиях, проявляя себя как некую ментальную социальную разновидность и вместе с тем — как ценностную категорию. Обрастая четкими характеристиками, эта категория не вписывается в безликие, иллюзорные образы «передовых» борцов за свободу и справедливость либо отсталых тугодумов-консерваторов, противящихся всякой новизне. Рассуждая о трендах, ведущих к разрушению общественного режима либо о процессах его консолидации, памятуя о возникающем (хотя бы и кратковременном) единстве человеческого рода, полезно вновь и вновь «перелистывать» страницы истории, воспроизводя, а возможно, и переосмысливая некоторые важные аспекты демократизации.

Поиски консенсуса

В период становления демократии, формирующей *новый тип времени*, одной из ключевых проблем политического истеблишмента становятся поиски консенсуса. Искомый консенсус двусторонний: социетальный, сфокусированный на макросреде и системе макрорегулирования общественных отношений, и социальный, сосредоточенный на урегулировании отношений, сложившихся в микросреде, — в конкретных фирмах, фабриках, концернах, административно-правовых подразделениях, обладающих относительной

самостоятельностью и обособленных в известной степени от вторжения макросреды. Первая функция консенсуса ориентирована на сбалансирование демократических прав народа с механизмами государственного администрирования. Декретируя свободу индивида, социальной общности, государство вместе с тем допускает стратегию принуждения, подчинения граждан закону. Вторая функция консенсуса предполагает мирное разрешение социальных, трудовых споров, которые «переводятся» из конфликтной зоны в зону социальной адаптации, не отделяемой от правового регулирования, а также от инноваций в законодательной сфере. Здесь доминируют стратегия согласования парадигмы социальной справедливости с кристаллизацией правовых координат — фундамента для сохранения общественной стабильности, социального равновесия.

Подобная стратегия апеллирует к законодательству, проясняя и уточняя несовпадающие позиции. В ходе их обсуждения параметры тех или иных требований, инноваций перемещаются из микро- в макросреду, приобщаясь к более сложным и консолидированным общественным ориентирам. Тем самым реализуется процесс взаимной координации смыслов и дефиниций, относящихся к социетальному — общему, общественному, и социальному — отдельному, специфическому укладам. Оба контекста соприкасаются и бойкотируют альтернативные позиции, однако находят общие точки соприкосновения. Члены того или иного объединения исходят из принципов адаптивного поведения, опираясь на материальные, политические, идеологические ресурсы и культурные традиции. Предпочтение отдается функциональной, но не конфликтной модели организации. При успешном проведении политики консенсуса доминируют позитивные контакты, которые осваиваются социальной средой и способствуют ее сплочению. Напротив, обостряющиеся разногласия в макро- и микрообъединениях, не сложившийся баланс сил в отношениях между властными группами и рядовым контингентом, догматика и нетерпимость в отстаивании своих взглядов указывают на *распад* взаимосвязей между мирами социетальным и социальным. Такие ситуации чреваты опасными продолжениями. В своем развитии они способны привести не только к разложению отдельной социальной структуры, но и к возможному банкротству, коллапсу общественного организма. Поверженная мировым сообществом парадигма классовой борьбы время от времени возрождается к жизни.

Стабильность и плодотворность упомянутых категорий консенсуса, их взаимного диалога обеспечиваются надежностью институтов. Любой общественный режим нуждается в структурной, функцио-

нальной и законодательной определенности тех институтов, которыми он располагает. Общество также кровно заинтересовано в позитивных критериях механизмов, которые вводятся в строй в условиях институциональных преобразований.

В становление критериев новой парадигмы вовлекаются — так или иначе — огромные массы людей. Массовидность сама по себе — явление противоречивое, вырождающееся при определенных обстоятельствах в стихию бунта, «бессмысленного и беспощадного», в «красную», «оранжевую» смуту или смуту какого-либо другого колера, обрастающую «бешеными понятиями» (определение В. Булдакова¹), лишенными четкой ориентации, конкретного здравого смысла.

Каковы интересы людей и в русле какой доктринальной схемы они сформулированы — под влиянием ортодоксального марксизма, неортодоксального ленинизма или неомарксизма последнего столетия, аккумулировавшего разноликие течения и взгляды таких крупных фигур, как Г. Маркузе, Э. Фромм, Ж. П. Сартр, представители Франкфуртской школы? Многие ультрареволюционные концепции, не исключая и большевистскую, сильно отдают доктринерством, не раскрываются в интерпретации реальных интересов, а также возможных *легальных* способах борьбы за их удовлетворение.

В наши дни подобные неопределенности множатся, усугубляются, указывая на фактическую утрату пролетарским революционаризмом своих первичных истоков. Пролетарский протестантизм подвергается интенсивному размыванию посредством различных модификаций, накладываемых демократическими эмбарго. Бродильные факторы *иного характера* претендуют ныне на ведущие роли преобразователей мироздания. Утверждение факторов политической, социальной стабильности, предотвращающих войны, глобальные, внутренние конфликты, по-прежнему остается важнейшей ценностью универсума.

Политический проект консенсуса

Если сопоставить объем исследований, сконцентрированных на негативных, разрушительных потенциях человеческой природы, с объемом материалов по стабилизации и модернизации социума, то можно установить две тенденции. Одна из них заключается в заметном преобладании сочинений «революционаристского» жанра, подавляющих на протяжении прошлого века своей численностью (но

¹ Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

не качеством) опусы, где преобладают позитивные сюжеты, акцентированные на проблематике достижения политического и социального консенсуса. Первая тенденция, характерная для бывших социалистических стран, и в особенности для России, обладает поразительной жизнеспособностью. Поработив и укrotив XX в., она и поныне сохраняет в значительной степени свои позиции, победоносно трубя о завоеваниях социалистической революции, ностальгируя по трубадурам большевизма.

Сегодня эти трубные звуки несколько приглушены наблюдениями и акцентами, которые обозначены многими западными исследователями, а также нашими соотечественниками, не утратившими ясности мысли. Их усилиями запускается механизм реинтерпретации исходного событийного материала, а также проясняются параметры институциональных инноваций, обозначившихся в первой трети прошлого века и на переломе столетий — XX и XXI. Не иссякает поток литературы, сосредоточенной на альтернативных социальной революции инновационных проектах, на вариантах социального, политического консенсуса, отесняющих атомы классовой борьбы, продвигая, укрепляя и развивая демократические традиции.

Наряду с Францией, в историческом демократическом календаре выделяются Соединенные Штаты Америки — страна, которая предложила и осуществила модель инновационного реванша на изломе XIX — первой трети XX в. Аттестованная «Новым политическим курсом Рузвельта», эта модель реализует проект *консенсусной демократии*. На разных исторических этапах XX и XXI вв. подавляющая часть населения США, все общественные классы демонстрируют поддержку деятельности своего правительства. Этот факт свидетельствует не только о наличии доверия американцев к институтам государственной власти, но также о солидном, вмещающем стратегию консенсуса политическом капитале граждан этой страны. Опытом последних столетий опровергаются попытки определения органов политического управления США как власти «антинародной», «лицемерной» и «узкоклассовой». Распространяемый и поныне в отдельных общественных сегментах антиамериканизм не выдерживает серьезной критики, смещаясь к стратегической близорукости и политическому сектанству. Отметим, что и по сей день во многих странах, считающих себя демократическими, вариант политического и социального консенсуса не поддается реализации.

Северная Америка относится к категории социально рентабельных держав, способных не только распознавать общественные проблемы, но также и решать их. В конце 1920-х — начале 1930-х гг.

граждане этой страны поддержали и стимулировали процессы, посредством которых новые претенденты на статусы общественной парадигмы вытесняют своих предшественников. Модернизация экономики, всесторонняя демократизация социума, обновление властных структур на микро- и макроуровне выступают не только воплощением символических конструкций, подтверждением реинтерпретации норм общественного поведения. Это живой общественный продукт, создаваемый, воспроизводимый, постоянно обновляемый усилиями миллионов людей. Результаты их деятельности приравнены не только к внутренним, национальным свершениям. Они становятся достижением мирового прогресса.

Главное в американской модели социальной модернизации — это возрастающие энергетика, массивность движения антимонополистической направленности, устремляющегося к консенсусу с режимом, но не к его разрушению. Параллельно этому движению вырисовываются черты консенсуса, в котором политические цели, не отделяемые от прагматики, повышают интенсивность гражданского участия всех слоев населения в борьбе за демократические преобразования.

Прагматическая линия неизменно сильна в любом американском контексте. Однако помимо требований, касающихся улучшения материального и социального статуса, граждане США устремляются и к иным тотальностям, увязывая в единую конструкцию прагматические, политические, демократические установки. В арсенале требований выдвигается на первый план проблема согласования демократических преобразований с теми актами и усилиями, которые направлены на борьбу с социальным, этническим неравенством, существующим повсеместно в разных аспектах и формах, угнетая национальное самосознание. Второй существенный ингредиент консенсуса — нахождение способов и механизмов укрепления доверия населения к власти посредством соучастия граждан в процессах модернизации. Особое место в этой позиции занимает непрерывающийся, совмещаемый с протестными акциями, диалог между правительством и гражданами США. Он играет роль постоянного всенационального референдума, помогая устанавливать сети социального доверия, подтверждающие периодически принципы становления открытой и прозрачной политики.

В итоге рождается *консенсусный формат демократии*, масштабы которого поражают и поныне. Пять факторов сконструировали его парадигмы: Великая депрессия, протестные движения, стратегия промышленной демократии, неолиберальная идеология, политический ресурс президента.

Парадигмы консенсуса

Первая его составляющая — Великая депрессия — вулканический конфликтогенный фактор деформации социума нанесла сокрушительный удар благодушствующему концептуализму, хрестоматийной уверенности в стабильности общественного порядка, иллюзорным представлениям относительно «вечного процветания» и «социальной гармонии». В условиях мирового кризиса, усугубляемого внутренней кризисной ситуацией, сложившейся в США в конце 1920-х — начале 1930-х гг., обычные процессы восприятия смыслов и значений, оснащаемых законодательством, доминирующей в обществе идеологией и прочими механизмами политического регулирования массового сознания и поведения перемещаются в иные сетевые конструкции, образующие протестную зону. В упомянутый период Северная Америка представляет собой кипящий общественный котел, разогреваемый идеями кардинального обновления общественного здания, его политического истеблишмента. Подобные идеи вытекают из процессов *восприятия* общественных явлений (по Декарту), а также их последующего негативного истолкования в контексте *социального неравенства*, который становится главным, значимым, а также и консолидирующим элементом в разночтениях позиций, предвещающих изменение общественного порядка.

Великая депрессия подорвала безраздельную власть монополий. Рушилась традиционная система государственного управления. Обстановка в стране накалялась. С углублением кризисной ситуации включается второй императив консенсуса, пролог любой социальной трансформации — массовый радикальный протестантизм. Его креативная роль заключается в расчистке почвы и создании предпосылок для включения альтернативных, позитивных процессов, ведущих к социальной трансформации режима и его последующей стабилизации.

«Великий депрессант» множит протестные выступления и движения. Им сопутствует обширный и при этом чрезвычайно пестрый спектр идей, касающихся социального неравенства, методов его устранения. Протестная зона уплотняется лозунгами, директивами, которые озвучивают анархисты, социалисты, разного рода представители этнических групп и религиозных объединений. Это сфера, где преобладает стихия, где нередко выдвигаются идеи, скорее эфемерные, нежели реальные и продуктивные.

Конструктивный элемент вносят профсоюзы. В их протестах и выступлениях прочерчивается *траектория рабочего движения*, где

ярко выражены черты организованной классовой борьбы за трудовую этику, трудовое законодательство, коллективно-договорные права. Динамика этой борьбы обусловлена возрастающим влиянием производственных профсоюзов, отодвинувших на второй план традиционные цеховые союзы с их стандартными требованиями: «чистый экономизм, профессиональный изоляционизм, коллективный договор и закрытый цех». Производственный юнионизм отвергает прямолинейные, «однокритериальные» схемы (к ним тяготеют, как правило, «стесненные социальные группы», не играющие заметной роли в обществе). Эта тактика совмещается с вытеснением из сферы крупного бизнеса диктаторских, авторитарных методов управления экономикой. В антиавторитарном подвижничестве производственных союзов вычлняются относительно самостоятельные системы стратификации. Они закладываются в основу модели промышленной демократии, которая входит — в качестве одной из важнейших составляющих — в консенсусный формат политической демократии.

Движение производственных союзов в США отличается своей организованностью, сплоченностью, классовой солидарностью, подкрепляемой осознанностью своих убеждений и готовностью их отстаивать. Стратегическая целеустремленность рабочего движения определяется концептами промышленной демократии, соотносимыми с критериями производственной стратификации. Системы стратификации — основа любого структурного процесса, касающегося такого жгучего вопроса, как распределение власти. В столкновениях рабочих с предпринимателями определяются ранговые, маневренные позиции относительно регулирования трудовых отношений, внедрения в промышленности долговременных, отраслевых коллективных договоров. Предписаниями таких контрактов открываются возможности организации проблематичного (но вполне реального и достижимого) взаимного контроля администрации и персонала над ресурсами, деятельностью и перспективами бизнеса. Открываются с течением времени шлюзы информации для наемных работников, которые позволяют судить о состоянии отрасли, прибылях бизнеса, соотнося эти показатели с условиями труда и размерами трудовых доходов.

В определенных пунктах концепты промышленной демократии соприкасаются, взаимодействуют с неолиберальной идеологией. В американском преломлении неолиберализм раскрывается прежде всего в готовности сильного государства, владеющего механизмами социального, политического урегулирования конфликтов, к позитивному диалогу с оппозицией любой направленности.

Концепция промышленной демократии также опирается на диалог труда и капитала. Отметим важную роль промышленной демократии в становлении консенсуса. Неолиберальная парадигма одерживает верх в конкурентной политической борьбе благодаря этому движению, перекрывающему масштабностью, содержательностью, убедительностью своих программных установок все прочие протестные акции.

Неолибералы тем не менее не испытывали колебаний в отношении своей ориентации. Консолидация демократических сил укрепила их позиции в политике Нового курса. Его главные звенья действовали весьма эффективно, не проявляя самоубийственной неторопливости, не склоняясь к незыблемому доктринерству, не демонстрируя избыточного прекраснодушия и стремления спекулировать лозунгами, востребованными оппозицией. Неолибералы (ньюдилеры), идеологи Нового курса Ф. Рузвельта предложили и осуществили идеи социально-политической, экономической модернизации, узаконив вторжение промышленной демократии в производственные структуры внедрением ее параметров в русло трудового законодательства.

Нарастающей негативной энергетике протестных движений были, таким образом, противопоставлены позитивные консолидирующие императивы консенсуса — рабочее движение «в тональности» промышленной демократии, неолиберальная идеология и государственный ресурс. По оценке Э. Тоффлера, Рузвельту в 1930-е гг. удалось создать коалицию из двух десятков властных групп, движений и общественно-политических организаций. Единение трансформировалось в антимонополистическую коалицию, единую в своих ориентациях и политических убеждениях. Этому в немалой степени способствовали *ньюдилеры* — неолибералы, сторонники и соавторы нового государственного курса, сплотившиеся вокруг президента.

Американские события первой трети XX столетия формируют очередную глобальную волну демократизации, стимулируя общественное развитие, определяя его направленность. Т. Парсонс, сосредоточившийся на параметрах общественной эволюции, выделяет три ее главных аспекта: ослабление предписанных рамок, углубление эволюционного процесса, отделившего одну общественную подсистему от другой, и модернизацию механизмов и правил, относящихся к процессам институционализации.

Первый аспект предусматривает ослабление или отказ от ограничений и предписанных рамок ранних цивилизаций. Монархия привела к конституционализму. Аристократия утратила свою политическую власть. Национальные права и обязанности граждан, их пред-

ставительное управление расширились. Универсальная система законов стала еще более рациональной. Резиденциальные сообщества стали более ассоциативными, значительно менее скованными предписаниями. Религия утратила протекцию истеблишмента, вероисповедания обрели статус добровольных ассоциаций.

Устанавливая ступени исторического развития, которые американский социолог относил к «победам эволюции», Парсонс указывает на продолжение эволюционного процесса, ускоряемого демократической революцией, которая приводит к перестройке и внедрению институционализированных механизмов с целью обновления и расщепления власти.

Схематически можно выделить *три траектории* изменений, касающиеся процессов институциональной модернизации политического пространства:

- институционализация процедурных правил, облегчающих процессы голосования;
- институционализация, которая стимулирует «приближение населения к участию в демократическом образе правления»;
- институционализация возможности участия взрослого населения в принятии коллективных решений.

Все три вектора институционализации, обозначенные Парсонсом, обретают жизненную достоверность в США и странах Западной Европы. Проникая в разные сетевые конструкции, названные параметры осваиваются институтами коллективного действия, приобщая членов социальной общности не только к более сложным политическим смыслам, идентичностям правового, гражданского участия, но также и к позициям властного департамента. Тем самым реализуются процессы обновления и расщепления власти, сопутствующие и соответствующие, как справедливо полагал Парсонс, демократическому образу правления.

Из инноваций организационно-хозяйственных, социальных и политических естественным образом выстраиваются новые комбинации функций и факторов, то возникающие, то затухающие. Тем не менее подобные инновации закрепляются в той или иной сфере, вытесняя рутинные действия и стимулируя процессы модернизации.

Инновационная деятельность и политика государства

В последние годы понятия «инновационная деятельность», «инновации», «нововведение», «инновационная политика», «инновационный путь развития» и прочее используются весьма часто. Но

общепринятая терминология в области инновационной деятельности пока не сложилась. Термины «инновация» и «нововведение» по смыслу идентичны. Инновация (нововведение) — комплексный процесс создания, распространения и использования новшества, которое способствует развитию и повышению эффективности в той или иной сфере деятельности.

Важным элементом анализа нововведений является их классификация по ряду основополагающих признаков (см. табл. 1).

Таблица 1

Классификация нововведений

Признак классификации	Вид нововведения
По степени радикальности (новизны, инновационному потенциалу, оригинальности технического решения и т. п.)	Радикальные (пионерные, базовые, научные и т. п.) ординарные (изобретения, новые технические решения) усовершенствование (модернизация)
По характеру применения: — продуктовые — технологические — социальные — комплексные — рыночные	— ориентированные на производство и использование новых продуктов — нацеленные на создание и применение новых технологий — ориентированные на построение и функционирование новых структур — представляющие единство нескольких видов изменений — позволяющие реализовать потребности в продуктах, услугах на новых рынках
По стимулу появления (источнику)	Нововведения, вызванные: — развитием науки и техники — потребностями производства — потребностями рынка
По роли в воспроизводственном процессе	Потребительские и инвестиционные
По масштабу (комплексности)	Сложные (синтетические) и простые
По адресату	Для — производителя — потребителя — общества в целом — локального рынка

Приведенная в табл. 1 классификация подтверждает, что процессы нововведений многообразны и различны по характеру, следовательно, формы их организации, масштабы и способы воздействия на инновационную деятельность также отличаются многообразием.

Необходимо разграничивать понятия «новшество» и «инновация». Понятие «новшество», происходящее от английского invention, принято определять как новую идею, которая в процессе разработки может быть реализована в новый продукт, новую технологию, новый метод и т. п. Понятие «инновация» (innovation) следует понимать как новый или усовершенствованный продукт или технологию, созданную в результате использования новшества и реализуемую на рынке или внедренную в производственную, управленческую или иную деятельность.

Инновация — комплексный процесс использования новшеств для удовлетворения определенных потребностей. Совокупность научно-технических, технологических и организационных изменений, происходящих в процессе реализации нововведений, можно определить как *инновационный процесс*, а период создания, распространения и использования нововведений называют *инновационным циклом или жизненным циклом инновации*.

Технологическое новшество является источником технологической инновации, которая приобретает такое качество с момента принятия к распространению в виде нового продукта. Процесс введения новшества на рынок принято называть процессом коммерциализации. С момента появления новшества на рынке оно становится инновацией.

Инновация имеет четкую ориентацию на конечный результат прикладного характера, она всегда должна рассматриваться как сложный процесс, который обеспечивает определенный технический и социально-экономический эффект¹.

По мнению венгерского экономиста Б. Санто², инновация — это процесс практического использования идей и изобретений, который приводит к созданию лучших по своим свойствам изделий, технологий, а в случае если инновация ориентирована на экономическую выгоду — прибыли.

В российском законодательстве до сих пор так и не раскрыты эти понятия и не дано их легальное толкование³. В 1990–2000-х гг.

¹ Нойбауэр Х. Инновационная деятельность на малых и средних предприятиях. URL: http://www.cfin.ru/management/strategy/smallbiz_inno.shtml.

² Санто Б. Инновация как средство экономического развития. М., 2003. С. 22.

³ Светланов А. Г. Роль государства в развитии науки и инновационной деятельности // Государство и право. 2005. № 5. С. 48–53; Гордеев А., Киселёв К. Государство и инновации. Перезагрузка // Наука и технологии России. 2009. 1 июля.

в России были предприняты попытки законодательного урегулирования инновационной сферы.

В 1998 г. в Государственную думу ФС РФ был внесен проект федерального закона «Об инновационной деятельности в Российской Федерации», который был отклонен в связи с существенными недоработками. К последним были отнесены:

- отсутствие четкого определения предмета регулирования — инновационной деятельности;
- отсутствие признаков, по которым продукцию или технологический процесс можно отнести к новым или усовершенствованным до такой степени, чтобы деятельность по созданию и освоению этой продукции или технологического процесса можно было отнести к инновационной;
- нечеткость круга субъектов отношений, регулируемых проектом закона;
- противоречия между положениями проекта закона с Конституцией РФ и иными федеральными законами.

До последнего времени существовало более 400 нормативных актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации, в той или иной мере использующих понятия «инновация» и «инновационная деятельность», но в своем толковании.

В марте 2010 г. в Госдуму поступил законопроект № 344994-5 «Об инновационной деятельности в РФ», который был направлен в комитет ГД по науке и наукоемким технологиям.

Предметом регулирования законопроекта являются основные направления деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления по развитию инновационной деятельности, а также формы поддержки инновационной деятельности органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Законопроект законодательно закрепляет такие понятия, как инновация, инновационная деятельность, инновационная организация и инновационное предприятие, инновационный проект, целевая инновационная программа и инновационная инфраструктура, механизм стимулирования развития инновационной деятельности на различных уровнях. В частности, инновационная деятельность определяется как деятельность, направленная на трансформацию результатов интеллектуальной деятельности в виде изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и пр.

Отсутствие федерального закона тем не менее не мешает принятию иных нормативных документов в этой сфере. Важнейшим нор-

мативным документом являются «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу»¹, который поставил две, безусловно, важные *задачи*: формирование национальной инновационной системы и повышение эффективности использования результатов научной и научно-технической деятельности. При этом формировании национальной инновационной системы предусматривает:

- создание благоприятной экономической и правовой среды;
- построение инновационной инфраструктуры;
- совершенствование механизмов государственного содействия коммерциализации результатов научных исследований и экспериментальных разработок.

Инновация в своем развитии (жизненном цикле инновации) меняет формы, продвигаясь от идеи до внедрения. Протекание инновационного процесса, как и любого другого, обусловлено сложным взаимодействием *многих факторов* (см. табл. 2).

Анализ инновационных процессов, в частности, на российских предприятиях дает основание сделать вывод, что для интенсификации инновационной деятельности необходимо прежде всего обеспечить максимальное стимулирование факторов, способствующих инновационной деятельности. И это касается практически всех указанных групп.

Таблица 2

Факторы инновационной деятельности

Группы факторов	Способствующие инновационной деятельности	Препятствующие инновационной деятельности
Экономические, технологические	<ul style="list-style-type: none"> — наличие резерва финансовых, материально-технических средств, прогрессивных технологий — наличие необходимой хозяйственной и научно-технической инфраструктуры — материальное поощрение за инновационную деятельность 	<ul style="list-style-type: none"> — недостаток средств для финансирования инвестиционных проектов — слабость материальной и научно-технической базы, устаревшая технология, отсутствие резервных мощностей — доминирование интересов текущего производства
Политические, правовые	<ul style="list-style-type: none"> — законодательные меры, поощряющие инновационную деятельность — государственная поддержка инноваций 	<ul style="list-style-type: none"> — ограничения со стороны антимонопольного, налогового, амортизационного, патентно-лицензионного законодательства

¹ Утверждены президентом Российской Федерации 30.03.2002. № Пр-576.

<p>Организационно-управленческие</p>	<p>— гибкость организационных структур, демократичный стиль управления, преобладание горизонтальных потоков информации — самопланирование, допущение корректировок — децентрализация, автономия, формирование целевых, проблемных групп, реинжиниринг</p>	<p>— устоявшиеся организационные структуры, излишняя централизация, авторитарный стиль управления, преобладание вертикальных потоков информации — ведомственная замкнутость, трудность межотраслевых и межорганизационных взаимодействий; жесткость в планировании — ориентация на сложившиеся рынки; ориентация на краткосрочную окупаемость — сложность согласования интересов участников инновационных процессов</p>
<p>Социально-психологические и культурные</p>	<p>— моральное поощрение, общественное признание — обеспечение возможностей самореализации, освобождение творческого труда — нормальный психологический климат в трудовом коллективе</p>	<p>— сопротивление изменениям, которые могут вызвать такие последствия, как изменение статуса, необходимость поиска новой работы, перестройка новой работы, перестройка устоявшихся способов деятельности, нарушение стереотипов поведения, сложившихся традиций — боязнь неопределенности, опасение наказаний за неудачу — сопротивление всему новому, поступающему извне</p>

Несмотря на многообразие конкретных форм организации инновационных процессов, можно выделить следующие основные их формы: административно-хозяйственные, программно-целевые, кооперативно-целевые, инициативные¹.

Инновационная сфера представляет собой систему взаимодействия инновационных предпринимателей, инвесторов и новаторов, обеспечивающих выпуск и реализацию конкурентоспособной продукции (работ, услуг).

Инновационное предпринимательство является ядром всех сфер предпринимательской деятельности. В основе инновационного предпринимательства лежат создание и освоение новых видов продукции

¹ Медынский В. Г., Ильдеменов С. В. Реинжиниринг инновационного предпринимательства. М., 1999. С.14.

(товаров, услуг), создание ценностей, благ, понимаемое в самом широком смысле слова.

Инновационное предпринимательство — это особый новаторский процесс создания нового, процесс хозяйствования, в основе которого лежат постоянный поиск новых возможностей, ориентация на инновацию, умение извлекать и использовать для решения текущих и долгосрочных задач ресурсы из самых разнообразных источников. Оно связано с готовностью предпринимателя добровольно взять на себя весь риск, связанный с осуществлением нового проекта или же улучшением существующего, принять на себя финансовую, моральную и социальную ответственность за процесс, который должен принести денежный доход и личное удовлетворение достигнутым.

Интенсивность протекания совокупности инновационных процессов определяет и динамику научно-технического прогресса.

Эффективность инновационного процесса можно определить после его внедрения, поскольку только после появления новшества на рынке становится ясно, удовлетворяет ли оно новую потребность рынка или нет.

Простейшая *схема инновационного процесса* включает в себя генерирование новой идеи, ее экспериментальную реализацию, освоение в производстве, массовый выпуск и потребление.

Выделение в инновационном процессе научно-исследовательской, технико-технологической, производственной и коммерческой функций определяется целями предприятия. Этот процесс начинается с оценки наличных ресурсов, определения стратегической цели и завершается возвращением вложенных средств.

На этапе научных исследований руководство компании формулирует потребность в идеях, предложениях, рекомендациях, которые формируются как результат взаимодействия участников инновационного процесса. После выбора идеи разрабатываются более строгие технологические и коммерческие прогнозные оценки, которые в общих чертах оправдывают формирование ожидаемых технических параметров, затрат материальных средств и времени, масштабов риска и т. п., а на случай неудачи — альтернативные варианты решений. Все это вместе способствует разработке стратегического плана, который становится ключевым фактором дальнейшего внедрения инновации.

Происходит тесное и постоянное, организуемое с помощью руководителя программы сотрудничество научно-технического центра, лабораторий, подразделений, участвующих в предварительной подготовке производственного процесса, и других подразделений.

По мере завершения подготовки к производству инновационной продукции участие исследователей и разработчиков снижается, соответственно, изменяется характер их инновационной деятельности. На этой стадии подразделение исследований и разработок занимается проблемами повышения производительности труда, сокращения затрат, минимизации факторов риска и др. С выходом продукта на рынок эти подразделения, учитывая обратные связи и требования рынка, ставят своей целью дальнейшее развитие и совершенствование продукта.

Инновации принято разделять на:

- продуктовые, которые связаны с изменениями в продукции;
- технологические, распространяющиеся на методы производства;
- нетехнологические, затрагивающие факторы социального характера, организационные и экономические формы хозяйственной деятельности.

Процесс *распространения инноваций* называют диффузией технологий. Скорость диффузии зависит в основном от эффективности технологической инновации. Причем чем больше предприятий использовали данную инновацию, тем выше потери тех предприятий, которые ее не использовали. Более того, чем раньше предприятие начнет вести инновационную деятельность, тем быстрее (и дешевле) оно сможет догнать лидеров. В этой связи закономерно возникает необходимость выделения *причин*, связанных с инновационной активностью предприятий¹.

Актуальность осуществления технологических разработок обусловлена двумя группами изменений в среде функционирования предприятий, имеющих национальную и международную природу. На предприятия оказывает давление внешний и внутренний рынок. Это давление выражается в изменении поведения потребителей, развитии рынков товаров и услуг и, как следствие, усилении конкуренции, общемировом развитии новых технологий, глобализации спроса и предложения. Во всем мире инновации сегодня — это не прихоть, а необходимость выживания, сохранения конкурентоспособности и дальнейшего процветания компаний².

¹ Качалов С. И. Совершенствование инновационной деятельности предприятия как фактор развития наукоемкого производства // Российское предпринимательство. 2006. № 10.

² В качестве примера можно привести события на рынке мотоциклов в начале 1980-х гг. Когда компания Yamaha предприняла попытку «атако-

Международные корпорации изменяют подходы национальных потребителей к качеству товаров и услуг и оказывают существенное влияние на формирование у них новых запросов и вкусов. Современные покупатели становятся более образованными, более информированными и более требовательными.

Изменились не только жизненные нормы, но и стили. Современный мир отличается тем, что снижается производство стандартных товаров широкого потребления¹. Растущее, усиливающееся многообразие рынков товаров и услуг означает, что стратегия многих продукто-рыночных комбинаций становится все более дифференцированной. Это сокращает жизненный цикл товара, заставляет производить товары небольшими партиями, увеличивая при этом производство дифференцированной продукции, разработанной и произведенной для особых групп потребителей.

Все эти процессы в совокупности приводят к необходимости постоянного обновления или совершенствования имеющихся товаров и определяют разработку новых технических решений. При этом конкуренция с каждым днем становится динамичнее. Одним из показателей ее динамики может служить время, в течение которого соперники имитируют новый товар, выпущенный одним из участников рынка. Опыт успешно развивающихся предприятий показывает, что сегодня выживает тот, кто умеет быстро реагировать на изменения и постоянно занимается инновациями.

Таким образом, изменение требований покупателей к качеству товаров и услуг, возрастающее многообразие новой продукции с одновременным сокращением времени ее выведения на рынок, усиление конкуренции вызывают необходимость адекватного реагирования товаропроизводителей на изменения внешней среды.

Анализ предприятий, успешно ведущих инновационную деятельность, показывает, что основным побудительным мотивом для разработки инноваций является их желание и стремление вести стратегическую деятельность вообще и осуществлять инновационную в частности.

вать» компанию Honda, последняя, вместо традиционного снижения цен, выбрала инновационную стратегию и за 18 месяцев выпустила на рынок 113 новых моделей мотоциклов, не оставив сопернику никаких шансов на успех (см.: *Доиль П.* Менеджмент: стратегия и тактика. СПб., 1999).

¹ Становится все труднее найти два одинаковых галстука, два идентичных выходных платья или две похожие машины. Сегодня все чаще встречаются такие слоганы, как «индивидуальная мебель» или одежда «Не для всех» (Not for Everybody).

Другими словами, на предприятии должен быть лидер-новатор, который готов выделить ресурсы на разработку новой продукции и постоянно заинтересовывать в инновациях весь персонал. Из мирового опыта известно, что стремление к инновациям таких известных менеджеров, как Билл Гейтс (корпорация Microsoft), Акио Морито (Sony), Джек Уэлч (General Electric), привело их компании к мировому лидерству.

Более того, на рубеже XX–XI вв. многие предприятия были вынуждены заняться поиском путей и возможностей поощрения нового поколения изобретателей и новаторов — высокоэффективных внутрифирменных предпринимателей, которые ищут возможности для развития инициативы, разработки новой продукции, технологии освоения новых сфер деятельности с использованием внутренних ресурсов. Такое внутреннее предпринимательство в рамках крупных корпораций получило название *интрапренерства*.

Интрапренерство заключается в том, что на действующем предприятии, выпускающем конкретную продукцию, создаются определенные условия для выдвижения новаторских предпринимательских идей: выделяются ресурсы — интракапитал — для их реализации, оказывается всесторонняя помощь для реализации инновационной идеи и ее практического использования.

Интрапренерство можно рассматривать как деятельность по производству и реализации новых товаров и услуг на основе интеграции предпринимательских возможностей личности и предприятия. *Интрапренер* — это человек, иницирующий и ведущий свою новаторскую предпринимательскую деятельность в рамках действующей корпорации.

Целью интрапренерства является повышение эффективности функционирования корпорации за счет

- активизации и использования творческого потенциала сотрудников;
- повышения эффективности использования ресурсов корпорации;
- быстрой реакции на изменения потребностей рынка;
- быстрой реализации всевозможных нововведений (технических, организационных и т. п.);
- создания основы для дальнейшего развития производства.

Таким образом, интрапренерство является одним из путей развития предпринимательства, расширяющих сферу его возможностей. Это саморегулируемый процесс. Изобретателя-инициатора нельзя

ни назначить, ни снять, обычно это человек, обладающий энергией и стремлением довести свою идею до практических результатов, не смотря ни на какие препятствия.

Другим основным условием для внедрения инноваций является наличие эффективной системы маркетинга и сбыта, осуществляющей связь предприятия с конечными потребителями с целью постоянного выявления новых требований покупателей, предъявляемых к качеству производимых товаров и услуг.

Это условие имеет большое значение, так как на практике инновации часто определяются как «создание и предоставление товаров или услуг, которые предлагают потребителям выгоды, воспринимаемые ими как новые или более совершенные»¹. И большинство неудач с введением инноваций на рынок объясняется тем, что они возникают на базе новых знаний, а не потребностей.

Для осуществления инновационной деятельности необходимо наличие инновационного потенциала предприятия, который характеризуется как совокупность различных ресурсов, в том числе:

- интеллектуальные (технологическая документация, патенты, лицензии, бизнес-планы по освоению новшеств, инновационная программа предприятия);
- материальные (опытно-приборная база, технологическое оборудование, ресурс площадей);
- финансовые (собственные, заемные, инвестиционные, государственные, грантовые);
- кадровые (лидер-новатор, персонал, заинтересованный в инновациях, партнерские и личные связи сотрудников с научно-исследовательскими центрами и высшей школой, опыт проведения НИОКР, опыт управления проектами);
- инфраструктурные (собственные подразделения НИОКР, отдел маркетинга новой продукции, патентно-правовой отдел, информационный отдел, отдел конкурентной разведки);
- иные, необходимые для осуществления инновационной деятельности.

От состояния инновационного потенциала зависит выбор той или иной стратегии, который можно определить как «меру готовности» выполнить поставленные цели в области инновационного развития предприятий. Практика показывает, что далеко не всем предприятиям необходимо осваивать новые технологии, несмотря на постоянное возрастание значения инноваций. Предприятиям, находящимся

¹ Дойль П. Указ. соч. С. 153.

в полном упадке или на стадии банкротства, просто не имеет смысла модернизировать производство. Другие предприятия могут их купить или разработать абсолютно самостоятельно.

Отсюда следует необходимость выделения *условий*, при которых предприятию полезно разрабатывать новые товары. Такими критериями являются: угроза устаревания существующих продуктов, возникновение новых потребностей у покупателей, смена вкусов и предпочтений потребителей; сокращение жизненного цикла товаров, ужесточение конкуренции. Среди внутренних факторов, при которых возрастает эффективность инноваций, можно назвать:

- способность руководства и персонала выделять и оценивать экономические, социальные и технологические изменения во внешней среде;

- ориентация предприятия на долгосрочную перспективу и наличие четких стратегических целей;

- развитая система сбыта и маркетинга, способная исследовать и оценивать рыночные тенденции; осуществление непрерывного поиска новых рыночных предложений;

- умение анализировать и реализовывать новые идеи.

Оценивая инновационный потенциал своей компании, руководитель определяет свои возможности ведения инновационной деятельности, т. е. сам себе отвечает на вопрос, под силу ли компании внедрение инноваций.

Следующим шагом на пути к организации инновационной деятельности должна стать *выработка инновационных целей*. Такими целями могут быть: повышение конкурентоспособности и закрепление на новых рынках путем совершенствования имеющихся изделий или создания принципиально нового продукта, сокращение издержек производства путем экономии исходного сырья, энергии и тому подобное на основе использования новых технологий.

Здесь предприятию следует принять важное стратегическое решение: приобретать инновации на стороне или разрабатывать самостоятельно. В первом случае компания, как правило, устанавливает стратегическое партнерство со специализированной научно-исследовательской или конструкторской организацией. При этом следует иметь в виду, что приобретение технологии потребует аккумулирования значительных финансовых средств в достаточно короткий срок. Для наиболее эффективного использования финансовых вложений потребуются тщательное сканирование рынка новых технологий и детальный анализ базы данных организаций, специализирующихся на инновационных технологиях.

Во втором случае целесообразным представляется создание собственного научно-исследовательского инновационного подразделения. По сравнению с приобретением новой технологии такой подход позволяет избежать крупных единовременных трат, так как в данном случае суммы инвестиций будут растянуты во времени.

Многие из отечественных компаний, осуществляющих инновационную деятельность на мировом уровне, пошли по пути зарубежных корпораций и создали в своем составе специализированные инновационные подразделения. Такой подход позволяет, во-первых, приблизить научно-исследовательский поиск к возможностям исходного производства и нуждам конечного потребителя. Во-вторых, привлечь высококвалифицированные научные кадры и, в-третьих, быть более уверенными в сохранении коммерческой тайны.

Основное назначение инновационного подразделения заключается в проработке различных научно-технических идей по достижению поставленной инновационной цели. На основе таких идей разрабатываются и принимаются технические решения. В виде отчета эти решения могут использоваться как техническое задание для инновационного проекта¹.

По своей научно-технической значимости и новизне выделяют *базисные и улучшающие идеи, решения и проекты, а также псевдоинновации*.

К базисным относят инновации, которые реализуют крупные научно-технические разработки и становятся основой формирования технологий нового поколения, не имеющих аналогов в мировой практике. Улучшающие инновации реализуют мелкие и средние изобретения, усовершенствующие технологию изготовления и/или технические характеристики уже известных товаров. Псевдоинновации направлены на частичные, чаще декоративного характера изменения устаревших поколений техники и технологий, которые по своей сути тормозят технический прогресс. За этим разделением стоят два типа инновационных стратегий: пионерный и догоняющий².

¹ Под инновационным проектом принято понимать комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на создание и распространение нового вида продукции или технологии. Так, регулярное обновление ассортимента производимой продукции можно получить путем создания нового продукта, а также путем внесения изменений в техническую характеристику или упаковку уже реализуемых товаров.

² Дойль П. Указ. соч.; Коробейников О. П., Трифилова А. А., Коршунов И. А. Роль инноваций в процессе формирования стратегии предприятия // Менеджмент в России и за рубежом. 2000. № 3.

Стратегия «пионера», или «первопроходца», означает, что компания предлагает рынку принципиально новый товар или услугу, получая при этом преимущество «первого хода» в данном бизнесе или данном регионе, стране. Новые рынки появляются в результате открытия новых технологий, появления новых знаний, возникновения новых запросов у покупателей, внедрения новой маркетинговой концепции, новых финансовых инструментов и т. п.

Современный мировой опыт показывает, что стратегия «пионера» связана с высоким риском, так как инновационные технологии сопряжены с неопределенностью и результатов самой разработки, и реакции рынка на новое изобретение. В то же время данная стратегия может обеспечить устойчивое конкурентное преимущество благодаря монопольной позиции. Стратегия «последователя» менее опасна, но и доходы соответственно у таких компаний тоже ниже.

С точки зрения долгосрочной перспективы наиболее продуктивны инвестиции в сектор новых технологий. Объекты этих инвестиций дают самую большую «кумулятивную отдачу». Однако в связи с повышенным риском часто наиболее предпочтительными оказываются инвестиции в растущие и зрелые технологии. Наиболее эффективным и менее рискованным решением считается создание инновационного портфеля, состоящего из определенного набора продуктов-лидеров и продуктов-последователей. Результатом этого этапа должна стать выработка инновационных проектов по достижению отобранных инновационных решений. Для большей ясности здесь следует обратиться к теории инновационного менеджмента и рассмотреть концепцию жизненного цикла товара на рынке.

Развитие разнохарактерных технологий, как известно, существенно сократило время появления на рынке товара-последователя¹. Динамичное сокращение жизненного цикла товаров заставляет производителей постоянно совершенствовать предлагаемые продукты и забыть те времена, когда лидеры рынка могли спокойно довольствоваться достигнутыми однажды результатами².

¹ Если в начале 1960-х гг. жизненный цикл новой технологии составлял в среднем 10 лет, то в середине 1980-х он сократился уже до 2 лет, а в последнее десятилетие время воспроизведения последователями новой продукции, например, в малотоннажной химической промышленности, равняется, по оценкам компаний, 6 месяцам.

² Меньше чем через год после того, как компания Apple представила на рынок первый персональный компьютер, в отрасли конкурировали 10 поставщиков аналогичной продукции. Через 8 лет их было уже более 500. Бурное развитие мультимедийных технологий служит ярким примером того, как

Анализ стратегического поведения инновационного продукта на рынке показывает, что предприятиям необходимо проводить постоянный мониторинг последних достижений науки и техники для их внедрения в производственный процесс и своевременного отказа от используемой устаревшей продукции и технологии ее производства.

Финансово-правовой механизм инновационного развития. Понятие механизма применительно к инновационной деятельности рассматривается как совокупность финансовых инструментов и закрепленных в организационно-правовых формах методов их использования в целях повышения эффективности инновационных процессов в экономике. Для реализации механизма инновационного развития необходимы не только финансовые инструменты и методы, но и совокупность организационных мер, которые должны быть взаимоувязаны.

Основные финансовые методы (способы использования одного или нескольких финансовых инструментов) для инновационного бизнеса следующие: инвестирование, налогообложение, кредитование (банковское, коммерческое, бюджетное), страхование, аренда, лизинг, самофинансирование.

Основными финансовыми инструментами для инновационных компаний могут быть прибыль, цена, налог, амортизация, кредит, гарантии. Эти финансовые инструменты взаимообусловлены и определяют эффективность развития инновационного предпринимательства.

В России основная часть инновационных исследований проводится в государственном секторе, тогда как применяются полученные знания в основном в секторе частном. Развитые страны решают эту проблему на основе частно-государственного партнерства¹.

Различные источники финансирования, которые привлекаются предприятиями для реализации новых технологий при выпуске ин-

в современном, стремительно развивающемся мире новая технология может коренным образом изменить ситуацию на рынке. Microsoft является ярким представителем компаний нового поколения, которая быстро став гигантом рынка, сегодня открыто заявляет о своих опасениях касательно будущего фирмы. Этот пример — еще одно подтверждение тому, что с течением времени активная жизнь большинства технологий на рынке значительно сокращается и для изделий рано или поздно наступает время заметного снижения объема реализации.

¹ Финансирование инновационного развития. Сравнительный обзор опыта стран ЕЭК ООН в области финансирования на ранних этапах развития предприятий. Европейская экономическая комиссия ООН. Нью-Йорк и Женева, 2007. СПб., 2008. С. 188.

новационной продукции, обладают определенными характеристиками, которые существенно влияют на их выбор.

Инновационная деятельность зачастую испытывает трудности в нахождении необходимого ей финансирования. Для эффективной поддержки инноваций нужно большее, чем только дополнительные ресурсы. Для этого требуется наличие специализированных финансовых посредников, способных предоставлять не только деньги, но также и управленческий и технический опыт. Появление и развитие инфраструктуры финансирования для поддержки инновационных предприятий на разных стадиях их развития — это комплексный процесс, зависящий от множества условий и требующий эффективного распределения и перераспределения капитала.

Как уже говорилось, создание инновационного продукта — многофакторная задача. Одним из ключевых механизмов финансирования инновационной деятельности являются государственные целевые программы, в рамках которых реализуется инновационная цепочка. По целевым программам ведется проектно-целевое финансирование, ставится проект-задача по разработке технологии или созданию инновационного продукта.

Развитию инновационного предпринимательства способствуют налоговые преференции, т. е. комплекс мер, обеспечивающих налоговое стимулирование (существенное уменьшение налогооблагаемой прибыли на суммы, направляемые предприятиями на научную и инновационную деятельность, освобождение от уплаты части налога на прибыль в течение ряда лет), льготное кредитование инновационных проектов, использование доходов от реализации собственности на развитие научной деятельности.

*Основными источниками финансирования инновационной деятельности являются*¹: *бюджетные средства и внебюджетные средства*, которые включают в себя собственные средства предприятий, осуществляющих инновационную деятельность, и средства инвесторов.

Бюджетные средства. Финансирование инновационной деятельности за счет бюджетных средств осуществляется в соответствии с целями и приоритетами государственной инновационной политики и предназначается как для решения крупномасштабных научно-технических проблем, так и для поддержки инновационного предпринимательства.

Внебюджетное финансирование инновационной деятельности. Субъекты инновационной деятельности самостоятельно определя-

¹ Финансирование инновационного развития. С. 25.

ют источники, структуру и способы привлечения внебюджетных средств.

Собственные средства предприятий. Инновационную деятельность предприятие может вести как за счет финансовых средств, привлекаемых со стороны, так и за счет собственных средств. Важными внутренними источниками финансирования инновационной деятельности организаций являются *амортизационные отчисления* и *фонд развития производства*.

Амортизационные отчисления часто являются основным внутренним источником предприятия. Они осуществляются для приобретения нового оборудования, техники и тому подобное, которые необходимы для инновационной деятельности.

Фонд развития производства, как и другие фонды специального назначения, образуется за счет прибыли, остающейся в распоряжении предприятия. Порядок формирования этого фонда и нормы отчисления самостоятельно устанавливаются предприятием.

Цели и направления использования фонда развития производства непосредственно определяются инновационной политикой предприятий, пакетом инновационных проектов, осуществляемой инновационной деятельностью.

Финансирование инновационной деятельности за счет *средств инвесторов* реализуется в форме:

- инвестиций в ценные бумаги, эмитируемые субъектами инновационной деятельности;
- прямых вложений в денежной форме, в виде ценных бумаг, основных фондов, промышленной и интеллектуальной собственности и прав на них, осуществляемых на основе заключения партнерских соглашений о совместном ведении инновационной деятельности;
- путем использования кредита, *лизинга* и иных способов привлечения финансовых ресурсов.

Инновационные фонды формируются за счет средств предприятий, осуществляющих инновационную деятельность, средств банков, страховых компаний и иных финансовых институтов. В создании и деятельности инновационных фондов могут принимать участие заинтересованные государственные органы.

Основной целью инновационных фондов обычно является концентрация средств на приоритетных направлениях инновационной деятельности для финансовой поддержки перспективных инноваций. Как правило, инновационные фонды предоставляют прошедшим *независимую экспертизу* и конкурсный отбор инновационным проектам финансовые средства на возвратной или безвозвратной ос-

нове. Кроме этого, инновационные фонды часто выполняют функции поручителей и гарантов по обязательствам инновационных корпораций.

При финансировании инновационных проектов, реализация которых связана с высоким уровнем финансового риска и неопределенностью финансового результата, инновационные корпорации могут использовать различные формы кооперации, включая создание венчурных фондов, а также заключение партнерских соглашений на всех стадиях разработки, освоения и внедрения инноваций.

В развитых странах как важнейший источник внебюджетного финансирования научных исследований, прикладных разработок и инновационной деятельности используется *институт венчурного инвестирования*¹.

Развитие национальной индустрии венчурного капитала часто получает поддержку со стороны государства в качестве компонента его общей политики в поддержку инноваций. Верно нацеленные инициативы со стороны государства играют важную роль в формировании динамично развивающейся индустрии венчурного капитала.

Особенность венчурного (рискового) инвестирования² состоит в том, что вложения в инновационные компании осуществляются без предоставления ими какого-либо залога. Венчурный инвестор не стремится приобрести контрольный пакет акций компании, рассчитывая, что ее менеджмент использует его деньги в качестве финансового рычага и обеспечит ускоренный рост и развитие своего бизнеса.

Основные, традиционные для развитых стран источники средств венчурного капитала — банки, негосударственные пенсионные фонды и страховые компании — составляют примерно $\frac{2}{3}$ общего объема капитализации венчурных фондов.

¹ Венчурный капитал — это капитал, используемый для осуществления прямых частных инвестиций, который обычно предоставляется внешними инвесторами для финансирования новых, растущих компаний, или компаний, находящихся на грани банкротства. Венчурные инвестиции — это, как правило, рискованные инвестиции, обладающие доходностью выше среднего уровня. Также они являются инструментом для получения доли во владении компанией. Венчурный капиталист — это лицо, которое осуществляет подобные инвестиции. Венчурный фонд — это механизм инвестирования с образованием общего фонда (обычно партнерства) для инвестирования финансового капитала, в основном сторонних инвесторов, в предприятия, которые для обычных рынков капитала и банковских займов представляют слишком большой риск.

² Финансирование инновационного развития. С. 50–63.

Развитие индустрии *венчурного капитала* призвано способствовать привлечению внебюджетных средств в инновационную сферу. Венчурные фонды предпочитают вкладывать капитал в инновационные компании, чьи акции не обращаются в свободной продаже на фондовом рынке, т. е. путем приобретения акций на внебиржевом рынке. Нередко венчурный капитал служит своеобразным мостом к выходу инновационной компании на фондовый рынок.

Водораздел между венчурными и прочими прямыми инвестициями в акционерный капитал проходит по признаку наличия или отсутствия контролирующего участия в реализации инновационного проекта. Венчурный инвестор с целью снижения рисков в качестве обязательного условия финансирования в большинстве случаев требует вхождения своего представителя в состав совета директоров корпорации.

Для повышения эффективности инновационного предпринимательства необходимо наличие достаточного количества «посредников-консультантов», способных не только оказать помощь в поиске финансовых ресурсов, но и предоставить управленческий и технический опыт. Деятельность таких посредников направлена на повышение стоимости инновационных компаний за счет роста их конкурентоспособности. К такого рода посредникам помимо венчурных компаний относятся «бизнес-ангелы».

«Бизнес-ангел» — частный *инвестор*, вкладывающий средства в инновационные проекты на этапе создания предприятия в обмен на возврат вложений и долю в капитале (обычно блокирующий пакет, а не контрольный). «Ангелы», в отличие от *венчурных компаний*, как правило, вкладывают свои собственные средства. Небольшое, но растущее число «бизнес-ангелов» образует сети, или группы, для объединения капиталов и для того, чтобы совместно участвовать в поиске объектов инвестиций.

Рынок венчурного предпринимательства требует активного участия государства в создании адекватных институтов венчурного инвестирования, формировании материальных, правовых и образовательных условий для появления достаточного количества инновационных компаний.

Важной задачей при этом является определение путей комплексного развития национальной венчурной индустрии и роли частного бизнеса в этом процессе. Государство, предпринимая те или иные шаги в области поддержки венчурного предпринимательства и его инфраструктуры, играет роль катализатора в развитии перспективных направлений.

Организационные меры, посредством которых может быть поддержано развитие инновационного бизнеса, делятся по уровням уп-

равления (макроуровень, региональный уровень, уровень ассоциаций). При этом наибольший эффект достигается при сочетании организационных мер всех уровней.

Эффективными организационными формами, позволяющими с минимальными затратами реализовать эффект экономии в масштабах инновационного бизнеса, являются комплексные и специализированные технологические центры (технопарки, технополисы и т. д.), создаваемые государством, которые позволяют обеспечивать системное применение финансовых инструментов (льготных налогов, льготных кредитов, льготных таможенных пошлин и т. п.).

Инновации и конкурентоспособность. В современных условиях инновационная деятельность становится наиболее эффективной формой интенсификации воспроизводственных процессов. Она в значительной степени предопределяет темпы экономического роста, степень конкурентоспособности экономики и страны в целом, а также уровень благосостояния ее граждан.

Высокие технологии — это та сфера, которая может решить самые крупномасштабные задачи в социально-экономическом развитии любого государства. Именно они являются тем мощным рычагом, с помощью которого многие страны не только преодолевают спад в экономике, но и обеспечивают ее структурную перестройку и насыщают рынок разнообразной конкурентоспособной продукцией¹.

Во всем мире инновационная деятельность рассматривается сегодня как одно из главных условий модернизации экономики. Традиционные отрасли производства, еще недавно определявшие лицо экономики большинства развитых государств, во многом исчерпали как экстенсивные, так и интенсивные возможности своего развития. Поэтому во многих странах на первый план выдвигаются уже не эти отрасли, а совсем иные, основанные на использовании новейших технологий. В Германии, например, почти 100 % прироста ВВП осуществляется за счет использования результатов научных исследований и инноваций.

Внедрение новых технологий для разных стран происходило различными путями. Так, в США большая часть федеральных научных исследований и опытно-конструкторских разработок проводится через контракты и гранты негосударственными организациями, т. е. негосударственные организации являются ключевым звеном в системе НИОКР. Через них федеральное правительство в состоянии обеспечить работой лучшие научно-исследовательские организации и та-

¹ *Летников В. Б.* Технологические инновации и конкурентоспособность бизнеса // Российское предпринимательство. 2005. № 11.

лантливых ученых, ставя перед ними конкретные научные и опытно-конструкторские задачи.

Достижение существенных результатов в развитии инновационной сферы российских компаний в ближайшее время представляется проблематичным. Причиной тому служит в первую очередь отсутствие в стране серьезного опыта ведения инновационной деятельности в рыночных условиях. Корни этой проблемы уходят в прошлое и связаны с ориентацией научно-исследовательских организаций на выполнение государственных, в основном военно-промышленных, заказов и отсутствием возможностей для самостоятельного выведения новых изделий на рынок. Анализ проблем, связанных с ускорением интеграции науки и производства, внедрением инновационных процессов в промышленность, показывает также, что многие из этих проблем проистекают из-за отсутствия хорошо сформированной инфраструктуры поддержки горизонтальных связей между предприятиями, научными и финансовыми организациями. Определенную роль, конечно, играют финансово-экономический кризис, «утечка мозгов» и старение научных кадров (см. табл. 3).

Таблица 3

Проблемы развития инновационной сферы в России

Области	Условия и факторы	Конкретные последствия
Кадры	Дефицит предпринимателей-инноваторов (интрапренеров). Мало историй успешного бизнеса.	Страх банкротства, негативное отношение общества к бизнесу.
	Отсутствие системы обучения предпринимательству.	Нет преподавателей-практиков.
	Демографический кризис. Пониженный уровень мобильности внутри страны, отток кадров из страны.	Миграционная политика не способствует привлечению квалифицированных кадров.
Структура экономики	Риски в сферах высоких технологий выше, чем в сырьевых отраслях, доходность не очевидна. Разрыв между образованием, наукой и производством. Избыточность предприятий со значительными ресурсами и минимальными обязательствами (как следствие проведенной приватизации). Налоговая система стимулирует производство с низкой добавленной стоимостью. Нет внутреннего спроса на инновационную продукцию.	Воспроизводство ресурсно-сырьевой ориентации хозяйства. Монополизм и недобросовестная конкуренция.

Позиция элит	Российские элиты слабо связаны с Россией.	Нежелание инвестировать внутри страны.
	Благосостояние элит зависит от сырьевых секторов. Инновации в сфере государственного управления грозят дестабилизировать сложившуюся политическую и бюрократическую систему.	Незаинтересованность в модернизации экономики и государства.
Деловой климат	Размытость прав собственности. Неэффективная судебная система. Налоговая служба склонна трактовать законы не в пользу инноваторов.	Высокие риски инвестирования.
	Информационная закрытость потенциальных деловых возможностей. Длительность принятия решений органами власти.	Сложность выработки корпоративных стратегий инновационного развития.
Право	Отсутствие необходимых законов для развития инновационной сферы. Противоречивость и нечеткость юридических норм. Отставание законодательства от новых форм предпринимательства	Неадекватные правовые формы венчурных фондов.
Коррупция	Неравные условия для крупного и малого бизнеса.	Выталкивание бизнеса в «тень».
	Отчуждение власти и общества, невозможность принятия согласованной стратегии и заключения общественных договоров	Отсутствие защиты от произвола.
Институты	Изменчивость правил рыночного регулирования, излишнее администрирование. Отсутствие стратегического руководства модернизацией экономики и инновационным развитием, неэффективность инструментов государственной политики, слабое использование института госзаказа. Нет инвестиционной среды.	Слабость рыночных институтов регулирования. Нет развитого фондового рынка. Нет сети венчурных фондов.
Имидж России	Россия не ассоциируется с конкурентоспособным и высокотехнологичным производством, считается ненадежным и непредсказуемым партнером. Акцент на авторитарных тенденциях.	Иностранный капитал не идет в Россию.
Конкуренция со стороны других стран	Низкая производительность труда в экономике ведет к удорожанию даже эффективных производств.	Высокие зарплаты менеджмента снижают конкурентоспособность.
	Российское государство слабо помогает отечественному бизнесу в международной конкуренции.	Слабая поддержка конкурентоспособных инноваций.

«Перезагрузка» либеральной модели: от экономического к политическому измерению общественных процессов

Традицией практически всех предположений и рассуждений человечества о своем будущем становится подчеркивание того факта, что почти все встающие перед ним проблемы начинают приобретать глобальный характер, а значит, могут быть решены благодаря сотрудничеству и кооперации. Новые угрозы существованию человечества не делают различий между расами, нациями и конфессиями, поэтому политика из чисто национальной объективно обречена трансформироваться в многостороннюю, способствуя тем самым формированию транснациональных общностей. Парадоксально, но на практике наблюдается и обратный процесс — на фоне рассуждений о глобализации мира происходит постепенная регенерация национальной независимости и национальной политики. Причиной этого является столкновение глубоко индивидуальной логики капитализма и рыночного фундаментализма и логики кооперативного сообщества, каковым является и национальное государство, и мировое сообщество в целом.

Если рассматривать этот процесс в хорошо известных экономистам терминах, то очевидно, что доминирующая в мире капиталистическая модель производства, основанная на принципах эгоизма, неравенства и конкуренции, олицетворяя «предложение», вошла в противоречие с олицетворяющей «спрос» кооперативной моделью, основой которой является коллективизм, равенство и справедливость. Стремление каждого члена сообщества, будь то отдельная личность или кооперативный субъект, к накоплению капитала и обретению все большего богатства, повышая его благосостояние, не только не устранило неравенство, но и усугубило его, создав тем самым условия для расслоения общества и его фрагментации. В результате главной задачей национальной политики становится бесконфликтное совмещение принципов рыночного фундаментализма и политической свободы граждан, так как государство как легитимный носитель властных полномочий способно устанавливать границы и правила функционирования миросистемы, являясь при этом своеобразным щитом, защищающим население от негативных тенденций, присущих ей. Государственная политика как интегральная функция общественного мнения позволяет воспринимать конкретное государство как некий целостный объект, являющийся частью современной миросистемы.

Все государства как важнейшие элементы миросистемы, несмотря на различные модели устройства, столь важные для их граждан, в своей основе сохраняют основные тенденции, присущие ей. Находясь

в ее рамках и приняв тем самым правила ее функционирования, государственные политические, экономические и социальные структуры существенным образом ограничены в маневре, ибо, руководствуясь иными правилами, они рискуют лишиться возможности влиять на миросистему, тем самым невольно понижая статус конкретного государства. С другой стороны, им может угрожать утрата легитимности, а значит, потеря власти, что представляет прямую угрозу «территориальной целостности», «суверенитету» и «стабильности конституционного строя», являющимися жизненно важными для каждого государства и его национальными интересами. Это заставляет нас вновь обратиться к терминам «внешняя» и «внутренняя» безопасность общества и государства.

Если же рассматривать миросистему в целом как предельно возможный вариант сообщества, то речь может идти лишь о ее «внутренней» безопасности, поскольку «внешней» безопасности в настоящий момент для нее просто пока не существует. Она исчезла одновременно с распадом мировой системы социализма и Советского Союза.

В современном мире сложились гораздо более сложные взаимосвязи между такими понятиями, как «национальное» и «интернациональное» или международное, которые стали проникать друг в друга, что заметно усилилось по мере глобализации мира. Благодаря этому обострилась проблема безопасного управления миросистемой с целью сохранения в ней политических свобод, придания ей глобальной справедливости, социальной безопасности и устойчивости. Принцип свободы действий ради выгоды стал серьезным препятствием для кооперации, а значит, практически лишает человечество возможности не только адекватно оценивать, но и эффективно противостоять возникающим угрозам. Неустойчивость и недолговечность межгосударственных коалиций, протекционизм и практическая бесперспективность переговоров относительно любых совместных действий на перспективу, будь то ресурсы, финансы, товары, услуги, экология или безопасность, свидетельствуют об этом¹. Череда кризисов — сырьевых, промышленных, финансовых, экологических, демографических, охвативших мир и ставших всеобщим «достоянием», — свидетельствует о почти полной потере управляемости процессами, происхо-

¹ Наиболее ярким примером являются саммиты «Большой восьмерки» G8, которые, не решив «задач тысячелетия» и не ответив на «глобальные вызовы», возможно, в будущем будут восприниматься как очередной консультативный институт, стремящийся к расширению до бесконечности круга своих участников.

дящими в рамках капиталистической модели в ее современной, либеральной форме.

Сначала в экономике, а затем и в политике либеральная модель превратилась во влиятельную, решающую и нормативную силу. Ее сторонники настоятельно проповедают мысль о том, что все в мире продается и покупается, а значит, любое действие может быть вписано в систему рыночных отношений, которые позволят в конечном счете обеспечить справедливое накопление и распределение благ. Так, официальной мантрой самого влиятельного носителя этой модели — США — стал постулат о том, что он «стремится к справедливому миру, где на смену угнетению, недовольству и бедности приходит стремление к демократии, развитие, свободные рынки и свободная торговля», которые и должны доказать свою способность вывести целые общества из бедности¹. Упоывая на притягательные для всех постулаты демократии и благосостояния, либерализм начал распространяться не только вширь, но и вглубь, проникая практически во все властные и общественные институты национального государства — политические партии, парламенты и правительства. Государственная политика, заимствовав принципы свободного рынка, совершенно естественно в качестве своего главного ориентира стала обозначать конкурентоспособность страны, так как, если государство хочет выжить во все более глобальной рыночной экономике и политике, оно просто обречено стать конкурентоспособным².

Перешагнув национальные границы и выйдя на межгосударственный уровень, конкуренция развернулась во всех сферах общественной деятельности и невольно вторглась в область национальных интересов государства. В мире продолжилась борьба за создание наиболее привлекательного для всех облика государственного устройства, который и должен стать эталоном для мирового сообщества. Говоря современным языком, речь идет о создании благоприятного «внешнего климата», или о PR-кампании на межгосударственном уровне³.

² *Bush G. W. Securing Freedom's Triumph // New York Times. 2002. September 11.*

² См.: Послание Федеральному собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 года. Москва, Кремль. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2000/07/08/0000_type63372type63374type82634_28782.shtml.

³ Термин public relations (PR), который в дословном переводе означает «общественные связи» или «связи с общественностью», был введен в оборот создателем Декларации независимости президентом США Томасом Джефферсоном, который понимал под ним «управление общественным мнением».

В условиях отсутствия реальных альтернатив существующей мировой системе однозначный выбор сделать практически невозможно и национальные интересы стран обречены сталкиваться. Риски умножаются, и при переходе определенного предела возникнет реальная угроза для конкретного государства. Появится необходимость «сдерживания» инициатив, а значит, создадутся необходимые условия для кооперации. Конкуренция будет сменяться кооперацией, и наоборот: ведь последняя, как правило, возникает ради устранения определенной угрозы, а значит, время ее существования ограничено.

Благодаря глобальному рынку и законам движения капитала, к которому теперь в равной степени могут быть отнесены все материальные и нематериальные активы общества, известные демократические принципы свободы, равенства и братства немедленно пришли в противоречие между собой. Перед человечеством остро встал выбор между выгодой и справедливостью, которые в равной степени можно отнести к базовым условиям гармоничного развития общества. Проблема безопасного соотношения между собой базовых демократических принципов — свободы, равенства и братства — исследовалась нами ранее¹. При этом проблему соотношения законов рынка с демократическими принципами государственного устройства мы не рассматривали. Интересно попытаться оценить влияние свободы на устойчивость, развитие и безопасность государства и мировой системы в целом в условиях доминирования либеральной модели. Фактически речь пойдет о степени безопасности либеральной модели и развития по ее канонам.

Поступающая из различных источников информация указывает на возросший интерес мирового экспертного сообщества к данной проблеме. Знаковым в этом плане можно считать доклад «В условиях большей свободы — к безопасности, развитию и соблюдению прав человека для всех», сделанный Генеральным секретарем ООН К. Аннаном на 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН еще в 2005 г. В нем прямо поставлен вопрос об ответственности членов организации за построение *более справедливого мироустройства*, способного преодолеть главные бедствия современного мира — голод, нищету, вооруженные конфликты и грубые нарушения прав человека. Можно, пожалуй, утверждать, что человечество начало осознавать необходимость замены принципа «свобода от» принципом «свобода

¹ См.: Назаренко А. В. Национальная и международная безопасность: концепции и реалии в XX–XXI вв. (Историко-политологический анализ). Дис. ... канд. полит. наук. М., 2008.

для». Возникает возможность примирить между собой конкуренцию, источником которой является свобода, и кооперацию как следствие справедливости.

При каких условиях это станет возможным? Каковы наиболее вероятные пути и результаты подобного примирения?

Как уже говорилось выше, основой либеральной модели является процесс свободной конкуренции, что означает: все члены сообщества вовлечены в игру с присущими ей атрибутами — выигрышем или проигрышем. Игра может быть как жесткой, некооперативной, когда любые коммуникации между ее участниками разрушаются, что было характерно для определенных периодов холодной войны, так и мягкой — кооперативной, когда связи сохраняются, делая возможным создание различных коалиций — внутренних и внешних. Математической моделью жесткой игры, или конфликта, является игра в нормальной форме, которая задается биматрицей. Участники игры начинают выбирать стратегию, которая способна максимизировать их выигрыш¹.

Для понимания процесса игры и оценки ее результатов попробуем смоделировать ход рассуждений участников. При выборе своей стратегии участники игры ориентируются друг на друга, стремясь действовать способом, обеспечивающим наилучший результат в складывающейся ситуации. Если участник игры полагает, что другие участники столь же рациональны, как и он сам, то должен предположить, что, выбирая определенную модель поведения, может ожидать от них соответствующего выбора. В результате каждый игрок учитывает, что все остальные знают о том, что он считает их рациональными. Процесс выбора стратегий становится бесконечным, ибо возникает бесконечная цепочка «вложенных» рассуждений. Участникам игры невыгодно отклоняться от избранной стратегии в одностороннем порядке, а значит, выбрав определенную стратегию, они ничего не выигрывают, отклоняясь от нее, и конкуренция между ними продолжится. В этом и заключен смысл равновесия Нэша². Вместе с тем подобно-

¹ Стратегия — это искусство достижения желаемого будущего. Она отвечает на вопрос «как получить желаемое» при наличии целого ряда ограничений.

² Докторская диссертация Джона Нэша «Некооперативные игры» объемом в 27 страниц представляла концепцию равновесия для некооперативных игр. Равновесие Нэша стало основным инструментом экономического анализа и прогноза, и спустя более 40 лет после его открытия привело к присуждению ему Нобелевской премии. К этой концепции часто обращаются

го равновесия может просто не существовать или оно может быть не единственным или неэффективным. Возможен вариант, когда для всех игроков ситуация равновесия может оказаться хуже, чем любая другая. Понятно, что подобная ситуация может ухудшать качество равновесного состояния системы, а значит, не должна устраивать игроков.

Одной из наиболее известных дилемм, связанной с этим парадоксом, является «дилемма заключенного», когда ее участники стремятся получить выгоду, не сотрудничая, а предавая друг друга. Если каждый из игроков стремится максимизировать свой выигрыш, не заботясь о выгоде остальных, что характерно для либеральной модели, то предательство может доминировать над сотрудничеством. Единственно возможным решением может стать «предательство» обоих участников игры, но даже если по отдельности их поведение можно считать рациональным, то вместе оно ведет к нерациональному решению, порождая трудноразрешимую проблему стратегического манипулирования. Ее актуальность наглядно подтверждает нередко фигурирующее в выступлениях политических лидеров и средствах массовой информации понятие о «двойных стандартах». Как считает нобелевский лауреат Дж. Ю. Стиглиц, «в реальном мире очень часто встречаются контракты в неявном виде, взаимопонимания и нормы поведения, обеспечивающие достаточно гладкое функционирование общества. В основе работоспособности экономических систем *и не только их* (курсив мой. — А. Н.), в общем и целом лежит взаимное доверие, поскольку индивидуумы делают то, что они обещали сделать. На примере неэффективных социумов мы убеждаемся в том, насколько катастрофическими последствиями для экономики чревато нарушение доверия», когда происходит расторжение контрактов, что «может принести кратковременные выгоды, но таит в себе опасность огромных издержек в долговременной перспективе»¹.

«Дилемму заключенного» часто называют «основной дилеммой безопасности», поскольку она напрямую связана с безопасностью модели поведения игрока, который не хочет проиграть. Та сторона, которая считает, что в отношении ее поступили несправедливо, неминуемо стремится к возмездию, чреватому нарастанием конфликтности и осложнением ситуации. Это значит, что попытка одного государства обеспечить для себя определенные преимущества заставляет не

и те, кто связан с принятием решений в различных сферах, поэтому она может с успехом применяться и в политике.

¹ Стиглиц Дж. Ю. Ревущие девяностые. М., 2005. С. 326–327.

только его противников, но и остальных принимать ответные меры, направленные на устранение этого разрыва, запуская тем самым механизм догоняющего развития. «Атака отстающих» всегда приводит к погоне за лидером и конфронтации, следствием которой является ухудшение безопасности всех, а значит, и общий проигрыш¹.

Как показывает пример США, претензия на более высокий уровень собственной безопасности автоматически заставляет руководство страны, по мнению известного американского политолога З. Бжезинского, обеспечить баланс между участием Америки в кооперации и самостоятельными действиями². Заметим, что в этом случае речь фактически идет о попытке решения дилеммы «конкуренция — кооперация», основой которой является дилемма «свобода — справедливость». Это, как весьма верно замечено, с одной стороны, может привести к «стратегической летаргии», утрате динамики развития, а с другой, к положению «осажденной крепости», приводящему к аналогичному результату. В этом состоит главная проблема внешнеполитического курса не только США, но и любого государства в условиях монопольного функционирования либеральной модели.

Возможность существования неэффективного равновесия Нэша заставляет нас обратиться к понятию Парето-оптимальной ситуации, когда «всякое изменение, которое не приносит убытков, а которое некоторым людям приносит пользу (по их собственной оценке), является улучшением». За участниками игры признается право на любые изменения, которые никому не приносят дополнительного вреда. Если вернуться к «дилемме заключенного», то легко увидеть, что Парето-оптимальная ситуация не может быть достигнута при искажении или сокрытии информации участниками игры и делает невозможным предательство. *Кооперация, основанная на доверии, в долгосрочной перспективе может оказаться более эффективной стратегией.* Поскольку оптимальное состояние общества предполагает, что общее благосостояние достигло максимума, распределение ресурсов оптимально, а любой другой вариант ухудшит благосостояние любого из *субъектов* сообщества, то взаимное равновесие интересов и выгод достигается тогда, когда суммарное удовлетворение сторон максимально. Это утверждение полностью соответствует знаменитому высказыванию А. Смита о «невидимой руке» рынка, которое

¹ Эта удачная формулировка использована С. А. Карагановым в статье «Новая холодная война» (Россия в глобальной политике. 2008. № 5).

² *Бжезинский З.* Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2005. С. 9.

и легло в основу теоремы о его равновесии как Парето-оптимальном состоянии.

Большинство решений в теории игр подразумевает, что информация об игре, в которую играют (т. е. состав участников, возможные стратегии и выигрыши), является общим знанием, а значит, равновесие Нэша в условиях олигополии достигается при нулевых ценах¹. Отсюда любой сговор между участниками игры становится наиболее эффективной или прибыльной для каждого стратегией и, по сути, поддерживает необходимость универсализации либеральной, рыночной стратегии и многополярного мира, что и наблюдается в настоящее время. Несмотря на претензии на эффективность, идеология рыночного фундаментализма серьезно деформировала идеалы и структуры общества, из-за чего всеобщим достоянием стали многочисленные пороки либеральной модели. Наглядно проявился так называемый либеральный парадокс: не существует такой универсальной и справедливой демократической процедуры, которая оказалась бы совместимой с неограниченной свободой личного выбора. В результате из-за фундаментальной ошибки в институциональных реформах, которых просто невозможно было избежать, мировая экономика и политика так и не сумели войти в режим совершенной конкуренции, ведя общество к Парето-оптимальной ситуации.

Мы преимущественно рассматриваем сообщество в разных его проявлениях, поэтому как бы хорошо теория игр ни отражала происходящие в нем процессы, она не всегда адекватно показывает их суть. Очевидно, что любое коллективное взаимодействие может подразумевать как конфликт, так и совпадение интересов, говорящее в пользу кооперации. Поскольку существует как прямая, так и обратная теорема общественного благосостояния, оптимальное по Парето равновесие может быть достигнуто и в ходе совершенной конкуренции, и в ходе совершенной кооперации. Любые произведенные обществом блага могут распределяться или эффективно, или справедливо, обратная теорема благосостояния утверждает, что справедливое распределение может обеспечить требуемую эффективность производства благ, а значит, и положительную динамику развития общества. Необходимыми условиями для этого являются полная и неискаженная информация, совершенная конкуренция, большое число участников, из которых никто не имеет price-taker — рыночной власти, и ряд дру-

¹ Олигополия (от *англ.* oligopoly) — рынок, на котором доминируют несколько крупных продавцов, формирующих предложение товаров (в нашем случае — стратегий) определенного ассортимента.

гих, менее значимых ограничителей. Существование как прямой, так и обратной теоремы благосостояния свидетельствует о том, что процессы достижения эффективности и поддержания справедливости могут при определенных условиях либо дополнять друг друга, либо конкурировать между собой.

Поиск критериев справедливости актуален для любого сообщества, без толерантности его участников оно неизбежно распадется. Если кооперативные возможности не могут быть эффективно использованы при децентрализованных действиях членов сообщества, то решения общественной значимости нельзя принимать на основе рыночных механизмов, которые к тому же оказались весьма несовершенными в реальных условиях. Это означает, что необходим поиск новых подходов к выработке эффективных кооперативных решений, способных обеспечить бесконфликтность общества, сохраняя при этом потенциал и способность его развития. Это заставляет нас обратиться к тому разделу математики, в котором изучаются методы принятия подобных решений.

Существуют два способа принятия решений, способные поддерживать кооперацию общества, обеспечив его разумную внутреннюю организацию. Речь в первую очередь пойдет о способах распределения, благодаря которым ищутся и достигаются компромиссы между членами сообщества. Естественно, что способ, а значит, и система распределения благ всегда опираются на представление о справедливости каждого из членов сообщества. Если большинство из них не признает справедливости существующего способа распределения, то кооперация либо распадается, либо затрачиваются дополнительные ресурсы на систему подавления и наказания, что неминуемо скажется на эффективности кооперации. Таким образом, и индивидуальные оценки, и коллективный выбор становятся основой подхода к пониманию и исследованию общественного агрегатирования решений и механизмов их реализации. В теории коллективного выбора, прямо связанной с теорией общественного благосостояния, коллективное благосостояние является следствием индивидуальной выгоды членов сообщества, а значит, ею и определяется. Ведь любая кооперация является крайне хрупким предприятием, ибо каждый из ее участников должен осознавать, что в его отношении поступили справедливо. Это означает, что *справедливость, положительно влияющая на консенсус общества, является главным условием его внутренней устойчивости*. Другим, не менее важным условием устойчивости кооперации является ее эффективность, поскольку свобода и независимость всегда легко способны восполнить этот недостаток. Поэтому *эффектив-*

ность становится главным условием, но уже внешней устойчивости кооперации. Это в конечном счете означает полное несовпадение целей внутренней и внешней политики любого государства в условиях либеральной модели и дезавуирует уже известное нам заявление американской администрации о том, что в новых условиях (имеется в виду *глобальный и свободный мир*) «исчезнут границы между внутренней и внешней политикой». Подобное заявление свидетельствует лишь о стремлении отдельного государства к миссионерству во имя победы в конкурентной борьбе, в результате чего происходит глобализация его национальных интересов. «Государства, включенные в свободный рынок, будут ощущать себя в большей безопасности и стремиться к свободе», а значит, «будут в меньшей степени угрожать интересам Соединенных Штатов», что «сделает мир более безопасным и более преуспевающим местом, где смогут продвигаться их интересы во имя безопасности и процветания»¹. В результате последовательный переход от национальной экономики и политики к национальной экономике и международной политике, а затем и к мировой экономике и политике заставляет государство постоянно «форматировать» национальное и мировое пространства под себя с целью обретения дополнительных преимуществ в конкурентной борьбе². Кроме того, существующие и вновь создаваемые международные и региональные организации также ставят перед собой цель «отформатировать» мировое пространство для решения определенных задач.

Заметим, что любая кооперация ориентирована в первую очередь на распределение благ, а не на их создание. Перераспределение благ, накопленных в результате индивидуальных усилий членов кооперации, в какой-то степени нивелирует различия между ними и в конечном счете устраняет избыточность, накопленную системой и обществом. Гуманитарные и социальные науки, в первую очередь политология, экономика, социология и социальная психология, изучая процесс распределения тех или иных благ, ищут способы справедливого снятия накопленной индивидами избыточности для поддержания разумной организации различных сообществ — профессиональных, национальных, конфессиональных, государств, их коали-

¹ A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. February 1996. URL:<http://www.globalsecurity.org/space/library/policy/national/1996stra.htm>

² Форматирование — приведение чего-либо к какому-либо *формату* или переупорядочение, обновление и оптимизация существующей системы.

ций и мирового сообщества в целом. По сути, это означает, что идет либо поиск путей активизации естественных ограничителей свободы действий, либо установление искусственных ее ограничителей, при которых сохраняются условия для безопасного развития частного и одновременно исключается хаос и потеря управляемости общим.

Существует лишь два подхода к принятию кооперативных решений. Для приверженца утилитарного подхода, базирующегося на принципе свободы и делающего его, таким образом, основой либеральной модели и идеологии, кооперация хороша настолько, насколько она увеличивает общее благосостояние и эффективность общества. Эгалитаризм, наоборот, вытекает из древнейшего и весьма популярного принципа справедливости, а значит, его применение предполагает выравнивание индивидуальных выгод, обращая при этом внимание на наименее удачливого члена сообщества. Поэтому эгалитаризм вступает в противоречие с принципом единогласия — основным постулатом коллективного принятия решений. Этот, казалось бы, противоестественный факт ведет к возникновению известной дилеммы равенство — эффективность. Поиск путей ее разрешения с целью создания условий для рационального и одновременно демократического пути принятия кооперативных решений привел к фундаментальному выводу о том, что «социальная функция выбора, выражающая связь между индивидуальными предпочтениями и социальным выбором, должна была отвечать четырем требованиям. Ими являются переходность, эффективность по Парето, отсутствие диктатуры, навязывающей свои предпочтения всему обществу, и независимость от посторонних альтернатив». При этом было убедительно доказано, что эти четыре условия не только внутренне противоречивы, но они противоречат также друг другу, откуда следует, что *ни одна социальная функция выбора не может соответствовать всем требованиям одновременно*¹. «Теоремы невозможности», начало которым положило это знаменитое предположение, определили важнейшие ограничения на общественный выбор правил коллективного принятия решения. Они очень жестки, поскольку три общепризнанные цели — коллективная рациональность, способность принимать решения и равенство власти — всегда оказываются в непримиримом противоречии. Если общество отказывается от коллективной рациональности, принимая тем самым необходимую произвольность

¹ См.: Arrow K.J. Social choice and individual values. Second edition. N. Y.; L.; Sydney, 1963. P. 22–33. (Русское издание: Эрроу К. Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М., 2004. С. 25–40.)

и возможность оказывать влияние на нерациональные процедуры, то принцип большинства обеспечит выбор, ибо с его помощью можно достичь две другие цели. Если общество настаивает на сохранении некоторой степени коллективной рациональности, оно может достигнуть равенства, приняв правило консенсуса, но только ценой нерешительности власти. Отсюда любое общество может обрести большую способность принимать решения, концентрируя право вето во все более узком кругу его членов. Это так называемое правило диктатора, которое является самым решающим и одновременно самым неравным.

Стремление сообщества к позитивному внешнему восприятию с точки зрения благосостояния и эффективности приводит к тому, что среди его членов могут появиться «безбилетники», которые, разделяя его цели, не стремятся стать его членами, поскольку это грозит им дополнительными издержками. В основе их достаточно рационального поведения лежат все тот же принцип свободы действий и выгода, которая будет получена как членами сообщества, так и неприсоединившимися¹. Если каждый член сообщества стремится сделать вклад поменьше, получая при этом максимальную выгоду, то возникает конфликтная ситуация. Чтобы избежать этого и обеспечить устойчивость кооперации, *выгода должна концентрироваться внутри, а издержки распределяться снаружи сообщества*. Таким образом, один из принципов либеральной государственной политики ведет к росту неравенства, которое, признаваясь неизменным условием для развития общества, в конечном счете становится лишь источником различных конфликтов.

Обращаясь к уже упомянутым ранее «теоремам невозможности», которые, как видится, наиболее адекватно позволяют соотносить между собой политическое измерение рыночного фундаментализма и экономическое измерение национальной политики, можно предположить, что процессы достижения эффективности системы и поддержания ее справедливости в рамках либеральной модели являются разнонаправленными. Стремление к коллективной рациональности, по сути эквивалентной эффективности кооперации, может потребовать исключения из процесса принятия решений отдельных членов сообщества, что означает неравенство власти, а значит, недемократично по своей сути. Подобный сценарий, как мы помним, как раз и является основой утилитарного подхода к принятию кооперативных решений, лежащего в основе либеральной модели. Если сообщество

¹ См.: *Олсон М.* Логика коллективного действия. М., 1995.

готово пожертвовать эффективностью во имя обретения равенства власти или способностью вырабатывать и принимать коллективные решения, немедленно возникает дилемма «равенство — эффективность». Одним из вариантов ее разрешения является одновременное *устранение неравенства среди членов сообщества при сохранении приемлемого уровня его благосостояния*¹. В этом случае либеральная рыночная модель начинает замещаться какой-то другой — консервативной рыночной моделью, в рамках которой возможен торг при выборе приемлемого варианта из числа тех, что дают преимущества отдельным членам сообщества, или социалистической моделью, призванной примирить между собой принципы свободы и равенства, но на иной, нерыночной основе. Вместе с тем давно замечено, что «в мире, основанном на борьбе, на неограниченном соревновании личности, равенство прав ничего не значит без равенства сил», а «принцип равенства» действителен «только для тех, кто имел в данный исторический момент силу»². Как мы понимаем, этот принцип является одинаково справедливым для каждой из упомянутых нами моделей, невзирая на декларируемые ими базовые ценности свободы и равенства, которые в той или иной степени искажаются в результате вмешательства государства. В результате *практически невозможно представить себе систему, которая была бы одновременно относительно эгалитарной и демократичной*.

В условиях обозначившейся на рубеже XX–XXI вв. тенденции к сближению стран и народов и формированию единого информационного и экономического пространства, вслед за которым начинает складываться политическое и правовое, возникает вполне закономерный вопрос: что для формирующегося нового облика мира является бóльшим приоритетом — внутренняя устойчивость кооперации или ее эффективность? Представляется справедливым утверждение, что главным приоритетом мирового сообщества в конце концов станет внутренняя устойчивость кооперации, которая и позволит решать проблемы планетарного масштаба. В связи с этим возникает также вопрос: насколько рациональной и эффективной может быть эгалитарная модель общества? Это заставляет обратиться к поиску новых критериев эффективности системы. Если в рамках либеральной мо-

¹ Речь идет о так называемом принципе Пигу — Дальтона (см.: Мулен Э. Теория благосостояния. Кооперативное принятие решений: аксиомы и модели. М., 1991. С. 80, 85).

² См.: Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 7.

дели эффективность достигается за счет неравномерного обогащения и конкуренции, что, как показывает практика, далеко не всегда так, то в рамках эгалитарной, а значит, более демократичной модели кооперации, ее эффективность должна определяться другими критериями. Они могут формироваться под воздействием как внешних, так и внутренних ограничителей.

Если говорить о внешних ограничителях, то ими могут быть различные угрозы — экономические, политические, социальные и экологические, порождаемые алчностью и бесконечной погоней за прибылью. Недаром все чаще звучит мысль о том, что формируется общество страха, становящегося одним из наиболее эффективных средств социального управления и организации. Члены мирового сообщества начинают бояться всех — соседей, террористов, конкурентов, противников и даже союзников. Однако, как уже говорилось ранее, любые внешние ограничители оказываются недолговечными, и как только угроза исчезает, исчезает и потребность в кооперации. Примеры привести несложно.

Другое дело — ограничители внутренние. Поиск действенных внутренних ограничителей заставляет нас ответить на вопрос: является ли избыточность, к созданию и накоплению которой стремится каждый из членов мирового сообщества, в любом ее виде неизменным условием для его развития?

Это, в свою очередь, порождает закономерный вопрос: а как накопленная обществом избыточность циркулирует, расходуется, сберегается и инвестируется в развитие и в каком виде она может существовать? Пока однозначного ответа на данный вопрос не существует. Есть лишь общие рассуждения о трансформации фундаментальных основ благосостояния и устранении избыточности системы путем грамотных инвестиций в будущее¹.

Можно говорить о том, что накопленная обществом избыточность в условиях доминирования принципов рыночного фундаментализма и ничем не ограниченной свободы действий породила современный кризис. Охватив весь мир, кризис стал одновременно и финансовым, и экономическим, и политическим, и социальным, что позволяет говорить о его системности. Кризис явился, по сути, результатом безответственного отношения общества к созданию, распределению и расходованию накопленных им благ или повышению избыточности системы, в результате чего произошла утрата ее рациональности. Своевременным и справедливым выглядит утверждение американского президента Б. Обамы о том, что «мы пережили период, когда

¹ См., в частности: *Тэффлер Э.* Революционное богатство. М., 2008.

слишком часто сиюминутные достижения ставились выше, чем долгосрочное благополучие, когда мы разучились смотреть дальше, чем следующий платеж, следующий квартал или следующие выборы». По его мнению, «высокие доходы шли на обогащение и без того богатых, вместо того чтобы инвестироваться в наше будущее. Правила выхлещивались ради получения скорой прибыли в ущерб здоровью рынков. Люди сознательно покупали дома, которые были им не по карману, а банки и кредиторы охотно финансировали эти покупки, выдавая “плохие” кредиты. И все это время обсуждение важнейших вопросов и принятие сложных решений откладывались на неопределенное будущее». В результате «мы должны признать, что, хотя свободный рынок — самый мощный генератор нашего благосостояния, он не дает нам права игнорировать последствия наших действий»¹. Столь откровенное признание приверженца рыночного фундаментализма, который «всегда был твердо уверен в могуществе свободного рынка» («Он был и останется двигателем прогресса, Америка — источником непревзойденного в истории процветания»)², заставляет говорить о том, что доминирующая в мире либеральная модель нуждается в существенной корректировке. Кризис наглядно продемонстрировал, что потеряна управляемость процессами, происходящими в рамках либеральной модели развития — рынок оказался неэффективным регулятором, так же как и основанное на его принципах общество, будь то отдельное государство или мировое сообщество в целом. Именно это позволяет говорить о системном дефиците либеральной модели, а значит, о дефиците «спроса» и «предложения», в результате чего одновременно утрачивается и ее самоуправляемость — невидимая рука рынка становится неэффективной, а принудительное управление — государственное вмешательство — малоэффективно. Повсеместно идет поиск приемлемого соотношения властной вертикали и горизонтали, способных создать условия для принятия политических решений с целью мотивации отдельных субъектов и общества в целом, формирования и распределения материальных и нематериальных благ, что в конечном счете обозначит оптимальные темпы и уровень социально-экономического развития общества.

¹ См.: Барак Обама: «Не вижу причины, по которой “перезагрузка” не может включать в себя общее стремление укреплять демократию, права человека и верховенство закона». Ответы на письменные вопросы «Новой газеты» // Новая газета. 2009. 6 июля.

² См.: The White House. Remarks by the President on 21st century financial regulatory reform. June 17, 2009. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-regulatory-reform>.

Таким образом, можно констатировать последовательную потерю управляемости сначала экономическими, а затем социальными и политическими процессами, причем на всех уровнях. Финансовая нестабильность, трудности с удовлетворением потребностей общества, растущая безработица, неравенство внутри сообществ и между ними, сепаратизм и национализм, рост числа глобальных катастроф — природных и техногенных — заставляют говорить о том, что в мире нарастают противоречия между свободой, капиталом, демократией и рынком. Все это в конечном счете сказывается на безопасности государств и мирового сообщества в целом. Все чаще наступает понимание того, что мир вступает в новую эпоху, когда мировому сообществу необходимо осознать, что «односторонние решения доказали свою контрпродуктивность»¹.

Хорошо известно, что агрессивная конкурентная среда может привести к тому, что люди «ниспровергнут храмы и зальют кровью землю» и, «начав возводить свою Вавилонскую башню... кончат антропофагией»². Для того чтобы избежать этого печального финала и «конца истории», человечеству необходимо пересмотреть свое понимание свободы с точки зрения нравственности. Именно нравственность может стать одним из действенных внутренних ограничителей любого сообщества, ибо именно она «представляет собой свободу в действии», свободу, «уже реализованную в результате ответственного выбора, ограничивающего себя ради блага и пользы самой личности, или всего общества. Мораль обеспечивает жизнеспособность и развитие общества, и его единство»³. Третья энциклика папы римского Бенедикта XVI *Caritas in Veritate* («Милосердие в истине»), увидевшая свет летом 2009 г. накануне саммита G8 в Аквиле, впервые была обращена к социальным проблемам современности. В ней содержится прямой призыв к отказу от жадности и эгоизма и созданию «мировой политической власти» ради «оздоровления экономик, затронутых кризисом», «предотвращения ухудшения ситуации и усиления неравновесия». «Без правды, без доверия и любви к ней нет в конечном счете совести и социальной ответственности,

¹ «Реальные решения в России принимает Путин». Збигнев Бжезинский прокомментировал для «Ъ» итоги саммита Медведев — Обама // Коммерсантъ. 2009. 17 июля.

² *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. Собр. соч. В 15 т. Т. 9. Л., 1991. С. 288, 290.

³ Выступление Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II на очередной сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы. Страсбург, 2 октября 2007 г. URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/24205.htm>.

а социальная деятельность, удовлетворяющая частные интересы с позиций силы, приведет к социальной фрагментации, особенно в условиях глобализации общества, в такие трудные времена, как сейчас»¹. В свою очередь, оценивая результаты саммита G8, президент России Д. Медведев, в частности, заметил, что одно из важных направлений долгосрочной и среднесрочной стратегии развития мирового сообщества — «это реформирование собственно самого сознания, отказ от стереотипов, которые доминировали в истекшем последние годы». По его мнению, «та атмосфера, которая сложилась на этом саммите, что называется, дорогого стоит: она другая в этом смысле»².

Таким образом, в выступлениях политических лидеров и религиозных деятелей настойчиво звучит мысль о насущной необходимости «перезагрузки» либеральной модели развития и глобальной «перестройки» мирового сообщества, в основу которой будет положено не стремление к бесконечному обогащению, а извечное стремление человечества к справедливости. Разногласия проистекают из недовольства «статус-кво», когда невозможно решать проблемы, которые «более чем когда-либо в человеческой истории являются общими для государств и народов». «Технология, которую мы используем, способна осветить дорогу к миру, а может навсегда затемнить ее. Надежда на появление ребенка может обогатить мир, а может и обеднить его. Пришло время двигать мир в новом направлении. Мы должны начать новую эру взаимодействия на основе взаимных интересов и взаимоуважения, и эта работа должна начинаться сейчас»³. В критические моменты мы всегда взываем к справедливости, пытаемся найти ее свыше, а это значит, что свобода не должна быть безграничной, что ей «нужна цель»: «Истинная свобода предполагает поиск истины — истинного блага — и поэтому она находит свое свершение именно в знании того, что является правильным и справедливым»⁴.

¹ См.: Encyclical letter Caritas in Veritate of the Supreme Pontiff Benedict XVI. URL:http://www.vatican.va/holy_father/benedict_xvi/encyclicals/documents/hf_ben-xvi_enc_20090629_caritas-in-veritate_en.html.

² См.: Пресс-конференция президента России Д. Медведева по итогам работы саммита «Группы восьми». 10 июля 2009 г. Италия. Аквила. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/4764>.

³ Remarks of President Barack Obama — As Prepared for Delivery «Responsibility for our Common Future» Address to the United Nations General Assembly President Barack Obama. New York, NY. September 23, 2009. URL: http://www.un.org/en/ga/64/generaldebate/pdf/US_en.pdf.

⁴ Свободе нужна цель. Речь Бенедикта XVI на встрече с представителями политических и гражданских властей и с дипломатическим корпусом Чехии.

Все это возможно благодаря политическому, а не экономическому измерению общественных процессов, с помощью которого можно будет, сохраняя единство мира, обеспечить его внутреннюю устойчивость и самоуправляемость и постепенно вывести мировое сообщество на траекторию поступательного эволюционного всестороннего прогрессивного развития. Мы действительно «переживаем один из переломных моментов развития современной истории», когда придется решать, «каким образом будут преодолены огромные, накопленные в мировой и национальных экономиках дисбалансы и дефициты»¹. Это означает, что «у нашего поколения есть шанс выбирать»: или «перетащить аргументы двадцатого века в двадцать первый», или «собраться вместе, чтобы служить общим интересам людей»².

Перспективы развития институтов гражданского общества в современной России (правовая направленность политических процессов)

Проблема становления и развития гражданского общества особо актуальна для современной России. Она предполагает политико-правовой анализ различных структур и институтов гражданского общества, которые способствуют процессу социализации и инкультурации современного гражданина. Актуальность такого подхода состоит в том, что гражданское общество в России развивается крайне медленно и все еще не выступает как целостная совокупность общественно значимых институтов, способствующих удовлетворению как первичных, так и вторичных потребностей человека.

Основной задачей данной статьи является не просто анализ социальных функций институтов гражданского общества, а выделение тех из них, которые обеспечивают выявление социальных нужд и потребностей индивидов, обуславливая диалог и взаимодействие между гражданами и властными структурами. В качестве таких социальных институтов гражданского общества будут рассмотрены: третий некоммерческий сектор, социальные движения, эксперты, обществен-

26 сентября 2009 г. URL: http://www.benediktixvi.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2443&Itemid=53.

¹ Выступление президента России Д. А. Медведева на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 2009 г. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/5552>.

² Remarks of President Barack Obama — As Prepared for Delivery «Responsibility for our Common Future» Address to the United Nations General Assembly President Barack Obama. New York, NY. September 23, 2009. URL: http://www.un.org/en/ga/64/generaldebate/pdf/US_en.pdf.

ные организации и ассоциации, профсоюзы, местное самоуправление, СМИ, которые выполняют функцию социального контроля со стороны общества по отношению к государству. Это особо актуально для современной России, где ощутим дефицит научных исследований социальных институтов, которые давали бы не только полноценную картину функционирования институтов гражданского общества, но и надежные ориентиры для защиты интересов граждан. Основное внимание уделяется рассмотрению прежде всего политических партий, что приводит к формальному анализу институтов гражданского общества, особенно тех из них, которые обеспечивают систему социальной защиты, социальной инициативы, социальной мобильности, социального контроля, социальной ответственности и социального партнерства между обществом и государством.

Гражданское общество — это социокультурное поле, в рамках которого осуществляется реализация универсальных прав и свобод человека — социальной, экономической, политической, правовой, культурной, обеспечивающих активную позицию гражданина. Целью гражданского общества является сфера социальной интеракции, взаимодействие, взаимное влияние, установление межличностных отношений, добровольные объединения граждан, социальные движения, которые осуществляются с помощью коммуникации. Гражданское общество формируется гражданами путем конкретных форм самоконструирования и самомобилизации и институционализируется с помощью законов, прав, свобод членов общества¹.

Задачами гражданского общества являются:

- 1) определение ориентации политической активности человека и правовой роли гражданина;
- 2) определение границ политической деятельности государства, а также границ между легитимностью гражданской деятельности и политики государства;
- 3) обеспечение принципа равенства, партнерства, социальной защиты, прав и свобод гражданина, принципа договора между ними;
- 4) обеспечение прямых, обратных и горизонтальных связей между обществом и государством, обоюдная политическая ответственность граждан (членов общества) и государства за политические процессы.

На основании выделенных принципов и задач гражданского общества можно обозначить следующие цели гражданского общества:

- 1) гарантированная свобода объединений;
- 2) плюрализм, обеспечение разнообразия форм жизни и деятельности, свобода общественной жизни и деятельности;

¹ См.: Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 75.

3) законность основных прав человека, неприкосновенность частной жизни, институционализация гражданского общества;

4) обеспечение политической культуры граждан и эффективности проводимой социокультурной политики, благодаря которой члены общества становятся субъектами коллективного взаимодействия;

5) внедрение специальных процедур, повышающих рациональность в оценках эффективности политического курса.

Реализация указанных задач и целей гражданского общества осуществляется путем мобилизации людей в рамках

1) политических партий;

2) профессиональных союзов;

3) общественных организаций и ассоциаций;

4) социальных движений;

5) третьего некоммерческого сектора;

6) местного самоуправления;

7) СМИ;

8) экспертов, которые оценивают политический курс с точки зрения его соответствия интересам граждан.

Благодаря этим институтам гражданское общество выполняет различные функции, которые разделяются на две категории: обычную партиципацию, адресованную государственным институтам и структурам, и влияние общественных институтов на представителей властных структур в целях замены чиновников и изменения политических решений для удовлетворения запросов граждан. К первой категории относятся три вида активности: участие в избирательных кампаниях, голосование и лоббирование. Вторая категория охватывает активность и партиципацию в форме протеста, «ставящую под вопрос существование элиты»¹, т. е. посредством демонстраций, забастовок, митингов, когда имеют место нарушение социальных, экономических, правовых, культурных, политических прав и свобод человека.

Основные функции институтов гражданского общества и виды политической активности — обычная партиципация (участие):

I. *В рамках обычной партиципации* (целью которой является участие граждан в политических процессах и институтах) следует рассматривать деятельность политических партий, профсоюзов, местного самоуправления, экспертов, лобби, СМИ, третий некоммерческий сектор, социальные группы.

¹ Разделение форм групповой активности было предложено Сиднеем Вербой, Норманом Х. Наем и Дже-Он Китом (*Жиро Т.* Политология. Харьков, 2006. С. 90).

1. Политические партии — это общественные, социально упорядоченные организации, образующиеся по принципу социокультурной общности, имеющие свои цели, задачи, устав и программу действий, на основе которых объединяются люди. Любая партия ведет борьбу за получение голосов избирателей по принципу состязательности¹. Структура политической партии включает в себя блоки избирателей, партийную организацию и партийный аппарат, целью политической партии является разработка политических программ, представляющих интересы различных социальных групп и слоев общества. Политическая программа раскрывает цели политической партии в борьбе за власть, интересы социокультурных групп, которые она защищает. Исходя из структуры, целей и задач можно выделить следующие функции политических партий: институциональную, агрегативную, артикулятивную, электоральную, состязательную, организационно-стратегическую.

а) *Институциональная функция* политических партий — это способ ее конструктивной деятельности и обеспечения рациональности, которая не зависит от конкретных лиц. Институциональная функция политических партий включает четыре основные подсистемы: разработку политической программы, создание на этой основе политической партии, программную состязательность и проведение свободных выборов; выявление первостепенных социальных нужд и проблем граждан.

б) *Агрегативная функция* политических партий — это выявление социально значимых интересов индивидов и запросов членов общества, которые решаются политическими средствами. Иными словами, агрегативная функция политических партий — *это проблемно-ориентированная стратегия партии*, с помощью которой выявляются и типологизируются основные проблемы различных социальных групп общества.

в) *Артикулятивная функция* связана с выработкой конкретных способов решения социально значимых проблем. На основе классификации и селекции основных проблем общества разрабатываются специальные программы и предлагаются меры их решения. Это социальная база политической партии, обеспечивающая защиту интересов граждан.

г) *Организационно-стратегическая функция* партии включает в себя следующие критерии: автономность, источники финансирования, источники пополнения, характер руководства, согласованность, фракционность, вовлеченность, стратегию, тактику.

Автономию можно определить как структурную независимость партии от других институтов и организаций, государственных ресурсов, бюрократических институтов и PR-технологий, так как зависимость партии от власти подрывает ее функциональность и авторитет.

¹ См.: Жиро Т. Политология. С. 90

Организационно-стратегическая функция придает агрегативной и артикуляционной функциям политических партий практическое значение, благодаря которым она становится важнейшим институтом гражданского общества и наделяется двумя статусами — представительным и законодательным (в случае победы на выборах).

д) *Состязательная функция* политических партий предполагает принцип состязательности на программной основе и ответственность за свои обещания перед обществом. Эта функция обеспечивает связь между партией и избирателями на правовой основе в социокультурном пространстве. Принцип состязательности играет роль фильтрации, устраняя неэффективные политические партии с политической сцены и обеспечивая поддержку конструктивно-рациональной политической программы.

е) *Электоральная функция* обеспечивает донесение программных целей и задач до избирателей, от которых зависит их проникновение в структуры власти. Следует подчеркнуть, что все выше перечисленные функции должны осуществляться совместно, в противном случае они потеряют свой легитимный характер.

Таким образом, в рамках политической партии осуществляется два вида политико-правовой активности граждан — *участие* и *влияние* на политико-правовые процессы, с одной стороны, и государственные институты, с другой. Политической партии — единственный институт гражданского общества, которому свойственны именно такие характерные черты и функции¹.

Хотя в современной России существует множество партий, все они имеют низкую эффективность из-за отсутствия выше перечисленных функций. В связи с этим они не способны стать важнейшим институтом гражданского общества и обеспечить принцип сдержек и противовесов. Поэтому они носят конъюнктурно-бюрократический характер и тормозят развитие полноценного гражданского общества в России.

II. Профессиональные союзы — институты гражданского общества, с помощью которых индивиды осуществляют свою политическую активность. В отличие от политических партий, профсоюзы представляют и защищают интересы граждан в социально-трудовой сфере².

¹ К сожалению, Федеральный закон «О политических партиях» (от 11 июля 2001, № 95-ФЗ) не в полной мере отражает реалии современного российского общества, в связи с чем необходимо изучение и применение универсальных моделей функционирования политических партий.

² См.: Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» (изменения 9 мая 2005 г.).

Профсоюзы совместно с государственными органами выполняют определенные функции (трудовая инспекция, социальное страхование, обеспечение условий труда и рекреации трудящихся). В настоящее время деятельность профсоюзов контролируется всемирным профцентром — Международной конфедерацией свободных профсоюзов (МКСП) — высшим органом которого является конгресс, проходящий 1 раз в 4 года.

Профсоюзы являются основными защитниками интересов работающих категорий населения перед работодателями, способствуют реализации прав трудящихся, улучшению условий труда и обеспечению соответствующего уровня заработной платы. Для достижения этой цели используются механизмы переговоров и трехсторонних консультаций, стачечное и забастовочное движение и т. п. Профсоюзы в различных формах сотрудничают с парламентами или оказывают на них влияние, в том числе и путем лоббирования.

В современной России профсоюзное движение выражено слабо из-за отсутствия четких представлений об их задачах. Необходимо научное исследование роли и значения этого важного института гражданского общества и информирование об этом граждан для использования профсоюзов в их интересах.

III. Социальные движения в рамках гражданского общества и политического пространства формируют политические и социальные запросы. Социальные движения включают коллективные действия на основе выделения следующих аспектов: социальные запросы, социальные проблемы, социальные интересы, социальная защита, социальная безопасность, социальное равенство, социальная справедливость, социальный контроль и т. п. Благодаря артикуляции таких запросов со стороны членов общества происходит смена парадигм от господства и подчинения к социальному партнерству, от контролируемых элитами технократически управляемых структур к автономному самоуправлению.

Целями и задачами мобилизации социальных групп является изменение форм взаимодействия государства и общества, обеспечение государством и обществом социальной защищенности граждан, что называется *социальной инициативой*. В целях обеспечения социальной защищенности социальные группы могут оказать давление на систему правовых норм, несоответствующих принципам социального государства; правоохранительные, государственные и муниципальные органы; профсоюзы; общественные организации и т. п.

Социальная инициатива в этом случае является выражением социальных действий для артикуляции и практической реализации социально значимых проблем. Социальная активность расширяет рам-

ки социальных движений, социально-ролевой деятельности и увеличивает преобразовательную деятельность активного гражданина.

Социальная инициатива включает следующие фазы: артикуляцию социально значимой проблемы индивида или группы; схему реализации их действий; практические поступки. Субъектом социальной инициативы выступает личность, социальные группы, неформальные объединения. Социальные группы могут выполнять также функцию социальной инновации, т. е. преобразовательную функцию, которая имеет положительные последствия для жизни людей или общества. Социальная инициатива, реализуемая в рамках социального движения, способствует социокультурному воспроизводству новых форм жизнедеятельности индивидов и общества в целом и способствует осуществлению модернизационных преобразований в широком контексте. Выделенные выше функции социальных групп — социальная защита, социальная инициатива, социальная инновация, мобильность — направлены на реализацию целей и задач различных групп и отдельных граждан.

Итак, в современных обществах гражданская активность в рамках социальных движений и социальных групп решает политические и правовые задачи. Во-первых, задачу обретения гражданами влияния на политические институты и процессы помимо политических партий и государственных организаций, путем расширения сферы участия граждан в решении социально значимых проблем. Во-вторых, задачу придания такому участию институционального характера, посредством которого возникают новые формы идентичности, артикуляции, агрегации интересов граждан. Отличие социальных движений от политических партий состоит в том, что они создаются гражданами для решения социальных проблем и после достижения цели не стремятся во властные структуры.

В современной России этот институт гражданского общества полностью отсутствует, что приводит к ослаблению защиты социальных интересов граждан и мешает полноценному развитию многоаспектного гражданского общества. Выделенные в Конституции РФ и конституционном праве РФ основы социальной системы¹ не создают соответствующих условий для адаптации и внедрения этого социального института гражданского общества в современной России. Необходимы специальные научные исследования и изучение практики функционирования этого института в западноевропейских странах.

IV. Третий некоммерческий сектор осуществляет комплекс социальных мер для оказания помощи нуждающимся гражданам и груп-

¹ См.: *Енгибарян В. В.* Конституционное право. М., 2000. С. 106.

пам населения, способствующих преодолению или смягчению их жизненных условий, поддержанию социального статуса и полноценной жизнедеятельности нуждающихся, их адаптации в обществе¹.

Социальная помощь является основной для третьего некоммерческого сектора, при реализации которого эти организации разрабатывают целенаправленные программы в зависимости от конкретных нужд различных социальных слоев и групп населения, в соответствии с законами и правилами своего функционирования, которые практикуются в современных западных государствах.

Под опеку берется в основном такая категория людей, как пожилые, вдовы, инвалиды, нищие, маргиналы, беспризорники, а также другие социально слабо защищенные категории общества, т. е. люди, которые оказались в чрезвычайных обстоятельствах.

В странах Запада с XVIII в. существует законодательная база и практика помощи таким людям со стороны третьего некоммерческого сектора. Такая система наиболее присуща США². Благотворительные акции государства осуществляются здесь не только официальной властью, но и структурами третьего некоммерческого сектора. Цель государственной политики — упростить помощь и поддержку слабо социально защищенных слоев общества без бюрократических препятствий, для чего создается целая сеть благотворительных организаций, находящихся в непосредственной близости к самим гражданам. В правовом государстве само государство берет под законодательный контроль данный вид помощи, система которой складывается как совокупность различных видов практики.

Концепция «благотворительность» и «милосердие» третьего некоммерческого сектора выполняет функции: социальной помощи, социального обеспечения, социальной работы, социальной адаптации и социального контроля. В рамках первой функции — социальной помощи — осуществляется предоставление слабо социально защищенным индивидам, группам, семьям пособий, субсидий, компенсаций, жизненно необходимых товаров и продуктов. При этом индексируются качество и уровень жизни и качество товаров, продуктов и социальных услуг.

Третий некоммерческий сектор — это органы социальной защиты и социального обеспечения индивидов по месту жительства или месту пребывания. Социальная помощь, кроме материального обеспечения, предполагает совокупность медицинско-социальной, педагогически-социальной, социально-бытовой услуг, — формы поддержки

¹ См.: Социальная работа // Социологическая энциклопедия. М., 2005. С. 463.

² А. де Токвиль называл США страной третьего некоммерческого сектора.

индивида в периоды его неблагополучного состояния и в других сложных ситуациях и обстоятельствах.

Такие институты гражданского общества, как третий некоммерческий сектор, имеют лицензии на право оказания услуг в рамках различных *социальных программ*, действующих в системе государственного социального обеспечения. Финансирование этой деятельности осуществляется частично за счет государства, но в большей степени — за счет меценатства, спонсорства, которые поощряются государством. Специфическим видом функции социальной работы третьего некоммерческого сектора является социокультурная деятельность, т. е. создание условий занятости творчеством, наукой и работой, формирование культурных и иных запросов и ориентаций с тем, чтобы социально неблагополучные члены общества чувствовали себя полноценными гражданами.

Третий некоммерческий сектор, как и социальные движения, отсутствует в российском законодательстве и реальной практике. Такая ситуация является препятствием для развития социально ориентированного государства и созреванию гражданского общества. В связи с этим изучение такого рода практики и внедрение ее в современную российскую действительность является необходимым условием для обеспечения защиты интересов российских граждан политическими и правовыми средствами.

V. Местное самоуправление — это публичная власть граждан, основанная на самоорганизации их политической активности. Местное самоуправление — это один из важнейших институтов гражданского общества, который обеспечивает автономию граждан по отношению к государству.

Суть местного самоуправления как вида политической активности граждан связана с тем, что местные проблемы лучше и эффективнее решать не из центра, а на местах, посредством включения местного населения в процесс самоуправления. Местное самоуправление — одна из важнейших составляющих демократической системы управления, функционирующая путем выражения власти народа на низовом уровне.

Приоритет гражданских прав и свобод зафиксирован в Европейской хартии местного самоуправления, принятой Советом Европы 15 октября 1965 г. Хартия рекомендует в целях развития демократии закрепить данную статью в конституциях каждой страны.

Основными функциями института местного самоуправления являются: обеспечение согласования интересов населения на местах и реализацию планов; использование муниципальной собственности в интересах граждан; использование местного бюджета на различные нужды местного населения, в том числе жилищно-коммунального хо-

зяйства; строительство и благоустройство территории для обеспечения социально-культурных запросов граждан; оптимизация торговых сетей, общественного питания, охраны общественного порядка, здравоохранения, образования, социального обслуживания, службы быта, пожарной безопасности, санитарного контроля, охраны природы и др.

В задачу общества входит оценка эффективности, осуществление контроля за деятельностью органов местного самоуправления с использованием различных его форм, вплоть до устранения чиновников местного самоуправления в случае неудовлетворительной их работы.

Деятельность органов местного самоуправления регулируется на трех уровнях: общегосударственном, региональном и местном. Основными формами осуществления местного самоуправления являются местные Советы депутатов, а формами осуществления власти местного самоуправления — местные референдумы, муниципальные выборы, собрания граждан, народная правотворческая инициатива, обращения граждан в органы местного самоуправления, территориальное общественное самоуправление и др. Местный референдум проводится как по решению представительного органа, так и по инициативе граждан, проживающих на данной территории, их решения имеют высшую юридическую силу. Согласно Конституции РФ, институт местного самоуправления закрепляет за гражданами права на индивидуальные и коллективные обращения в органы местного самоуправления и к определенным должностным лицам, которые обязаны дать ответ в месячный срок.

Местное самоуправление как важный институт гражданского общества, выражающий и защищающий права и социальные запросы граждан на местном уровне, развивается в России в недостаточной степени и даже претерпевает существенные искажения за последние годы. Такая ситуация приводит к ослаблению инициативы граждан и формированию полноценного гражданского общества.

VI. Общественные организации и ассоциации — это один из институтов гражданского общества, который создается по инициативе граждан для решения определенных вопросов. Общественные организации и ассоциации имеют четкую структуру, устав и действуют в рамках универсальных прав и свобод граждан. К таким общественным организациям относятся союзы ветеранов, молодежи, экологические, женские, культурные организации, союзы критиков, различные союзы деятелей искусства и т. п.¹

¹ См.: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (с изменениями от 17 мая 1997 г., 19 июля 1998 г., 12, 21 мар-

Основными функциями общественных организаций и ассоциаций являются:

- развитие институтов гражданского общества и обеспечение активных движений, которые эффективно выполняют свои уставные цели и задачи;

- прояснение конкретных целей, ценностей, интересов различных групп и рациональное определение стратегии социальных действий, связь общественных организаций и ассоциаций с политическими институтами и влияние на политико-правовые процессы;

- формирование организационных форм, обеспечивающих их деятельность; развитие навыков политической самоорганизации;

- обеспечение смены парадигм в отношениях между государством и обществом: от господства — подчинения к социальному партнерству и т. п.

Институциональное ядро общественных организаций состоит в том, что они создаются не государством, а инициативными группами граждан и являются альтернативными институтами политических партий, профсоюзов, третьего некоммерческого сектора, местного самоуправления.

Благодаря институтам общественных организаций и ассоциаций осуществляется рост влияния индивидов на политические процессы с помощью определенных групп интересов. Все сказанное позволяет сделать вывод, что содержание института общественных организаций и ассоциаций направлено на конкретизацию социокультурных проблем как общества, так и отдельных граждан, осуществляющуюся при постоянном воздействии на политику в соответствии с уставом и целями организации и способствующую формированию общегосударственной социокультурной политики.

Для российской политической культуры не характерно применение и использование функций и задач общественных организаций, что обуславливает их формальный и дистанционный характер по отношению к обществу. Об этом свидетельствует недавно созданная Общественная палата, представленная хорошо обеспеченными чиновниками и представителями шоу-бизнеса, не имеющими никакого представления о реальных проблемах граждан.

VII. СМИ также являются социальным институтом, осуществляющим обмен информацией между обществом и властью с помощью систем коммуникации. Можно выделить четыре базовых элемента,

та, 25 июля 2002 г., 8 дек. 2003 г., 29 июня, 2 нояб. 2004 г., 10 янв., 2 февр. 2006 г., 23 июля 2008 г., 19 мая, 22 июля 2010 г.); Политология. С. 70.

осуществляющих обмен информацией: отправитель, сообщение, канал, получатель.

Задача СМИ как важнейшего института гражданского общества обеспечить прямые и обратные связи между обществом и государством. Содержание информации должно отражать социально значимые проблемы общества. Информация определяет критерии эффективности принимаемых решений с точки зрения артикуляции, агрегации и удовлетворения социально значимых проблем общества.

Достоверность и открытость информации создает атмосферу доверия и взаимности отношений, снижает вероятность предвзятых стереотипных оценок. Цель работы СМИ заключается в том, чтобы до общества был доведен социально-политический курс государственной деятельности, кроме того, информирование о потенциальных проблемах и возможностях их устранения. Иными словами, СМИ как институт гражданского общества выполняют роли связующего звена между обществом и государством и защитника интересов граждан путем непосредственного донесения информации соответствующим структурам, наблюдения за функционированием государства и общества. Это означает, что деятельность СМИ должна осуществляться в правовых рамках в условиях открытости и гласности, которые требуют независимой экспертизы, формирующейся за пределами государственного управления в рамках института гражданского общества и обуславливающей взвешенный подход в оценке информации¹.

Выделение СМИ в качестве важного института гражданского общества является одной из самых актуальных проблем современной России, т. к. СМИ страдают идеологизированностью, предвзятостью и конъюнктурностью. Они полностью подчинены властным структурам и крупным финансово-промышленным группировкам и не выполняют функцию контроля в интересах граждан.

VIII. Эксперты — это особый институт гражданского общества, который занимается сбором и анализом данных относительно причинно-следственных связей между обществом и государством. Экспертиза проводится высококвалифицированными специалистами на основе принципа сравнения разных явлений. Заключение считается обоснованным, если в тех или иных явлениях или процессах наблюдается отклонение от нормы. Экспертизу социокультурных процессов в рамках гражданского общества можно классифицировать 1) по объектам и предметам исследования (например, состояние общества

¹ См.: Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (с изменениями, внесенными в 1995–2009 гг.).

и функционирование политических и правовых институтов, либо институтов гражданского общества); 2) по специфике поставленной задачи (например, направлена ли осуществляемая политика на решение социально значимых проблем людей или общества); 3) по рациональной структуре доказательства и т. п.

Задача эксперта — выявление причин возникших в обществе проблем и путей их решения, а конечная цель — выявление закономерностей, обуславливающих проблемы, пронизывающие всю политико-правовую и социальную систему государства и общества. Основным критерием результата экспертизы является рациональность и конструктивность выводов, которые носят практический характер. Экспертиза социокультурных процессов осуществляется экспертами на основе научной программы, формулированием гипотезы и ее проверки, включая процедуры критериев оценки эффективности. В качестве оценочных факторов выступают универсальные принципы и нормы гражданских прав и свобод, либеральные ценности, универсальные модели политико-правовых и социально-экономических систем, которые определяют степень соответствия проводимой политики этим стандартам. Экспертиза предполагает следующие процедуры: разработку программы социокультурной экспертизы, формулировку проблемы, постановку целей и задач, выделение объекта и предмета экспертного исследования, описание объекта и моделирование его действия, выделение устойчивых и переменных основ проблемы, анализ этих факторов, выбор экспериментальных и контрольных групп, экспертизу политической программы и т. п.¹

Эксперты как один из институтов гражданского общества практически полностью отсутствуют в современной России, что приводит к бесконтрольности государственных, политических, правовых, социально-экономических институтов. Ситуация требует подробного изучения сферы деятельности экспертов и их внедрения в российскую действительность.

Обобщая все вышесказанное, можно дать такое определение гражданского общества: *гражданское общество — это особый срез (особое поле) социокультурного пространства, в рамках которого индивиды и группы, т. е. члены общества реализуют свои запросы.* Изучение институтов гражданского общества является необходимой предпосылкой демократизации России и условием ее приближения к общепринятым стандартам.

¹ См.: Эксперты // Социологическая энциклопедия. М., 2005. С. 785.

Альтернативы и риски социально-экономической политики и возможности российской инновационной модернизации¹

На основе анализа тенденций мирового развития можно с высокой вероятностью прогнозировать, что в ближайший период практически все страны, пережившие глобальный кризис 2008–2009 гг., будут испытывать многочисленные экономические и социально-политические последствия «послекризисного» периода своего развития. При этом термин «послекризисный» приходится использовать с определенными оговорками, поскольку существуют веские основания предполагать, что возможны и даже весьма вероятны новые кризисы (или новые «волны» одного и того же кризиса), которые последуют вслед за неустойчивым подъемом мировой экономики². Это разбалансированное состояние мировой финансовой системы, нежелание многих стран иметь доллар в качестве мировой резервной валюты, полный отрыв финансовой сферы от реальной экономики, значительная финансовая задолженность многих развитых и развивающихся стран, быстрое изменение баланса экономических и политических сил в мире, процессы динамичного технологического обновления в развитых странах при сохраняющемся ограниченном платежеспособном спросе, структурный кризис в мировом промышленном производстве, резкое усиление Китая и рост популярности в мире китайской модели модернизации, угроза региональных политических конфликтов (в Иране, на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и др.). О глубине дестабилизации и серьезности общей социально-экономической ситуации свидетельствуют тяжелое финансовое положение целого ряда европейских стран (например, Греции, Португалии, Испании, Ирландии, Великобритании), полемика и острые противоречия между демократами и республиканцами в США по поводу реформы банковской системы, политический кризис в Японии, усиливающиеся торгово-экономические противоречия между Китаем и США. В этих условиях многие действия международных финансовых и экономических институтов, а также меры, согласованные на встречах «восьмерки» и «двадцатки», выглядят неэффективными,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта № 10-03-00109а «Экономический кризис и социально-политические аспекты инновационного развития России».

² *Кругман П.* Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата. М., 2009.

запоздалыми, не способными решить наиболее важные проблемы, стоящие перед международным сообществом.

На этом фоне экономическое и социально-политическое положение России в ближайшие годы неизбежно будет чрезвычайно сложным, подверженным многочисленным угрозам и рискам. Из-за односторонней экспортно-сырьевой ориентации российской экономики она ощущает и будет ощущать все колебания конъюнктуры мирового рынка, в значительной мере оставаясь не столько субъектом, сколько объектом мирового технологического, экономического, финансового, политического и социального развития. При этом значительное влияние на развитие России в ближайшее время будет оказывать экономическое и политическое положение США, стран Европейского союза, СНГ, Китая и др. Социальная и экономическая нестабильность России, связанная как с внутренними, так и с внешними проблемами, способна создавать значительные риски и угрозы самому существованию российского общества и государства. Более того, геополитические и геоэкономические сдвиги, в частности перемещение центра тяжести экономического и социального развития с Запада на Восток, которые происходят в современном мире, неизбежно затронут Россию, и, в случае неадекватного или несвоевременного реагирования на них, она может подвергнуться угрозе распада, как это в свое время по сходным причинам произошло с Советским Союзом.

Вместе с тем будущее России будет определяться характером социально-экономической политики, которая будет проводиться в ближайшие годы и десятилетия. Существуют, по крайней мере, три варианта осуществления послекризисной социально-экономической политики в России, позволяющих избежать катастрофы. Первый вариант включает постепенный, но последовательный переход от ориентации на экспорт природных ресурсов к развитию емкого внутреннего рынка, новых отраслей и технологий и связанному с этим повышению уровня жизни большинства населения, включая рабочих, рядовых служащих, представителей малого и среднего бизнеса, учителей, врачей, ученых, производителей сельскохозяйственной продукции. Подобный вариант был реализован в ходе глобального кризиса в Китае в 2008–2009 гг. и показал свою эффективность. Однако осуществление такого варианта требует четкой управляемости и относительно низкого уровня коррупции в среде бюрократии, чего в сегодняшней России явно не наблюдается. Второй вариант основан на развитии инновационных технологий путем кооперации с иностранными инвесторами и закупки за рубежом не устаревшего, а нового и новейшего оборудования для наиболее важных отраслей российской экономики, включая переработку нефти, производство сжиженного газа, нанотехнологии, информационные тех-

нологии, биотехнологии и др. Этот вариант осуществления социально-экономической политики требует создания в России благоприятного инвестиционного климата и четких, не изменяющихся постоянно по воле чиновников «правил игры» (причем не только для иностранных, но и прежде всего для российских предпринимателей), обуздания рэкета со стороны правоохранительных органов и бюрократических структур, увеличения ассигнований на науку и т. п. Наконец, третий вариант может базироваться на более сбалансированном и эффективном развитии экспортных отраслей, включая экспорт переработанной нефти (а не сырой), зерна и некоторых других видов сельскохозяйственной продукции, электроэнергии, продуктов химической, металлургической, отдельных видов продукции машиностроения, вооружений. Однако и в этом, последнем, случае из-за перехода развитых стран к новым технологиям необходимо широкое внедрение различных инноваций, постоянное обновление производства и ассортимента выпускаемых на экспорт товаров. Вместе с тем необходимо учитывать, что при осуществлении такого варианта развития Россия будет занимать определенную нишу в мировом производстве, но эта ниша будет связана с индустриально-сельскохозяйственным производством, характерным для средне- и слаборазвитых стран, и в итоге подобная стратегия в долгосрочной перспективе не способна обеспечить устойчивое развитие России.

Перечисленные три варианта осуществления социально-экономической политики не являются взаимоисключающими и до некоторой степени могут сочетаться друг с другом. В то же время каждый вариант предполагает разработку и последовательное осуществление соответствующей стратегии, которая задавала бы доминанту всего развития российского общества. Эклектическое смешение различных стратегий развития может привести к тому, что ни одна из них не будет реализована. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы российское общество и политическая элита в результате открытого обсуждения определились с основным направлением социально-экономической политики, а не предоставили бы все стихийному развитию, борьбе сиюминутных интересов различных олигархических и бюрократических групп. Еще более важно, чтобы принятая стратегия не оставалась на бумаге, как это было со многими программами, а последовательно воплощалась в жизнь. Для этого необходимы политическая воля руководства страны и согласие большинства общества.

Однако пока что существуют большие сомнения относительно того, что утвердившийся режим «мягкого» авторитаризма способен проводить внятную, последовательную и учитывающую важнейшие тенденции мирового развития социально-экономическую политику. В настоящее время основная энергия политической элиты нередко

уходит в «свисток», т. е. в правильные (а иногда и неправильные) слова высших лиц государства при полной безответственности и безнаказанности коррумпированной бюрократии, которая имитирует реакцию на слова и поручения президента или главы правительства, но при этом практически ничего не делает для реального решения давно назревших экономических и социально-политических проблем. Более того, многие из «реформ» 2000-х гг. (в действительности, скорее, контрреформ) в значительной мере разрушают потенциал развития российского общества, оставшийся еще с советских времен или полученный в ходе демократизации конца 1980-х — начала 1990-х гг. Это видно на примере отмены выборов губернаторов и создания властной вертикали: вертикаль власти не только усилила авторитарный характер политического режима, но, как ни парадоксально, в итоге снизила управляемость, создав условия для безмерной коррупции региональной бюрократии, для того чтобы чиновники и сотрудники правоохранительных органов получали огромные «откаты» и «кошмарили» малый и средний бизнес. То же самое, но с еще более разрушительными, создающими безграничное поле для коррупции последствиями характерно для «реформ» финансирования бюджетных организаций, среднего и высшего образования, включая введение ЕГЭ и «болонской системы», «монетизации льгот», «реформы» ЖКХ, местного самоуправления и т. п. Это относится также к «реформе» армии и ВПК¹, которые в советское время составляли основу государственной мощи и в значительной мере финансировались за счет развития других отраслей. Тем более это относится к науке, образованию, здравоохранению, отраслям обрабатывающей промышленности, наукоемкому производству, которые составляют фундамент инновационного типа развития (ИТР).

В связи с этим возникают вопросы: за счет чего существует современная Россия и какие возможности инновационной («креативной») модернизации российского общества имеются в современных условиях? Ответ на первый вопрос очевиден: за счет остатков советского индустриального и образовательного потенциала, а также за счет огромных природных богатств, которые, правда, используются чрезвычайно неэффективно. Ответ на второй вопрос гораздо сложнее. С одной стороны, потенциал развития, созданный в советское время, стремительно исчерпывается и разрушается в результате действий коррумпированных бюрократических структур, и это чревато много-

¹ Шепова Н. Я. Глобальный кризис и реформа в Вооруженных силах РФ // Глобальный кризис и проблемы обеспечения общественно-политической стабильности: опыт стран Запада и Россия. М., 2009.

численными рисками, включая риски крупных техногенных катастроф (вспомним недавнюю аварию на Саяно-Шушенской ГЭС), экологических бедствий, возникновения множества социальных, межэтнических, политических конфликтов, ведущих в конечном итоге к распаду общества и государства. С другой стороны, возможности для повышения доли инновационных исследований, внедрения их результатов в реальный сектор экономики и даже для быстрого развития в целом ряде отраслей (например, в создании новых материалов, разработке и внедрении нанотехнологий, в химии и фармацевтике, атомной промышленности, ВПК) в России существуют, о чем свидетельствует, например, опыт инновационных разработок и создания технопарков в Томской области, Новосибирске и некоторых других регионах¹. Однако эти возможности почти не реализуются из-за упорной незаинтересованности финансово-спекулятивных структур и коррумпированной бюрократии в каком-либо инновационном развитии. Вместо реальной поддержки венчурных фирм, малых и средних предприятий в сфере наукоемкого производства, организованных талантливыми учеными и выпускниками вузов, огромные средства, выделяемые государством, оседают в офшорах или банках, осуществляющих спекулятивные операции и не желающих инвестировать в реальное производство и новые разработки. Поэтому пока что дело ограничивается главным образом многочисленными разговорами об инновациях, а также созданием «потемкинских деревень» для высшего начальства, проектами типа «электронного правительства» или российской Силиконовой долины.

Характерно в этой связи отношение значительной части российского общества к чиновникам и бюрократии, которые, по существу, представляют собой правящий класс. Как свидетельствуют данные социологических опросов, большинство российских граждан видят в современной российской бюрократии одно из главных препятствий на пути развития страны и ее модернизации. Так, по данным исследования, проведенного Институтом социологии РАН совместно с фондом Эберта в 2005 г., 76 % россиян считали чиновников особым сословием, безразличным к интересам общества. Особенность исследования состояла в том, что одни и те же вопросы параллельно задавались населению и чиновникам разных звеньев.

Согласно этим данным, почти 40 % россиян были уверены, что на современном этапе российской истории наблюдается самое значительное засилье бюрократии по сравнению со всеми предыдущими историческими периодами. Среди населения в целом 76 % опрошенных

¹ Материалы конференции 11-го международного форума «Высокие технологии XXI века». М., 2010.

были убеждены, что сегодняшние чиновники не столько помогают развитию страны, сколько тормозят его. В то же время ответы чиновников на тот же самый вопрос «перевернуты» с точностью до наоборот: лишь 22 % чиновников были согласны с тем, что они не столько помогают развитию страны, сколько тормозят его, зато в обратном были уверены 76 % чиновников. По мнению населения, основные личные качества, которые характерны для большинства нынешних российских чиновников, — это безразличие к государственным интересам (так считали 49 % опрошенных), нечестность (48), рвачество (47), неуважение к людям (38). Лишь небольшое число россиян приписали нынешним чиновникам такие качества, как профессионализм (17 %) и трудолюбие (10). Максимально негативная оценка чиновничества в целом высказывалась в основном пенсионерами и малоимущими гражданами, т. е. теми слоями российского общества, которые вынуждены больше всего сталкиваться с чиновниками и бюрократией. К причинам некомпетентности бюрократии российские граждане в основном относят безнаказанность, низкие моральный уровень и профессиональную подготовку, несовершенство законодательства. В свою очередь, большая часть чиновников основными причинами неэффективности своей работы считает несовершенство законодательства, большую нагрузку, низкую зарплату, но около 20 % из них назвали также отсутствие страха перед наказанием. Усилить общественный контроль за работой чиновников требуют 60 % населения и только 28 % представителей государственного бюрократического аппарата¹.

Эти и другие социологические данные свидетельствуют о возрастающем отчуждении бюрократии от остального общества, о том, что коррумпированное чиновничество становится одним из главных факторов торможения модернизации российского общества и государства, а также неминуемого последующего распада России. Риски распада ядерной державы с огромным количеством оружия не поддаются сколько-нибудь точной оценке. Можно лишь с уверенностью утверждать, что последствия распада России будут гораздо более тяжелыми и кровавыми, чем последствия распада СССР или Югославии, а огромные количества оружия, в том числе ядерных материалов, станут добычей криминальных или террористических групп.

Какие реальные факторы могут подтолкнуть российскую политическую элиту к инновациям и какие здесь возникают альтернативы? Одним из таких факторов может стать рост протестных настроений

¹ ИА Regnum. 76 % россиян считают чиновников особым сословием, безразличным к интересам общества. URL: <http://www.regnum.ru/news/538009.html>.

в широких слоях российского общества под давлением кризиса и его социальных последствий. Так, по сообщению пресс-центра МВД РФ, в 2009 г. в России прошло 30 тыс. публичных акций, на 2,5 тыс. из них выдвигались политические требования. В этих акциях участвовали 5,5 млн человек. 440 акций не были санкционированы властями, в них участвовали более 20 тыс. человек. 56 раз блокировались автодороги¹. По прогнозам МВД, в 2010 г. количество протестных выступлений, число их участников и частота выдвижения политических требований должно было быть гораздо выше. Это связано с растущей неэффективностью осуществления экономического и социально-политического курса, отсутствием стратегии развития страны в условиях кризиса, ухудшением реального экономического положения большинства рядовых российских граждан. Только в Калининграде с начала 2010 г. уже состоялось несколько крупных митингов против политики, проводимой губернатором Г. Боосом, причем со стороны местных властей были попытки использовать для разгона митингующих ОМОН и СОБР. Очевидно, что при дальнейшем росте протестных выступлений в условиях углубляющегося социально-экономического кризиса и неэффективных действий власти может произойти чреватое тяжелыми последствиями радикальное отчуждение правящей элиты от основной массы населения.

В то же время чрезмерная радикализация протестных акций способна серьезно дестабилизировать всю ситуацию в стране. Но российская политическая элита пока что не вполне это ощущает и продолжает жить своей особой жизнью, отличающейся от жизни подавляющего большинства населения России. При этом высшее руководство нередко не контролирует действия различных звеньев государственного аппарата, включая многие подразделения правоохранительных органов, региональной и местной бюрократии, государственные корпорации. В результате могут возникнуть условия для деструктивной «революционно-хаотической» ситуации (а не для конструктивной «реформационной»), которая будет представлять реальную угрозу стабильности общества и целостности государства. Основная проблема, как представляется, заключается в том, сумеют ли российское общество и государство пройти между Сциллой очередного авторитарного застоя и Харибдой радикальных социально-политических, межэтнических и иных конфликтов. В настоящее время однозначно ответить на этот вопрос не представляется возможным, поскольку социально-политическая ситуация в России под воздействием кризиса

¹ МВД велело милиционерам готовиться к народным волнениям / Лента.Ру. 12 февраля 2010. URL: <http://news.rambler.ru/Russia/head/5330545>.

и его последствий меняется и будет стремительно меняться дальше. Не следует также забывать, что в конце 2011 г. в России пройдут очередные выборы в Государственную думу, а в начале 2012 г. — выборы президента. В связи с этим в политической элите уже сейчас ведется скрытая борьба за власть между различными группами, в частности борьба по поводу кандидатуры будущего президента.

Вместе с тем, как представляется, наиболее серьезным фактором, способным подтолкнуть власть и политическую элиту к реальной, инновационной модернизации могут стать не очередные бунты и революции, которые лишь приведут к значительным жертвам, а формирование широких коалиций на низовом уровне, прежде всего в регионах. Если подобные объединения и коалиции, созданные наиболее активными гражданами для защиты своих самых насущных социальных и политических прав, решения конкретных социальных проблем (например, защиты прав граждан на бесплатное среднее образование и медицинское обслуживание), будут созданы хотя бы в нескольких регионах России, то возникнут условия для формирования широких коалиций и в столицах. Такие коалиции, объединяющие представителей различных политических сил и даже «аполитичных», но озабоченных своим социальным положением граждан, могли бы оказывать устойчивое и относительно эффективное давление на власть, заставляя ее действовать не только в интересах коррумпированных чиновников и полукриминальных финансовых структур, но и в интересах широких слоев российского общества. А это, в свою очередь, стимулирует деятельность старых и новых оппозиционных политических партий, приведет к необходимым изменениям в российской политической системе, сделает ее более конкурентной, социально ориентированной, демократической. Такие коалиции, объединяющие людей для защиты своих прав и достижения конкретных целей, в известной мере напоминают коалицию очень разных по своему характеру социальных и политических сил, на поддержку которых в свое время опирался в США Ф. Рузвельт при проведении «Нового курса». В то же время, учитывая присущую большинству российского населения пассивность и неспособность организованно отстаивать свои права, можно прогнозировать, что формирование таких коалиций на региональном уровне будет происходить медленно, непоследовательно и неравномерно. Тем не менее в существующих условиях, по-видимому, это единственный путь более или менее эволюционного, некатастрофического изменения политической системы России и перехода к реальной, а не «бумажной» экономической, социальной, политической и культурной модернизации российского общества.

ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ: АКТОРЫ И УСЛОВИЯ

Государство и бизнес в России: дилеммы взаимодействия

Социальный разлом — очевидный итог буржуазной трансформации российского общества. Возможно ли в такой ситуации миновать системный кризис? Едва ли возможно в обществе, находящемся в состоянии раскола, внутренне разобщенном, где основные социальные слои придерживаются различных мировоззренческих установок и социальных ориентиров. Государство призвано предложить обществу стратегию возрождения России, которая опиралась бы на вековые традиции и советскую историю, а также на все позитивное, что создано в ходе реформ. Реализация такой стратегии предполагает, как представляется, рациональные методы политики, учитывающие национальный менталитет, в соответствии с которым улучшение своего положения большинство россиян привыкло связывать не столько с собственными усилиями, инициативой и предприимчивостью, сколько с помощью и поддержкой со стороны власти и социальной ответственностью новых капиталистов. Сошлемся на В. В. Путина, который в своих ежегодных посланиях Федеральному собранию подчеркивал, что власть и бизнес должны принять условия, учитывающие потребности и ожидания общества. В послании 2006 г. он так заострил эту проблему: «Разумеется, мы и впредь будем стремиться к тому, чтобы поднять престиж государственной службы. Будем поддерживать российский бизнес. Но и бизнесмен с миллиардным состоянием, и чиновник любого ранга должны знать, что государство не будет беспечно взирать на их деятельность, если они извлекают незаконную выгоду из особых отношений друг с другом»¹.

В отношениях власти и бизнеса проявляется противоречие между обслуживанием общественных интересов и обеспечением прибыли. Каким образом партнерство разрешает это противоречие, как оно влияет на социально-экономические отношения в стране, какие последствия ожидают общество в результате передачи частному сектору

¹ Российская газета. 2006. 11 мая.

производств и услуг, традиционно относящихся к сферам государственной деятельности, зависит от зрелости гражданского общества, силы государства, развитости общественных институтов контроля за деятельностью госаппарата, прозрачности самой партнерской деятельности. Проблемы развития взаимоотношений государства и бизнеса характерны для любой экономической системы: бизнес всегда хочет больше свободы, чем имеет, а государство больше налогов. Иначе говоря, в основе институтов отношений бизнеса и государства лежит принцип обеспечения законом свободы в обмен на эффективность. Даже в развитых странах с их мощной институциональной базой партнерских отношений государственные структуры нередко используются для реализации преимущественно частного интереса. Подобные негативные явления приводят к деформациям в экономической политике, нарушению условий конкуренции, росту недоверия к партнерским отношениям между государством и частным сектором. На практике эти явления часто принимают формы коррупции, охватывающей как власть, так и бизнес.

По данным ВЦИОМ, если ранее среди причин, вызывающих тревожные ожидания у населения страны, второе место после обеспокоенности проблемой преступности и собственной безопасности принадлежало дефициту товаров и безработице, то теперь — социальному неравенству. В представлении общества оно достигло запредельных масштабов. Около 80 % опрошенных считают, что неравенство в России чрезмерно. У граждан существует три вида представлений о принципах распределения: уравнивательные, трудовые и рыночные. Большинство респондентов (90–93 %) считают справедливыми трудовые принципы распределения: у всех должны быть равные стартовые возможности (скажем, хорошее образование, работа), а «получать» люди должны в зависимости от труда, качества работы. При этом 30 % одобряют частную собственность и свободную инициативу, полагая, что они являются залогом социальной справедливости (т. е. являются сторонниками рыночной системы). Социологи, однако, отмечают, что число «рыночников» снижается¹.

Подсчеты специалистов показывают, что масса недовольных людей, достаточная для социального взрыва, составляет около $\frac{1}{3}$ общей численности населения. Когда разрыв между доходами 10 % низко- и 10 % высокооплачиваемых граждан приближается к соотношению 1:10, в обществе возникают ситуации напряжения и угрозы безопасности. В социально благополучных странах стараются сохранить про-

¹ Известия. 2004. 23 янв.

порцию 1:8. В Японии и Швеции это соотношение составляет 1:3. В России заработная плата 10 % наиболее высокооплачиваемых работников превышает зарплату 10 % наиболее низкооплачиваемых работников в 28 раз. По данным Всероссийского центра уровня жизни, по состоянию на 2003 г. удельный вес бедных составляет 20,8 % в общей численности населения¹.

Большинство стран с высоким качеством жизни отличаются высоким уровнем социальной справедливости в экономике, и, напротив, в странах с низким качеством жизни в подавляющем большинстве наблюдается низкий уровень социальной справедливости. В российском менталитете требование социальной справедливости занимало и занимает очень важное место, широкие слои населения оценивают успешность функционирования государства и бизнеса как институтов, ответственных за благосостояние народа. Это хорошо понимали авторитеты дореволюционной политэкономии, которые не мыслили экономику, рынок вне духовных, нравственных коллизий. Классик российского либерализма П. Б. Струве писал, что «у колыбели капитализма стоит воздержание», что здоровая экономика — производное от морали и духа. «Исходным моментом капиталистического духа как массового явления следует признать проникновение в сознание идеи долга в отношении к профессиональной работе»².

Современный российский бизнес далек от таких моральных установок. И дело тут не только в этических коллизиях, в которые меньше всего склонны вникать наши капиталисты, делящиеся толикой своих сверхприбылей с массой неимущих в стране только под давлением государства. Дело еще и в том, что в большинстве своем они не способны осознать необходимость исполнения этой ответственности для социальной легитимации собственного гражданского статуса. Председатель совета директоров одной из крупнейших инвестиционных компаний Великобритании Т. Гаффии, отмечая, что «коренная проблема» российской экономики — «нравственная», подчеркивает: «Складывается впечатление, что в России капитализм видится как безнравственная система, где каждый сам за себя... Частью долго-

¹ Вацекин Н. П., Дзиев М. И., Урсул А. Д. Экономическая и социальная безопасность в России. М., 1999. С. 111; Проблемы социальной справедливости в зеркале современной экономической теории. М., 2002. С. 126; Шевяков А. Социальное неравенство, бедность и экономический рост // Общество и экономика. 2003. № 3. С. 5; Бобков В. Российская бедность: измерение и пути преодоления // Общество и экономика. 2003. № 3. С. 24.

² Струве П. Б. Экономика промышленности. СПб., 1909. С. 44–45.

срочного решения проблем могла бы стать кампания по разъяснению населению того, что капитализм не может быть построен иначе как на фундаментальной порядочности, ответственности, гласности и правде»¹.

Кстати, крупный капитал западных стран, участвуя в социальных программах, исполняет не только свой нравственный долг, но и привлекает из этого весьма ощутимую экономическую выгоду. Один пример: проведенное в 1999 г. обследование 500 крупнейших американских компаний установило, что добавленная стоимость, созданная компаниями, принявшими социальные обязательства, вдвое выше. По данным обследования, корпорации, которые в своей деятельности ориентированы на социальные, экологические и этические приоритеты, имели лучшие экономические показатели, чем остальные².

Едва ли стоит сегодня ожидать от российского бизнеса подобной ориентации. Лишь государство может заставить его встроиться в систему социального поведения, действующую в странах развитого капитализма. К такому выводу приходят даже убежденные сторонники либеральных реформ. Более того, некоторые из них полагают, что именно государство призвано осуществить эти реформы. Так, идеолог либерал-реформизма В. Г. Ясин утверждает: «Лучшим вариантом была бы активная реформаторская политика авторитарного режима до начала демократизации. Тогда наиболее непопулярные экономические меры были бы проведены заблаговременно»³. В другой своей работе он постулирует: «Государство в экономике присутствует всегда, и никто, кроме разве крайних либертарианцев, не утверждает, что оно должно уйти совсем». Различия во взглядах, по его мнению, заключаются в том наборе и объеме функций, которые признаются за государством. Автор перечисляет десять таких функций (законодательная, социальная, обеспечение безопасности и т. д.), последняя из них определяется как «государственное предпринимательство, т. е. владение и управление компаниями, производящими товары и услуги, которые также могут производиться частными компаниями»⁴.

¹ НГ-Политэкономика. 1998. № 19. С. 5.

² *Dobers P., Wolff R. Competing with Soft Issues. From Managing the Environment to Sustainable Business Strategies // Business Strategy and the Environment. 2000. Vol. 9. Issue 3.*

³ *Ясин Е. Г. Приживется ли демократия в России. М., 2005. С. 66.*

⁴ *Ясин Е. Г. Государство и экономика на этапе модернизации // Вопросы экономики. 2006. № 4. С. 4–5.*

Думается, именно эта функция является сегодня главной в экономической политике правящей элиты, сросшейся с крупным бизнесом и обратившей эту функцию с помощью правовых и институциональных инноваций в стратегический курс, направленный на превращение России в корпоративное государство, где власть и собственность по-прежнему слиты воедино. Учитывается ли при этом международный опыт? Разумеется, учитывается, но лишь в той мере, в какой он соответствует избранному курсу. Россия, как всегда, идет своим, особым путем.

Таблица 1

Уровень неравенства в странах мира (2007 г.)

	Россия	США	Германия	Польша	Бразилия
ВВП на душу, тыс. долл. (ППС)	12,1	43,4	31,3	14,9	9,1
Первая группа (мин. доходы)	5,4	5,4	8,5	7,5	2,6
Вторая группа	10,1	10,7	11,4	13,7	11,9
Пятая группа (макс. доходы)	46,8	45,8	36,9	42,2	62,1
Коэффициент Джини	0,410	0,408	0,283	0,345	0,58

Источник: Вопросы экономики. 2008. № 1. С. 75.

Комментируя данные таблицы, авторы статьи, в которой она приведена, пишут: «Поскольку главные бенефициары социальной политики — нетрудоспособные граждане, работники бюджетной сферы — несли основное бремя лишений, связанных с трансформационным спадом 1990-х годов, движение в данном направлении будет воспринято в обществе положительно, что обеспечит широкую поддержку власти и существенно укрепит социальную стабильность. Перераспределительная политика государства будет способствовать повышению уровня жизни низкодоходных групп граждан, однако неясно, снизится ли уровень социального неравенства, измеряемый с помощью коэффициента Джини»¹.

Такая политика, по мнению авторов, должна проводиться в рамках стратегии, суть которой сводится к централизации и перераспределению через государственный бюджет (главным образом в форме социальных трансфертов) ренты от природных ресурсов с целью улучшения материального благосостояния граждан. Данный вариант

¹ Шаститко А., Афонцев С., Плаксин С. Структурные альтернативы социально-экономического развития России // Вопросы экономики. 2008. № 1. С. 74.

предполагает увеличение обслуживаемых социальных обязательств государства и наращивание социальных расходов в процентном отношении к ВВП.

Дилемма. Описанная социальная стратегия предполагает, что достижение результатов вытекающей из нее политики «обеспечивается не только за счет традиционных форм вмешательства государства в хозяйственную жизнь, но и благодаря: а) доминированию в экономике государственных корпораций, ответственных за отдельные «направления прорыва» (государственное предпринимательство); б) государственно-частному партнерству в форме полупринудительной ориентации частного бизнеса на достижение сформулированных государством приоритетов»¹. Для реализации данной стратегии предлагается аккумуляция в бюджете значительной части доходов от добычи экспорта природных ресурсов, реализация масштабных программ государственного перераспределения, эгалитарная, патерналистская социальная политика.

Эта стратегия представляет собой модифицированную применительно к российским условиям модель взаимодействия государства и бизнеса, сформировавшуюся во второй половине XX в. в странах развитого капитализма. Она сложилась в процессе развития такой формы социально-экономической системы, которая получила название социального рыночного хозяйства, например в Германии, и смешанной экономики в других развитых странах. По мнению ряда российских исследователей, для России более всего приемлема концепция социального рыночного хозяйства, которая основывается на экономическом и социальном порядке и за сравнительно короткий отрезок времени в целом в Германии наглядно подтвердила свою конечную эффективность. Почему до сих пор в России не удалось добиться подобного порядка? Что надо сделать для его создания? Отвечая на эти вопросы, экономист А. В. Семенов указывает, что экономический строй призван решить две проблемы: ввести хорошо функционирующую хозяйственную систему, в рамках которой правильно определялось бы, что и в каких количествах следует производить, каким образом это должно быть произведено; разрешить проблему экономического стимулирования, побуждающего людей к усердному труду, созданию максимального количества жизненных благ наивысшего качества. Но это достижимо только при наличии рационально организованного современного конкурентного рынка в органическом сочетании с разумным, четким государственным регулированием.

¹ Там же. С. 77.

Под экономическим порядком автор понимает совокупность правил и норм, касающихся организационного строения народного хозяйства, призванную решить три задачи в обществе: сформировать и обеспечить работоспособность экономики, осуществлять координацию всех видов общественной деятельности, обеспечить достижение политической цели¹.

Уже многие годы в мире возрастает интерес к проектам развития инфраструктур, в финансировании и управлении которыми участвуют государство и частный бизнес, что сопровождается повышением роли государственного управления. Принимаются меры для поддержки механизмов такого партнерства, причем главным образом в индустриально развитых государствах. Социальная направленность взаимодействия власти и бизнеса сохраняется и даже усиливается и в тех случаях, когда проводятся меры по масштабной приватизации. Об этом свидетельствует, например, опыт Великобритании, где еще в 1980-х гг. правительство М. Тэтчер осуществило широкую программу приватизации. Были проданы государственные пакеты акций предприятий сталелитейной и автомобильной промышленности, проведена приватизация компаний секторов общественных услуг в сфере телекоммуникаций, энергетики, железных дорог и т. д. По закону о «частной финансовой инициативе» было реализовано более 450 проектов на общую сумму свыше 30 млрд евро в сферах дорожного хозяйства, транспорта, здравоохранения, охраны правопорядка и обороны. Причем проекты стоимостью более 150 млн евро составляют около 7 % их общего числа, а стоимость большей части реализованных проектов — от 1,5 до 30 млн евро. По оценкам Министерства финансов Великобритании, в 2002–2005 гг. в договорном порядке инвестируется 36 млрд долларов. Численность стран, в которых в различных формах развивается партнерство государства и частного сектора, постоянно растет. По мнению Л. Шарингера, в настоящее время проявляются следующие тенденции: в Ирландии, Португалии, Испании и Италии приняты законодательные акты, облегчающие партнерство государства и частного сектора в реализации проектов; в недавно вступивших в ЕС Венгрии, Чехии, Словакии, Хорватии, Польше проводятся меры по реализации совместных проектов; в Канаде и Австралии концепция партнерства государства и частного сектора включена в правительственные программы; в Китае, Малайзии,

¹ См.: Семенов А. В. Экономика и общество: процессы модернизации и трансформации (вопросы теории). М., 2001. С. 272–273.

Аргентине и ряде других стран разрабатываются проекты с участием государства и частного бизнеса¹.

Система партнерских отношений между государством и частным сектором — один из основополагающих элементов функционирования смешанной экономики. На практике она проявляется в форме определенной институциональной среды и структуры отношений и включает широкий спектр видов деятельности. Из всего многообразия экономических функций государства главное — это формирование институциональной среды, составной частью которой и являются институты партнерства. Сложные формы ведения современного хозяйства невозможны без прямого участия государства в деятельности отраслей и сфер экономики. В той институциональной форме, в какой партнерство существует, оно представляет собой новую ступень государственного регулирования экономики, призванную играть существенную роль в развитии современных рыночных структур².

Эффективная реализация такого партнерства обусловлена наличием гражданского общества, которое предполагает существование атрибутов демократических, рыночных отношений, таких, например, как доминирование закона, политический плюрализм, частная собственность, предпринимательство, прибыль, конкуренция, производство и распределение, движение капиталов, экономические стимулы и интересы и т. п. Все они обладают известной автономностью, относительно независимыми внутренними связями и закономерностями. Словом, вся эта совокупность горизонтальных социальных связей, объединений, созданных свободными и социально ответственными индивидами для защиты своих интересов, отделена от государства и его институтов. Это демократическое правовое общество, в котором есть место любым организациям и инициативам, соблюдающим его законы, включая и финансово-промышленные группы (ФПГ), которые занимают влиятельное положение во всех демократических странах.

И снова дилемма. Российские корпорации отличаются от большинства западных, причем принципиально. Во-первых, они образовались в кратчайшие сроки, как итог бурного и непродолжительного периода «первоначального накопления» капитала, частью которого

¹ См.: Шарингер Л. Новая модель инвестиционного партнерства государства и частного сектора // Мир перемен. 2004. № 2. С. 9–10.

² См.: Варнавский В. Г. Партнерство государства и частного сектора: теория и практика // МЭиМО. 2002. № 7. С. 29–30.

явилось получение из рук государства собственности в рамках сделок, легитимность которых не признана обществом. В отличие от России, в большинстве западных стран этот процесс занял столетия и в целом проходил в рамках постепенно эволюционирующего законодательства.

Во-вторых, законодательная регламентация деятельности интересами не соответствуют сегодняшней роли, которую пытаются играть ФПГ. Это приводит к правовым перекосам, находящим свое выражение в силовом характере борьбы за передел собственности, захвате предприятий с помощью силовых структур, заказных убийствах и т. д. В результате значительная часть деятельности корпораций протекает в теневой сфере.

Наконец, в-третьих, социально-политическое влияние капитала также реализуется в основном в тени, поскольку тесно связано с лоббистской деятельностью, осуществляемой в соответствии с корпоративно-групповыми, а не государственными интересами. Происходит это потому, что порядок и правила такой деятельности до сих пор не урегулированы в законодательном плане. Все это препятствует развитию цивилизованного партнерства государства и бизнеса, порой придавая их взаимодействию конфронтационный характер, о чем свидетельствует ситуация, сложившаяся вокруг «дела ЮКОСа».

Давление государственных структур на деятельность предприятий позволяет осуществлять реальный бюрократический контроль за их деятельностью, а также заставляет бизнес ориентироваться на неформальные отношения с органами власти с целью получения привилегий и льгот, побуждает переводить часть своей деятельности в теневые сферы. Такая система отношений между бизнесом и властью зачастую устраивает обе стороны, каждая из которых извлекает из нее свои выгоды.

В этих условиях бизнес вынужден искать такие источники влияния, которые позволили бы ему не доводить конфликты с исполнительной властью до судебных органов. Оптимальным способом, понятно, является овладение самой властью. На федеральном уровне этот способ реализуется не только путем проникновения представителей бизнеса в высшие органы исполнительной власти, но и посредством воздействия, включая коррупционное, на политические и общественные объединения, в первую очередь партии. Отметим при этом, что дифференциация основных ФПГ по этому признаку существенно затруднена сложностью доступа к информации, тщательно охраняемой большинством крупных бизнесменов, а также неформальным характером связей, которые в условиях отсутствия закона о лоб-

бистской деятельности, как правило, реализуются на уровне личных договоренностей.

С введением в действие Федерального закона РФ «О политических партиях», придавшего институту партий и многопартийности федеральный статус, политическая активность предпринимательских кругов все более четко фокусируется на предвыборной борьбе.

К чему ведет активное участие в ней крупного бизнеса?

По мнению Е. Г. Ясина, автора одной из программных статей, определяющих задачи политического участия крупного бизнеса, «политическое представительство в лице партий», а также «поддержка организаций и институтов гражданского общества» представляют собой «инструменты», при помощи которых предприниматели решают главную задачу — «уравновешивают бюрократию и подпадающую под ее влияние власть»¹. Ясин убежден в том, что партии и правительственного большинства, и оппозиции в равной мере могут отстаивать «общие интересы бизнеса и свободного развития страны»². А. Зурабов, бывший председатель правления банка «Менатеп», называл участие в политической жизни необходимым условием нормального ведения бизнеса.

Противоположной точки зрения придерживается О. В. Гаман-Голутвина, считающая, что тенденция превращения ФПГ в основной элемент «селектората»³ возрождает традицию формирования общественного строя в России сверху⁴, на которую в начале XX в. указывал известный русский политик и мыслитель П. М. Милюков⁵. Специалисты Центра политической конъюнктуры в качестве тенденции, все активнее влияющей на поведение российского крупного бизнеса, отмечают растущие опасения по поводу последствий глобализации. По их мнению, это толкает крупный бизнес к поддержке радикальных партий и движений, ориентированных на дестабилизацию обстанов-

¹ Ясин Е. Г. Социальная сила бизнеса // Ведомости. 2002. 4 апр.

² Там же.

³ «Селекторат» — система групп, осуществляющих отбор кандидатов для органов власти, по мнению Г. Беста и М. Котты, является ключевым элементом системы рекрутирования парламентского корпуса. Цит. по: *Гаман-Голутвина О. В.* Политико-финансовые кланы и политические партии как селекторат в процессах парламентского представительства современной России // Современная российская политология в контексте глобализации и диалога культур. М., 2003. С. 159.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 161.

ки¹. А сотрудник Центра новой социологии и изучения практической политики А. Тарасов обращает внимание на усилившуюся конкуренцию российских бизнесменов с выходцами из стран ближнего зарубежья, что приводит к усилению в их среде националистических настроений, создавая тем самым предпосылки для формирования экстремистской партии с идеологией «новых правых», сочетающей православие с национализмом².

Рассмотрение форм и методов политического участия финансово-промышленных групп позволяет сформулировать ряд выводов.

Первый связан с формированием и укоренением двух основных тенденций, обеспечивших превращение ФПГ в самостоятельный субъект политики. Одну из них составляют общие и наиболее характерные признаки их эволюции — мобилизация финансовых ресурсов с участием отечественных и зарубежных инвесторов, наращивание и интеграция основных и вспомогательных активов, реструктуризация и формирование на этой основе мощных многопрофильных структур холдингового типа, объединенных единым менеджментом, общим стратегическим видением ситуации и перспектив ее развития. Ориентация на выпуск готовой продукции более высокого передела с повышенной рыночной стоимостью в сочетании с активной экспансией в различные отрасли «реального» сектора экономики, а также необходимость защиты постоянно расширяющихся интересов в условиях рыночной конкуренции потребовали включения ФПГ в политическую жизнь и укрепления их позиций во властных структурах.

Другая тенденция, связанная со спецификой развития каждой из групп, также работала на обеспечение интеграции во власть с взаимным дополнением и взаимопроникновением интересов. Следует также обратить внимание на структуру их политического влияния, в которой выделяются следующие показатели: особенности формирования ФПГ, влияющие на их политическое позиционирование как в ретроспективе конца 1980-х, 1990-х и начала 2000-х гг., так и в настоящее время; характер, условия, формы и методы, а также эффективность взаимодействия ФПГ с политическими институтами — государственным аппаратом, федеральными органами исполнительной власти, региональными элитами, политическими партиями; масштабы деятельности, а также самостоятельность финансовой базы и перспективы ее развития.

¹ Время МН. 2003. 21 апр.

² Там же.

Взаимное переплетение политических аспектов деятельности с экономическими на уровне крупных корпораций, а тем более супер-групп приводит к тесной корреляции их интересов, причем как на федеральном, так и на региональном уровнях. Все большее количество политиков, ученых и экспертов отмечают возобновление и даже углубление приостановившегося было с приходом В. В. Путина смыкания бизнеса с властью и усиления его влияния на политическую жизнь, более чем двукратное возрастание представительства крупного бизнеса во властных структурах по сравнению с концом 1990-х гг.¹ В связи с этим совершенно справедливым, на наш взгляд, является вопрос о допустимых пределах политического влияния крупного бизнеса, ответ на который дали президентские выборы 2004 г. Президентские выборы совершенно четко ограничили эти пределы политической волей президента, который определил их еще раз в Послании Федеральному собранию в 2006 г.

Третье, на что необходимо обратить внимание, — это резкая активизация участия ФПГ в политической жизни страны, а также вытекающая из этого консолидация партийных предпочтений крупного бизнеса, исходящих в большинстве случаев не столько из идеологических, сколько из прагматических интересов, главным из которых остается расширение масштабов бизнеса и сохранение группового влияния на общественную жизнь.

Власть реагирует на экономическую и политическую активизацию бизнеса довольно противоречивыми мерами. С одной стороны, ослабление административных барьеров на пути развития бизнеса или «дебюрократизация» экономики в последнее время образуют одно из важных направлений экономической политики государства. В 2001–2009 гг. был принят ряд нормативных актов, направленных на устранение избыточного административного давления на бизнес (в частности, законы РФ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)»), и отменен ряд самых одиозных постановлений, ассоциировавшихся с административными барьерами.

С другой стороны, противоположная тенденция, связанная с принятием новых нормативных актов, формирующих административные барьеры, на сегодняшний день продолжает иметь место и на федеральном, и на региональном уровнях. Более того, нормативные акты, принятые с целью снижения административного бремени, могут при-

¹ См.: Компания. 2003. 12 мая. № 18. С. 26.

водить к возникновению дополнительных издержек для предпринимателей. В частности, принятие Закона РФ «О регистрации юридических лиц» упростило создание новых юридических лиц, но привело к дополнительным издержкам для уже существующих предприятий и организаций, обусловленным необходимостью подачи нового пакета документов о деятельности организаций в налоговую инспекцию, хотя сам закон такого рода «перерегистрацию» не предусматривал. Экономисты рассматривают административные барьеры как особый институт: «это формальные обязательные правила ведения хозяйственной деятельности на рынках товаров и услуг, устанавливаемые органами государственной власти и местного самоуправления, частные издержки от введения которых для хозяйствующего субъекта, подпадающего под их действие, превышают частные выгоды от их введения с учетом эффекта дохода»¹.

Надо отметить, что и в самых развитых капиталистических странах отношения между властью и бизнесом никогда не были и не являются вполне гармоничными. Так, согласно опросу, проведенному аудиторской компанией PricewaterhouseCoopers, в котором приняли участие 992 президента компаний Европы, Азии, Северной и Южной Америки, 48 % респондентов опасаются терроризма и глобальных военных действий, а 49 — чрезмерного государственного регулирования, причем представители европейских компаний боятся бюрократов больше, нежели войн и терактов. В связи с этим авторы цитированного выше доклада Экспертного института отмечают: «Отношения власти и бизнеса никогда и нигде в мире не были безоблачными. Определенный элемент противостояния заложен в них самой природой власти и бизнеса. Поэтому проблему представляет не наличие такого рода конфликта, а уровень, степень остроты и форма его протекания, а также механизмов полноценного двустороннего диалога между бизнесом и государством порождает кризисную форму развития социально-экономических процессов»².

Если крупный капитал благодаря своей экономической мощи внедрил во власть и разделил с ней ряд важнейших политических функций, то средний и мелкий бизнес в России фактически отстранен от принятия решений в политике и экономике. Правда, государственное стимулирование развития объединений малых предпринимате-

¹ См.: Крючкова П. Снятие административных барьеров в экономике // Вопросы экономики. 2003. № 11. С. 65.

² См.: Общество и экономика. 2005. № 6. С. 49–50.

лей получило законодательное оформление еще на первой стадии российских рыночных реформ. В Федеральном законе «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации», принятом в 1995 г., определено, что федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления должны оказывать поддержку в организации и обеспечении деятельности союзов (ассоциаций) субъектов малого предпринимательства, создаваемых в установленном порядке как общественные объединения в целях обеспечения наиболее благоприятных условий для развития малого предпринимательства, добросовестной конкуренции, повышения ответственности и компетентности субъектов малого предпринимательства, коллективной защиты их интересов в органах государственной власти.

Передача от государства объединениям предпринимателей функций контроля и регулирования активизировалась после принятия законов о регистрации предприятий, лицензировании и процедуре проверок деятельности предприятий и индивидуальных предпринимателей, а также закона о стандартизации (технических требованиях) продукции. Декларированной целью данного процесса было кардинальное улучшение предпринимательской среды, способное облегчить жизнь субъектов малого бизнеса. Эти законы получили название законодательного пакета по дерегулированию.

Под дерегулированием в ведущих странах понимается процесс отхода государственных структур от ряда функций контроля и регулирования в экономической сфере. Он включает реструктуризацию самого государственного аппарата; изменение способов госрегулирования и контроля; поддержку развития некоммерческих и общественных организаций как важнейших институтов современного гражданского общества, как дополнения к рынку и замену некоторых институтов государства. Процесс дерегулирования охватил практически весь мир, так как он обусловлен возможностью повышения эффективности производства за счет снятия бюрократических ограничений. Специальные меры по дерегулированию проводились в США, европейских странах, Новой Зеландии и Японии. Пересмотр законодательства, реорганизация контролирующих органов, радикальное расширение прав институтов общественного самоуправления, включая общественные организации предпринимателей, возведены в некоторых странах в ранг приоритета государственной политики. В Японии, например, создан специальный государственный орган по дерегулированию, а сам процесс снятия бюрократических препо-

ганизационно подкреплен двумя целевыми государственными программами¹.

Хотя в России такого рода меры и предпринимаются, они, как правило, остаются на бумаге. Власть больше заинтересована в сотрудничестве с крупным капиталом. А это ставит малый бизнес в бесправное положение. Интересы различных по характеру объединений крупных предприятий, особенно тех, кто призван выражать интересы «олигархов» (в первую очередь РСПП), сильно отличаются от интересов и потребностей малого бизнеса. Проблемы экспортеров нефти, металлов, крупных финансистов кардинально отличаются от проблем малого бизнеса, характеризующих его взаимодействие с властными структурами.

Недостаточное развитие гражданского общества в РФ, особенности сложившейся политической системы и конституционного распределения полномочий между различными органами и ветвями власти, а также специфика социальной дифференциации, в рамках которой корпоративные (групповые) факторы доминируют над социально-политическими (партийными), являются причинами, по которым определенная часть функций, свойственных партиям, фактически перешла к крупному бизнесу.

В последние годы российские корпорации активно диверсифицируют методы и инструменты своего влияния на власть, пытаются добиться оптимального сочетания теневых форм политического участия с публичными. В этой деятельности необходимо выделить два основных направления.

Первое из них составляет формирование объединений, которые являются легальными лоббистскими структурами. Деятельность подобных структур прошла длительную эволюцию. Как правило, они создавались для решения весьма ограниченного круга конкретных задач и сразу после их достижения (или неудачи) распались.

В России возник широкий спектр отраслевых лоббистских объединений. Основной проблемой в их деятельности стало запутанное переплетение интересов трансотраслевых групп влияния и более мелких «отраслевиков», которое приводит к острым конфликтам. Этим во многом объясняется недостаточная эффективность их деятельности в политической сфере и отсутствие конкретных результатов, за исключением поддержания диалога с властью.

В последние годы сложилась система легальных лоббистских структур, которые и властью, и бизнесменами рассматриваются как

¹ См.: *Арская Л. П.* Японские секреты управления. М., 1997.

своеобразные площадки для ведения диалога и обмена мнениями. Эта система носит трехзвенный характер, каждый элемент которой соответствует уровню предпринимательской деятельности. Крупный бизнес с октября 2000 г. объединен в Российском союзе промышленников и предпринимателей (РСПП) (руководитель фонда «Политика», В. Никонов характеризует его как «профсоюз бизнеса»)¹. Средний и малый бизнес объединен в других структурах — движении «Деловая Россия» и Объединении предпринимательских организаций России (ОПОР). Предполагается, что управление инфраструктурой легального лоббизма реализуется Торгово-промышленной палатой (ТПП).

О руководящей роли власти в этом процессе наглядно свидетельствуют два обстоятельства. Во-первых, движение «Деловая Россия» возникло в начале 2001 г. в качестве межфракционной депутатской группы в Государственной думе. Но затем участники группы, включавшей 48 депутатов, вышли из-под контроля олигархов, объединив вокруг себя общественные структуры среднего бизнеса. Ясно, что без поддержки власти они бы на это не решились. Во-вторых, усилиями администрации была создана определенная система «сдержек и противовесов», которая заключается во взаимной конкуренции и противоборстве РСПП и ТПП, в руководство которых входит большинство крупных бизнесменов.

Второе направление представлено укрепляющимся влиянием ФПГ на политические партии, ведущим к усилению корпоративной мотивации их деятельности. С одной стороны, эта тенденция в некотором роде выглядит возвратом к протопартиям — сословным и клановым элитным группировкам, которые участвовали в политическом процессе в рамках докапиталистических отношений. С другой, с учетом пусть недостаточной, но постоянно возрастающей публичности ФПГ имеет смысл говорить о том, что в России постепенно формируется прототип корпоративно-политических организаций, сочетающих групповой срез социальной дифференциации с социально-политическим, а теневые формы деятельности — с публичными. На этой основе возникла возможность формирования принципиально новых организаций, соединяющих социально-политические и идеологические формы электоральной мобилизации с корпоративными, что подтвердило непосредственное участие различных ФПГ в формировании центристского парламентского большинства в Государственной думе последующего созыва и создание на его основе партии «Единая Россия».

¹ Сегодня. 2000. 20 нояб.

В западной политологии данная проблема еще в 1950-е гг. была поднята Р. Миллзом, выдвинувшим тезис о том, что демократические институты США, включая партии, в основном служат ширмой, прикрывающей «корпоративность» государства и его институтов. О. В. Крыштановская, отмечая идеологическое сближение представителей «новой волны» крупного бизнеса с выходцами из советского директорского корпуса, превратившихся в крупных собственников, подчеркивает антилиберальный и даже «имперский» характер взглядов, доминирующих в настоящее время в российском бизнес-сообществе¹.

Показательным примером попыток крупного бизнеса получить фактический контроль над партиями и таким образом продвинуть свои интересы во власти является проект перехода к парламентской форме правления, разработанный, по свидетельству ряда источников, аналитическими структурами компании ЮКОС². Однако данная инициатива встретила жесткое противодействие со стороны президента РФ В. В. Путина, который подвел итог развернувшейся по этому поводу полемики заявлением о недопустимости изменения действующей Конституции³. Несколько ранее, в Послании 2003 г., президентом было заявлено о необходимости существенного повышения прозрачности партийной деятельности, прежде всего в финансовой сфере⁴, что сделало возможность частичной «приватизации» партий крупным бизнесом весьма проблематичной.

Поскольку идеологическая платформа крупного бизнеса эволюционирует от либеральных ценностей к традиционалистским, в эту же сторону движутся и партии — как близкие к власти, так и оппозиционные. Закономерным результатом данного процесса стало формирование идеологии «национального успеха», выдвинутой партией «Единая Россия»⁵. Основу этой системы взглядов составляет требование широкой консолидации общественно-политических сил, необходимой для выполнения ряда общенациональных задач, одинаково актуальных для всех социальных слоев и групп российского общества⁶.

¹ Компания. 2003. № 18. С. 25.

² См., напр.: *Белковский С. Н.* Одиночество Путина // *Завтра*. 2003. № 19; *Андрусенко Л. А.* Эффект Ходорковского // *Смысл*. 2003. № 8. С. 8–9.

³ Российская газета. 2003. 21 июня.

⁴ Российская газета. 2003. 17 мая.

⁵ Путь национального успеха. Манифест партии «Единая Россия». М., 2003.

⁶ Там же.

Унификация социально-политических интересов, вплоть до стирания принципиальных различий между партийно-идеологическими платформами, а также зависимость партий от крупного бизнеса ставит в повестку дня вопрос об их постепенном переходе к отстаиванию корпоративных интересов. При дальнейшем развитии этой тенденции появляется реальная перспектива превращения партий в своеобразные «отделы публичной политики» крупных ФПГ. Разворачивающаяся между ними борьба в этих условиях будет протекать преимущественно в корпоративной плоскости и по второстепенным вопросам, не затрагивающим основ конституционного строя и сложившейся системы мировоззренческих и ценностных установок. Почва для этого в целом уже создана фактическим вхождением ФПГ в сферу влияния различных супергрупп. Если это разделение сохранится, велика вероятность формирования двухпартийной системы, один из субъектов которой сформируется на либерально-консервативной основе, а другой — на социально-либеральной. Подобная система может углубить социально-политическое размежевание в российском обществе, привести к радикализации националистических и крайне левых течений.

Вероятность такого развития событий обусловлена, в частности, отсутствием демпфирующих факторов. В США, например, к такому относятся высокий уровень жизни, развитая система социального вспомоществования, мощные профсоюзы, компенсирующие отсутствие социально ориентированных партий.

Указывая на объективный характер тенденции по усилению корпоративизма в партийной деятельности в РФ, отметим, что обращение ее вспять возможно только при формировании устойчивой социальной структуры с доминированием среднего класса, конкурентной экономической средой, а также широкой системой горизонтальных социальных связей, свойственных развитому гражданскому обществу. Что из этого следует?

Прежде всего следует обратить внимание на продолжающееся проникновение крупного бизнеса во власть, а также разрастание этого процесса до масштабов, при котором демократические институты становятся все более зависимыми от корпоративизма политической системы. Вопреки распространенному мнению это отнюдь не сугубо российское явление, обусловленное трудностями и противоречиями переходного периода. Формирование основ корпоративного государства в России — закономерный результат некритического заимствования и копирования социально-экономических и политических схем, лежащих в основе государственного устройства ведущих стран

Западного полушария, прежде всего США. Конечно, определенную роль в данном выборе сыграли и собственно российские особенности, в частности экономический монополизм, а также неразвитость гражданского общества и его институтов, доставшиеся в наследство от коммунистического режима. Альтернативу подобному подходу демонстрируют страны Европейского союза, экономические и политические системы которых поражены корпоративизмом гораздо в меньшей степени, чем это имеет место в США и Российской Федерации.

Представители крупного бизнеса усиливают свое влияние на политические партии главным образом с целью добиться расширения вторичной структуризации Государственной думы и связанных с этим лоббистских возможностей. На это же направлена то и дело возникающая инициатива по переходу к парламентской форме правления, в рамках которой исполнительную власть предлагается передать правительству, формируемому и ответственному перед контролируемым ФПГ партийным большинством Государственной думы. Эта практика встретила достаточно жесткое противодействие со стороны центральной власти. Шансы на ее реализацию, на наш взгляд, не велики, ибо подобное перераспределение полномочий требует конституционной реформы.

Первой тенденцией, проявившейся в качестве реакции на изменившиеся условия, можно считать участие крупных предпринимателей в формировании властной вертикали, созданной вместо действовавшей ранее системы политических сдержек и противовесов.

Взаимоотношения государства и крупного бизнеса претерпели существенные изменения. Если раньше положение в экономической элите определялось финансовым весом и автономными политическими ресурсами, то в настоящее время ключевым является место бизнес-элиты в иерархически построенной и институционально закрепленной системе отношений с властью. Иначе говоря, эволюция направлена от доступа к власти к месту во власти. В ходе этой эволюции происходит отказ от активного политического участия, который гарантирует соблюдение государством бизнес-интересов. Причем от такого решения вопроса выигрывает не только власть, но и крупный бизнес, который получает возможность избавиться от чрезмерной государственной опеки. По мнению А. Л. Мухина, корпорации «держатся на некотором расстоянии от Кремля, однако время от времени та или иная «приближается» на долгий или короткий срок, в зависимости от своей полезности команде Путина, которая декларирует

приоритет государственных интересов»¹. Сравнивая эту модель с той, что имела место при президентстве Ельцина, О. В. Крыштановская отмечает, что в тот период центров власти было много, а сейчас «маятник качнулся в обратную сторону», в результате чего «восстановилась кремлевская пирамида власти»².

Экономист В. Мау считает, что из трех возможных вариантов экономического развития — «дирижистского», связанного с активным государственным регулированием, «либерального», предполагающего полный уход государства из экономики, и «институционального», основанного на стимулировании предпринимателей и инвесторов к работе на внутреннем рынке, — правительство избрало последний, отвергающий любые крайности. Исходя из этого, автор предлагает не противопоставлять государственное участие в экономике деятельности ФПГ и вертикально-интегрированных компаний (ВИК), а совместить обе тенденции, разработав соответствующие меры макроэкономической и институциональной политики. Их цель — поддержка инвестиционной активности «олигархов» при одновременной нейтрализации любых попыток монополизировать рынки. Только таким образом, указывает автор, мы сможем добиться превращения ФПГ и ВИК в важный инструмент совершенствования рыночной демократии³.

Сегодня Россия стоит перед сложным выбором. Либо — окончательное сращивание крупного бизнеса с властью и формирование корпоративной модели, опирающейся на государство и воспроизводящей многие черты советского отраслевого монополизма. Эффективность такой модели может быть высокой только в условиях постепенного ужесточения политического режима, вплоть до придания ему определенного набора признаков авторитаризма. Либо — демополизация с формированием открытой экономики конкурентного типа. Именно по такому пути в конечном счете пойдет Россия, уверял бизнесменов вслед за В. В. Путиным на Всероссийском форуме промышленников и предпринимателей в Краснодаре в конце января 2008 г. Д. А. Медведев, заявивший, что в XXI в. госкапитализм не может быть эффективным, а создание в России госкорпораций — явление временное⁴.

¹ Мухин А. А. Бизнес-элита и государственная власть: кто владеет Россией на рубеже веков. М., 2001. С. 29.

² Компания. 2003. № 18. С. 27.

³ Коммерсантъ. 2002. 28 янв.

⁴ Ведомости. 2008. 1 февр.

Со временем будет видно, в какой мере оправдаются подобные прогнозы. Пока же динамика экономического и социально-политического развития России показывает, что процесс формирования корпоративной экономики набрал сильную инерцию, и остановить его может лишь совокупное воздействие многих факторов — внутренних и внешних, экономических, политических и социальных, которые, как свидетельствуют современные российские реалии, едва ли сформируются в обозримом будущем.

Стратегия российских профсоюзов перед вызовами экономической и социальной модернизации

Профсоюзному движению России предстоит серьезная проверка его жизнеспособности в связи с модернизацией, которая изменит не только экономику и рынок труда, но и социально-трудовые отношения. Наряду с другими факторами они будут влиять на ход модернизации, так как во многом определяют положение дел на рынке труда, развитие и реализацию трудового потенциала наемных работников, социальную стабильность в обществе.

Профсоюзам крайне необходимо разработать стратегию и тактику с учетом изменений, которые несет с собой модернизация. Осуществление модернизации неизбежно связано с определенными издержками, и задача профсоюзов не допустить, чтобы наемные работники стали той социальной группой, на плечи которой ляжет основной груз перемен. Для этого профсоюзы должны использовать все имеющиеся у них средства. И прежде всего — институт социального партнерства, механизм коллективно-договорного регулирования социально-трудовых отношений на макро-, мезо- и микроуровне. В ходе коллективных переговоров представителям профсоюзов придется убедить работодателей в нецелесообразности использовать низкую оплату труда в качестве конкурентного преимущества, а также в необходимости инвестирования прибылей в управление, производство, повышение уровня жизни наемных работников. Эти институциональные действия профсоюзов должны подкрепляться готовностью к проведению коллективных действий в поддержку требований профсоюзов за столом переговоров.

Известный опыт в этом отношении у российских профсоюзов имеется. В постсоветский период трансформация институтов, действующих в экономической, политической и социальной сферах, поставила перед профессиональными союзами, представляющими интересы работников на рынке труда, задачу адаптации к происходящим измене-

ниям. С этой целью профсоюзы приступили к разработке стратегии и тактики, способных обеспечить защиту интересов наемных работников с учетом новых рыночных реалий.

Организационная структура и функции профсоюзов в России

В России с переходом к рыночной экономике одной из первоочередных задач стало создание независимых и демократических профсоюзов. Здесь, так же как и в большинстве постсоциалистических стран, развитие профсоюзного движения шло по двум направлениям: путем образования новых независимых организаций и с помощью реформирования традиционных профсоюзов.

В российском профсоюзном движении традиционные («независимые») профсоюзы, созданные на базе советских, заняли доминирующее положение в силу своей многочисленности и наличия значительных финансовых ресурсов. Новые («свободные») профсоюзы, как правило, были малочисленными и не располагали достаточными ресурсами. У двух типов профсоюзов обозначился различный подход к решению ключевых вопросов, таких как членство, организационная структура, выбор средств для защиты интересов работников и др.

Традиционные профсоюзы, в отличие от новых, имеют в своих рядах, наряду с работниками, работодателей. Присутствие в одной организации контрагентов трудовых отношений в случае недостаточной силы у профсоюза дает возможность предпринимателю оказывать давление на его лидеров, склонять их к соглашательству, использовать в трудовых отношениях патернализм и неформальную практику. Что касается организационной структуры, то «независимые» профсоюзы строятся, как правило, по территориально-производственному принципу, а «свободные» – по профессиональному (межпрофессиональному). Существенно отличаются они и в выборе средств для отстаивания интересов и прав работников. «Независимые» профсоюзы избрали для этой цели коллективно-договорной процесс – заключение соглашений (договоров) в ходе переговоров. «Свободные» профсоюзы предпочитают активные действия (забастовки, пикетирование и др.). Надо отметить, что со временем многие традиционные профсоюзы изменили негативное отношение к забастовке, начали прибегать к акциям протеста, а новые профсоюзы стали больше внимания уделять переговорному процессу. Как показывает опыт западных стран, сочетание институциональной деятельности (коллективные переговоры, диалог) с массовыми коллективными действиями является за-

логом эффективной работы профсоюзов по защите интересов и прав трудящихся.

Появление в постсоветское время профсоюзного плюрализма явилось важным достижением демократических реформ, однако отношения между «независимыми» и «свободными» профсоюзами во время их становления были весьма конфронтационными, так как шла борьба за привлечение членов в их ряды. Соперничество профсоюзов довольно серьезно подорвало доверие к ним трудящихся. Со временем отношения между профсоюзами стали более спокойными, и на местном уровне есть примеры совместного отстаивания этими организациями интересов работников.

Профсоюзное движение России характеризуется высоким уровнем юнионизации (по сравнению со многими странами Запада). Тем не менее в силу ряда причин оно оказывает ограниченное воздействие на рынок труда, а следовательно, и на улучшение положения трудящихся.

На пути реализации основной функции профсоюзов по защите интересов и прав наемных работников существуют определенные трудности. Одной из них является отсутствие единства в профсоюзном движении. На профсоюзном поле России действует более 10 национальных объединений, около 250 профсоюзов имеют отраслевой или межотраслевой статус.

В настоящее время профсоюзное движение ставит задачу реформирования своей организационной структуры путем укрупнения профсоюзов за счет их слияния. Новая структура должна помочь профсоюзам более быстро и успешно адаптироваться к реструктуризации и модернизации отраслей и предприятий. Кроме того, укрепление финансовой базы позволит профсоюзам оказывать дополнительные услуги членам профсоюза, сделает возможным создание солидных забастовочных фондов, необходимых для ведения забастовок, а также для проведения кампаний по юнионизации. Надо отметить, что структурная модернизация профсоюзов за счет их слияния широко использовалась на Западе в 1990-е гг. как средство выхода из кризиса, поразившего профсоюзное движение многих стран.

О раздробленности профсоюзного движения в России свидетельствует наличие значительного числа профцентров. Наиболее представительные из них — Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР), объединяющая традиционные профсоюзы, Конфедерация труда России (КТР) и Всероссийская конфедерация труда (ВКТ), в которые входят «свободные» профсоюзы. КТР и ВКТ сотрудничают между собой, а также с профессиональными профсоюзами, не вхо-

дящими в профцентры. В 2009 г. три профцентра впервые провели совместную демонстрацию под лозунгом «За достойный труд». Демонстрация проводилась в рамках международной акции под эгидой Международной конфедерации профсоюзов (МКП). Заметим, что ФНПР, КТР и ВКТ представляют российское профсоюзное движение в созданном в 2007 г. Всеевропейском региональном совете Международной конфедерации профсоюзов (ВЕРС-МКП).

Отсутствие единства в профсоюзном движении во многом объясняет низкий уровень солидарности и мобилизационной силы, необходимых для эффективного отстаивания интересов работников. Наглядной иллюстрацией тому служит проведение демонстраций. Хотя демонстрации дают возможность профсоюзам легально продемонстрировать единство и сплоченность в защите своих интересов, в них принимает участие незначительное число членов профсоюзов (в рядах ФНПР насчитывается около 30 млн человек, в общероссийских демонстрациях, организуемых федерацией, участвует 2,5–3 млн человек). Несомненно, этот факт фиксируется работодателями и во многом определяет их поведение во время коллективных переговоров.

Позиции профсоюзов в России, так же как и в странах Запада, серьезно ослабляет сокращение профсоюзного членства. Эта тенденция, начавшаяся в стране в 1990-е гг., продолжается и по сей день (с 2006 по 2008 г. членство в ФНПР сократилось на 770 тыс. человек, а количество первичных профсоюзных организаций — на 7 тыс.)¹. Причины этого явления разные: структурная перестройка экономики, сокращение числа работников ряда отраслей, их переход в сферу среднего и малого бизнеса, реорганизация предприятий, сопровождающаяся ликвидацией профсоюзов, противостояние предпринимателей юнионизации.

В годы кризиса заметно усилились антипрофсоюзные действия предпринимателей, особенно борьба за создание полностью подотчетных им «желтых» профсоюзов. В ряде случаев она превращается в длительную «антипрофсоюзную войну», нередко это происходит при попустительстве местных органов власти (например, в случае с организациями ОАО «Акрон» в Великом Новгороде). Кроме того, усиливается преследование профсоюзных активистов, чему во много способствовало подписание в ноябре 2009 г. определения Конституционного суда, которое признает неконституционной норму Трудового кодекса, воспрещающего увольнение членов выборных профсоюзных органов, не освобожденных от основной работы, без согласия

¹ Профсоюзы и экономика. 2008. № 5. С. 101.

вышестоящего профсоюзного органа¹. Сокращению рядов профсоюзов способствует положение дел в профсоюзных организациях, прежде всего низкая эффективность работы первичных профсоюзных организаций (профкомов) по вовлечению новых членов, а также пассивность работников, во многом связанная с их социальной и психологической неготовностью отстаивать свои интересы.

Необходимость привлечения новых членов в свои ряды, а также сохранение имеющихся ставит перед профсоюзами задачу поиска новых мотивационных стимулов, способных заинтересовать работников, и в первую очередь молодежь. В ряде областей профсоюзы рассматривают привлечение молодежи и ее активное включение в работу профорганов как залог модернизации профсоюзного движения. С этой целью создаются сети молодежных советов (коалиций) на всех уровнях профструктуры. Используются современные информационные средства для организации дискуссионных площадок, создаются школы молодых лидеров и др. Однако это начинание пока не стало повсеместным.

Росту численности профсоюзов могла бы способствовать результативность работы профкомов по отстаиванию интересов работников в ходе колдоговорного процесса (при подписании колдоговоров и в ходе их реализации). Надо отметить, что в настоящее время эффективное участие профсоюзной стороны в переговорах напрямую связано с квалификационной подготовкой профсоюзных функционеров в связи с усложнением колдоговорного процесса, требующего знаний в области экономики и юриспруденции, а также навыков ведения диалога. Сегодня только крупные профсоюзы обеспечивают нужную подготовку профработников, проводя для них семинары, тренинговые занятия, круглые столы, на которых обсуждаются вопросы ведения коллективных переговоров, а также меры по вовлечению рядовых членов профсоюзов в коллективные переговоры. Что же касается основной массы профсоюзных функционеров, то они, как правило, недостаточно подготовлены для выполнения этой роли. Поэтому сегодня профсоюзы выдвигают задачу стационарного обучения своих работников в рамках специальных образовательных курсов. В перспективе представляется важным обеспечить повышение образовательного уровня рядовых членов профсоюзов, что позволит им принимать активное участие в обсуждении и выработке профсоюзной

¹ Определение Конституционного суда РФ противоречит положению Конвенции МОТ № 135 о защите прав выборных представителей трудящихся, не освобожденных от основной работы.

политики, будет способствовать росту внутрипрофсоюзной демократии и препятствовать бюрократизации профсоюзных структур.

Профсоюзы наряду с работодателями и государством являются интегральной частью системы социального партнерства. В начале 1990-х гг. социальное партнерство как способ регулирования социально-трудовых отношений в России было законодательно и нормативно закреплено. С его помощью предполагалось обеспечить оптимальный баланс реализации основных интересов различных групп, и в первую очередь наемных работников и работодателей. Механизмом реализации социального партнерства были признаны трехсторонние консультации (государство — бизнес — профсоюзы), а также трех- и двухсторонние соглашения (договора) на различных уровнях — национальном, межотраслевом, отраслевом, территориальном и на уровне предприятия. В сложной обстановке начала 1990-х гг. (в 1989–1990 гг. характеризующейся в том числе и ростом забастовочного движения) реализация социального партнерства должна была способствовать снижению социальной напряженности в обществе и помешать перерастанию недовольства в какую-либо форму общественных беспорядков.

В развитии социального партнерства наиболее заинтересованы профсоюзы. В его рамках они стремятся побудить правительство проводить экономическую и финансовую политику, позволяющую разумно сбалансировать действие рыночных сил в интересах всех участников экономической деятельности.

Надо отметить, что представители органов государственной власти, декларируя необходимость развития социального партнерства, на деле далеко не всегда способствуют его реализации. Нередко предложения и замечания, высказанные во время переговоров с представителями трудящихся и бизнеса, не учитываются. В сложившейся системе социального партнерства профсоюзная сторона не обладает достаточной силой для оказания давления на решения партнеров, принимаемые в ходе переговоров. Это наглядно демонстрирует работа Российской трехсторонней комиссии (РТК) по регулированию социально-трудовых отношений. Вплоть до 2007 г. правительственная сторона препятствовала принятию решений, отвечающих интересам работников, а также не выполняла взятых на себя обязательств. В 2007 г. впервые за всю историю РТК (создана в 1991 г.) было подписано генеральное соглашение (10-е по счету) на 2007–2010 гг. без протокола разногласий.

Российское законодательство, принятое в 1990-е гг., закрепило за профсоюзами право на представительство и защиту интересов работ-

ников, ведение коллективных переговоров и заключение коллективных договоров (соглашений) и контроля за их выполнением. определило порядок разрешения коллективных трудовых споров. Таким образом, была создана законодательная база для функционирования профсоюзов. К сожалению, законодательство не предусмотрело критериев и правил представительства профсоюзов в переговорах на федеральном, отраслевом и территориальных уровнях, что при имеющейся раздробленности профсоюзного движения в стране затрудняет переговорный процесс.

Права профсоюзов, зафиксированные в трудовом законодательстве в 1990-е гг., были существенно урезаны с принятием в декабре 2001 г. (вступил в действие в феврале 2002 г.) Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ).

Стремление разработчиков законопроекта к либерализации трудового законодательства путем приближения положений ТК РФ к рыночным реалиям привело к ослаблению правовой защиты работников. Многие социально-трудовые вопросы из сферы правового регулирования были перенесены в область коллективных переговоров. Следовательно, решение вопроса теперь в основном определяется соотношением сил сторон за столом переговоров. Учитывая то, что профсоюзы являются наиболее уязвимой стороной при заключении колдоговора (соглашения), нетрудно предположить исход переговоров в том случае, если профсоюз не обладает достаточной силой.

ТК РФ сделал легальное использование забастовки почти невозможным, забастовки солидарности за признание прав профсоюзов были запрещены. Статьи ТК РФ, касающиеся забастовок, подверглись критике как со стороны профсоюзов, так и со стороны экспертов по трудовым отношениям. Это заставило РТК в 2007 г. рассмотреть вопрос о внесении поправок в статьи ТК РФ, касающиеся проведения забастовок.

ТК РФ серьезно затруднил работу профсоюзов на предприятиях, особенно малочисленных (главным образом «свободных»).

В условиях рыночной экономики наличие таких факторов, как отсутствие сильного профсоюзного движения и функционирование трудового законодательства, не защищающего интересы трудящихся, открывают путь к неприкрытой эксплуатации наемных работников.

Профсоюзы в системе трудовых отношений выполняют несколько функций. Одна из них, экономическая, связана с защитой интересов и прав трудящихся на предприятиях, в отраслях промышленности и других сферах экономики. Она реализуется, как правило, в ходе участия профсоюзов как представителей трудового коллектива

в коллективно-договорном процессе. Правозащитная функция профсоюзов особенно важна в связи с тем, что в постсоветской модели развития не нашла отражения задача обеспечения социальных прав граждан.

В ходе коллективных переговоров определяются нормы оплаты труда, условий труда, социальных гарантий, льгот и др. Результативность коллективных переговоров зависит как от объективных, так и от субъективных факторов. К первым прежде всего относится финансовое положение компании (предприятия). Ко вторым — соотношение сил контрагентов колдоговорного процесса — работодателя и профсоюза. Недостаточно твердая позиция руководства профсоюза в отстаивании интересов трудового коллектива, его безволие, соглашательство, зависимость от администрации, а также отказ работодателей от ведения переговоров препятствуют подписанию колдоговора, учитывающего интересы работников.

Хотя сложившаяся в постсоветской России коллективно-договорная система охватывает главным образом работников крупных и средних предприятий и недостаточно эффективна (по оценке функционеров ФНПР), тем не менее у большинства работников ведущих отраслей промышленности коллективный договор ассоциируется с реализацией их социально-экономических требований и воспринимается как важное средство защиты их прав и интересов. Так, например, в ходе социологического опроса на предприятиях горно-металлургического комплекса в 2007 г. 92 % респондентов ответили утвердительно на вопрос о том, нужен ли им коллективный договор¹ (в 2003 г. — 89 %).

Профсоюзы помимо экономической выполняют также функцию демократизации трудового процесса, давая возможность работникам участвовать в коллективно-договорном процессе, выдвигая и отстаивая требования, определяющие качество их жизни.

Еще одна функция профсоюзов — социальная — призвана служить социальной стабильности в обществе. На общенациональном уровне они защищают интересы не только членов профсоюзов, но и различных социальных групп. Социальную значимость имеют такие требования профсоюзов к правительству, как установление минимального размера пенсии на уровне прожиточного минимума (ПМ), замещение трудовыми пенсиями не менее 40 % утраченного заработка, вывод минимального размера оплаты труда (МРОТ) на уровень ПМ,

¹ См.: ГМПР в меняющемся обществе. Аналитический доклад. М., 2007. С. 78.

отмена единого социального налога и возвращение к принципам социального страхования и др.

Следует подчеркнуть, что профсоюзы пока не уделяют должного внимания гражданскому и политическому участию членов профсоюзов и не рассматривают их как действенное средство влияния на общественно-политическую ситуацию в стране.

Однако о потенциале гражданской активности в профсоюзной среде свидетельствует тот факт, что многие члены профсоюзов готовы участвовать в акциях протеста не только ради защиты своих экономических интересов, но и ради таких ценностей, как социальная справедливость, блага общества, помощь людям, выполнение долга гражданина, возможность влиять на ход событий в стране.

О гражданской активности членов профсоюзов можно судить по их участию в деятельности общественных организаций. Пока лишь незначительная доля (немногим более 5 %) членов профсоюзов на регулярной основе участвуют в деятельности общественных и политических организаций, а также инициативных групп. Значительно большая доля принимает в них участие на нерегулярной основе. Наиболее заметна активность членов профсоюзов в работе объединений по увлечениям, интересам, благотворительных, правозащитных, культурно-просветительских, женских и политических организациях. Члены профсоюзов принимают участие в акциях, проводимых этими организациями. Так, например, в 2005 г. профсоюзы влились в общий поток протестных действий за отмену закона № 122 «О монетизации льгот». Кроме участия в акциях члены профсоюзов подписывают обращения, подают петиции в органы власти и др.

Рост гражданской активности членов профсоюзов ведет к установлению контактов, дружеских связей с людьми, разделяющими их взгляды и мировоззрение. В свою очередь, это оказывает влияние на их поведение в рамках профсоюза — возрастает заинтересованность в профсоюзных делах, проявляется большее доверие к коллегам, что способствует росту социального капитала.

Установление отношений сотрудничества между профсоюзами и общественными организациями в перспективе могло бы способствовать расширению социального диалога в обществе. Общественные организации могут стать союзником профсоюзов в решении социальных и экономических вопросов. В свою очередь, профсоюзы, обладающие финансовыми ресурсами, могли бы поддержать процесс развития общественных организаций. Пока в этом направлении дела-

ются лишь первые шаги. Наиболее заметно сотрудничество с общественными организациями «свободных» профсоюзов¹.

Политическое участие членов профсоюзных организаций определяется их партийными предпочтениями. Крайне низкий показатель доверия россиян к политическим партиям (это фиксируют все опросы общественного мнения) объясняет убежденность значительной части членов профсоюзов в том, что их организация должна выработать и проводить собственную политическую линию. Также широко распространено убеждение в том, что профсоюз должен быть в стороне от политики. Надо отметить, что в последние годы произошли некоторые изменения — число сторонников этих точек зрения снизилось, что означает, скорее всего, осознание работниками необходимости лоббирования их интересов на всех уровнях власти.

Существуют различия в преобладающей политической ориентации у членов новых и традиционных профсоюзов, причем они подвержены изменениям.

Новые профсоюзы, заявив в начале 1990-х гг. о своей политической независимости, на практике активно поддерживали демократические партии, а шахтерское движение стало опорой правительственных структур. Однако с 1998 г. в связи с изменившейся экономической и политической ситуацией в стране члены новых профсоюзов стали проявлять значительный интерес к идеям левых партий.

Политические предпочтения членов традиционных профсоюзов более четко определились во второй половине текущего десятилетия. В этот период наибольшую поддержку получили центристские партии — «Единая Россия» и «Справедливая Россия», что наглядно видно при анализе данных социологических опросов, проведенных среди членов Горно-металлургического профсоюза России (ГМПР) в 2003 и 2007 гг. Так, в 2007 г. 36 % опрошенных разделяли идеи «Единой России», тогда как в 2003-м — всего 10. «Справедливая Россия» в 2007 г. получила поддержку 7 % респондентов, а в 2003-м — 1. КПРФ и ЛДПР сохранили свои позиции, а «Яблоко» и СПС их утратили.

Данные опроса позволяют сделать вывод, что респонденты стали более высоко оценивать влияние партий на решение вопросов, представляющих для них интерес. Свидетельством этому может служить тот факт, что доля тех, кто не поддерживает никакие партии, сократилась с 60 % в 2003 г. до 34 в 2007-м².

¹ Подробнее об этом см.: Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. М., 2008. С. 183–184.

² См.: ГМПР в меняющемся обществе. С. 85.

Хотя количество членов профсоюзов сокращается, партии заинтересованы в использовании их электоральных возможностей. Как правило, перед началом избирательных кампаний лидеры партий стремятся наладить контакты с руководством профсоюзов, надеясь заполучить голоса их членов. В ходе избирательных кампаний кандидаты в депутаты, выступая перед членами профсоюзов, не скупаются на обещания и уверяют в своей готовности отстаивать их интересы в случае избрания. Однако обещания, как правило, забываются по окончании выборов.

В последние годы профсоюзы выстраивали свои отношения с партиями с учетом изменений в избирательной системе, которые отменили голосование по одномандатным округам и признали его проведение только по партийным спискам во время общепарламентских выборов в Государственную думу РФ, что серьезно затруднило избрание профсоюзных кандидатов в законодательный орган.

В создавшейся ситуации часть профсоюзов избрала путь заключения соглашений с партиями, надеясь в обмен на электоральную поддержку обеспечить включение своих кандидатов в списки партий. Ряд новых профсоюзов объединились с левыми партиями. ВКТ и КТР вошли в «Комитет единых действий левых сил».

ФНПР заключила соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи с фракцией «Единая Россия». Партнерские отношения между ФНПР и фракциями «Единой России» были оформлены и в законодательных органах власти субъектов РФ.

В обмен на поддержку партии профсоюзами, входящими в ФНПР, во время избирательной кампании «Единая Россия» взяла на себя ряд обязательств. ФНПР и «Единая Россия» совместно сформулировали программу «Достойный труд», в основу которой легли решения VI съезда профцентра. При поддержке «Единой России» ФНПР в 2008 г. удалось добиться признания необходимости принятия законодательства об отмене единого социального налога и восстановлении социального страхования (борьба за их отмену велась с 2001 г.).

Надо отметить, что при новом порядке выборов в Госдуму могут попасть лишь кандидаты профсоюзов, проходящие по спискам крупных партий, имеющих наибольшую электоральную поддержку¹. Это

¹ На выборах в Госдуму 5-го созыва (2007 г.) большая часть из зарегистрированных профсоюзных кандидатов была выдвинута партиями, не прошедшими в Госдуму (они не набрали 7 % голосов), а меньшая — прошедшими — «Единой Россией», КПРФ и «Справедливой Россией». В результате в Госдуму прошли только кандидаты от «Единой России».

существенно снижает шансы представителей профсоюзов попасть в этот орган власти.

Адаптация к новым вызовам

Разразившийся в 2008 г. глобальный финансово-экономический кризис поставил перед профсоюзным движением задачу определения своей тактики по защите интересов и прав трудящихся в принципиально новой экономической ситуации.

Кризис обнажил ошибки проводимой в стране экономической политики: ее сырьевую направленность, слабую конкурентоспособность и значительную зависимость от ситуации на мировых рынках. Большую роль в усугублении кризиса сыграло и неудовлетворительное состояние трудовых отношений, долгое время сохранявшийся остаточный принцип социального развития.

Кризис привел прежде всего к снижению деловой активности в основных отраслях промышленности (металлургической, строительной, машиностроительной, автомобильной). Попытка государства поддержать финансовую систему не привела к стабилизации реального сектора. Отсутствие контроля за выделенными средствами сделало возможным уход капитала из страны (за октябрь 2008 г. — 50 млрд долларов).

В 2009 г. число предприятий с различного рода финансово-экономическими проблемами составило более 6 тыс. (в основном это были крупные и средние предприятия). Кризис обострил ситуацию на рынке труда, затронув не только тысячи работников реального сектора экономики, но и служащих коммерческих и посреднических фирм, а также сферы услуг. С октября 2008 по апрель 2009 г. уровень безработицы (по официальным данным) поднялся с 5,8 до 10 % от численности активного населения. С осени 2008 г. обозначилась тенденция к росту задолженности по заработной плате. Доля предприятий с проблемами в сфере оплаты труда в 2009 г. составила 74,9 % от общего числа предприятий¹. В этот период широкое распространение получила практика введения режима неполного рабочего времени, неоплачиваемых отпусков по инициативе администрации, сокращения социальных выплат, предусмотренных коллективными договорами.

Влияние кризиса особенно ощущалось там, где в докризисный период предприниматели (администрация) проводили неэффективную

¹ См.: Профсоюзы и экономика. 2009. № 7. С. 13.

экономическую политику и бизнес-стратегию. На таких предприятиях получила распространение практика перекладывания последствий кризиса на плечи работников. Участились случаи банкротства вполне рентабельных предприятий, осуществляемого для того, чтобы не выплачивать работникам задолженность по зарплате¹.

Финансово-экономический кризис вызвал у большинства россиян страх перед надвигающимися трудностями. Согласно данным фонда «Общественное мнение» (ФОМ), значительная часть населения (20 %) в конце 2008 г. считала, что рост безработицы, сокращение/ невыплата зарплаты, а также общая нестабильность в стране могут вызвать массовые протестные действия.

В то же время репрезентативный опрос взрослого населения, проведенный Левада-центром в декабре 2008 г. (1600 россиян в 128 населенных пунктах 46 регионов страны), показал значительное изменение отношения работников к забастовке как средству защиты их интересов. Так, по сравнению с 2007 г. число респондентов, считавших, что забастовками ничего нельзя добиться, возрос с 17 до 30 %, а доля считавших, что забастовка — нормальное средство решения назревших проблем, снизился с 21 до 16 %. Результаты опроса свидетельствуют о том, что в условиях кризиса работники не возлагали больших надежд на решение своих проблем в ходе забастовочной борьбы. Точку зрения о неэффективности забастовок в создавшейся ситуации разделяли и многие лидеры профсоюзного движения.

В создавшейся обстановке профсоюзы приступили к разработке антикризисных мер по защите интересов и прав работников. В ноябре 2008 г. ФНПР приняла программу действий профсоюзов в условиях кризиса. В числе первоочередных задач были названы: проведение мер по поддержанию отдельных отраслей экономики, стратегических и градообразующих предприятий, увеличение максимального размера пособий по безработице, сокращение вдвое квоты на привлечение рабочей силы в 2009 г., увеличение финансирования мероприятий по проведению активной политики занятости населения с учетом ситуации на региональных рынках труда, оказание дополнительной поддержки населению и др.² Большинство этих положений были отражены

¹ Российский закон «О банкротстве» относит работников ко второй категории кредиторов и их требования по зарплате, не удовлетворенные в связи с отсутствием у должника достаточного имущества, не подлежат исполнению.

² Профсоюзы и экономика. 2009. № 6. С. 14.

в перечне очередных мер правительства по противодействию кризису (реализуется с декабря 2008 г.).

В рамках РТК профсоюзная сторона начала вести переговоры с представителями бизнеса и государства относительно проведения конкретных действий в условиях кризиса. Профсоюзы подчеркивали необходимость принятия социального пакета антикризисных мер на трехсторонней основе, так как любая попытка решения проблемы другими методами может привести к конфронтации и социальному взрыву. В апреле 2009 г. был достигнут консенсус — РТК приняла рекомендации по взаимодействию социальных партнеров в организациях в условиях экономического кризиса. Они были направлены на выработку социальными партнерами (работодателями и работниками в лице своих полномочных представителей) единых подходов к сфере труда, обеспечивающих конкурентоспособность организации, оптимальный уровень занятости, снижение социальной напряженности в коллективе. Документ подчеркивал необходимость максимального учета интересов и прав работников.

Социальным партнерам вменялась в обязанность следить за использованием средств, выделяемых на региональные программы по сдерживанию напряженности на рынке труда, а профсоюзам давалось право контроля за выполнением этих программ и внесения предложений по их корректировке в случае необходимости.

Значительное место в рекомендациях РТК было уделено коллективно-договорному регулированию в связи с осложнением положения в сфере трудовых отношений. В 2009 г. более 17 % организаций имели проблемы с заключением или перезаключением/продолжением коллективных договоров. В ходе переговоров работодатели выдвигали требования о пересмотре содержания коллективных договоров и включении в них положений о введении неполной рабочей недели с оплатой пропорционально отработанному времени, о сокращении заработной платы или ее замораживании и др. Эти требования часто были связаны с экономическими проблемами предприятия и выдвигались с целью его сохранения. В таком случае они находили поддержку профсоюзов и работников, которые соглашались на временную приостановку действия статей колдоговоров, касающихся ряда вопросов (главным образом льгот и гарантий). Однако нередко требования работодателей об уступках диктовались исключительно стремлением получить дополнительную прибыль.

В годы кризиса возросла правозащитная функция профсоюзов. Первоочередную задачу они видели в том, чтобы следить за соблюдением всех норм ТК РФ («не допустить купюр в ТК РФ» — таков был

призыв профсоюзных лидеров). Рекомендации РТК предусматривали создание на предприятиях антикризисных комиссий для разработки программ выхода из кризиса. Эти функции выполняли также комиссии по заключению коллективных договоров и контролю за их выполнением. Таким образом, профсоюзам предоставлялось право участия в определении конкретных мер для решения возникающих проблем с учетом интересов работников. Реализация этого права зависит во многом от компетентности профсоюзных представителей, так как их рекомендации должны быть разработаны на основе квалифицированного анализа реального экономического и финансового состояния предприятия, а также с учетом получаемых работодателем доходов. Серьезным препятствием в этом вопросе являются трудности, связанные с получением достоверной информации от предпринимателей (ее трудно добиться даже при благоприятной экономической обстановке).

В том случае, если по объективным причинам записанные в колдоговоре положения невозможно выполнить, стороны могут начать переговоры о временной приостановке их действия и внести в договор соответствующие изменения согласно ТК РФ. В этом случае стороны должны подписать специальный «кризисный протокол» с указанием срока действия достигнутого соглашения.

В условиях кризиса для защиты своих интересов профсоюзы, наряду с институциональными, использовали и коллективные действия (демонстрации, митинги, пикетирование и др.). Причем протестные действия возрастали по мере накопления негативных последствий кризиса, ухудшавших положение работников. Это наглядно видно при сравнении их активности во время проведения двух акций «За достойный труд», проходивший под эгидой МКП, в 2008 и 2009 гг. В первом случае в акции приняло участие немногим более 500 тыс. человек, а во втором — 8 млн работников и членов их семей. МКП отметила высокую активность россиян наряду с украинцами и испанцами в проведении этой международной акции. Протестные действия практически охватили все регионы России. Во многих городах проходило пикетирование предприятий, руководство которых допускало грубые нарушения трудовых прав работников, на которых проводились массовые увольнения, имели место антипрофсоюзные действия и др.

В сложившейся ситуации власти осознали, что в условиях кризиса меры по его преодолению не могут быть реализованы без доверия к власти всех групп интересов. Во время кризиса властью были приняты шаги по направлению развития общественно-государствен-

ного партнерства (а не только частно-государственного). Об этом свидетельствуют встречи руководства страны с лидерами профцентров, объединяющих как традиционные, так и новые профсоюзы, а также с представителями общественных организаций.

Большое значение приобрело установление контактов между властями и непосредственно работниками и представляющими их интересы профсоюзами на наиболее проблемных предприятиях. Представители власти принимали меры по сохранению функционирования предприятий, решали вопросы с задолженностью по заработной плате и др. В 2009 г. президент РФ поддержал инициативу ФНПР о ратификации Конвенции МОТ № 173 «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предприятий» (1992 г.)¹. Президент предложил внести превентивные изменения в законодательство в том случае, если для ее ратификации потребуется длительное время². Однако недавно предложения профсоюзов о ратификации ряда основополагающих Конвенций МОТ, определяющих деятельность профсоюзов, которые давно ратифицированы в большинстве западных стран, не нашли поддержки у представительных органов власти.

Миграционные процессы в России: противоречивые тенденции развития

Постиндустриальная цивилизация и глобализация принесли миру новые сложности и конфликты. К их числу, несомненно, относятся миграционные процессы, которые превратились в конце XX и начале XXI в. в одну из наиболее острых политических и социально-экономических проблем современного развития.

Миграционные процессы развиваются по различным направлениям. Они могут быть внутренними, т. е. не пересекающими существующие государственные границы, и внешними, связанными с эмиграцией, перемещением мигрантов из одной или группы стран в другую. Могут быть легальными и нелегальными.

До сравнительно недавнего времени процессы миграции, как добровольной (трудовой), так и вынужденной (беженцы), занимали

¹ Конвенция МОТ № 173 предусматривает, что в случае банкротства работники являются привилегированной категорией и их требования должны удовлетворяться в первоочередном порядке. Конвенция ратифицирована во многих западных странах.

² Профсоюзы и экономика. 2009. № 4. С. 9.

значительно меньшее место в общественно-политической жизни нашей страны в сравнении с США, западноевропейскими и другими государствами. Однако с начала 90-х гг. XX в. ситуация в этом отношении существенным образом изменилась. После распада СССР из закрытого общества современная Россия превратилась в один из крупнейших (после США и ФРГ) мировых центров иммиграции.

Учитывая, что Россия является одновременно страной приема, исхода и транзита мигрантов, т. е. тех, кто уезжает из своей страны и переезжает на новое место по социально-экономическим, политическим и иным причинам, в данной статье рассматриваются проблемы, связанные с приемом, использованием и обустройством трудовых мигрантов в нашей стране.

* * *

Прежде всего, необходимо отметить, что прием и использование в России гастарбайтеров (гаст — в переводе с немецкого языка это гость, а арбайтер — рабочий) являются экономической необходимостью и носят вынужденный характер. Несмотря на большое население и огромную территорию, а также наличие в России безработицы, она является труднедостаточной страной. В целом ряде ее регионов наряду с избытком работников некоторых профессий ощущается острый недостаток в первую очередь непрестижных или малоквалифицированных вакансий, к которым не проявляют интереса представители коренного населения.

Речь идет, например, о водителях городского транспорта, слесарях по ремонту автомашин, строительных рабочих, грузчиках, рабочих овощных баз, рабочих, занимающихся ремонтом и укладкой дорог, уборкой дворов и улиц, милиционерах, медицинских сестрах, санитарях, домашней прислуге.

Другой важный фактор, предопределивший столь острую необходимость использования в России трудовых мигрантов из-за рубежа, явился демографический кризис в стране. В этой связи особое беспокойство вызывает предстоящее значительное сокращение трудоспособного населения. И если не принять экстренные меры в отношении проведения грамотной и разумной миграционной политики, то, согласно прогнозам, общая численность трудоспособных граждан в России к 2015 г. уменьшится более чем на 10 млн человек. Иначе говоря, ежегодно численность трудоспособного населения в стране будет и дальше, как это было в последние годы, сокращаться на 1 млн человек.

Это происходит прежде всего не в результате низкой рождаемости (ситуацию в этом отношении в результате принятых в 2010 г. мер удалось несколько выправить), а вследствие высокой смертности трудоспособного населения. К тому же, по оценкам специалистов, в России чрезвычайно мало подростков в возрасте 15–17 лет — всего 3,8 млн человек, что в скором времени значительно обострит трудонедостаточную ситуацию в стране. Поскольку у нас вступающий в экономический возраст человек в 20 лет имеет максимум 60 % шансов дожить до завершения этого возраста, т. е. до 60 лет, для России важно добиться снижения смертности людей трудоспособного возраста.

Учитывая, что вследствие неблагоприятной демографической ситуации вступающих в трудоспособный возраст россиян становится все меньше и такая тенденция, по оценке специалистов, сохранится примерно еще лет десять, проблема дальнейшего приема и использования в России иностранной рабочей силы приобретает особое значение.

Необходимо отметить, что проблема иностранной рабочей силы стала в последние годы одной из самых обсуждаемых в России тем. Для того чтобы понять, какое значение она приобрела в нашей стране, достаточно сказать, что только с середины 2008 до середины 2009 г. в Россию, по официальным данным, въехало 14,5 млн человек, причем некоторые из них пересекали границу неоднократно.

Мигранты составляют ныне примерно 20 % трудовых ресурсов России, а в отдельных отраслях экономики, таких, например, как жилищно-коммунальное хозяйство и строительство, трудятся почти исключительно иностранные работники. По подсчетам специалистов, трудовые мигранты из стран СНГ создают 6–8 % ВВП России.

Около 80 % всех мигрантов в России — выходцы из Украины, Китая, Казахстана, Узбекистана, Молдавии и Азербайджана. До 2005 г. по числу легальных трудовых мигрантов в России лидировала Украина, а в 2006 г. по этому показателю ее обошел Китай. Среди визовых стран наибольшее количество мигрантов дают Китай, Германия, Турция и ряд других государств.

Переводимые трудовыми мигрантами на родину средства, которые они заработали тяжелым трудом в России, — своего рода дотация нашей страны в экономику бывших советских республик, эти деньги играют важную роль в их экономическом развитии. По официальным данным, общая сумма переводов, поступивших от иностранных рабочих в эти страны в 2007–2008 гг. (вместе с прогнозируемыми неучтенными деньгами, полученными от тех работодателей, которые уклоняются от налогов), достигли около 15 млрд долларов.

Так, от таджикских мигрантов из России в Таджикистан поступает ежегодно более 2 млрд долларов в год, что составляет 38–40 % ВВП этой страны. В середине 2008 г., до войны России с Грузией, в нашей стране трудились 300 тыс. эмигрантов из этой страны, их денежные переводы на родину, составлявшие около полумиллиарда в год, обеспечивали около 15 % ВВП страны.

По данным Центробанка РФ, за последние 5 лет количество переводов прежде всего в бывшие советские республики и Китай и их суммы увеличились примерно в 10 раз. Общая сумма денежных переводов из нашей страны превышает денежные «посылки» в Россию в 8 раз.

Вместе с тем заработанные трудовыми мигрантами средства имеют важное значение и для нашей страны. Так, по оценке директора Федеральной миграционной службы К. Ромодановского, каждый заработанный мигрантами доллар приносит России 6 долларов прибыли.

После начала финансово-экономического кризиса в России и роста безработицы заметно увеличился отток трудовых мигрантов за границу. Так, на рубеже 2008–2009 гг., по данным авиаперевозчиков, Россию ежедневно покидали на 30 тыс. человек больше, чем прилетали в нашу страну.

В ходе кризиса значительно сократились инвестиции в производство стройматериалов, строительство и ряд других отраслей, где преобладает труд иностранных работников, что привело к массовым их увольнениям.

В Москве большинство гастарбайтеров занято на рынках, в строительстве и на транспорте. По словам главы Департамента городского строительства Москвы А. Косована, на столичных стройках в 2009 г. работали не менее 100 тыс. иностранцев. Однако это в три раза меньше, чем в предыдущем году, когда их число достигало 300–350 тыс.

До начала кризиса в России было около 12 млн трудовых мигрантов, 6,5 млн из них были заняты в строительной отрасли, которая в наибольшей мере понесла урон от кризиса. И хотя жилищное строительство резко сократилось, около 1 млн человек сохранили свои рабочие места, поскольку продолжалось строительство дорог, мостов и других необходимых в условиях кризиса объектов.

Примерно 1,5 млн строителей-мигрантов, лишившись в условиях массовых увольнений работы, не найдя новую, уехали на родину. А остальные, оказавшись на улице, начали искать иные возможности заработка. Часть из них устроилась на нелегальную работу.

В ходе кризиса число гастарбайтеров в России заметно уменьшилось. Так, с января по октябрь 2009 г. в Москве получили разрешения на работу 244 тыс. мигрантов, тогда как за аналогичный период предыдущего года — 433 тыс. Квота на иностранных рабочих в 2009 г. была заявлена в 390 тыс., а на следующий год — в 250 тыс. человек. Но необходимо учитывать, что лишь треть гастарбайтеров становятся на миграционный учет, тогда как остальные работают нелегально. По оценкам специалистов, количество нелегальных мигрантов превышает число легальных, официально зарегистрированных, в 2–3 раза.

Миграция, по определению руководителя лаборатории анализа и прогноза миграции населения Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Ж. Зайончковской, — это процесс быстрого реагирования общества на меняющуюся ситуацию. Люди чувствуют опасность заранее. Например, уже за два месяца до кризиса 1998 г. въезд в Россию сократился на 25 %, а выезд в Израиль, Германию резко возрос — на те же 25 %. Следует также учитывать, что трудовые мигранты, в отличие от граждан России, очень мобильны. Сначала они чаще всего приезжают в Москву, а затем, в зависимости от конъюнктуры на рынке труда, переезжают в другие регионы страны, туда, где имеется работа и соответствующие условия для пребывания. Многие из них переезжают на Дальний Восток, где имеется большая потребность в рабочей силе.

В ходе кризиса, по словам руководителя миграционной службы К. Ромодановского, примерно в 3–4 раза уменьшилось и число нелегальных мигрантов. В этом сыграло свою роль введение миграционных патентов, позволяющие работать в течение трех месяцев, их должны покупать работающие у физических лиц, например на стройке. По истечении трех месяцев разрешение на работу оплачивает работодатель. Это дает возможность вывести из тени работающих нелегально и в то же время пополнить государственный бюджет.

Проблема приема и использования в России трудовых мигрантов, особенно нелегальных, создает для властей целый ряд серьезных, трудноразрешимых вопросов, которые в ходе кризиса заметно осложнились. Прежде всего, государственный бюджет не получает от них каких-либо доходов. Далее, обостряются межэтнические и межрелигиозные отношения, усиливается конкуренция на рынке труда, увеличивается и без того огромная нагрузка на все городское хозяйство, опасность инфекционных и многих других заболеваний, возникает необходимость обустройства приезжих и их обучения русскому языку. Кроме того, если мигрант работает официально, то пользуется теми же правами, что и коренной житель России. Нелегалы же живут

в ужасных условиях, их зарплаты ниже зарплат коренных жителей и пр.

В настоящее время в России, переживающей сложный и противоречивый период трансформационных преобразований, возникла необходимость серьезного переосмысления отношения к роли и возможности дальнейшего притока иностранной рабочей силы.

В мае 2010 г. Государственная дума приняла во втором и третьем чтениях поправки в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ» и отдельные законодательные акты РФ (о совершенствовании механизмов регулирования внешней трудовой миграции, защиты национального рынка труда от избыточного привлечения иностранной рабочей силы). Закон упрощает порядок привлечения и использования трудовых мигрантов из стран СНГ. Иностранцы разделены на две категории: работающие у работодателей — юридических лиц и у индивидуальных предпринимателей. Для тех и других будет действовать свой механизм нормативного регулирования труда мигрантов. Причем мигрант, прибывающий из страны, с которой заключено соглашение о безвизовом въезде, при получении разрешения на работу подлежит фотографированию и обязательной государственной дактилоскопической экспертизе. Исключение из этого правила будет сделано для высококвалифицированных специалистов. Этот закон вступил в силу с 1 января 2011 г.

Согласно установленным в России квотам в условиях роста безработицы среди коренных жителей количество мигрантов должно было уменьшиться, но в действительности это не произошло. Поэтому было решено ввести запрет для мигрантов на конкретные виды деятельности, в частности мигрантам запрещено заниматься розничной торговлей в палатках и на рынках, запрещено торговать алкоголем и лекарствами.

Однако запрет — это одно, а его исполнение у нас в стране — другое. Хотя среди продавцов на рынках стало больше россиян, но за их спиной стоят представители диаспор мигрантов, без ведома которых товары на прилавки не попадут. Можно также просто купить на черном рынке российский паспорт.

В ходе кризиса перечень профессий, которыми могут заниматься мигранты, неуклонно сокращался. Учитывая, что значительное число мигрантов имеет низкую квалификацию, плохо знают город, русский язык и с трудом адаптируются к дорожным условиям, что часто приводит к авариям, власти Москвы приняли решение о запрете с 1 января 2010 г. квот на привлечение иностранцев для работы на коммерче-

ских маршрутках. Все это, естественно, тоже не могло не отразиться на занятости гастарбайтеров, так как 65–70 % водителей общественного транспорта Москвы до последнего времени были мигрантами.

Кроме того, желая пополнить бюджет за счет гастарбайтеров, которые работают домработницами, ремонтируют помещения, строят дачи, правительство внесло в Государственную думу законопроект, согласно которому иностранным работникам надлежит покупать патент на право на труд в России. Его стоимость составит 1000 руб. в месяц. Речь идет, по существу, о налоге, который авансом уплачивает РФ мигрант и тем самым подтверждает, что он зарабатывает деньги в нашей стране законно.

Иначе говоря, введение патентов даст возможность усовершенствовать механизм регулирования внешней миграции в сфере, где трудится примерно 400 тыс. мигрантов. В то же время за работу без патента вводится штраф от 2 до 5 тыс. рублей с возможной депортацией.

Наряду с пополнением государственного бюджета за счет труда мигрантов, занятых в личных хозяйствах и семьях россиян, законопроект предполагает также с помощью различных льгот и преференций привлекать в Россию квалифицированную иностранную рабочую силу.

Наиболее ценным работникам предоставляется право стать в России резидентами, т. е. иметь равные права с россиянами на уплату подоходного налога по ставке в 13 %. Что касается неорганизованных трудовых мигрантов, то они станут легальными, если сначала приобретут в территориальном органе Федеральной миграционной службы (ФМС) патент.

В ходе кризиса в России в проблеме гастарбайтерства возник целый ряд новых явлений. В предкризисный период приехавшие в нашу страну неквалифицированные или малоквалифицированные мигранты в поисках заработка соглашались на полурабские условия непрестижного труда, от которых отказывались коренные жители, и так или иначе находили себе какую-либо работу.

Когда же начался кризис, то в условиях массовой безработицы, как заявил в декабре 2008 г. премьер-министр РФ В. Путин, правительство не имело возможности обеспечить всех гастарбайтеров работой. Многим из них объявили об увольнении, другим — о переводе на частичный рабочий день или неделю, о сокращении зарплаты либо об отправке в неоплачиваемый отпуск. У многих мигрантов не было даже средств на обратную дорогу. К тому же многие не стремились возвращаться на родину, поскольку и там, особенно в условиях кризиса, они не надеялись найти работу.

В конце 2008 г. в Екатеринбурге гастарбайтеры-строители объявили первую в нашей стране забастовку трудовых мигрантов. Примерно 250 строителей из Таджикистана потребовали от работодателя созданного в 2007 г. ООО «Альфа-Строй» погашения долгов по зарплате в сумме 11 млн рублей. Как заявил руководитель забастовки, председатель региональной общественной организации «Общество таджикской культуры “Сомон”» Фарух Мирзоев, они в течение нескольких дней саботировали строительство, пока фирма — подрядчик ООО «Альфа-Строй» не выплатила им зарплату за три месяца. Также с боем добывали свою зарплату за три месяца в декабре 2009 г. гастарбайтеры, работавшие на строительстве объектов на острове Русский, возводившихся к саммиту АТЭС-2012.

В конце 2008 г. Федерация профсоюзов Свердловской области объявила о создании первого в России профсоюза трудовых мигрантов с целью защиты прав рабочих из стран ближнего зарубежья и, в частности, увеличения их зарплат до уровня оплаты труда российских рабочих. По данным профсоюзов, работавшие в тот период в строительной отрасли рабочие-иностранцы получали 6–8 тыс. рублей в месяц, а граждане России — от 12 до 15 тыс. рублей. Профсоюз также занялся официальным оформлением трудовых мигрантов на предприятиях. Причем катализатором создания этого профсоюза, по словам его лидеров, послужил финансово-экономический кризис.

В ходе кризиса трудовые мигранты из Узбекистана и Таджикистана создали своеобразную кассу взаимопомощи и передавали в нее по 100–150 рублей. Это позволило им рассчитывать на оплату лечения в больнице, выкуп из милиции, наем адвоката, консультацию юриста и, если возникла срочная необходимость, покупку билета на родину.

Кроме того, эта организация оказывает гастарбайтерам помощь в ликвидации долгов по заработной плате, которую иногда не платят по 6–8 месяцев. Так, например, когда закрыли Черкизовский рынок, на средства диаспор открыли полевою кухню, юристы консультировали мигрантов. Как полагает лидер таджикской диаспоры в Свердловской области Фарух Мирзоев, таджики испытывают большие сложности в своей деятельности в связи с различием в положении между местными и приезжими работниками. «В мигрантской среде, — заявил он, — кроме таджиков есть еще украинцы, сербы, молдаване. Кто же этот профсоюз возглавит? Член диаспоры — идея хорошая. Но не понятно — какой диаспоры? Таджики исповедуют ислам, они будут против, чтобы ими руководил, к примеру, христианин — серб. И сами православные не захотят находиться под началом мусульманина».

Выход, на взгляд руководителя таджикской диаспоры Фаруха Мирзоева, состоит в том, что «мигранты должны входить в отраслевые профсоюзы на общих основаниях... Создание такого (мигрантского. — Л. М.) профсоюза приведет лишь к тому, что мигранты станут еще более изолированными от остальных работников. У них и без того прав совсем немного — они полностью зависят от своих работодателей».

После распада Советского Союза в современной России особую актуальность приобрели проблемы ксенофобии, толерантности и национализма. Если в годы советской власти проживавшие в стране 180 народностей жили в условиях «равенства в бедности» и это во многом сглаживало национальные противоречия, то в новой России в этом отношении произошли серьезные изменения.

Возникновение в 90-е гг. XX в. на территории бывшего СССР 15 новых независимых государств, неравномерное развитие их экономик, межэтнические столкновения на Кавказе, в Узбекистане, Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Молдавии, внедрение капиталистического образа жизни и значительно большее, чем в ведущих странах Запада, социальное расслоение населения, обострение социальных последствий политического и экономического кризиса привели к беспрецедентному росту беженцев, вынужденных и добровольных переселенцев. В этой связи особую актуальность в современной России приобрели проблемы ксенофобии, толерантности, национализма и экстремизма.

Следует иметь в виду, что негативное отношение многих коренных жителей страны к приезжим возникает и усиливается не столько из-за недоброжелательного и нетерпимого отношения к ним вследствие их национальной принадлежности, а из-за обострившейся социальной напряженности, особенно в условиях кризиса и безработицы, существующей среди самих россиян.

По оценке специалистов, в случае, если безработица возрастает на 1 %, то преступность увеличивается на 5 %. То есть негативные тенденции в социально-экономической сфере связаны с преступностью в режиме сообщающихся сосудов. В последние годы в России заметно выросло количество преступлений, совершенных безработными иностранными гражданами. В Москве, по данным начальника Главного управления внутренних дел Москвы В. Колокольцева, 40 % преступлений — дело рук мигрантов.

Приезжие из стран дальнего зарубежья совершают преступления в основном против своих земляков. После совершения преступления мигранты часто сразу же уезжают, и их невозможно задержать.

Следует также отметить, что в период финансово-экономического кризиса преступность по отдельным видам преступлений выросла на 7–8 % в год.

В ходе опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в конце 2009 г., выявлено, что 51 % опрошенных негативно оценивают межнациональные отношения в Москве. При этом 36 % респондентов считают их напряженными, а 15 — конфликтными. Наиболее склонны к такой оценке те, кому 60 лет и старше (52 %), а также малообеспеченные горожане (62 %). Главной мерой, способной предотвратить рост межнациональной напряженности и конфликтов между коренным населением и мигрантами в Москве, является, по мнению столичных жителей, ограничение притока неквалифицированной рабочей силы и ужесточение порядка их въезда и регистрации (67 %). В то же время 29 % москвичей, согласно опросам, лично сталкиваются с враждебным или просто неуважительным отношением к себе со стороны иностранных работников.

Как показывает опыт миграционных процессов в других странах, проблемы с мигрантами увеличиваются в тех случаях, когда численность иностранных работников на ограниченном пространстве превышает 30 %. В то же время ассимиляция возможна лишь тогда, когда мигранты составляют незначительную долю в населении и они не могут создать свои национальные анклав. В противном случае возникает нечто подобное гетто, приезжие не стремятся включиться в русскую культуру и жизнь и все делают для того, чтобы перенести на новое место жительства свои нравы и обычаи, молельные дома, судебную систему, культуру. Так, например, половина исламской молодежи в Англии живут по законам шариата, дети из мусульманских семей учатся в религиозных школах, а их родители одобряют действия «Аль-Каиды».

«Жить по закону, сообразуясь со сложными общественными установлениями, — пишет Г. Старостенко, — более в природе Запада, чем в понятиях Востока... Но больше всего средний европеец зол на мигрантов с Востока не потому, что у них иной цвет кожи и “некомплементарная культура”. Его злит, что на новой родине они начинают яро исповедовать и выставлять напоказ культурные фетиши, от которых и бежали когда-то с родины исторической.

Речь о религиозных фундаменталистах. Они могут быть замечательными людьми сами по себе, но при капитализме — глобализме — империализме (в условиях борьбы цивилизаций) они приходят и остаются en masse, не зная истории страны пребывания, всей сложной диалектики ее добра и зла».

В условиях двух десятилетий реформ в России в ходе кризиса постепенно изменилась психология людей труда. Если еще недавно многие россияне считали, что они никогда не будут работать на стройке и в других местах, где работают мигранты, то в последнее время отделы кадров многих предприятий стали получать заявки от российских граждан об их готовности за большую заработную плату работать даже в отдаленных регионах страны. И хотя у нас в стране даже в условиях кризиса сохраняется очень много вакансий, но человек, занимавшийся более квалифицированным трудом, далеко не всегда готов согласиться на менее оплачиваемую и престижную работу. То есть возникает своего рода социально-психологический барьер, с которым нельзя не считаться.

Из опрошенных 3000 респондентов из всех федеральных округов России 38 % заявили, что готовы переехать в другой город ради новой работы, а 46 % дали отрицательный ответ. В то же время большинство из них не желают занять менее оплачиваемые и непрестижные места, на которых работают трудовые мигранты.

Хотя в ходе кризиса в России увеличилась армия безработных, в Москве и ряде других крупных городов сохранился дефицит рабочих рук определенных специальностей. Так, например, в апреле 2010 г. в Москве насчитывалось 181,3 тыс. вакансий, а число безработных составляло 63,4 тыс. При этом больше всего были востребованы работники в реальном секторе экономики.

Но если до начала кризиса подавляющее большинство россиян не выражали желания занять малопrestiжные рабочие места, на которых трудятся гастарбайтеры, то теперь, по словам руководителя Департамента труда и занятости населения Москвы О. Нетеребского, москвичи стали более охотно идти в профессии, которые раньше не пользовались популярностью (например, профессия водителя). Более реалистичными стали требования к зарплате выпускников высших учебных заведений.

Будучи заинтересованной в сокращении притока малоквалифицированной иностранной рабочей силы, наша страна проявляет интерес в определенном количестве квалифицированных, а тем более высококвалифицированных зарубежных специалистов, и многие из них успешно работают, например наставниками некоторых наших национальных спортивных команд.

В этой связи вызывает удивление то, что Федеральная миграционная служба приравнивала процедуру приглашения зарубежных профессоров и преподавателей в российские вузы к правилам оформления рабочей карточки для дворников и сантехников. В октяб-

ре 2009 г. ФМС изменила порядок приглашения педагогов из-за рубежа. Согласно новым правилам были усложнены условия и увеличена продолжительность времени выдачи виз иностранным преподавателям и для них, так же как и для рабочих-гастарбайтеров, введены ограничения в виде квот на прием. В результате десятки преподавателей, и прежде всего преподаватели китайского, немецкого и турецкого языков, оказались вынуждены закончить работу в России и покинуть ее, несмотря на то что они приехали в нашу страну в соответствии с международными соглашениями о сотрудничестве.

Это не только нанесло урон качеству обучения наших студентов, но и ударило по престижу России. Произошедшее, по словам главы комиссии Общественной палаты по образованию Ярослава Кузьмина, тем более поразительно, что как раз сейчас Министерство образования и науки и Федеральная миграционная служба активно и конструктивно участвуют в согласовании нового законопроекта, призванного существенно облегчить работу в России иностранцев — специалистов высокой квалификации.

Прежде всего, заявил Я. Кузьмин, необходима поправка, четко определяющая, что для занятия преподавательской деятельностью не требуется разрешения на привлечение и использование иностранных работников ни для работодателя, ни для работника. Причем с дополнением, что разрешения не требуется как для преподавательской, так и для научной деятельности.

Кроме того, высококвалифицированным иностранным преподавателям целесообразно выдавать рабочие визы на весь срок действия их контрактов, возможно до 5 лет, а наиболее перспективным ученым стоило бы предоставлять право на ускоренную процедуру получения гражданства России.

* * *

Итак, проблема гастарбайтерства, использования иностранной рабочей силы в России как в ходе кризиса, так и, особенно, в посткризисный период превратилась в одну из острейших социально-экономических и политических проблем развития нашей страны.

По мере перехода от экспортно-сырьевой к инновационной экономике неминуемо возникнет необходимость повышения производительности труда, внедрения новых технологий, современного оборудования, лучшей организации труда и снижения издержек производства. А это потребует значительного сокращения числа неквалифицированных или малоквалифицированных работников, которые имели рабочие места в низкопроизводительном обществе.

И если, например, в условиях нашего современного низкопроизводительного общества в Москве в апреле 2010 г. вакансий было 181,3 тыс., а число безработных — 63,4 тыс. человек, т. е. имелся «трехкратный запас» прежде всего малоквалифицированных и непрестижных вакансий, то в ходе модернизации ситуация в этом отношении должна коренным образом измениться.

И хотя в период кризиса количество желающих приехать в Россию на работу снизилось на 13–15-процентных пункта, даже в условиях кризиса и безработицы иностранная рабочая сила по-прежнему необходима.

В идеале, подчеркивает Нетеребский, количество трудовых мигрантов должно стремиться к нулю. Но при этом мы не собираемся вставать стеной на пути иностранной рабочей силы. Иначе мы остановим работу многих предприятий, в том числе и тех, на которых задействованы москвичи. У нас приоритет — москвичи, россияне. И только в силу объективной нехватки нужных отечественных кадров, чтобы не останавливать предприятие, Комиссия по привлечению и использованию иностранных работников будет разрешать брать на работу иностранцев.

Пока же наши власти даже в условиях безработицы принимают на работу больше, чем необходимо, малоквалифицированных трудовых мигрантов, не имея возможности обеспечить их даже минимально приемлемыми условиями жизни и труда. Причем миграционная служба так до сих пор не сумела наладить учет места проживания и работы многих мигрантов, а также их спроса и предложения в трудоемких и человекоемких отраслях.

В настоящее время, когда речь идет о создании после выхода из кризиса новой российской экономической модели и переходе экономики на более высокую, инновационную ступень развития, при которой рабочие места должны быть адекватными этой модели, необходимо определить не только какое количество, но и какого качества трудовые мигранты понадобятся России в новых условиях.

Естественно, что помимо определенных категорий неквалифицированных работников, которые, очевидно, и впредь будут востребованы, в значительно большей мере потребуются квалифицированные, а тем более высококвалифицированные специалисты. А их уже вряд ли устроят неблагоприятные условия оплаты труда и подвальные и полуподвальные помещения, в которых ныне проживает с грудными детьми большинство мигрантов.

К сожалению, до сих пор на государственном уровне не выработана последовательная, конструктивная, научно обоснованная программа приема и использования иностранной рабочей силы в нашей стране. Мы по-прежнему принимаем значительно больше трудовых

мигрантов, чем необходимо и чем можем устроить, мы не можем наладить учет мест их пребывания и занятости.

Финансово-экономический кризис и возникшие в связи с ним проблемы, прежде всего такие, как возросшие безработица и преступность, выявили острую необходимость принять срочные меры по адекватному урегулированию в новых условиях такой важной социально-политической проблемы, как использование неиностранной рабочей силы.

Но решение этой проблемы необходимо ввести в правовое поле. При этом непременно надо учитывать, что трудовые мигранты должны дополнять рынок труда, а не переполнять его, и привлекать нужно не любых гастарбайтеров, а тех и в том количестве, в которых нуждается наша страна. В этой связи необходимо диверсифицировать потоки мигрантов как по их качественному составу, так и по регионам, особенно нуждающимся в иностранной рабочей силе.

России как развивающейся стране требуются все новые рабочие руки. В соответствии с российскими общественными программами с целью удовлетворения потребности рынка труда Федеральная миграционная служба России в контакте с зарубежными аналогичными организациями принимает ряд мер по приему в Россию необходимых иностранных работников. Например, организуется предварительное обучение необходимых экономике нашей страны молодых узбеков и таджиков непосредственно на их родине. Речь идет, в частности, об изучении ими русского языка и ознакомлении с основными требованиями, предъявляемыми к трудовым мигрантам в России. И с другими бывшими советскими республиками намечаются подвижки в этом отношении.

Как подчеркивает заместитель директора Федеральной миграционной службы РФ Е. Егорова, в относительно близкой перспективе наша экономика нуждается в притоке из-за границы миллионов рабочих рук ежегодно. Объемы неорганизованной трудовой миграции практически исчерпаны. Россия вступила в борьбу за утверждение цивилизованного, регулируемого процесса перемещения рабочей силы в нуждающиеся регионы и производства и привлечения иностранных работников.

К проблеме исторического «аналога» политического процесса (историческая память в модернизирующемся обществе: итальянский вариант)

Сопредельность политической науки с историей имеет первостепенную важность, поскольку, несмотря на все новейшие историогра-

фические изыски, большую часть знания о прошлом, находящегося в обращении, как научного, так и научно-популярного, составляет именно политическая история. Последняя неизменно доминирует в историописании, так как его содержание, вне зависимости от принадлежности исследования к тому или иному историческому жанру, в конечном счете сводится к истории конфликтов¹. При таком господствующем векторе исторического познания категория «историческое сознание», по самому ее определению, может как нельзя органично встроиться в систему современного историописания, оказываясь в то же время соотносимой и с категориями политической науки, ибо историческое сознание, по справедливому замечанию его итальянского исследователя Марио Мьедже, всегда ассоциируется с риторической фигурой «воинственности»², т. е. социальных конфликтов. Эта ассоциация, как отмечалось, естественным образом возникает применительно к Италии, где социальная конфликтность традиционно имеет особенно острый и затяжной характер, что еще раз подчеркивает актуальность категории «историческое сознание».

Новая эпоха всемирной истории — эпоха глобализации, — наступившая на рубеже XX и XXI вв., как то неизбежно водится с наступлением новых исторических времен, видоизменила функции исторического сознания. Иной стала пространственная ориентация общества: благодаря прогрессу коммуникационных технологий скрадываются труднопреодолимые прежде, даже самые протяженные географические расстояния. Государственные границы, некогда незыблемые, обнаруживают все большую условность перед лицом делегализации громадных людских масс, перемещающихся сообразно потребностям глобальной экономики в виде широкомасштабной трудовой миграции, легальной и нелегальной. Исторически эталонная национальная государственность уже сейчас испытывает сильную обусловленность присутствием на своей исконной территории достаточно многочисленных иммигрантских диаспор, и государственность итальянская здесь ни в коей мере не составляет исключения.

Как бы то ни было, но эта национальная государственность, обреченная на «отмирание», если употребить некогда популярный в марксистском общественном знании термин, в ближайшей и вместе с тем достаточно умозрительной перспективе отнюдь не выглядит каким-то

¹ См.: Куцёва М. В., Саприкина О. В., Смирнова Е. В. Международная конференция «Конфликты и компромиссы в социокультурном контексте» // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 248.

² Intervista a Mario Miegge su Che cos'è la coscienza storica? URL: http://www.feltrinelli.it/SchedaTesti?id_testo=1318&id_int=1236.

абсолютным реликтом, дни которого, по историческим меркам, буквально сочтены. Во всяком случае, такой элемент национально-государственного сознания, как ощущение своей принадлежности в обозримом будущем именно к итальянской общности, на самом исходе XX столетия был присущ 23 % жителей страны на Апеннинах. Еще 65 % демонстрировали приверженность более широким взглядам на эту проблему, почитая себя одновременно и итальянцами, и европейцами, но знаменательным образом отдавая приоритет именно национальной составляющей. Остальные 7 %, памятуя о своем итальянском происхождении, наоборот, на первое место все-таки предпочитали выдвигать идею европейской общности, отождествляя себя прежде всего с нею. И все это на фоне всего лишь 3 % итальянцев, которые безоговорочно мнили себя истыми европейцами, с явной неохотой вспоминая о своей национальной принадлежности, которая, как можно с уверенностью предположить, выглядела, на их снобистский взгляд, слишком провинциально¹.

Заметим, что в данном примере рассматривались прогнозы относительно перспектив нивелировки национальных различий и, как их гипотетического последствия, чего-то вроде «отмирания» государства-нации только лишь до уровня европейского исторического региона, а отнюдь не в глобальном смысле. Однако даже в таких относительно скромных масштабах достижение «всеобщности» в пределах Европы выглядит достаточно проблематичным.

Бесспорно, с наступлением новых исторических времен ощущение пространства сильно изменилось. Однако та же былая территориальная разобщенность, теперь оказавшись во многом сведенной на нет, влечет за собой необходимость сосуществования, причем в самой что ни на есть повседневной жизни многих людей с различными проявлениями «инаковости». Бывшая ранее малодоступной, знакомой во многих случаях понаслышке, она, эта «инаковость», становится необходимым элементом бытования самых разных как привилегированных, так и лишенных каких бы то ни было привилегий массовых слоев общества. И во многих случаях именно конфликтность то в скрытых, то в явных формах составляет основу этого сосуществования коренного и пришлого населения, причем все по тому же извечному принципу противостояния «мы — они», «свои — чужие»².

¹ См.: Eurobarometer. Public opinion in the European Union. 2001. N 54. P. 13.

² См.: Иммиграция из Магриба в страны Юго-Западной Европы: тенденции начала XXI века. East+West Review. Международное обозрение: Восток+Запад. URL: <http://eastwest-review.com/rus>.

Одним словом, пространство желанного глобального мироустройства — единого, неделимого и бесконфликтного — формируется совсем не в том темпе, как ожидалось согласно смелым и, по-видимому, в большинстве своем беспочвенным прогнозам. Однако, формируясь как некая однородная целостность, оно порождает внутри себя новые типы общностей, неизбежно противостоящих друг другу и в этом противостоянии отстаивающих, каждая на свой лад, собственную историческую правоту. Таким образом, революция, свершившаяся в пространственной ориентации общества, естественно, никоим образом не упраздняя этой функциональной задачи исторического сознания, выводит на новый уровень актуальности его роль, во все времена незаменимую, в определении пространственных ориентиров.

Аналогичным образом обстоит дело и с временной ориентацией общества: видоизменения коснулись и ее. Согласно многим красноречивым свидетельствам, приведенным ранее, прошлое и будущее, традиционно составлявшие предмет глубоких размышлений в европейской культуре, в наши дни все более утрачивают былой к себе интерес и вообще «ужимаются» как измерения человеческой жизни. Впрочем, на поверку эти перемены во временных ориентирах не столь радикальны, как то утверждается с регулярной периодичностью: критерий устремленности в будущее недвусмысленно главенствовал, например, в начале 1980-х гг. при оценке итогов XX в., подходившего в ту пору к своему завершению.

Во всяком случае, более половины итальянцев (59,9 %) почитали это столетие эпохой прогресса в истории своей страны, последствия которого наиболее ощутимо и благодарно переживались жителями южной и островной Италии, традиционно не дотягивавшей до уровня передового развития, и возрастной группой 35–44-летних. Пессимисты при этом оказались в относительном меньшинстве: веком упадка для Италии назвали XX столетие лишь 16,5 % жителей Апеннин, а 14,1 % определили его как время застоя, причем негативные оценки преобладали в регионах, сравнительно благополучных с точки зрения экономического развития — в Центральной Италии (21,9 %) и на северо-востоке страны¹.

Будущее, как можно заметить, выступает в качестве важного ценностного приоритета, оспаривая и без того сомнительные позиции прошлого, успешно с ним конкурируя. Действительно, это истори-

¹ См.: *Mieli P.* Cosa pensano gli italiani della loro storia // *L'Espresso*. 1983. № 44. P. 104.

ческие времена-антагонисты, между которыми, однако, несмотря на временную дистанцию, существуют свои взаимообусловленности и взаимозависимости, на первый и поверхностный взгляд не слишком заметные и очевидные. Так, например, связка прошлое — будущее обнаруживает свою применимость как одна из технологий историописания, пусть даже низведенного до уровня исторической беллетристики, но нашедшего в Италии свою надежную читательскую нишу. Массимо Грилланди, который составил себе имя на поприще такого «историзированного» жанра литературного творчества, посвящая читателей в свои профессиональные секреты, разъяснял это следующим образом: «Дело состоит не только в том, чтобы поговорить о нашем прошлом: для меня это предвосхищение будущего. Это разыскания в области человеческих судеб, в направлении того, что, возможно, произойдет, это попытка понять посредством исследования наших истоков, каким будет древо завтрашнего дня»¹.

Общественная потребность в этом предвосхищении, несмотря на все ощутимые признаки обвальнoй девальвации прошлого, имея место в разные исторические эпохи, происходит и в наши дни, обычно приходится на времена общественного подъема, который неизбежным образом затрагивает и сферу культуры в широком смысле слова. «...Расцвет историописания, — замечал по данному поводу Джулиано Прокаччи, представитель грамшианской школы в итальянской историографии, — наблюдается в те моменты, когда культурная жизнь вообще становится интересной и насыщенной»².

А журналист М. Л. Аньезе, исходя из впечатляющего опыта итальянского политического чуда второй половины 1970-х гг., высказывался еще определеннее, когда обращал внимание на корреляцию между феноменом исторического ренессанса и выраженно переходным характером исторического времени, современником которого ему довелось стать: «Имеет место самое настоящее пробуждение любознательности по отношению к истории, что представляет собой типичное явление в моменты неопределенности и великих исторических поворотов в жизни общества, причем это не ограничивается одной лишь Италией»³. К. Серра, другой представитель журналистской профессии, варьируя ту же идею на несколько иной лад, подчеркивал, что «на фоне нынешнего кризиса ценностей, в ситуации

¹ *Gagliano E.* Ma che storia è questa? // *Tuttolibri*. 1986. N. 525. P. 5.

² *Filippini E.* A che serve il mio mestiere // *La Repubblica*. 1986. 1 maggio. P. 16.

³ *Agnese M. L.* Un'altra storia // *Panorama*. 1978. №. 613. P. 59.

оскудения уверенности в себе, когда многие религии потерпели крах, правомерно устремить взгляд назад, чтобы обрести нечто, указующее дальнейший путь»¹.

Размышления о судьбах историописания в эпоху переходности, как из них определенным образом следует, проникнуты духом оптимизма: действительно, именно в эти, часто «смутные» времена перед человеком, берущимся репрезентировать прошлое, обычно обделенное общественным признанием, страдающее от его дефицита, открываются многообещающие перспективы. Историк (или тот, кто ему уподобляется) наконец-то может рассчитывать на то, чтобы быть услышанным за пределами своей профессиональной корпорации, чтобы результаты его труда, преодолев барьеры всегдашнего холодного безразличия пресыщенной публики, получили хоть какой-нибудь общественный резонанс.

Немудрено, что то состояние эйфории, в которое повергалось сообщество всех «историописующих» по поводу какого-нибудь очередного исторического ренессанса, кстати, выпадающего на долю далеко не каждого поколения, всякий раз затеняло истинную суть проблемы, делая до поры до времени заведомо непопулярными любые размышления о ней. Редкий историк отваживался на признание, во всех отношениях для него дискомфортное, что успеху своей профессии, как правило, недолгому, преходящему и эфемерному, он обязан не чему-нибудь, а кризисному состоянию общества, и именно кризис заложен в основе общественной потребности в историописании, словно бы внезапно пробудившейся. Единожды признав эту во всех отношениях неудобную истину, любой «историописующий» развенчал бы самые основы своей профессии.

К числу таких, совсем немногих откровений, «изобличающих» историописание, причем человеком, к нему явно причастным, относятся соображения, высказанные однажды К. Монгардини: «Переизбыток истории... — делился он своими наблюдениями, бесспорно, меткими и справедливыми, — становится свидетельством упадка, потому что тот познавательный инструментарий, который не находят в настоящем, начинают искать в прошлом»². Своей выживаемостью историческое познание обязано, таким образом, далеко не лучшим временам в жизни общества, причем, как правило, временам в первую очередь

¹ *Serra C.* Per farsi un'idea del passato // *L'Europeo*. 1978. № 12. P. 56.

² *Mongardini C.* Ideologia e storia nel mondo contemporaneo // *La ricerca storica. Teorie. Tecniche. Problemi* / A cura di P. Alvazzi Del Frate... Roma, 1983. P. 16.

переходным и поворотным: «В моменты переходности история превращается в идеологию, потому что в это время мы более не располагаем познавательным инструментарием, соответствующим задачам познания действительности. ...То, что сегодня предстает перед нами, — продолжал свою аргументацию Монгардини, прежде всего имея в виду Италию начала 1980-х гг., только что пережившую апогей разгула «красного» терроризма, — это, несомненно, эпоха упадка, эпоха, когда история используется на пределе своих возможностей, в том числе и как идеология, и ради сокрытия бедности мысли по части выработки теоретических оснований»¹.

В этом противопоставлении идеологии и теории, категоричном и безапелляционном, видится нечто изрядно искусственное, предполагающее какие-то идеальные условия, в которых оба комплекса идей предстают строго разведенными по сферам своих исключительных компетенций. Чего, по всей видимости, в реальной жизни, где «идеологическое» и «теоретическое» существуют в тесном переплетении, не бывает, и тогда скепсис по поводу истории-идеологии оказывается не слишком уместным, как бы ни эффектно звучала подобного рода аргументация: «В современном обществе отсутствует такая теория, которая могла бы сыграть главенствующую роль в объяснении действительности, а тем более в ее конструировании. Без наличия этой теории историческое исследование превращается в заклинание прошлого, т. е. в магию чистой воды, оно превращается в магическое средство для предоставления обществу элементов, его связующих. Историческое исследование становится в конечном счете магией наших историков, суррогатом идеологии»².

Наконец, во времена выраженной переходности, времена, нередко оборачивающиеся самой настоящей смутой, общественная мысль сплошь и рядом не в силах адекватно и оперативно отреагировать, причем на уровне надежных и достоверных теоретических обобщений, на пришествие нового и дотоле неведомого. Там же, где теоретическое осмысление все-таки возможно, оно оказывается густо замешанным на идеологии и, несмотря на свои притязания на универсальность объяснений сущего, выдает все то же «идеологизированное» видение действительности, обосновывая непримиримое противостояние конкурирующих человеческих сообществ. Контroversа последних десятилетий новейшего времени между глобализмом

¹ Ibid. P. 16–17.

² Ibid. P. 17.

и антиглобализмом вправе претендовать в данном смысле на статус хрестоматийного примера.

Аргументация, развенчивающая историю-идеологию или ее сурrogаты, уязвима еще в одном отношении: теория, предполагаемая на такой основе, начисто лишена исторического измерения, в идеале она предполагает, что «мы черпаем смысл вещей из нашего повседневного опыта и именно таким образом мы пытаемся понять прошлое и то, что мы хотели бы видеть в будущем»¹. Фактор долговременности, определяющий неконъюнктурный характер теории и, стало быть, ее состоятельность на сколько-нибудь значительную перспективу, здесь заведомо третируется, поскольку служит все тем же дискомфортным напоминанием об истории-идеологии. Между тем теоретическая конструкция, измышленная на подобный антиисторический лад и на деле игнорирующая долговременный исторический опыт, сколь ни велики были бы ее претензии на объяснение всего и вся, вряд ли сможет состояться в этом желанном для себя качестве.

Что бы, однако, ни составляло оборотную, теневую сторону исторического познания — общественный подъем или, наоборот, общественный упадок, его результаты, воплощенные в разнообразных исторических жанрах, не без видимого успеха преодолевают стену всеобщего отчуждения и безразличия, выстроенную (или якобы выстроенную) вокруг них. Начало 1980-х гг., которое было для Италии временем преодоления полосы «краснобригадной» варваризации общественных отношений, дает пример привязанности к истории не одних лишь профессионалов-эрудитов, но и широкой публики.

Прошлое, естественно, при посреднической роли «историописателя», тем или иным способом бравшегося его репрезентировать, вызвало к себе живой интерес, надо понимать, не только одного лишь рационального свойства (в чем признавались 55,6 % итальянцев), но и воздействовало на их чувства (19,8 %). Весьма характерно, что наибольшую «историозависимость» демонстрировали представители среднего класса (лица свободных профессий, менеджеры, предприниматели) и студенчества, как правило, хорошо образованные и пребывавшие в активном возрасте между 20 и 40 годами люди. Разумеется, это влияние истории на умы не было тотальным: какую-то часть итальянской массовой аудитории (в пределах 17,3 %) она оставляла равнодушной, а какую-то (маргинальное меньшинство на уровне 4,2 %) просто от себя отворачивала, наводя, по ее же признанию, тос-

¹ Ibid.

ку¹. Последний показатель вообще ничтожно и неожиданно мал, особенно при его сопоставлении с бесконечными разговорами, неизменно имеющими свои высокие и престижные трибуны, об апологетической лживости историописания, его официозности и «огосударственности», снобистской отгороженности от «человека с улицы».

Историей завоевано почетное второе место (20,4 %), сравнимое только с местом философии (19,7), при распределении по степени важности ролей в формировании культурного облика индивида. В этом ей пришлось уступить только литературе (38), но указанное преимущество должно, по всей видимости, воспринимать как достаточно условное с учетом того видного места, которое историческая тематика во все времена занимала в изящной словесности. Роль, отведенная гуманитарному и обществоведческому знанию в культурном процессе, еще больше оттеняется на фоне вопиющей маргинальности, убедительно опровергающей разного рода технократические мифы таких точных дисциплин, как математика (7,2) и физика (1,2), или занимающих промежуточное положение, как география (5,4 %)².

Спустя четверть века позиции истории, прошедшей сквозь горнило ажиотажных кампаний, призванных убедить широкую публику в том, что она пришла к своему концу, отнюдь не выглядят скольконибудь существенно поколебленными. Так, история, или прошлое, ею репрезентируемое, занимают лидирующее место в комплексе существенных черт, определяющих принадлежность итальянцев к их собственной нации (50 %), иными словами, их национальное самосознание. В то же время другие важные составляющие, должные, по идее, конкурировать с историей-прошлым в определении базовых жизненных ориентиров нации, в действительности ею глубоко пронизаны (в особенности, вопреки расхожим предрассудкам, это прослеживается у молодых поколений), идет ли речь о культуре и произведениях искусства (47 %), национальном характере и складе ума (43), виноделии и национальной кухне (39), традициях и фольклоре (32), стиле жизни (27), языке (24), гражданских ценностях (11) и религии (10 %)³.

¹ См.: *Mieli P.* Op. cit. P. 92.

² См.: *Ibid.*

³ См.: *La matrice storico-culturale dell'identità italiana e quella storico-civica dell'identità Britannica.* 22 Ottobre 2008. URL: http://www.postpoll.it/bimestrale/osservatorio_programmatico/la_matrice_storico-culturale_dellidentita_italiana_e_quella_storico-civica_dellidentita_britannica.html.

В этом последнем случае мы имеем дело с проявлением исторического сознания в его наиболее точном и собственном смысле слова, т. е. в сопряжении прошлого с иными модусами исторического времени — настоящим и будущим. Из чего, с точки зрения «человека с улицы», вытекает органичная для него встроенность истории-прошлого, хотя и не всегда должным образом осмысленная, в сегодняшнюю повседневность и собственную прозреваемую будущность.

Такая уточняющая оговорка весьма существенна, поскольку в большинстве случаев речь об истории — способе и результате репрезентации прошлого — ведется как о чем-то самоценном и самодостаточном, максимально отчужденном от рядового гражданина то в пользу профессиональной корпорации историописующих, то в пользу правящих элит, неизменно выступающих в главной роли среди действующих лиц любого сколько-нибудь значимого исторического события.

Действительно, как однажды было справедливо подмечено, «самые глубокие связи с прошлым — это к тому же те, что наиболее живо и активно проявляют себя в настоящем как *данности этого настоящего*, а потому их проявления оказываются менее зримыми и очевидными»¹. Однако при всей относительной незримости и неочевидности этих «данностей настоящего» их историческая природа имеет обыкновение открываться даже для людей, не очень посвященных в тонкости и профессиональные тайны процесса исторического познания, — так порой естественно выглядят попытки использования его научных категорий применительно к событиям современности. «Итальянцы, — делилась своими впечатлениями по поводу победы левых на выборах 1996 г. жительница сицилийской глубинки, — показали, что у них есть историческая память. Исход выборов ободряюще воздействует на тех, кто на самом деле любит нашу страну, вселяя надежду и уверенность в тех, кто лишен права голоса»². Другой избиратель, житель Тосканы, обнаружил ту же последовательность в выстраивании причинно-следственных связей между прошлым и настоящим: «Эта победа дает мне надежду на то, что я увижу Италию в такой ее роли на международной арене, которая в наибольшей степени будет соответствовать престижности ее исторической миссии»³.

¹ *Bevilacqua P.* La storia tra ricerca di identità e conoscenza. Alcune riflessioni // Laboratorio Politico. 1982. №. 5–6. P. 218.

² Il dopo-elezioni nei fax di lettrici e lettori / A cura di Marina Lombardi // Avvenimenti. 1996. №. 16. P. 5.

³ Ibid.

Более того, уже в наши дни, с теми новыми коммуникационными возможностями, которые предоставляют социальные сети, в блогерских дискуссиях, соотносящих день сегодняшний с днем вчерашним, несколько неожиданным образом возникает книжное понятие «историческое сознание», используемое диспутантами свободно, уверенно и непринужденно. При том что оно, как уже упоминалось, иногда способно вызывать недоумение и замешательство даже у иных историков-профессионалов. Как бы то ни было, но уровень абстракции, не типичный для столь массовой аудитории, тем не менее имеет место, и с видимым успехом дотягиваясь до него, блогеры выстраивают свои рассуждения, обыгрывая те семантические нюансы, которые в итальянском языке имеет слово *coscienza*, ключевое в словосочетании *coscienza storica*.

Суть же заключается в том, что русский эквивалент «сознание», наверное, чаще всего используемый при переводе итальянского слова *coscienza*, — не единственный, ему сопутствует еще одно значение этого слова — «совесть», со всей неизбежностью предполагающее вопрос о соотношении добра и зла, вечный и извечный как в истории — прошлой общественной реальности, — так и в ее историописательских отображениях и репрезентациях. «Я всегда считал, — поверяет свои мысли на данный счет один из блогеров — участников дискуссии, — что если сведения о временах прошедших до нас дошли, то это произошло по чьей-то воле. Нам же сегодня надлежит найти им достойное применение и не в ущерб совести, причем не только той, что предстает в исторической ретроспективе»¹.

Блогерские откровения также способны вызвать приятное удивление своим признанием труда тех профессионалов, которые берутся за нелегкий и в наши дни все менее благодарный труд по репрезентации прошлого: «Я лично благодарю тех, кто и вчера, и сегодня зафиксировал и передал сведения о делах благих и неблагоприятных, о событиях и происшествиях, которые каким-либо образом должны нас чему-либо научить. Я веду речь о тех историках, ученых, которые сделали все для того, чтобы история вчерашнего дня еще присутствовала бы в наших умах. Нам же надлежит... позаботиться о достойном применении ее уроков»². Также может приятно удивить вопрос, подразумевающий со всей очевидностью самый положительный ответ,

¹ Sondaggio storico: l'importanza di una coscienza storica // babilonia61. 2009. 1 aprile. URL: <http://babilonia61.com/2009/04/01/sondaggio-storico-limportanza-di-una-coscienza-storica/>.

² Ibid.

о влиянии точки зрения историка на реконструкцию исторического факта и его оценку, которым склонен задаваться итальянец из числа простых смертных — на этот раз читатель одной из самых читаемых газет в стране, явно не посвященный в тайны историописательской профессии¹.

Тон признательности, даже преклонения перед ученостью людей, посвятивших себя делу репрезентации прошлого, опровергает застарелые комплексы историков, склонных к самобичеванию, как оказывается, не очень и оправданному, за свою якобы несостоятельность в деле популяризации истории, в диалоге с массовой аудиторией на исторические темы. Этот пиетет представляется особенно ценным на фоне все-таки нередко встречающегося скепсиса, который широкая публика демонстрирует по отношению к труду историка.

Так, невысокий уровень исторической «окультуренности» среднестатистического итальянца иногда, как можно убедиться, порождает с его стороны превратные толкования самого процесса и результатов поиска исторической истины, осуществляемого профессионалами от историописания. Например, наличие двух противоположных точек зрения на историческую роль Савойской династии, правившей в Италии на протяжении нового и новейшего времени, — откровенно критической, с одной стороны, и безапелляционно апологетической, с другой, — у читателя «Коррьере делла Сера» Фелипе Вилла Саны могло вызвать только лишь подозрение в профессиональной несостоятельности историков, которые, располагая обширной документальной базой, оказываются, по его превратному мнению, не в силах вынести компетентное суждение даже по поводу относительно недавних событий итальянской истории².

Впрочем, не в пример многим профессионалам от историописания, сплошь и рядом незаслуженно третируемым публикой и оттого нередко добровольно избирающим участь тотальной отрешенности ото дня сегодняшнего в пользу почитаемого и боготворимого ими прошлого, «блогерское» историческое сознание стремится к активному сопряжению всех трех исторических времен:

«Только знанием своего прошлого можно обеспечить понимание настоящего и заложить основы того “настоящего, которое наступит”, твоего будущего...»

¹ См.: La stanza di Montanelli. Chiacchiericcio sul revisionismo: balbettio di idioti // Corriere della Sera. 1998. 15 dicembre. P. 28.

² См.: La stanza di Montanelli. L'importanza dei Savoia nella storia d'Italia // Corriere della Sera. 2000. 24 marzo. P. 28.

«Если не познаются собственные корни, т. е. прошлое, то невозможно ни пережить лучшим образом настоящее, ни спроектировать будущее...»

«...Познание нашего прошлого служит постижению настоящего и предвидению нашего будущего...»

«Мы не смогли бы существовать без прошлого, настоящее — это линия перехода, а будущее мы намечаем себе через воспоминание прошлого...»¹

При этом, как и люди книжные, сплошь и рядом склонные минимизировать роль исторического познания в наши дни, блогеры, в большинстве своем пребывающие в отчуждении от книжности и учености, вовсе не одержимы какой-либо слепой верой в магические возможности истории. Напротив, на данный счет их суждения весьма реалистичны и лишены каких-либо беспочвенных иллюзий и преувеличений: «...Мы живем во времена, которые отличаются быстротечностью, где история значит совсем мало в нашей бурно текущей жизни»².

В свете таких наглядных эмпирических данных, как и теоретических обобщений на их основе, уже не отдает пустой риторикой, лишенной всякого смысла, закономерный вопрос, ставящий под большое сомнение якобы тотальную и абсолютную «нелюбовь к прошлому», безапелляционно приписываемую прежде всего молодым поколениям. «Сколько раз, — скептически вопрошал в середине 1980-х гг. представитель, по-видимому, более старшего поколения, — мы слышали разговоры о том, что молодежь не интересуется ни историей, ни ценностями, выразителем которых стало движение Сопротивления?»³ Эти слова, которыми оспаривается всегдашнее предубеждение, не лишенное к тому же веских оснований, относятся только к одному периоду итальянской истории. Однако сколь бы ни ограниченным представлялся смысл этого утверждения, оно тем не менее тоже работает на гипотезу прямо противоположного свойства, предполагающую живую заинтересованность итальянцев в истории. Во всяком случае, вопрос о том, что такое история, определенным образом вычитывается, например, из таких источников, как корреспонденции итальянского студенчества во многие известные газеты страны⁴.

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Lettere // *Patria indipendente*. 1986. № 6–7. P. 2.

⁴ См.: *Siciliani De Cumis N., Fersini A.* Lettere degli studenti d'Italia. Parlano i protagonisti dell'85. Bari, 1986. P. 225.

Иными словами, имеют место две взаимоисключающие тенденции, которые пребывают в состоянии постоянной конкуренции по отношению друг к другу: тотальному «беспамятству» современного общества и итальянского в том числе, равнодушию, нигилистическому отношению к прошлому, неприятию его репрезентаций противостоят историзм мировидения, признание прошлого как неоспоримой базовой ценности. Обе тенденции обладают признаками «равновеликости» с точки зрения самих психологических качеств бытования истины: и та, и другая очевидны и уже поэтому заключают в себе определенный потенциал достоверности, а, находя подтверждение на основе многочисленных эмпирических данных, правомерно перемещаются в разряд еще более достоверного знания, т. е. истин неочевидных¹.

Временами кажется, что в этом ожесточенном состязании перевешивает именно «беспамятство», многочисленными примерами, порой чудовищными и вопиющими, которого переполнена наша повседневность и которое на все лады обыгрывается на медийном уровне как одна из «кассово» выигрышных тем. Отсутствие в памяти, а тем более исторической, каких-либо следов прошлой реальности или присутствие в ней превратно-искаженных образов и представлений о днях минувших, естественно, свидетельствуют далеко не в пользу этой памяти. Потому как, согласно расхожим и твердым убеждениям, существующим на счет этого свойства человеческого разума, как индивидуального, так и коллективного, память — это вместительное информационное пространство, и чем больший информационный ресурс она в состоянии заключить в себе и освоить, активно им оперируя, тем выше ее добродетель.

Что память, в свою очередь, обладает сильно выраженным свойством избирательности, что ее содержание подвержено процессам ротации — это вроде бы общеизвестно. Между тем, в особенности применительно к исторической памяти, признание этой общеизвестной и хрестоматийной истины выглядит не слишком популярным: в абсолютном большинстве случаев оно наталкивается на ожесточенное сопротивление разношерстного и разномастного лобби «историописущих», или тем или иным способом репрезентирующих прошлое. В самом деле, если историческая память по определению избира-

¹ См.: Юсим М. А. Очевидное и истинное в историческом познании // Проблемы исторического познания. Материалы международной конференции. Москва, 19–21 мая 1996 г. / Отв. ред. академик Г. Н. Севостьянов. М., 1999. С. 161–165.

тельна, то далеко не всякая продукция историописания или репрезентации прошлого может рассчитывать на закономерное и правомерное внимание к себе со стороны потенциального потребителя исторической информации. А стало быть историческое «беспамятство» — незаинтересованность в прошлом — уже не могут быть сведены в их объяснении всецело к явлению одной лишь культурной аномалии, подлежащей ярому обличению и развенчанию, что существенно затрудняет многие привычные спекуляции на данный счет.

К сожалению, именно к последним нередко все и сводится: проклятья по поводу «Иванов, не помнящих родства» — это самая оперативная и непосредственная реакция на безразличие к прошлому, заключающая в себе немало лицемерия. Показное и нарочито выраженное благоговение перед историей, выставляемое как залог гражданственности высочайшей пробы, имеет своей целью на выходе формирование личности, безоговорочно лояльной власти. Обеспечивая при этом казенно-официальному историописанию, апробированному и «сертифицированному» государством, стойкий иммунитет против любых сомнений в достоверности прошлого, репрезентированного подобным образом.

Проще всего, как нередко полагают многие из числа подвизающихся на поприще историописания и сходных с ним жанров репрезентации прошлого, было бы ограничить функцию поддержания исторической памяти простым «складированием» как можно больших информационных массивов, запечатлевших сведения о прошлых общественных реальностях, фактически пренебрегая при этом соображениями востребованности или, наоборот, невостребованности конкретных составляющих исторического знания. Однако такое равнодушие к предпочтениям, динамичным и переменчивым, потребителя исторической информации было бы чревато неизбежным «затовариванием» ее рынка, что оборачивалось бы (и что нередко происходит) совершенно непозволительной роскошью, бессмысленной тратой общественных ресурсов, возможными разве что при тотальной огосударствленности историописания, либо при его «дотационной» поддержке со стороны каких-либо властных структур.

Стало быть, любой «историописущий», даже когда для его творчества создан режим наибольшего благоприятствования, оказывается вынужденным считаться со свойством избирательности исторической памяти, да и сама общественная среда, так или иначе «дотирующая» историка, непреклонно и категорично от него того требует. И любое историописание исходит из соображений актуальности, или

достопамятности, если, следуя за М. А. Баргом¹, определить это его свойство прекрасным русским словом, несущим на себе налет высокого стиля и некоторой архаики.

Наконец, признанное во всей своей непреходящей значимости понятие достопамятности обеспечивает столь необходимое в историческом познании критическое отношение к прошлому, позволяя в первую очередь отделить главное от второстепенного. Последнее, коль скоро оно допускается в качестве некой познавательной нормы, влечет за собой следующее важное допущение: историческая память неизменно характеризуется разной степенью интенсивности — от самой высокой до практически нулевой, в зависимости от актуальности, приписываемой на данный момент тем или иным событиям прошлого.

Поэтому любой причастный к процессу исторического познания, сокрушаясь по поводу явлений «беспамятства», драматизируя их, оказывается сплошь и рядом жертвой своего рода «оптического обмана» (если, разумеется, за этим нет чего-то более предосудительного): на самом деле имеет место обусловленное общественной средой распределение и перераспределение интенсивности памяти, из чего прямо вытекает непостоянство ее предпочтений. «Беспамятство», таким образом, предстает отнюдь не как тотальное и абсолютное, а всего лишь как следствие некой относительности во взглядах на прошлое, в зависимости от исторических обстоятельств, актуализирующих одни пласты прошлого в неизбежный ущерб другим. Недаром в тех пока еще совсем редких случаях, когда «беспамятство», или — в более строгом категориальном выражении — забвение попадает в поле зрения исследователя, то оно правомерно располагается вровень с памятью, а отношения, возникающие между ними, определяются, к примеру, как «конфликт между соучастниками»².

Из этого фактора относительности, который неизбежно сопровождает историческое познание с самого момента его возникновения, выводится следствие кардинального значения: переменчивость критериев достопамятности, чередование памяти и забвения составляют столь же неизбежную основу того явления, которое уничижительно именуется «переписыванием» истории. На деле же это в первую очередь не что иное, как результат ротации научного знания, предпола-

¹ См.: *Барг М. А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 5–24.

² *Bodei R.* Addio del passato: memoria storica, oblio e identità collettiva // *Il Mulino.* 1992. № 2. P. 190.

гающей замещение его старых, утративших актуальность составляющих новыми, эту актуальность обретшими. Разумеется, мотивации при выборе и выработке шкалы достопамятностей могут быть весьма различными, в том числе и откровенно сомнительными в моральном плане, но никак не к ним одним должны сводиться оценки тех новых результатов, которые дает историческое познание, якобы нещадно и безжалостно «переписывающее» историю.

Эта возможность постоянной «перенастройки» шкалы достопамятностей чревата еще одним «пороком», который приписывается историческому познанию с легкой руки его критиков. Причем среди последних иногда встречаются весьма престижные имена типа уже упоминавшегося Джулиано Прокаччи, который однажды откровенно посетовал на, как правило, плохо осознаваемую опасность, подстерегающую любого, кто берется за изучение истории, руководствуясь соображениями голого практицизма: «...Идея “пользы истории”... таит в себе некое коварство или даже несколько его разновидностей. Первое из них состоит во взгляде на прошлое как на кладезь премудрости, содержащую всего понемногу, что заключает в себе серьезные факторы риска, проявляющиеся в использовании этого прошлого в сугубо политических целях»¹.

Действительно, мысль о ловушках, коварно расставленных прошлым, оцениваемым с точки зрения его «пользы», причем нередко примитивно представляемой, далеко не беспочвенна. Что откровенно беспочвенно, так это попытка оспорить, причем с позиций утопического исторического сознания, «технологию» исторического познания, согласно которой прошлое действительно и есть тот самый неистощимый «кладезь премудрости», а его неистощимость является залогом бесконечности познавательного процесса. Иными словами, человеческая субъективность, познающая прошлое, может задавать, вступая с ним в диалог, бесчисленное множество вопросов, бесконечно варьирующихся во времени и пространстве.

Бесспорно, что избирательность памяти во всем разнообразии ее рассмотренных последствий представляет собой первостепенный интерес как функция исторического сознания, не являясь, правда, на сегодняшний день одним лишь его монопольно обретенным атрибутом. Наличие мнемонического компонента, относящегося к сфере человеческой субъективности и отражающего историческую преемственность в общественных процессах, заметно и в других, сопредельных с той же историей, обществоведческих дисциплинах. В частности,

¹ *Filippini E.* Op. cit.

в политической науке и социологии политики параллельно и даже с некоторым опережением по сравнению, например, с историко-антропологическими исследованиями «новой исторической науки», предпринимались попытки усовершенствования соответствующего научного аппарата. И хотя это происходило далеко не всегда в пределах собственно италянистики, она также оказывалась в «поле тяготения» этих новых веяний в отечественном общественном сознании.

С точки зрения соотносимости категориального аппарата истории и политической науки весьма показателен пример категории «политическая культура», которая возникла и с начала 1970-х гг. постепенно вошла в научный оборот, будучи в своей терминологической первооснове навеяна политической наукой опять-таки западного, по видимому, бихевиористского происхождения. В той господствующей версии, в какой данная политологическая категория утвердилась на сегодняшний день в отечественной науке, благодаря А. А. Галкину, — это «спрессованный в общественном сознании институционализованный и неинституционализованный исторический и социальный опыт национальной или наднациональной общности, оказывающий определяющее воздействие на формирование ценностных систем, общественных ориентаций и в конечном итоге на поведение индивидов, малых и больших социальных групп. Иными словами... политическая культура — это зафиксированная в законах, обычаях, оценках и подходах к общественным явлениям “память” о прошлом, сохранившаяся в обществе в целом, а также у его отдельных элементов, в первую очередь у национальных групп (в мультинациональном обществе) и социальных слоев»¹.

Приведенное определение очевидным образом указывает на одноименность и однопорядковость, даже на известное сходство обеих категорий: и политическая культура, и историческое сознание определяются через понятие исторической памяти, в каждой из них в качестве системы координат заложена шкала исторического пространства и времени. Вместе с тем их соотношение позволяет обогатить категорию «политическая культура», которая сама по себе предстает в недифференцированно-«спрессованном» виде. Тогда как одна из основных функций исторического сознания, что уже не раз отмеча-

¹ Галкин А. А. Размышления о политике и политической науке. М., 2004. С. 29. См. также: *Фадеева Л. А.* Интеллектуалы, интеллигенция и концепция политической культуры // Диалог со временем — 3. М., 2000. С. 279–290; *Верченев Л. Н., Вуйчич В.* Понятие политической культуры // Политическая наука. 2000. № 4. С. 141–154.

лось, — селективность в отношении к опыту прошлого, т. е. установление критериев достопамятного, — позволяет выявить «пропорции» различных компонентов этого исторического опыта, а следовательно, более четко структурируя таким образом политическую культуру, обогатить наши представления о ней.

В некоторых уточнениях относительно ее дисциплинарной принадлежности нуждается также и одна из составляющих категории «политическая культура», а именно собственно «культура». В данном контексте это слово употреблено, скорее, в том смысле, каким его обычно наделяет культурантропология, согласно представлениям которой «культура понимается не в качестве комплекса индивидуальных достижений искусства, литературы, науки, философии и т. д., но как система ментальных и психологических условий человеческого поведения, существующих в данном обществе в определенную эпоху, включая... установки и привычки сознания и способы артикуляции мира»¹.

К той же в своей основе культурантропологии восходит и явно перекликающийся с понятием политической культуры термин «менталитет». Более употребимый в варианте «ментальность», не очень корректном с точки зрения норм русского словообразования, он тем не менее получил широкое распространение в отечественных исторических исследованиях последнего времени, посвященных проблематике реконструкции картины мира у людей прошлого². Правда, в самое последнее время «менталитет» и «ментальность» несколько потеснены — не исключено, что в угоду всего лишь терминологической вычурности — понятиями «репрезентация» и «коллективное воображение»³.

¹ Гуревич А. Я. От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / Отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. М., 1993. С. 20. См. также: *он же*. Двойная ответственность историка // Проблемы исторического познания. С. 11–24.

² Подробнее об этом см.: Гуревич А. Я. От истории ментальностей к историческому синтезу. С. 25–29; *он же*. Ментальность как пласт социальной целостности (ответ оппонентам) // Споры о главном. С. 49–50; *он же*. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993; История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996; Кусов В. Г. Категория ментальности в социологическом измерении // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 132–135.

³ См., напр.: Селунская Н. Б. Методологическое знание и профессионализм историка // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 36.

Ради историографической справедливости уместно также вспомнить о родившемся в сфере социальной психологии, благодаря трудам Б. Ф. Поршнева, понятии «психический склад», в наши дни несколько менее употребляемом. Оно определялось в созвучии, по всей очевидности, с уже перечисленными понятиями, как социально-психологическое явление, отвечающее «тенденциям устойчивости, традиций в жизни той или иной общности людей»¹.

Возвратимся, однако, к понятию «культура»: еще более углубленно и детально проработанное, оно оказалось в фокусе историософского исследования К. М. Кантора². Согласно его концепции, в том многослойном образовании, каковым является культура общества, самый значимый элемент — это ядро, или «парадигма», представляющая собой «некую устойчивую бытийственную форму сознания, относящуюся к сфере социальной онтологии»³. Такой подход к пониманию культуры, предполагающий наличие ее особой аксиосферы, служит основой культурно-генетического метода, или метода исторически-культурной генетики, восходящего к классическому наследию марксистского историзма и привлекающего современное обществоведение своими широкими эвристическими возможностями⁴.

Очевидная в данном случае близость, если не вообще совпадение, предметов исследования историософии и истории, понимаемой как конкретно-историческое исследование, или историописание, даже при далеко зашедшем процессе интеграции научного знания, влечет за собой неминуемые междисциплинарные коллизии. Историософская точка зрения недвусмысленно полемична при определении статуса «событийного» историописания в системе обществоведческого знания. Конкретно-историческое в представлении историософа суть «фактография», а исторические факты, подаваемые историком как «единственно несомненное» в исторической науке, на самом деле, по данной логике, «столь же проблематично, как и ее концепции»⁵.

И по данной же логике, исключительная сфера компетенции историософа, куда, как можно предположить, историку-«фактографу»

¹ Поршнев Б. Ф. Принципы социально-этнической психологии. М., 1964. С. 2.

² См.: Кантор К. М. История против прогресса. Опыт культурно-исторической генетики. М., 1992.

³ Там же. С. 11.

⁴ См.: Там же. С. 12–24.

⁵ Там же. С. 3.

путь заказан, — это «Идея Истории, предопределяющая выбор фактов, их трактовку и композицию»¹. Тогда как сама история, по определению «фактографическая» и «событийная», обречена на существование в виде чистого нарратива, разновидности занимательной беллетристики, нескончаемого «каравана историй», если употребить выражение, вынесенное в название одного из новейших отечественных историко-популяризаторских изданий так называемого гламурного жанра.

Однако, как было показано выше, интеллектуальная история, например, давно и с успехом осваивает ту исследовательскую нишу, которая иногда почитается сугубо историософской: здесь позволительно еще раз сослаться на положения, сформулированные М. А. Баргом о функции исторического сознания (а в нем и воплощена «Идея Истории»), определяющей «отбор, объем и содержание достопамятного»². Равным же образом современное историческое познание, как и смежные с ним отрасли обществоведения, весьма преуспело на путях использования категории «цивилизация». По определению М. А. Барга, она представляет собой «обусловленный природными основами жизни, с одной стороны, и объективно-историческими ее предпосылками, с другой, уровень развития человеческой субъективности, проявляющийся в образе жизни индивидов, в способе их общения с природой и себе подобными»³.

Примерно в том же ключе вопрос об основах цивилизационной общности решался Г. Г. Дилигенским. Эти основы, по его справедливому мнению, «надо искать в неких типических для больших исторических эпох принципах отношения людей к миру и своей собственной жизни. ...Такие принципы проявляются яснее всего в исторически определенных системах мотивации человеческой деятельности, в питающих ее мотивы ценностных образованиях, которые проникают, так сказать, во всю толщу общества, усваиваются в той или иной мере всей массой составляющих его индивидов и превращаются в их собственные осознанные или подсознательные психологические установки. В сущности, эти установки, общие для людей, принадлежащих к определенной цивилизации, выражают исторически конкретный

¹ Там же.

² Барг М. А. Указ. соч. С. 6.

³ Барг М. А. О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 35. Об этой грани научного творчества М. А. Барга см.: Гутнова Е. В. Пережитое. М., 2001. С. 235; Винокурова М. В. Михаил Абрамович Барг: путь историка // Средние века. Вып. 64. М., 2003. С. 324–328.

способ осмысления ими своего общественного и индивидуального бытия»¹.

Одним словом, история в своем твердом намерении словно бы оглянуться на саму себя переживает настоящий «бум» целого ряда одноименных понятий, таких как «историческое сознание», «историческая память», «политическая культура», «культура», «менталитет», «репрезентация прошлого», «коллективное воображение», «психический склад», «национальная идея», «цивилизация» (данный понятийный ряд, по-видимому, оставаясь открытым, и может быть продолжен). В свете них исторический опыт — это уже неотъемлемое свойство и содержание сознания массовых слоев общества, а не нечто от них отчужденное и всецело монополизированное когортой посвященных, образующих замкнутую профессиональную корпорацию историков, по долгу службы выступающих в качестве единственных хранителей и толкователей наследия прошлого.

Монопольное право на историческое познание, жестко обусловленное профессиональной компетентностью, оказывается оспоренным, когда в ранг познающего субъекта возводятся массы непосвященных в тайны профессии историка². Впрочем, оспоренным оказывается установленный еще во времена древности принцип «адресности» самого результата исторического исследования, в идеале должно якобы служить исключительно средством морального и политического обучения, чем-то вроде дидактического пособия для высших представителей правящей элиты, а никак не для человека «толпы»³.

Разумеется, вопрос об усвоении «уроков прошлого» или, что намного чаще случается, о полном пренебрежении или неумении воспользоваться ими власть предержащими заслуживает особого рассмотрения⁴. Правда, это извечное хрестоматийное видение отношений властителей и мыслителей как коллизии между недомыслием

¹ Дилигенский Г. Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 32. О современной теории цивилизации см. также: Проблемы исторического познания. С. 46–113.

² Подробнее об этом см.: Kolomiez V. La ricerca storica dei tempi della *Pere-strojka*: un primo bilancio della «nuova storia» nella ex-Unione Sovietica // Informazione. 1992. № 22. P. 3.

³ См.: Барз М. А., Авдеева К. Д. От Макиавелли до Юма: становление историзма. М., 1998. С. 11.

⁴ См.: Рубинштейн Е. Б. Размышляя над книгой о становлении историзма // Диалог со временем — 2. / Под ред. Л. П. Репиной, В. И. Уколовой. М., 2000. С. 282–283.

первых и провидческой мудростью вторых на деле оказывается лишь одним из вариантов решения проблемы, причем достаточно упрощенным. Многомерность взаимодействия интеллектуальной и властной сред отмечается в последних исследованиях, делающих акцент на становлении самостоятельности науки, обретении ею рефлексивной дистанции, что представляет собой итог властных практик или выражение политических интересов самих интеллектуалов¹.

Пока же, однако, пессимистический взгляд на прикладные возможности исторического знания — того же усвоения «уроков прошлого» как элитами, так и массами, — остается, по всей видимости, преобладающим и не в последнюю очередь по причине прогресса политической науки и социологии — дисциплин, наделенных не только мировоззренческими, но и заметно выраженными менеджеральными функциями², и потеснивших на поприще осуществления последних историю. И при этом же, однако, такое неблагоприятное соотношение, сложившееся вроде бы и не в пользу истории, отнюдь не ведет к полному упразднению менеджеральных функций и возможностей исторического познания, а напротив, делает их, как уже отмечалось, более востребованными.

Действительно, любое общество имеет у себя в обращении некую совокупность знаний о прошлом, которые оно, как и сами способы и механизмы этого обращения, по необходимости упорядочивает и регламентирует средствами «политики памяти», «публичного использования истории», «стратегий напоминания о прошлом», наконец, «формирования исторического сознания»³. Попутно отметим, что «формирование сознания» — понятие достаточно продуктивное в политическом дискурсе советской эпохи: к примеру, социально-психологические исследования 1960-х гг. — эпохи «строительства коммунизма» — как раз и получили узаконение в правах своего научного гражданства известным идеологическим постулатом «формирования нового человека».

¹ См.: *Бобкова М. С.* Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 216–217.

² См.: *Здравомыслов А. Г.* Поле социологии: дилемма автономности и ангажированности в свете наследия перестройки // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 5.

³ См.: *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. Т. 2. Образы прошлого. СПб., 2006. С. 392; *Bruner M. L.* Strategies of Remembrance. The Rhetorical Dimensions of National Identity Construction. Columbia, 2002.

Итак, подобно другим составляющим понятийного ряда, близким и родственным между собой, «складываясь в процессе исторического развития, политическая культура создает своеобразные “археологические” напластования в общественном сознании»¹. Эти напластования, или, используя все ту же меткую и точную «археологическую» метафору, культурные слои, доходят до сегодняшнего дня в настолько уплотненном, «слежавшемся» виде, что само по себе предполагает постановку вопроса относительно их идентификации по историческому признаку, как если бы речь шла о датировке и атрибуции остатков материальной культуры какой-нибудь древней цивилизации, извлеченных из археологического раскопа².

Как и в археологии, в политической культуре и понятиях, ей сопредельных, исследователя занимает проблема «толщины» каждого из выявляемых культурных слоев, причем с учетом той разницы, что они пребывают, в отличие от ископаемых древностей, в состоянии динамической переменчивости, а никак не статической неподвижности. Иначе говоря, это проблема все той же достопамятности, или избирательности исторической памяти, в свою очередь, глубоко историчной по своей природе, и соответственно — исторической структуры каждого из феноменов, образующих уже упомянутый понятийный ряд.

Несомненно, выводы о подобного рода явлениях и процессах, как они наблюдаются «невооруженным глазом», нуждаются в верификации, а стало быть, сами явления и процессы — в анализе, в том числе количественном. При этом раздельному рассмотрению подлежит элитарный (профессиональные «репрезентаторы» прошлого) и массовый («профаны», «простые смертные», «непрофессионалы») уровни исторического сознания, ибо на каждом из них по-своему реализуется уже не раз упомянутая важная специфическая функция данной формы общественного сознания, состоящая в установлении критериев отбора, объема и содержания достопамятного. Такие критерии, куда речь идет об историческом сознании элитарного уровня, обладают более или менее выраженной однородностью, определяясь в каждую эпоху единством менталитета историков, совпадением их гносеологических установок, способов истолкования содержания

¹ *Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А.* Современный Левиафан. Очерки политической социологии капитализма. М., 1985. С. 245–246.

² См.: *Коломиец В. К.* Историческая преемственность и массовое сознание в Италии 80-х годов // Рабочий класс в мировом революционном процессе 1987 / Отв. ред. А. А. Галкин. М., 1987. С. 204.

истории¹. Однако в этих определяющих элементах заложена и стойкая тенденция к дифференциации: на уровне массового исторического сознания она многократно усиливается, а избирательность памяти «простых смертных» демонстрирует ее куда большую жесткость и, если угодно, даже жестокость².

При «измерениях» состояния исторического сознания путем выявления существующей в нем «шкалы достопамятностей» само понятие достопамятного «поворачивается», естественно, теми или иными сторонами своего смысла в зависимости от принципов построения ««предъявляемого» исторического события иного ряда, задающего в каждом случае свою особую меру достопамятности. Здесь, однако, важна сама информативность вариантов соответствующей процедуры³.

К сожалению, наличные эмпирические данные позволяют воспроизвести эту «шкалу достопамятностей» только в том ее виде, как она существовала по состоянию на десятилетие 1980-х гг. Возможно, с известной натяжкой, а по отдельным пунктам и с корректировкой, выявленные закономерности, представленные в некоторой динамике и с разной степенью протяженности, распространяемы и на последующее время. Во всяком случае, в общей сложности были заданы три варианта «шкалы достопамятностей», разнящиеся между собой временными пределами длиной в 35, 50 и 88 лет.

Самая краткосрочная ретроспектива с охватом в три с половиной десятилетия вместила в себя следующие события итальянской истории, наделенные в глазах жителей страны на Апеннинях особой важностью, как это видно из результатов демоскопического исследования, проведенного в 1983 г.⁴

¹ См.: *Барг М. А.* Индивид — общество — история // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 45–56.

² См.: Историческое сознание в современной политической культуре. (Материалы круглого стола) // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 4. С. 107.

³ См.: *Коломиец В. К.* Проблемы новой Европы. Футурологические исследования, моделирование и сценарии для Европы. Международная научно-практическая конференция. Гориция (Италия). 5–16 сентября 1994 года // На переломах эпох. Политическая трансформация российского общества. Из материалов научно-практических конференций, симпозиумов, круглых столов. 1989–2006. М., 2006. С. 69–76.

⁴ См.: *Mieli P.* Op. cit. P. 103.

Таблица 1

Какое из нижеперечисленных событий в истории Италии за последние 35 лет вам представляется самым важным?
(в процентах от числа опрошенных)

Поражение Народного фронта на выборах 18 апреля 1948 г.	19,2
Первые правительства левоцентристской коалиции	8,5
События 1968 г.	19,2
Победа сторонников аборта на референдуме в 1974 г.	15,5
Правительства национальной солидарности	6,2
Приход к власти впервые в качестве председателя Совета министров – представителя неконфессиональной партии Джованни Спадаolini	8,3
Приход к власти впервые в качестве председателя Совета министров социалиста Беттино Кракси	6,7
Нет ответа	16,3

Годом позже ретроспектива, увеличенная до размеров полувековой протяженности, дала новую «шкалу достопамятностей» итальянской истории, причем с заметным смещением исторических предпочтений¹

Таблица 2

Какое из нижеперечисленных событий в истории Италии за последние 50 лет вам представляется самым важным?
(в процентах от числа опрошенных)

Фашизм	16,6
Национально-освободительное движение периода Второй мировой войны	12,2
Период послевоенного восстановления	13,8
Создание правительства левоцентристской коалиции	2,2
События 1968 г.	6,4
Тридцатилетие правительств во главе с Христианской демократией	9,3
Терроризм	36,2
Первое правительство во главе с социалистом	3,5
Не знаю, нет ответа	0,6

¹ См.: *Mieli P.* Gli italiani e il fascismo. Il duce è lontano // *L'Espresso*. 1984. №. 38. P. 14. Опрос проведен службой «Монитор» по заказу еженедельника «Эспрессо».

Наконец, самая протяженная — 88-летняя — ретроспектива оценивалась еще по одной «шкале достопамятностей» в 1989 г.: эта дата словно бы послужила завершением XX столетия и символическим началом новой исторической эпохи — эпохи глобализации, за точку отсчета которой, как известно, были приняты события, получившие мировой резонанс, — падение Берлинской стены и крах реального социализма. Кроме того, достопамятное рассматривалось в иных пространственных пределах, уже не ограниченных одной лишь Италией, а охватывающих всю мировую историю, причем не только политическую, но и других сфер человеческой деятельности. В итоге этот демоскопический зондаж выявил следующее распределение исторических предпочтений¹.

Таблица 3

Какие, по вашему мнению, десять самых важных событий, десять поворотных моментов решающего значения в области политики, науки, нравов, экономики и культуры в наибольшей степени определили XX в.?
(в процентах от числа опрошенных)

Пенициллин (и антибиотики)	41
Перестройка	26,3
Вторая мировая война	24,1
Завоевание космоса	23,7
Эмансипация женщины	22,8
Радио и телевидение	21,5
Компьютер	20,5
Атом	15,6
II Ватиканский собор	12
Первая мировая война	11

Таким образом, протяженность заданной ретроспективы каждый раз предопределяет ту или иную значимость события по сравнению с другими, соседствующими с ним в пространстве и во времени, как и сам набор этих событий. Одним словом, устанавливается мера их достопамятности, в результате чего происходит разграничение между главными событиями и второстепенными. Исторический опыт об-

¹ См.: Battista P. Guerra o pace? // Eposa. 1989. № 2043. P. 175. Опрос по общенациональной репрезентативной выборке проведен СВГ — Объединенной исследовательской службой в Триесте.

щества, истолкованный как политическая культура, предстает в виде многослойного образования, каждый из слоев-составляющих которого — событий или целых событийных комплексов, достопамятных, либо наоборот подлежащих забвению, — заслуживает отдельного рассмотрения.

Системная политическая трансформация — поиск инновационной модели развития Центрально- и Юго-Восточной Европы*

Последнее десятилетие XX в. в регионе стран бывшего «реального социализма» проходило под знаком сметавшей сталинистские конструкции общественного строя четвертой волны демократических трансформаций, максимально продвинувшейся в странах Центрально-Восточной Европы, и довольно далеко прошедшей по пути преобразований в Юго-Восточной Европе, под знаком преодоления регрессивного развития, застоя или мобилизационного типа развития как средства, по определению российского ученого А. Фомотова, «выхода из застойного состояния» или инструмента «ускорения эволюционного развития за счет административно-силового вмешательства в механизмы функционирования общества»¹. Назрела потребность в основательной, системной политической трансформации как определяющем факторе преодоления деградации институциональной и социокультурной среды — преобразования и человека, и общества в целом. Лавинообразные системные преобразования стран региона начались на рубеже 80–90-х гг. XX в. с политической сферы, поскольку политические режимы стран «реального социализма» и его идеологическая подоснова практически не оставляли места для оптимизации политического устройства — политическая инфраструктура оставалась застойной и не опиралась на сколько-нибудь отлаженные политико-правовые механизмы. Не были достаточно определены ни политический статус правящих партий, ни их права, ни их ответственность перед государством, ни формы участия в вы-

* Исследование выполнено в рамках совместного с Институтом политических исследований Польской академии наук (ИПИ ПАН), Институтом экономики (ИЭ) РАН и Институтом социологии РАН исследовательского проекта «Сфера политики в процессе системной трансформации в России и Польше».

¹ Морозов А. Ускользящий тип развития. Книга о великом переходе от мобилизации к инновациям // НГ Ex libris. 2010. 8 июля.

борах, ни принципы действий в представительных органах власти и т. д. Для расчистки путей цивилизационного продвижения вперед по пути инновационного типа развития на рубеже XX–XXI вв. было необходимо конституирование и оптимальное функционирование демократических политических институтов, скорейшее достижение уровня более совершенного социально-политического устройства, в том числе институциональной зрелости, сознательного и целенаправленного культивирования факторов развития во всех сферах общества, а также умения разумно и четко управлять системной трансформацией.

С обострением политических противоречий начали формироваться социальные группы, олицетворявшие перспективы прогрессивного развития, нацеленные на отказ от модели «партии-государства», на отстранение от управления сил, действовавших сугубо в эгоистических интересах своего социального слоя. Прокладывание путей дальнейшего общественного развития оказалось возможным только через политическую конкуренцию и основательное преобразование политических структур, через реформирование принципов их функционирования — через тесную обратную связь с обществом и соревновательную политическую борьбу между партиями. В странах Центрально-Восточной Европы реформаторы различной социально-политической ориентации были лучше организационно оформлены, способны к самоорганизации и энергичны.

Научно-теоретическое осмысление существа этих переломных событий учеными различных взглядов и направлений, определение ими масштабов, характера и перспектив перемен столкнулось с немалыми трудностями. Советские стереотипы предписывали рассмотрение процессов исторического развития в рамках формационной теории, теории революции, «закономерностей социалистической революции и социалистического строительства», прочих кодифицированных понятий и терминов. Среди идеологов марксизма-ленинизма не было предусмотрено места ни для отказа от попытки построить в странах одного из регионов Европы социалистический строй с авторитарными режимами, ни для демонтажа построенного «реального социализма».

С этой точки зрения напрашивалась квалификация коренных преобразований в регионе Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы (ЦВЮВЕ) только как контрреволюции. Первые обобщения действительно вылились в их квалификацию как «буржуазных революций» или «контрреволюций». Выход из рядов «социалистического содружества» оценивался как заведомый регресс на пути

исторического развития¹. Иногда использовался и термин «антикоммунистические революции»² — явный оксюморон, где эпитет несет в себе однозначно противоречащее сущности содержание, логически вытесняемое за рамки принятого смыслового пространства, в котором оно обычно наделено позитивной силой нового, прогрессивного, победоносного. В изданиях, не подменяющих публицистикой научный анализ, обычно принято использовать в подобных случаях не западные идеологемы типа «коммунистического режима» (и соответственно, «антикоммунистической революции»), а вполне корректные политологические термины «автократический», «авторитарный», «тоталитарный», «авторитарно-тоталитарный» режимы. Сам феномен «партия-государство» нередко рассматривается отнюдь не как тождественный «коммунистической» однозначности политического и идеологического наполнения³, что не означает отрицания того факта, что монополярная власть «партии-государства», осуществлявшая «руководящую и направляющую роль» и т. п., привела в каждой стране к отождествлению промахов и провалов «реального социализма» с деятельностью этих структур и возложению на них полноты ответственности за ее негативные последствия, вызвавшему в массах мощный взрыв протестных настроений и стимулировавшему процесс системной трансформации.

В новом контексте создаются иные понятия, по-другому юридически и политически трактуемые термины. Возникают политические дискурсы нового плана. Например, не отказываясь от признания глубинного характера радикальных системных преобразований, но подчеркивая их качественно новое, мирное, растянутое во времени свойство, бывший президент Республики Польша В. Ярузельский предложил определение «эволюционная революция»⁴. По существу,

¹ Политология. С. 339–340.

² См.: *Новопашин Ю. С.* Антикоммунистические революции конца XX века // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 93.

³ См. основные обобщающие коллективные труды ведущих российских научных коллективов, занимающихся данной проблематикой: Революция 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2001; Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. III. Трансформации 90-х годов. Ч. I, II. М., 2002; Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX — начале XXI века. Т. I. Преобразования. М., 2005 и др.

⁴ *Ярузельский В.* Уроки истории — не соль на раны. Беседе вел В. Оскоцкий. Рязань, 2000. С. 32.

аналогично охарактеризовал этот процесс как «революцию», т. е. сочетание энергичных мер революционного характера с основательными, как правило, растянутыми во времени реформами, и английский политолог Т. Г. Эш¹. Президент Международной социологической ассоциации (2002–2006 гг.), ведущий польский социолог П. Штомпка, занявшись с учетом новейших достижений теории социальных изменений (понятия, хода, моделей и теорий революции) анализом «самоограничивающейся революции» польской «Солидарности» и бархатной революции в Чехословакии, пришел к выводу о дискуссионности их оценки как революционных в силу их мирного характера и «удивительной эффективности» уже перед лицом лишь потенциальной угрозы выступления масс².

В настоящее время большинство специалистов, в отличие от свободно манипулирующих стереотипами публицистов, редко применяют к событиям 1989-го и последующих лет термин «революция» в его классическом понимании. Практически отказавшись от «перехода» (с английского — «транзита»), они чаще используют термины «обвал» или «демонтаж» режимов, «выход из прежней системы». Набор коренных системных преобразований содержит определения: «демократические», осуществившиеся в быстром темпе, методом демонтажа прежнего авторитарного (авторитарного или авторитарно-тоталитарного) режима, обвала, мягкой агонии и краха структур «партии-государства», оформления правовых основ новой, демократической системы, проведения демократических выборов в парламент, учреждения качественно новых политических структур и институтов. Отмечается, что они стали возможными благодаря консенсусу, достигнутому между старой и новой элитой относительно проведения политических и экономических реформ³.

Сутью и основным содержанием начального этапа политических системных преобразований признается «добровольно-вынужденный» отказ старой правящей элиты от монопольного привилегированного положения, от командно-административных методов управ-

¹ См.: *Ash T. G. We the People. Cambridge, 1990.*

² *Sztompka P. Socjologia zmian społecznych. Kraków. 2005. S. 282–283.*

³ Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX — начале XXI века. В 2 т. Т. 1. Преобразования. М., 2005. С. 110. См. также: *Ehrlich E., Revesz G., Tamasi P. Kelet-Koper Europa: honnan — hova? Budapest, 1994; Transformacé česke společnosti. 1989–1995. Brno, 1996; Kofman J., Roszkowski W. Transformacja i postkomunizm. Warszawa, 1999; Agh A. Emerging Democracies in East Central Europe and the Balkans. Cheltenham, 1999 и др.*

ления и прежнего типа власти. При этом отмечается, что весьма разнообразные формы этого процесса сочетали в различных пропорциях более или менее массовые общественные движения, создававшие общий для всего региона конструктивный фон мирного обновления режимов «снизу», и делиберативные переговоры элит за круглыми столами, результаты которых выливались в «пактирование» — заключение договоров о демократизации политических систем и их функционировании. Процесс глубоких преобразований охватил всю политическую сферу и повлек за собой радикальные последствия во всех областях общественной жизни, хотя его темпы, методы и результаты в разных странах были весьма различны, как и достигнутый уровень перемен. К настоящему времени он обрел общепринятое название системной трансформации (трансформаций)¹.

Диалог политических сил в ходе круглых столов, достижение договоренностей о путях преобразования политической системы и их законодательное оформление привели не к свержению режимов, но к их сокрушительному поражению на свободных многопартийных выборах и победе прежней оппозиции. Плюрализация политической палитры с перспективой быстрой утраты коммунистическими партиями статуса правящих, партийно-государственной бюрократией — принадлежности к власти привела их к внутреннему кризису, разложению и распаду. В большинстве бывших стран «реального социализма» группы реформаторов отказались от названия коммунистических и встали на путь социал-демократической модификации своих программных установок.

Вместе с тем договорное отречение от старой системы позволило части прежней элиты сохранить важные позиции. Полное отстранение от власти прежней политической элиты, последовательно отвергавшей любой компромисс с оппозицией, имело место лишь в Чехословакии, где, как следствие подавления Пражской весны, была выхолощена ее способность видеть перспективы развития². В других странах Центрально-Восточной Европы правящие партийно-государственные элиты были вынуждены под давлением оппозиции или/и массового движения делиться властью с другими политическими силами. В Юго-Восточной Европе власть в значительной

¹ Подробно см.: *Яжборовская И. С.* Глобализация и опыт системной трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2008.

² *Задорожник Э. Г.* История бархатной революции 17 ноября — 29 декабря 1989 г. // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В 2 кн. Кн. 2. М., 2005. С. 256–258 и др.

степени переходила в руки второго, конкурирующего в борьбе за нее эшелона тех же элит — части бывшей партийно-государственной номенклатуры¹.

С момента пересечения рубежа 1980–1990-х гг. определяющим направлением глубоких системных преобразований региона стало его интенсивное демократическое «переформатирование», прежде всего создание международно-правовых основ политической системы как условия становления демократического правового государства и закладывание правовых основ политической системы в ходе функционирования в рамках Евросоюза.

Прежнее государство с могущественным властным центром и структурой иерархического подчинения во все большей степени превращалось в сетевое государство с паутинами связей, часто простирающимися за пределами национальных границ и тяготеющими к внешним распорядительным центрам. Происходило самоограничение национального государства. Масштаб одного государства становился недостаточным для решения политических и социально-экономических проблем, теряли прежний смысл однозначный центр власти, ее монополия на законотворчество и полный суверенитет. Процесс интеграции с ЕС привел к строительству политической системы по принципу взаимного блокирования элементов. Происходила фрагментация, децентрализация и деполитизация исполнительной власти. Сокращалось количество инструментов управления².

Прежде всего была проведена замена модели «партии-государства» модификацией известной для этой части Европы с довоенных времен плюралистической парламентской демократии. Происходили интенсивная ломка сегментов недемократического государственного аппарата и устранение более или менее значительной части административных кадров, потеря тех или иных функций управления, типичных для командно-административной системы. Принятые в начале 1990-х гг. конституции (в Венгрии — 24 августа 1990 г., в Хорватии — 22 декабря 1990 г., в Болгарии — 12 июля 1991 г., в Румынии — 21 ноября 1991 г., в Словении — 23 декабря 1991 г., в Словакии — 1 сентября 1992 г., в Чехии — 16 декабря 1992 г., в Польше — так называемая Малая Конституция от 23 октября 1992 г., а затем Конституция 2 апреля 1997 г., «Основы конституционного урегулирования» 1996 г. к Конституции Албании от 28 декабря 1976 г. и т. д.) были направлены на отделение государства от монопольно правившей партии.

¹ См.: Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. М., 2007.

² *Staniszkis J.* O władzy i bezsilności. Warszawa, 2006. S. 167–168, 170–171.

В новых конституциях нашел свое место призванный исполнять важные политические функции институт президентства, что отразило политическую остроту периода системных преобразований. Введение института президентства мотивировалось обращением к мировым демократическим образцам и стандартам институциональных решений, а также к собственным традициям государств, в которых прежде существовал такой институт. В условиях плюралистического парламента президент должен был обеспечивать стабильность власти, единство государства и его персонификацию, являясь олицетворением, или символом, этого государства. Ему предстояло исполнять роль координатора действий государственных органов, политического арбитра и медиатора между ними в случае возникновения конфликта, гаранта соблюдения конституции и гражданских прав.

Вопрос о всеобщих или косвенных, в рамках парламента, выборах президента, их проведении до или после парламентских выборов оказался в центре продолжительного противостояния, что давало преимущества тем или иным политическим силам и определяло силу или слабость позиции президента. Длительное противоборство, принятие и отмена противоречивших друг другу законодательных актов по этому вопросу и даже проведение референдумов завершились форсированием модели избираемого парламентом президента, зависящего от законодательной ветви власти и поддерживающего равновесие между нею и исполнительной властью, не являясь самостоятельным центром управления. Соответственно, абсолютное большинство республик в регионе оформились как парламентские.

Всеобщее внимание было привлечено к утверждению и функционированию конкурентоспособной многопартийной парламентской системы. Порядок образования и деятельности политических партий с начала переходного периода в регионе определяется на основе законов об общественных организациях, а затем законов о партиях и регистрации их судом или соответствующим государственным органом. Новый правовой статус политических партий, как правило, отрегулировали конституции. В них были включены принципиально иные, имеющие антиавторитарный характер нормы, отделяющие партии от системы государственных органов и не допускающие монополии власти какой-либо из партий как противоречащей равенству этих партий перед законом. Правовая институционализация партий была законодательно расписана по целому ряду важнейших параметров. Регламентировались функции партий.

К середине 1990-х гг. сформировавшийся баланс в разделении властей способствовал дальнейшему демократическому развитию

этих стран. Подготовка к вступлению в ЕС и сам процесс интеграции повлекли за собой установление нового равновесия: происходило уменьшение значения национальных парламентов как законодательных органов — около 60 % их функций перешло в руки органов Евросоюза.

Считается, что парламент в значительной мере потерял свою функцию форума политических дебатов, и его роль сведена к роли института, который занимается имплантацией права Евросоюза в законодательство страны. Одновременно полномочия исполнительной власти все больше разрастаются, что связано с механизмом принятия решений в рамках Евросоюза. Происходит ослабление роли правительств. Согласование политики осуществляется на уровне центральной бюрократии ЕС. А вот влияние членства в Евросоюзе на функционирование государственной и самоуправленческой администрации стало возрастать. В конституции были внесены поправки, направленные на передачу тех или иных полномочий с национального уровня на европейский. Тем самым новые страны ЕС сознательно пошли на ограничение части своего суверенитета. Общей чертой всех поправок является предоставление возможности передачи ряда полномочий государства Евросоюзу. Фактически новые члены прежде всего строят институты, обеспечивающие соблюдение существующего права ЕС и обслуживание его политики.

Членство в ЕС поставило перед ними задачу достижения в своем функционировании высоких европейских стандартов. А это зависит от способности структур и кадров государства вырабатывать свою позицию по важнейшим проблемам политики ЕС, а также ее согласования с остальными партнерами. Оптимальное функционирование национальной государственной администрации обуславливается, с одной стороны, ее способностью защитить национальные интересы в Евросоюзе, а с другой — выполнить обязательства, вытекающие из членства страны в ЕС. Одним из ключевых принципов Евросоюза является принятие государствами-членами обязательства применять и исполнять право ЕС, которое имеет приоритет над национальным правом. В период подготовки к вступлению в Европейский союз все страны-кандидаты согласились включить существующее и применяемое законодательство ЕС (*acquis communautaire*) в национальные правовые системы. После вступления новые члены получили возможность участвовать в разработке и принятии права Европейского союза. Был создан и заработал механизм такого участия. Значительная часть обязывающего права иницируется и принимается вне рамок национального парламента.

Одновременно отрабатывается взаимодействие правительства с национальным парламентом по вопросам, связанным с членством новых стран в ЕС. Все документы, требующие консультаций с государствами-членами, передаются стране — члену Евросоюза генеральным секретариатом совета ЕС и немедленно в электронной форме пересылается правительством в рамках системы «координация» в парламент. В особенности это касается правовых актов ЕС, белых и зеленых книг, коммюнике Европейской комиссии, планов работы совета ЕС, ежегодных законодательных планов, проектов международных соглашений и др. Правительства обязаны также передавать национальным парламентам — их комитетам по вопросам европейского союза — проект позиции страны по проектам правовых актов ЕС, который они намерены представить совету ЕС и по которым эти комитеты дают заключение. Принятая позиция по проектам правовых актов ЕС и другим вопросам направляется также европарламентариям стран. На заседании совета ЕС страны представляет министр, в сферу компетенции которого входит обсуждаемый проект правового акта. После принятия правового акта советом ЕС он должен в течение 6 месяцев пройти процедуру транспозиции в правовой порядок стран-членов. Министерства и ведомства подготавливают проект закона об исполнении правового акта ЕС и направляют его в орган координации на уровне СМ, который и рекомендует правительству его принять. Затем оно передает законопроект в парламент, который его и принимает. Однако нередко требуются немалые усилия, чтобы обеспечить его применение, поскольку страны региона включались в этот процесс в соответствии со степенью готовности к трансформации и возможностей глубокого укоренения подлинно демократической политической системы, ее воздействия на политическую жизнь через законодательную и исполнительную власть¹.

Собственно, изначально демонтаж прежнего общественно-политического строя и строительство нового, имеющего своей задачей сознательное и целесообразное культивирование факторов развития во всех сферах жизни общества, осуществлялся и в обоих субрегионах ЦВЮВЕ, и в каждой из стран этой части европейского континента разными темпами и методами. Различны были готовность к вклю-

¹ См.: Становление многопартийности в Восточной Европе в 1990-е годы. М., 1996; Политическая трансформация Центральной и Восточной Европы. М., 1997; Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов. М., 1997 и др.

чению в процессы политической трансформации политических сил, так же как и самих народных масс, к внедрению инновационного типа развития и, соответственно, масштабы и глубина изменений политических структур и институтов, эффективность методов налаживания их функционирования, имевшего своей целью придание новой политической системе определенной, конструктивной стабильности.

В этом существенную роль играла электоральная активность населения. Собственно, уже на первом этапе трансформации сам факт проведения состязательных выборов весьма поспособствовал ее росту. С переходом к парламентской демократии электоральное участие стало проявлением политической свободы граждан и их собственным делом. Избиратели получили возможность реального выбора между различными политическими партиями и кандидатами в депутаты: в государствах региона применяются пропорциональная, мажоритарная и смешанная системы. Электоральное участие стало проявлением общественно-политической позиции, отношения граждан к формирующейся политической системе, к партиям, к государству и его институтам. Расширение и активизация политического поля сопровождались поляризацией политической жизни, реформированием избирательного права в направлении создания больших возможностей для электорального участия населения. Для этого предпринимались различные институциональные меры — упрощение процедуры регистрации избирателей, голосование на протяжении двух дней, а также при помощи почты, в том числе электронной (в Словении — для граждан, находящихся за границей). Подчеркивалась важность стабильности избирательного права, обеспечения явки, ритма голосования (вначале выборы в некоторых странах проходили чаще, а с укреплением политической системы — реже).

Однако процесс демократизации был сложным и противоречивым, с одной стороны, стимулировавшимся овладением западноевропейским опытом в ходе подготовки к вступлению в ЕС и самой интеграцией, а с другой стороны — осложненным трудностями переходного периода, а затем вползания в мировой финансово-экономический кризис. Это наглядно и поэтапно просматривается в привязке динамики индексов уровня демократии к началу XXI в., к двум периодам вступления стран региона в ЕС — 2004 г. («Вышеградской четверки» и Словении) и 2007 г. (Болгарии и Румынии), а также ко времени развертывания кризиса (см. табл. 1).

**Динамика индексов уровня демократии
в странах ЦВЮВЕ – членах ЕС за 2001–2010 гг.**

Страна	2001	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Болгария	3,42	3,38	3,25	3,18	2,93	2,89	2,86	3,04	3,04
Венгрия	2,13	1,96	1,96	1,96	2,00	2,14	2,14	2,29	2,39
Польша	1,58	1,75	1,75	2,00	2,14	2,36	2,39	2,25	2,32
Румыния	3,67	3,63	3,58	3,39	2,39	2,29	3,36	3,36	3,46
Словакия	2,50	2,08	2,08	2,00	1,96	2,14	2,29	2,46	2,68
Словения	1,88	1,79	1,75	1,68	1,75	1,82	1,86	1,93	1,93
Чехия	2,25	2,33	2,33	2,29	2,25	2,25	2,14	2,18	2,21

Оценки даны по 7-балльной шкале, где высшая планка – 1, а низшая – 7.

Источник: Nations in Transit 2010. URL: <http://www.freedomhouse.org>.

С конца 1990-х гг. в ряде случаев обнаружился фасадный характер политических институтов и правоприменения. Основные решения нередко принимались вне их рамок, за кулисами, путем обхода закона. Имела место некоторая эрозия демократических норм и процедур. Движение к более зрелой фазе демократии замедлилось.

При свойственной ряду стран, прежде всего Юго-Восточной Европы, недоразвитости новых институциональных компонентов власти и преобладании личностных факторов в политическом управлении, т. е. живучести наследия автократических режимов «партии-государства», дробность и многоликость компонентов политического поля вначале даже усиливалась. Нередко соблюдался лишь «процедурный минимум» демократической системы, поскольку общество раздиралось разнонаправленными процессами и интересами. Это наложило отпечаток на новое законодательство, на формирование демократического правового государства. Главным недостатком было то, что в переходный период, при свойственной ему необязательности соблюдения вводимых правил и норм, в создаваемые институты правового государства часто вкладывалось недемократическое, неправовое содержание. Привнесенные с Запада принципы и процедуры не всегда могли работать эффективно.

Нередко успешнее функционировали неформальные институты (кланы и клики, клиентелизм, коррупция). Важные политические

решения принимались вне рамок формальных институтов, с несоблюдением закона. Со временем установилась непрочная стабильность, наладилось одновременное функционирование формальных и неформальных институтов. Неформальные институты проявили тенденцию превращаться из временных в постоянные. Некоторые социальные группы оказались не заинтересованы в укреплении демократии и верховенства закона.

Разделение властей, наличие сдержек и противовесов ограничивали злоупотребление властью, но в регионе отсутствовали отлаженные механизмы и процедуры, принуждающие к демократии и верховенству закона, к соблюдению права. Лишь постепенно укоренились новое законодательство, независимая судебная система, развитое гражданское общество. Поскольку процесс системной трансформации шел сверху, без активного участия широких масс населения, без опоры на них, демократические механизмы работали вяло. Исполнительная власть традиционно была склонна к чрезмерной концентрации полномочий в своих руках, контролю за остальными ветвями власти, вмешательству в их дела. Сказывался недостаточный уровень правовых и гражданских знаний, правовой и политической культуры населения.

Институт демократического правового государства все еще находится в ЦВЮВЕ в процессе формирования. В странах Центрально-Восточной Европы оно постепенно начинает обеспечивать верховенство закона, реализацию прав и свобод человека и гражданина, формирование для государственных структур режима правового ограничения, ответственность государства перед гражданином и т. д. В странах Западных Балкан значительные препятствия для дальнейшей демократизации политической сферы все еще создают последствия военных конфликтов, а также коррупция, укоренившаяся в государственном аппарате, судебной системе и полиции.

Расширяющееся членство в Евросоюзе (в настоящее время в него входят 7 из 14 государств региона) по-прежнему является шансом для дальнейшего укрепления и развития политической сферы региона в опоре на традиции демократии, верховенства закона, сильных институтов гражданского общества. Оно стимулирует качественные перемены в институтах, в том числе возрастание роли и значения как регионального, так и муниципального уровня управления и самоуправления, их влияния на решение общенациональных проблем. Приведем итоги этих процессов за период с января по декабрь 2009 г. включительно (см. табл. 2).

**Отдельные показатели и суммарный индекс уровня демократии
в странах ЦВЮВЕ за 2009 г.**

Страна	ИП	ГО	НСМИ	ОДУ	МДУ	НСВ	К	СИД
Албания	3,75	3,00	4,00	4,50	5,00	4,25	5,00	3,93
Болгария	1,75	2,50	3,75	3,25	3,00	3,00	4,00	3,04
Босния	3,00	3,50	4,50	5,25	4,75	4,00	4,50	4,25
Венгрия	1,75	1,75	2,75	2,50	2,50	2,00	3,50	2,39
Косово	4,25	5,75	5,50	5,50	5,00	5,75	5,75	5,07
Македония	3,25	3,25	4,25	4,00	3,75	4,00	4,00	3,79
Польша	1,75	1,50	2,25	3,25	1,75	2,50	3,25	2,32
Румыния	2,75	2,50	4,00	4,00	3,00	4,00	4,00	3,46
Сербия	3,25	2,50	4,00	3,75	3,50	4,50	4,50	3,71
Словакия	1,75	1,75	3,00	3,00	2,50	3,00	3,75	2,68
Словения	1,50	2,00	2,25	2,00	1,50	1,75	2,50	1,93
Хорватия	3,25	2,75	4,00	3,50	3,75	4,25	4,50	3,71
Черногория	3,25	2,75	4,00	4,25	3,25	4,00	5,00	3,79
Чехия	1,50	1,75	2,50	2,75	1,75	2,00	3,25	2,21

Оценки даны по 7-балльной шкале, где высшая планка — 1, а низшая — 7.

Индекс уровня демократии является средней оценок избирательного процесса (ИП), гражданского общества (ГО), независимых средств массовой информации (НСМИ), общенационального демократического управления (ОДУ), местного демократического управления (МДУ), независимости судебной власти (НСВ), коррупции (К). СИД — суммарный индекс демократии.

Источник: Nations in Tranzit 2010. URL: <http://www.freedomhouse.org>.

Прошедшая в октябре 2009 г. в Университете Дж. Хопкинса в Вашингтоне конференция на тему «Противодействие регрессу демократий в Европе и Азии» констатировала, что в этой таблице зарегистрировано небольшое, но заметное снижение в некоторых странах индексов демократии по ряду показателей, объясняемое как трудностью преодоления последствий правления прежнего режима и «усталостью от реформ», так и наступлением мирового финансово-эконо-

мического кризиса и потерей перспектив дальнейшего укрепления демократии¹.

Страны региона в 2009 г. выстроились согласно суммарному индексу демократии так: Словения, Чехия, Польша, Венгрия, Словакия, Болгария, Румыния, Сербия и Хорватия, Черногория, Македония, Албания, Босния (и Герцеговина), Косово. Вступившие в ЕС первыми Словения и страны «Вышеградской четверки» бесспорно лидируют. По пути стабилизации демократии, консолидации политической системы успешнее продвинулись Словения, Чехия, Польша, Венгрия и Словакия.

В субрегионе Юго-Восточной Европы впереди по суммарному индексу демократии, с некоторыми колебаниями, Болгария и Румыния, как Сербия и Хорватия — среди республик бывшей Югославии. Большинство из них относится к полуконсолидированной демократии.

Разнообразный, богатый, временами непростой опыт не везде завершенной системной трансформации политической сферы стран Центрально- и Юго-Восточной Европы по инновационному типу развития представляет существенный интерес для всех бывших социалистических стран.

Россия и Польша: два примера политической трансформации*

Политический опыт этих двух стран, приобретенный после 1989 г. в условиях глубокого социально-экономического кризиса, размонтирования системы власти коммунистической партии в определенном смысле сравним. Я принимаю предложенную Б. Макаренко стратегию определения посткоммунистических режимов, согласно которой существует принципиальная разница между результатами хода трансформационных процессов в Центрально-Восточной Европе и на территории бывшего Советского Союза. Системы сменяющихся у власти партий возникли на западе от границ СССР до 1939 г., а на востоке от этой линии сформировались президентские системы².

¹ *Molnar B.* In *Bad Shape. What Ails Central Europe's Democracies? / Nations in Transit 2010.* URL: <http://www.freedomhouse.org>.

* Исследование выполнено в рамках совместного с Институтом политических исследований Польской академии наук (ИПИ ПАН), Институтом экономики (ИЭ) РАН и Институтом социологии РАН исследовательского проекта «Сфера политики в процессе системной трансформации в России и Польше».

² См.: *Макаренко Б.* «Цветные революции» в контексте демократического транзита // *Мир перемен.* 2005. № 3.

При этом я оставляю вне рассмотрения существенный для политической теории вопрос, имеем ли мы в случае России демократию с недостатками (например, делегированную, нелиберальную или суверенную) или же новый авторитаризм.

Опыт перехода от тоталитаризма к демократии был обобщен в виде теории политического транзита, которая первоначально описывала размонтирование авторитарных режимов и консолидацию демократий в некоторых странах Латинской Америки и Южной Европы, а после 1989 г. ее начали применять к исследованию перемен строя в Центрально- и Юго-Восточной Европе. Условием политического транзита является прежде всего сохранение в обществе национального консенсуса, состоящего в том, что большинство граждан не ставит под сомнение своей принадлежности к национальному политическому сообществу. В процессе перехода можно выделить нескольких наиболее важных моментов — принятие решений о политических переменных, проведение первых соревновательных выборов, консолидация демократии. Их общие черты: мирный характер перемен, большая роль новых ненасильственных социальных движений и социальных элит, частое использование механизма круглых столов в процессе преобразований.

Политический процесс на рубеже 1980–1990-х гг. проходил поразному в России, центре содружества («империи»), и на периферии, в Центрально- и Юго-Восточной Европе, поскольку «партия-государство» была не обычным государством, а несколькими концентрическими кругами со сложными, неоднократно менявшимися формами правления. Одним из этапов таких изменений был одобренный конституционной комиссией в 1962 г. в ходе административной реформы, но не реализованный проект формального разделения властей и создания института президентства. Этот процесс был остановлен с удалением Н. Хрущева от власти и нефтяным бумом¹. Позднее М. Горбачев, вначале отвергнувший эту идею, все же разорвал с концепцией коллективного руководства сталинского периода и ввел институты президентства и Съезда народных депутатов при их конкурентных выборах.

Политические реформы в СССР начались в конце 1980-х гг. с некоторым опережением по отношению к другим странам советского блока. Причины были аналогичными, что и в Польше, ГДР или Венгрии, — фиаско попыток укрепления центрального планирования и за-

¹ Бурлацкий Ф. Реформы сверху: невыученные уроки // Известия. 2004. 15 марта.

висимость советской экономики от мировой системы. Начало перемен датируется 1987–1988 гг. В это же время начались конфликты вокруг хозрасчета между республиками и центром, появились декларации о государственном суверенитете, о примате республиканского права и бюджетов. Организация варшавского договора и Совет экономической взаимопомощи завершали свое существование. Распад Советского Союза вышел далеко за рамки политической трансформации, потому что он касался проблем суверенитета, значительно более коренных, чем политический режим.

В конце 1988 г. были введены изменения в Конституцию СССР, согласно которым высшим органом государственной власти становился Съезд народных депутатов, который создавал два института — институт Верховного Совета и институт председателя Верховного Совета, а с марта 1990 г. — президента СССР. Вначале эти институты лишь старались снизить градус социального напряжения. Реальные политические решения оставались в руках структур компартии, руководимых генеральным секретарем. Власть над съездом и Советом строилась согласно иерархии, не от имени парламентского большинства, а от имени «бюрократической партийно-государственной олигархии»¹. Горбачев только в феврале 1990 г. решился создать пост президента, согласно концепции, предложенной 13 февраля Ф. Бурлацким. Монопольная позиция компартии тем самым была поставлена под удар. В марте 1990 г. съезд избрал Горбачева первым президентом СССР, одновременно изменив положения Конституции, гарантирующие политическую монополию компартии, что демонстрировало намерение заменить диктатуру компартии «сильной» харизматической президентурой. Очень быстро выявилось, что новому президенту слишком тесно в границах Конституции. После краткого периода демократизации Советов он вернулся к практике концентрации власти. В октябре 1990 г. съезд предоставил президенту чрезвычайные полномочия в сфере проведения хозяйственной реформы при помощи декретов. Главнокомандующий вооруженных сил получил право издавать декреты, имевшие силу закона. Так реальная власть начала переходить из рук компартии в руки президента. Внеконституционные действия президента стимулировали подобные действия и других политиков. Почти на следующий день после занятия Горбачевым поста президента руководитель казахских коммунистов Н. Назарбаев предложил создать посты президентов в союзных рес-

¹ См.: Вестник Московской школы политических исследований. 1995. № 2. С. 34.

публиках. Логика политической трансформации в 1990–1991 гг. изменилась. Политическая конкуренция стала перемещаться из партийной сферы в сферу, определяемую институциональной структурой советской федерации — в новые республиканские законодательные собрания.

При формировании новых органов власти¹ Б. Ельцин, соперничавший с председателем СМ РСФСР А. Власовым в борьбе за пост председателя Верховного Совета, сформулировал лозунг экономической суверенности России, видя в республиканской собственности, а не в институциональном аспекте условие обретения власти в новом государстве². Принятая 12 июня 1990 г. декларация о государственном суверенитете начала продолжавшуюся несколько месяцев «войну законов» — с момента принятия закона о разделении функций по руководству органами государственной власти на территории РСФСР, отделяющего Совет министров РСФСР от советского правительства, до закона «О собственности РСФСР», принятого в январе 1991 г. и предусматривавшего переход под юрисдикцию республики всего союзного имущества. Можно сказать, что с принятием этого закона Советский Союз перестал быть государством в веберовском значении этого понятия, так как потерял монополию на владение материальными средствами осуществления власти. Декларации суверенитета не относились к преемственности и легитимации власти. Нельзя не отметить, что в центре процесса перемен оказалась суверенность советских республик, а не их демократизация. Компромисс между политическими противниками не был заключен, а принципиальным фактором политического процесса стала эскалация политического напряжения. Система позднесоветской демократии, опирающаяся на конструкцию съезд — Верховный Совет, дважды потерпела неудачу при трагических обстоятельствах — в августе 1991 г. на уровне Советского Союза и в сентябре 1993 г. на уровне Российской Федерации. Развитие событий 1990–1991 гг. показало ограниченное значение институционального анализа в рамках теории транзита и напомнило о значении классических концепций, говорящих о суверене как субъекте чрезвычайного положения и государстве как аппарате насилия.

¹ Шейнис В. Взлет и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985–1993). Т. I. М., 2005. С. 265.

² См.: Михайловская Е. Политические слова как вещи, или Опыт чтения одной стенограммы // Новое литературное обозрение. № 83. URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/329/339/>

В самой России логика конфронтации между союзными и республиканскими властями превратилась в начале 1991 г. в открытый раскол внутри российского Съезда народных депутатов. Ельцин стремился сделать общественную поддержку как постоянный фактор легитимации опорой трансформации, реализуя концепцию всеобщих выборов харизматического президента, который сможет противостоять бюрократии и консервативным социальным группам¹. Однако великая победа российской демократии оказалась одновременно ее последним словом, поскольку победители уже в августе 1991 г. огласили мораторий на выборы, а президент России начал перенимать полномочия своего конкурента — президента Советского Союза методом ползучего переворота.

Выбор Ельцина начал процесс репродукции культурного архетипа власти, сосредоточенной в одних руках. Согласно с ним записанный в Конституции принцип разделения властей понимался как способ размещения отдельных институтов в иерархической структуре власти. Российская президентура возникла в ходе политической конкуренции как способ преодоления кризиса советской системы, лишенной скелета (несущей конструкции) коммунистической партии. Институт президента занял в политической системе место, освобожденное компартией, как бы автоматически входя в конфликт с советами и Съездом народных депутатов, снабженным Конституцией ничем не ограниченной властью². Политическая конкуренция превратилась в институциональный конфликт между органами власти, который в 1992–1993 гг. привел к кризису двоевластия и вооруженным столкновениям в Москве 3–4 октября 1993 г., но его контуры были видны уже в августе 1991 г.

Сразу после августовских событий Верховный Совет РСФСР принял новый закон, изменяющий строение территориальных органов власти в государстве. Вместо исполкомов советов были созданы посты глав администрации. Они избирались всеобщим голосованием, но на переходный период, фактически до 1996 г., Верховный Совет объявил мораторий на выборы, передав президенту право назначать глав администрации путем принятия декретов. В целях оценки предлагаемых кандидатур в августе 1991 г. была создана Администрация

¹ См.: *Медушевский А.* Демократия и авторитаризм. Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. С. 76–93.

² *Клямкин И.* Постсоветская политическая система в России (возникновение, эволюция и перспективы трансформации). URL: <http://www.liberal.ru/anons/31>.

президента, однако не были выработаны какие-либо правила относительно принятия решений по этому вопросу (они принимались кулуарно)¹. Вначале администрация не считалась субъектом публичной политики. Однако быстрый переход к Ельцину правомочий президента СССР (оборона, внешняя политика и спецслужбы) привел к тому, что она наряду с президентом стала наиболее влиятельным институтом власти. По существу, от президента и его администрации в России зависят все политические институты. В 1990-е гг. в Администрации президента процедуры принятия решений дополнительно осложняла самостоятельная роль отдельных помощников президента, руководителя секретариата и охраны, что значительно ограничивало роль ее формального шефа². Зато в первый период президентства В. Путина его роль в огромной степени возросла как фактического руководителя вертикали власти, т. е. системы связи администрации с правительством и федеральными округами. В высшей степени неформальный характер ее функционирования делает эту структуру в значительной степени подобной аппарату Центрального комитета как неявному органу власти в России. Можно выдвинуть тезис, что Администрация президента вместе с Советом безопасности и представителями президента в регионах, а с 2000 г. — в федеральных округах, является самостоятельной расширенной структурой исполнительной власти, роль которой вытекает из центральной позиции президента в политической системе Российской Федерации. При этом в Конституции и законе о президенте для этого нет правовых основ. Вся эта система основывается на чрезвычайном законодательстве, решении съезда и декретах президента.

Отличие политического процесса в России от политических процессов в других посткоммунистических странах заключается в отсутствии базового консенсуса относительно трансформации. По мнению правового советника президента Ельцина М. Краснова, возник-

¹ См.: *Римский В.* Архитектура бюрократических институтов в России в период президентства Бориса Ельцина // Страна после коммунизма: государственное управление в новой России. Т. I. М., 2004. С. 38–39.

² Бывший генеральный прокурор А. Казанник вспоминает, что он принес в феврале 1994 г. в Администрацию президента заявление об отставке в нескольких экземплярах, не зная, кому его отдать. Один экземпляр он отдал первому помощнику президента В. Илюшину, второй — помощнику по вопросам безопасности Ю. Батурину. В кабинете последнего состоялась длительная дискуссия, в которой активное участие принял шеф охраны президента А. Коржаков (см.: *Эпоха Ельцина. Очерки политической истории.* М., 2001. С. 405).

ла ситуация «мировоззренческой неопределенности»¹, являющейся предпосылкой только стремления к сохранению статуса великой державы. Тезис о России как «государстве — продолжателе» Советского Союза многократно формулировался и Ельциным, и Путиным, и государствами СНГ. Укрепление позиций победоносного меньшинства, которое пришло к власти в результате поражения коммунистического переворота и успеха собственного «ползучего переворота» могло состояться только в форме укрепления безальтернативного характера власти президента и его окружения, которое постепенно стало сужаться до членов «семьи» ее окружения. В этой системе, как писал Д. Фурман, не могут возникнуть неизменные правила игры, благодаря которым выигрывать, завоевывать власть могут разные силы, и наоборот, обеспечивается пребывание у власти одного лица (или его наследников) благодаря меняющимся в зависимости от условий правилам игры². Демократия — это такая политическая система, при которой партии проигрывают или выигрывают выборы. В России же в результате победы демократов возникла система, в которой правящие никогда не проигрывали выборов, а смена власти может произойти только в форме переворота. Отсутствие демократической легитимации перемен осенью 1991 г. предопределило не только безальтернативный характер российского президентства, но и дезинтеграцию контекста политики. Хаотичный характер политической власти в России мы можем в равной степени признать, с одной стороны, результатом революционных преобразований начала 1990-х гг., а с другой, следствием того, что победителям было необходимо купить поддержку влиятельных и активных социальных групп (например, партийной номенклатуры).

Представитель оппозиции никогда не выигрывал президентских выборов. В 1991 г. президентом стал Ельцин, который в тот момент занимал пост председателя Верховного Совета РСФСР. В 2000 г. президентом стал и. о. президента премьер Путин. В 2008 г. выборы выиграл его официальный «наследник» вице-премьер Д. Медведев. Дважды, в 1996 и 2004 гг., на второй срок избирался правивший президент. Четырежды фаворит выигрывал на выборах в первом туре, а в 1996 г. выборы в двух турах обеспечили победу Ельцину.

¹ *Краснов М.* Административная реформа (1991–2001): почему сохраняется ее актуальность // Страна после коммунизма... С. 99–101.

² *Фурман Д.* Политическая система современной России и ее жизненный цикл // Свободная мысль. 2003. № 11. С. 6.

Порядок выборов в Государственную думу был введен декретом президента от 1 октября 1993 г. и при некоторых корректировках сохранялся до 2005-го. В рамках смешанной системы одна половина депутатов выбиралась обычным большинством в одномандатных округах, другая — в федеральном округе пропорционально числу голосов, отданных за федеральные избирательные списки. 5-процентный барьер обеспечивал партийным лидерам хорошее представительство в Думе и автономию, позволяющую заключать политические компромиссы. Ограниченные права Думы и слабость гражданского общества привели к тому, что в России не возникли адекватные политические партии. Роль представителей интересов населения взяли на себя депутаты, выбиравшиеся в одномандатных округах. Они не были связаны партийной дисциплиной, а их главным политическим ресурсом были личные контакты и знакомства, что также не способствовало консолидации партийной системы. В результате применения смешанной избирательной системы Россия в меру спокойно пережила 1990-е гг. Антиреформаторская оппозиция всегда выигрывала выборы в федеральном округе, но никогда не была в состоянии создать правительство. По существенным вопросам оппозиция, как правило, заключала с президентом компромиссы. В период существования смешанной системы только единожды, в 1990–1993 гг., Съездом народных депутатов была инициирована процедура импичмента¹. Способ функционирования российской политической системы в 1993–2005 гг. хорошо передает феномен двойного большинства. В президентских выборах и референдумах всегда выигрывал кандидат правящего лагеря, а в парламентских — оппозиция. Партии власти проигрывали. В голосовании 12 декабря 1993 г. количество голосов, отданных за президентский проект конституции, в 2,7 раза превысило количество голосов тех, кто поддержал обе партии власти!

Вместе с принятием новой Конституции существенным способом влияния президента на формирование политической стратегии стали ежегодные обращения к Федеральному собранию. В 1990-е гг. темой первых обращений стало укрепление государства и увеличение эффективности исполнительной власти. На этой основе группа экспертов под руководством помощника президента по правовым вопросам М. Краснова в 1997–1999 гг. подготовила концепцию реформы государственного строя. Она концентрировалась на шести основных вопросах: реорганизации государства в соответствии с концепцией

¹ См.: *Макаренко Б.* Новый закон о выборах и эволюция режима // Pro et Contra. 2006. № 1. С. 95–103.

разделения властей; обеспечении конституционного единства системы исполнительной власти на всех уровнях; выработке концепции государственной службы; приспособлении системы управления к новым условиям рыночной экономики; гласности процесса принятия решений.

Концепция реформы государственной службы вытекала из убеждения многих экспертов о неэффективности политической системы, которая сформировалась в России после бурных 1991–1993 гг. Среди экспертов доминировало убеждение, что главной причиной этой неэффективности является концентрация слишком большой власти в руках президента¹. Однако в 1990-е гг. политическое внимание было в большей мере сконцентрировано на проблеме преобразования России в федерацию регионов, чем на создании более сбалансированной системы власти. Попытка перемен была предпринята только в условиях глубокого общественного кризиса, вызванного финансовым крахом 17 августа 1998 г. 7 октября 1998 г. прошли массовые протесты под лозунгами отставки Ельцина. В этой ситуации президент обещал заключить политическое соглашение об изменении соотношения полномочий между ветвями власти и даже изменить Конституцию. В первый и последний раз в истории России формой компромисса стало создание правительства парламентского большинства под руководством Е. Примакова. Значение этого события можно сравнить с выбором Ельцина на пост президента в ходе всеобщего голосования в июне 1991 г. Тем более что создание правительства парламентского большинства сопровождалось обещанием изменить Конституцию и по-новому разделить компетенции между ветвями власти. Создание правительства Примакова в 1998 г., как и выборы Ельцина в 1991 г., содержало в себе зародыш регресса, вытекающего из исторических и политических обстоятельств возникновения государственного строя Российской Федерации². Президент имел в виду только тактическое разделение с Думой ответственности за кризис, а не основательное изменение Конституции.

Источники политики Ельцина того времени наверняка следует искать в реакции федеральных властей на финансовый крах 1998 г.,

¹ Рапорт, подготовленный фондом «Реформа». См.: Проблема субъектности российской политики. Олигархизация власти в Москве чревата ослаблением государства // Независимая газета. 1998. 18–19 февр.

² См.: *Клямкин И.* Постсоветская политическая система в России (возникновение, эволюция и перспективы трансформации). URL: <http://www.liberal.ru/anons/32>.

которую Э. Паин назвал «маятником политических стратегий». Если выход из кризиса 1991 г. Ельцин видел в федерализме, то выход из кризиса 1998 г. окружение Ельцина нашло в конструировании «катастрофических» настроений после финансового кризиса¹. Уже в сентябре 1998 г. несколькими губернаторами была сформулирована концепция вертикали власти, связывающей правительство и Администрацию президента. Существенной чертой этой концепции снова была отсылка к архетипу «сосредоточения» полноты власти в одних руках и отказ от проектов реформирования государственного устройства, основывающегося на углублении институционализации исполнительной власти в России. Занятие В. Путиным в августе 1999 г. поста премьера, а затем президента означало возврат к практике неформальной концентрации власти в руках президента и его администрации.

Путин стал президентом не для того, чтобы реализовать политическую реформу, обещанную в период кризиса, но для того, чтобы стабилизировать ельцинскую политическую систему путем ограничения плюрализма в сфере политических элит. В мае 2000 г. были созданы федеральные округа и институт полномочных представителей президента в округах. Полномочные представители как чиновники Администрации президента были призваны координировать деятельность определенных территориальных единиц администрации (например, спецслужб, налоговых служб). Были изменены принципы создания Совета Федерации и замещения постов руководителей республик, краев и областей, при сохранении местной администрации в неизменном виде. Право назначения руководителей областей и республик было законодательно закреплено за президентом. Тем самым были значительно расширены его компетенции, определенные в разделе 9 Конституции 1993 г.

В 2001–2005 гг. были осуществлены многие перемены, ограничивающие политическую конкуренцию, в том числе избирательный порог был поднят с 5 до 7 %, ликвидированы одномандатные избирательные округа, а смешанная избирательная система заменена пропорциональной. Это увеличило контроль федеральных властей над формированием партийных списков, ходом выборов и функционированием парламента. Кроме того, при пропорциональном распределении мест в некоторых региональных законодательных собраниях (например, в Санкт-Петербурге и Самаре) стал использоваться метод

¹ См.: Паин Э. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004. С. 195–212.

благоприятствования большим партиям¹, в современной российской практике — партии власти. Самым важным изменением, реализованным в период правления Путина, было восстановление неявной инфраструктуры власти, состоящей из огромного числа функционеров специальных служб, размещенных во всех органах власти, общественных организациях, центрах экспертизы, средствах массовой информации и частных фирмах. Причину этого явления следует искать не в реальных успехах российских спецслужб, ибо в 1990-е гг. их деятельность сопровождалась серией явных поражений. Причиной наверняка является консенсус, который сформировался в обществе в результате восприятия тех лет как периода хаоса. В его основе лежит восприятие трансформации первой половины 1990-х гг. как подрыва политической власти и частичной потери государством монополии на легальное применение насилия. Хотя крах государства не был полным, сам жизненный опыт в условиях угрозы мог сформировать новое восприятие основ общества, свести общественные отношения к голому насилию, упорным поискам прочной основы общественного порядка. Этот тип обыденного восприятия политической теории предполагает, что люди хотели бы видеть обузданными демонов первобытной борьбы за существование, а состояние тотальной борьбы всех против всех замененным, по крайней мере, состоянием холодной войны.

Проблема политической реформы появилась в России примерно в то же время, когда в Польше проводилось реформирование центра политического управления. Оно вело к совершенствованию дуализма исполнительной власти и укреплению ее способности вырабатывать политическую стратегию. Перед политиками обеих стран встали одни и те же проблемы — глубокий экономический кризис, потеря доверия со стороны общества, слабость унаследованных от прежнего режима политических партий и институтов, неспособных формулировать стратегию. В России, однако, концепция реформы была отброшена и сформировалась моноцентрическая система политической власти. Эта система весьма отдаленно напоминала классическую президентскую республику, характерной чертой которой является разделение исполнительной и законодательной власти, что гарантирует независимую и сильную позицию законодателей. Конституция РФ во многих местах формально напоминает Конституцию Франции с ее полупарламентским режимом, но в политической прак-

¹ См.: Белонучкин Г.. Мелкие партии могут потерять единственный мандат. URL: <http://www.polit.ru/analytics/2007/03/09/imperiali.html>.

тике правомочия парламента настолько ограничены, что это дало основание В. Шейнису назвать Россию не столько сверхпрезидентской, сколько недопарламентской республикой¹. Слабость политических партий и парламента привела к тому, что в России дуализм исполнительной власти был заменен президентским моноцентризмом, дополнительно укрепленным неформальными связями внутри синдиката спецслужб.

Если в Советском Союзе и России ключевым был и остается комплекс проблем перехода к демократии, то в Польше главные трудности сосредотачиваются вокруг относительной слабости политических партий и конфликтного характера дуализма исполнительной власти. Преобразования, конституционная реформа и выборы народных депутатов в России произошли раньше круглого стола в Польше, изменений в Конституции и выборов в обе палаты парламента — сейм и сенат. Выборы в Польше в июне 1989 г. значительно ускорили развитие событий, начали процесс постепенного введения и закрепления механизма политической конкуренции, который в СССР и России дважды был остановлен — в августе 1991 и в сентябре 1993 г.

Специфической чертой политического транзита в Польше, на фоне других стран советского блока, было наличие организованной и относительно массовой оппозиции, охватывавшей рабочих государственных предприятий, объединенных в профсоюз «Солидарность». Нараставший экономический кризис и отсутствие перспектив его преодоления в рамках советского блока привел к тому, что коммунисты начали стремиться к более глубокой интеграции с мировой системой, одновременно пытаясь сохранить свою политическую власть. Первоначальные попытки включить отдельные оппозиционные группы в политический диалог не привели к успеху. В этой ситуации коммунисты приступили к реализации стратегии кооптирования, сопровождавшейся ограниченным общественным давлением. Летом 1988 г. начались переговоры министра внутренних дел Ч. Кищака с председателем «Солидарности» Л. Валенсой, результатом которых стало создание механизма круглого стола. В результате 4 июня 1989 г. состоялись всеобщие выборы в две палаты парламента, напоминающие выборы по куриям, которые имели место во многих европейских странах на завершающем этапе абсолютизма. Сформированный двухпалатный парламента избрал президента, которым стал лидер компартии генерал В. Ярузельский, а сейм назначил премьером генерала Ч. Кищака. Ввиду противодействия «Солидар-

¹ См.: Шейнис В. Указ. соч.

ности» миссия последнего закончилась неудачей. Оппозиция создала коалицию с прежними союзниками коммунистов — Объединенной крестьянской партией (ОКП) и Демократической партией (ДП). 24 августа 1989 г. сейм утвердил на посту премьера Т. Мазовецкого, заместителями которого стали представители всех партий. Всеобщие президентские выборы в ноябре — декабре 1990 г. в двух турах выиграл легендарный лидер «Солидарности» Л. Валенса. Первые последовательно демократические выборы в парламент были проведены 27 октября 1991 г.

Таким образом, следует признать, что выборы 1989 г. имели двоякий результат: с одной стороны, наступило значительное расширение политического участия, а с другой, был запущен механизм политической конкуренции и избирательной ротации власти. Вне зависимости от того, какие партии выигрывали выборы в последующие годы, политическая конкуренция всегда имела форму партийного соперничества. Подобный механизм сформировался и в других странах Центрально-Восточной Европы, независимо от того, как возникали политические партии — опираясь на социальные сети нелегальной или полулегальной оппозиции или же на структуру аппарата прежних коммунистических партий. Существом демократической системы является право создания разного рода политических группировок, которые имеют возможность представлять и реализовать потребности и интересы различных социальных групп. В условиях политического транзита основным ограничителем развития партий является неуверенность, связанная с отсутствием стабильных укладов соотношения в социальном окружении и системе конституционного строя. Партийные лидеры стараются ограничить эту неуверенность путем установления контроля над внешним окружением и происходящими в нем процессами.

Ход демократизации Польши был предопределен специфическими исходными условиями. Партии возникли в результате кризиса участия и кризиса легитимности предшествующей системы. Их возникновению предшествовало полное изменение отношения общества к политической власти. Партии возникли как из части прежней номенклатуры, так и из контрэлиты «Солидарности», они создавались скорее сверху, а главной плоскостью их формирования были очередные парламентские выборы, а также функционирование законодательной власти. Элитарные и парламентарные корни партий, отсутствие собственных партийных традиций и связи с интересами социальных групп, сила независимых профсоюзов и представительства некоторых хозяйственных отраслей предопределили институциональ-

ную слабость партий. Специфика исходных условий привела к тому, что в Польше не были созданы сильные массовые партии. Несмотря на свою слабость, польские политические партии, без сомнения, объединяют разрозненную политическую волю и отвечают основным требованиям, согласно определению, они с успехом стремятся к завоеванию и сохранению политической власти. Польские политические партии обеспечили легитимность нового порядка. Принципиальная трудность, какую несет с собой ситуация перемен, состоящая, в частности, в переходе от видимости единства к явной конкуренции, от однопартийной к многопартийной системе, способствует дезориентации общества и с самого начала создает препятствия легитимации новой системы. Новые правительства ограничены влиянием старой бюрократии, а их члены обременены необходимостью налаживать отношения с прежней номенклатурой, что порождает в них неуверенность. Несмотря на это, польская политическая система прошла успешно тест на легитимность в значительной мере благодаря активности политических партий. Это подтверждает прохождение двух критических точек демократических перемен. Во-первых, в результате выборов в рамках политической системы двукратно состоялась передача политической власти от одной партии к другой. Причем дважды власть передавалась от коалиции партий пост-«Солидарности» партиям прежней номенклатуры, что можно признать особо трудным испытанием для демократии. Подобная передача власти касалась также поста президента. Во-вторых, часто происходила передача власти внутри политических партий между их лидерами, что также следует признать прохождением важного теста консолидации демократии.

Польские партии оказались исключительно непрочными и не способными войти в фазу институционализации, поэтому основным участником избирательной игры в Польше являются не политические партии, а избирательные коалиции. Распад больших антикоммунистических коалиций в начале 1990-х гг. привел к раздроблению партийного поля, частым объединениям и новым расколам. Среди присутствовавших в сейме 1991 г. антикоммунистических группировок ни одна не продержалась в нем более 10 лет, а их лидеры рассеялись по разным образованиям, в настоящее время часто выступая друг против друга. В 2001 г. в сейм попали политические партии, которые ранее были только избирательными комитетами (Лига польских семей, Гражданская платформа, Право и справедливость), а Самооборона была специфическим объединением профсоюза и политической партии. Польские партии нестабильны. В принципе, только две политические группировки участвовали во всех парламентских

выборах с 1991 г. под тем же самым названием — Польская крестьянская партия (ПКП) и Союз демократических левых сил (СДЛС). Все остальные политические партии проходили частые организационные и персональные метаморфозы. Среди партий, получивших в 1991 г. высокие результаты, пять окончили свою политическую жизнь уже в 1993 г. Практически во время каждых выборов появлялись новые политические образования, многие из которых оказывались эфемерными. Тот факт, что они собирали значительную часть голосов, хотя их программы не были достаточно известны, указывает на слишком слабый характер их связи с избирателями. Убедительным примером колебаний поддержки является коалиция «Избирательной акции “Солидарности”» и «Союза свободы», которая получила на парламентских выборах 1997 г. 47,2 % голосов, а через четыре года — всего 8,7 %. Слабая связь с электоратом во многих случаях выражается в смене депутатами партийной ориентации, что является пренебрежением волей избирателей. Политическая структура сейма под конец его созыва чаще всего значительно отличается от изначальной.

Кроме негативных тенденций проявляются симптомы стабилизации польской партийной системы, ее концентрации — наблюдается рост поддержки партий, завоевывающих на выборах первое и второе места. Победитель выборов 1991 г. «Союз свободы» получил 12 % голосов, а наиболее сильная группировка 2001 г. СДЛС — более 40 %. Доля голосов, отданных за две самые большие партии, росла с 1991 по 1997 г. и достигла 60 %, а на следующих выборах снизилась до 54, чтобы затем снова возрасти. На выборах 2005 и 2007 гг. два первых места заняли те же самые партии — ПиС и ГП.

Перемены 1989 г. не только запустили механизм политической конкуренции и избирательной ротации власти, но и изменили методы формирования и функционирования исполнительной власти. Правительство создается парламентом и несет перед ним политическую ответственность. Поэтому характер и структура польской партийной системы существенно влияет на функционирование исполнительной власти, хотя ее качество в значительной степени зависит от того, кто ее конституирует. Структура польской партийной системы зависит также от избирательной системы. Чем менее она пропорциональна, тем сильнее позиция больших политических партий, т. е. в том числе и правящей.

Во времена Польской Народной Республики правительство не правило, а лишь администрировало. Согласно общей логике империи, оно только выполняло решения ПОРП. Поэтому правительство не должно было иметь аналитической базы, которая вырабатывала

бы политическую стратегию, располагать процедурами разрешения конфликтов между министрами из разных политических партий и, наконец, убеждать граждан в правильности своих решений, поскольку его ждала проверка выборами.

После 1989 г. очередные демократические правительства пропововали создать современные инструменты управления, но только в 1997 г. центр исполнительной власти был перестроен принципиально. Премьер становился бесспорным главой правительства, а не только председателем Совета министров¹. Проблема состояла в том, что в посткоммунистических государствах центры правительств — это изолированные острова в море администрации, которая ориентируется на пассивное исполнение идущих сверху поручений, а не на участие в реализации единой политической стратегии. При этом центр правительства находится за пределами неформальной практики принятия решений, а правовые инструменты принуждения к координации действий внутри правительства неэффективны². Можно указать на несколько причин такого положения дел в Польше. Во-первых, отсутствие единого центра исполнительной власти, проявляющееся хотя бы в виде хронического конфликта между президентом и премьером. Во-вторых, институциональное раздробление администрации, выражающееся в функционировании большого числа министерств и центральных ведомств. В-третьих, хаотический характер формирования правительственных коалиций, особенно затруднительный ввиду значительно большего влияния парламентов на этот процесс, чем это имеет место в большинстве стран Западной Европы³. Все правительства создавались в Польше после 1989 г. партийными коалициями, располагавшими в сейме минимально необходимым количеством голосов, что в условиях резких идеологических размежеваний, исключавших создание синкретических объединений, вело к их дестабилизации. Конфликты внутри коалиций вели к тому, что большинство правительств эффективно работали лишь

¹ См.: *Zubek R.* Poland: a Core Ascendant? // V. Dimitrow, K. H. Goetz, H. Wollman, *Governing after Communism: Institutions and Policymaking*. Rowman & Littlefield Publishers. Lanham. 2006. P. 92.

² См.: *Goetz K. H., Margets H. Z.* The Solitary Centre: the Core Executive in Central and Eastern Europe // *Governance: An International Journal of Policy and Administration*. 1999. № 4.

³ См.: *Matyja R.* Centrum władzy wykonawczej w praktyce rządów Prawa i Sprawiedliwości 2005–2007 // Drzonek M., Wołek A. (red.). *Władza wykonawcza w Polsce i Europie*. OMP–WSB–NLU. Kraków; Nowy Sącz. 2009. P. 51–52.

16 месяцев. По истечении этого времени их рейтинги начинали резко падать, и вместо управления начинался безвольный дрейф. Так было с кабинетами В. Павляка (хотя он имел поддержку почти $\frac{2}{3}$ состава сейма), а также с правительствами Е. Бузека и Л. Миллера.

Я. Качиньский был, кажется, первым премьером, который сознательно хотел избежать «закона 16 месяцев»¹. Применяемая им политическая стратегия «вытекала не столько из плана управления, сколько из проекта увеличения управляемости коалиционного кабинета»². Он старался избежать судьбы кабинетов Бузека, Миллера и Бельки, которые функционировали в соответствии с ритмом политических скандалов, партийных расколов и утечек в СМИ. Качиньский старался их контролировать, ставя под удар членов правительства, оппозицию, членов коалиции или определенные профессиональные круги. Такая стратегия привела к быстрому исчерпанию капитала доверия внутри коалиции, потере благосклонности общественного мнения, а в результате — управляемости самого правительства и в результате — к поражению ПиС на выборах в 2007 г. Монополия компартии, выражающаяся в принципе единства государственной власти, после 1989 г. в Польше была заменена принципом тормозов и равновесия различных органов власти при минимализации значения сотрудничества. Правило взаимного блокирования касается отношений не только исполнительной и законодательной ветвями власти, но также внутри легислативы, между сеймом и сенатом, а также внутри исполнительной власти, между премьером и президентом³. Дуализм законодательной и исполнительной властей стал следствием установлений, принятых в 1989 г. Институты президента и сената были формально введены законом об изменении Конституции, который последний сейм ПНР принял 7 апреля 1989 г. Содержащиеся в этом законе положения были результатом компромисса, принятого во время круглого стола между оппозицией из «Солидарности» и ПОРП. Сенат должен был избираться всеобщим голосованием, но по-иному, чем сейм, без применения квот по куриям для разных политических сил. Зато президента на срок в шесть лет избирало Национальное

¹ См.: *Wólek A.* Instytucje, głupku! // *Gazeta Wyborcza*. 14.02.2007.

² *Matyja R.* Op. cit. S. 59.

³ См.: *Wólek A.* Demokracja nieformalna. Konstytucjonalizm i rzeczywiste reguły polityki w Europie Środkowej po 1989 roku. Warszawa. 2004. S. 118–119; *idem.* III Rzeczpospolita: słabość państwa jako słabość instytucji // Kloczkowski J. (red.) *Rzeczpospolita 1989–2009. Zwykłe państwo Polaków?* Kraków. 2009. S. 189–209.

собрание. Из принятых установлений вытекало, что новые институты должны были гарантировать защиту определенных интересов. Сенат должен был гарантировать большее участие оппозиции в законодательной власти, чем это вытекало из избирательного права по выборам в сейм. Президент же, исходя из того, что им становился генерал Ярузельский, должен был защищать интересы номенклатуры. Политическая практика закрепила формальный дуализм. Принятие летом 1989 г. принципа «ваш президент, наш премьер» должно было стать только способом решения конкретной проблемы в конкретной ситуации. С сегодняшней точки зрения эта концепция, как пишет М. Дронек, «стала катализатором создания разделов, утверждения резкого дуализма по принципу противостояния, а не кооперирования. В дуализм исполнительной власти в 1989 г. было вписано существующее в то время социальное деление «мы — они»»¹. С тех пор в отношении между премьером и президентом оказался вписан политический антагонизм. Решающее значение для выработки принципов функционирования дуализма исполнительной власти имели первые годы структурной перестройки. Закон 1989 г. об изменении Конституции снабдил президента кроме правомочий представительского характера тремя существенными компетенциями — возможностью применять законодательное вето, правом назначения премьера и правомочием распускать парламент в точно обозначенных случаях.

Фактически В. Ярузельский имел существенные возможности влиять на политику правительства Т. Мазовецкого, например через своих ближайших сотрудников — генералов Ч. Кищака и Ф. Савицкого, которые руководили ведомствами внутренних дел и обороны. В сентябре 1990 г. сейм принял решение о сокращении срока полномочий Ярузельского, а также внес изменения в Конституцию. Был введен непосредственный порядок выборов президента. Поражение Т. Мазовецкого на президентских выборах способствовало ослаблению позиции премьера и укреплению позиции нового президента — Л. Валенсы. Самым важным документом, описывающим новую расстановку политических сил в Польше, был принятый 17 октября 1992 г. закон о взаимоотношениях между законодательной и исполнительной властью, обычно называемый Малой Конституцией. Этот закон принципиально укреплял позиции президента, придав ему кроме права назначать премьера также право при определенных об-

¹ *Drzonek M.* Efektywny czy dysfunkcyjny? Dylematy dualizmu polskiej egzekutywy // *Drzonek M., Wołek A. (red.) Władza wykonawcza w Polsce i Europie.* S. 21.

стоятельствах на срок до шести месяцев назначать так называемое президентское правительство. Кроме того, премьер был обязан получать одобрение президента относительно назначения министров обороны, внутренних и иностранных дел. Президент стал осуществлять «общее руководство» в сферах внешних отношений, внутренней и внешней безопасности страны. Малая Конституция позволяла применять обычный вотум недоверия, что в кризисных ситуациях укрепляло позицию президента. Политическая практика 1992–1995 гг. дополнительно укрепила позицию президента, так как Л. Валенса имел возможности расширенно трактовать свои компетенции.

Новая Конституция, принятая 4 апреля 1997 г., была написана с мыслью об ограничении политической воли Л. Валенсы. Статьи нового Основного закона лишили президента возможности создавать президентское правительство, а также права утверждать кандидатов на посты руководителей ведомств обороны, внутренних и иностранных дел. В обязанности премьера не входило информирование президента о работе правительства. «Общее руководство» в сфере иностранных дел и безопасности было заменено обязанностью президента взаимодействовать с премьером и соответствующими министрами. Основной закон вернул конструктивный вотум недоверия, что укрепило позиции главы кабинета. Однако президент сохранил многие свои компетенции, что позволило сохранить и дуализм исполнительной власти. Сам по себе дуализм исполнительной власти не является негативным явлением, проблема состоит только в его применении. Он функционировал как в период II Речи Посполитой, так и во властных структурах Речи Посполитой в эмиграции. Опыт польского переходного периода показывает, что отношения внутри исполнительной власти видоизменяются. Для эффективного функционирования дуализма исполнительной власти самое большое значение имеет сотрудничество президента и премьера в пользу реализации политики государства, в первую очередь внешней. Проблема дуализма в Польше состоит в том, что она часто приобретает вид политического соперничества, как это ни удивительно, наиболее остро тогда, когда премьер и президент имеют одинаковую идейную ориентацию. Примером может служить президентство Л. Валенсы, когда премьером был Е. Ольшевский, президентство А. Квасьневского, когда премьером был Л. Миллер, и президентство Л. Качиньского, когда премьером был Д. Туск. Увеличение эффективности польского дуализма наверняка будет требовать укрепления позиции одного из центров исполнительной власти.

Польша успешно вышла из мобилизационной, с административно-силовым вмешательством в механизмы функционирования общества, опирающейся на монополию одной политической партии системы. В этой стране сформировалась политическая система, опирающаяся на равновесие ветвей власти, политическую активность граждан, межпартийную конкуренцию и избирательную ротацию властей. В России же принцип разделения властей не был проведен столь же последовательно. Политическая конкуренция здесь осуществляется не между партиями, а между институтами внутри иерархических структур власти. С 1991 г. ни разу не происходила смена власти. Наступило ослабление политической активности общества. Если в Польше, при многих оговорках, можно говорить о переходе от авторитаризма к демократии, то в России, как доказывает А. Мельвиль, произошел переход от «авторитарной мобилизации» к «олигархической конкуренции»¹. Возникший таким образом режим является разновидностью элитарного правления, в котором формальный характер демократических институтов делает невозможным реальное, последовательное осуществление демократического контроля над правлением элит. Это усиливает необходимость глубоких системных изменений и укоренения демократической модели управления.

Местное самоуправление в Российской Федерации: проблемы институционального развития

Для современной российской политической науки проблема концептуализации институциональных изменений стоит особенно остро, поскольку ни одна из универсальных теорий не смогла предсказать и объяснить векторы развития страны в постсоветский период. Не менее актуальной видится проблема институционального развития в условиях радикальной социально-политической трансформации. Новый этап институционального строительства, который начался после падения социалистической системы и распада СССР, оказался весьма противоречивым и неоднозначным. Не существует единого мнения о том, в каком контексте проходило становление новых институтов: это были революционные изменения (Ч. Тилли), политическая модернизация (С. Айзенштадт), социальная мобилизация (Т. Ланкина) или что-то иное. Общим для различных подходов яв-

¹ См.: Мельвиль А. Политические ценности и ориентации и политические институты / /Россия политическая. Московский центр Карнеги. М., 1998. С. 166–167.

ляется то, что все они делают акцент на радикальной трансформации основных политических и социальных институтов.

В СССР местного самоуправления в его общепризнанных сущностных значениях — автономия (децентрализованное управление), демократия (гражданское участие) и эффективность (близость власти к населению) — не существовало. Местные советы являлись одновременно органами государственного управления и самоуправления трудящихся и рассматривались как низовой уровень в единой советской государственной системе. Их деятельность регулировалась распоряжениями вышестоящих органов, без должного учета специфики административно-территориальных образований. Незадолго до распада СССР перспективы местных советов виделись в постепенном расширении их прав по комплексному социально-экономическому развитию подведомственных территорий, разграничению функций законодательных и исполнительных органов, высших и низших уровней управления. Но роль местной политики по-прежнему оставалась незначительной, и говорить о какой-либо автономии и демократии на местах можно было только с точки зрения их латентного проявления и потенциального развития (В. Я. Гельман).

1990-е гг. стали периодом кардинальных реформ во всех областях жизни государства и общества, появлением нового — местного — уровня публичной политики. Отличительной чертой этого периода явилось отсутствие серьезных научно-теоретических обоснований реформы местного самоуправления, ее места в широком комплексе социально-политических преобразований. В этих условиях представления о местном самоуправлении вырабатывались по ходу реформ, получали свое воплощение в законодательстве и реализовывались на практике без должного осмысления. Более того, зависимость от обстоятельств политической борьбы как на федеральном, так и на региональном уровне обусловила большое значение субъективного фактора, расхождение целей и результатов преобразований. Как подчеркивает К. Телен, институты, которые возникли в ходе политической борьбы, не могут остаться неизменными и обязательно трансформируются в соответствии с изменившимся балансом власти в обществе¹.

Доминирующее влияние фактора политической борьбы как в ходе постсоветской трансформации в целом, так и в процессе станов-

¹ *Thelen K.* How institutions evolve: insights from comparative historical analysis // Mahoney J., Rueschemeyer D. (eds). *Comparative historical analysis in the social sciences.* Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 216.

ления отдельных институтов признается большинством исследователей. Но следует учесть, что в условиях радикальной трансформации политическая борьба носит специфический характер. Исследователи выделяют различные особенности постсоветского периода, подчеркивая неопределенность, неустойчивость как старых, так и новых практик, норм и правил поведения. Л. Холмс отмечает следующие особенности: отсутствие культурного компромисса, высокие ожидания лидеров, цинизм и недоверие в отношении политических институтов, идеологический вакуум, конфузия моральных норм, переходность, динамизм, нестабильность, распространенное чувство опасности и тревоги, недостаток легитимности¹. В данных условиях затруднено формирование четких представлений о целях и задачах предстоящих преобразований. Размытые социальные и политические ориентиры, острая политическая борьба стали препятствием для выработки стратегического соглашения среди основных акторов и долгосрочных планов государственного строительства в постсоветской России². Создание нового набора политических институтов было продиктовано в большей степени тактико-политическими, нежели стратегическими потребностями.

Институционализация местного самоуправления в постсоветский период представляла собой сочетание разнонаправленных тенденций. Ликвидация советов, муниципализация управления, принятие и реализация федерального закона об общих принципах организации и последующая реформа местного самоуправления — все эти разные по смыслу преобразования были осуществлены на протяжении одного десятилетия. Еще более сложным и противоречивым видится влияние внешнего контекста институциональных изменений. Смена приоритетов в области федеративных отношений, государственно-административного управления и региональной политики фактически означала отказ от идеи децентрализации, которая, однако, легла в основу административных реформ во многих ведущих странах на рубеже веков. Таким образом, теоретически трудно отделить одно преобразование от другого с достаточно четким определением причин и следствий, сомнительным видится и их объединение общим термином «реформа». С началом одной тенденции в ее недрах вы-

¹ См.: *Holmes L.* Post-communism: an introduction. Durham: Duke University Press, 1997. P. 15–21.

² См.: *Klyamkin I., Shvetsova L.* The Tactical Origins of Russia's New Political Institutions // Brown A. (ed.). Contemporary Russian Politics. A Reader. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 14.

зревали противоположные значения или добавлялись новые, которые препятствовали ее дальнейшему разворачиванию.

Среди исследователей нет единого мнения, какие события послужили «критическими моментами» в преобразованиях местного самоуправления. Некоторые из них считают, что такими событиями стали: 1) первые конкурентные выборы Советов народных депутатов всех уровней в 1990 г.; 2) крушение КПСС в августе 1991 г.; 3) роспуск советов в октябре 1993 г. и принятие Конституции РФ; 4) завершение второго электорального цикла 1999–2000 гг.¹ От смены электоральных циклов зависело прежде всего функционирование региональных и местных политических режимов. Вместе с тем на процесс трансформации местного самоуправления повлияла и динамика отношений центра с регионами, особенно с национальными субъектами Федерации. Центробежные тенденции первой половины 1990-х гг. являлись частью радикальной социально-политической трансформации, включая демократизацию общественной жизни, децентрализацию управления, деидеологизацию политики и разгосударствление экономики. С конца 1990-х гг., когда регионы по требованию центра стали приводить свое законодательство в соответствие с федеральными законами, начался этап централизации управления. В рамках этих двух противоположных тенденций местное самоуправление также претерпело соответствующие изменения. По мнению В. Д. Нечаева, они свелись к последовательной смене трех ключевых институциональных инноваций: демократизации (1988–1995 гг.), автономизации (1995–2003 гг.) и регионализации (с 2003 г.)². Причем создаваемый институциональный дизайн все больше расходился с конституционной нормой о самостоятельности местного самоуправления в пределах своих полномочий (ст. 12) и невхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти.

Несмотря на некоторые расхождения во взглядах, исследователи едины в мнении, что начальный период преобразований и был самым «светлым» периодом современного местного самоуправления в России. При существовании минимально необходимой законодательной базы на волне демократического подъема органы местного самоуправления получили мощный толчок для развития инициативы и са-

¹ Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб., 2008. С. 45.

² *Нечаев В. Д.* Институциональная организация местного самоуправления в постсоветской России. Автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2008. С. 42–43.

мостоятельности. Последующая траектория преобразований привела к тому, что в нашей стране сложилась преимущественно государственная модель местного самоуправления с включением институциональных элементов советской и либерально-автономной моделей.

В определении этапов и содержания институциональной трансформации местного самоуправления авторы используют разнопорядковые критерии. Причиной тому является неоднозначное место реформы местного самоуправления в комплексе социально-политических преобразований. Исследователи отмечают, что в отдельные периоды реформа местного самоуправления фактически выпадала из поля зрения реформаторов (В. Я. Гельман) или попросту не относилась к числу приоритетных во всей структуре радикальных преобразований (В. Н. Лексин). По мнению Лексина, речь шла не столько о реформе местного самоуправления, сколько о весьма широком круге перемен в организационно-правовых основах низового местного слоя территориального устройства общества и государства¹. Поэтому эффекты институционализации местного самоуправления часто оказывались противоположными тем, которые имелись в виду в начале преобразований, как, например, это случилось с реформой 2003 г., которая существенно ослабила местное самоуправление, вместо того чтобы укрепить его и сделать более самостоятельным².

Противоречивые подходы к организации местной власти объяснялись неудовлетворенностью текущими результатами и продолжавшимся поиском оптимальной модели местного самоуправления и системы управления в целом. Совокупность институциональных преобразований местного самоуправления в постсоветский период с большим основанием можно обозначить как институциональную трансформацию, которая представляет собой преобразование существенных характеристик института для оптимизации его взаимоотношений с институциональной средой и ее инфраструктурой. При этом трансформация предполагает изменения в границах определенного «диапазона возможностей», до которых может прийти институт в своем развитии или деградации, не создавая при этом опасности распада институциональной системы в целом. Как видится, аргументация при определении «поворотных» пунктов в трансформации местного самоуправления, так же как и вектора преобразований на отдельных

¹ Лексин В. Н. Федеративная Россия и ее региональная политика. М., 2008. С. 98–99.

² Петров Н. В. Наследие империи и регионализм // Наследие империй и будущее России. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 420.

его этапах, связана с пониманием основных закономерностей институциональных изменений, предлагаемых современной теорией.

Теория институциональных изменений

В основе концептуализации институциональных изменений лежит понимание отношений между индивидом и институтом. Причем современная институциональная теория представляет собой достаточно широкий набор положений, каждое из которых является концептуальной основой для отдельного направления. При некотором различии исследователи выделяют рациональную, нормативную, историческую, экономическую и социологическую версии. Наибольшее расхождение существует между рациональным и нормативным подходами. С точки зрения теории рационального выбора институциональные изменения являются результатом рационального выбора и действий акторов, воспринимающих институты как инструмент своей собственной деятельности (Д. Норт, Э. Остром, К. Шепсл, Дж. Найт и др.), а не последовательного исторического и дифференцированного процесса. С точки зрения нормативной теории институты сами производят элементы порядка и предсказуемости политической жизни, организуют акторов, проблемы, ресурсы, паттерны поведения в политической борьбе и имеют свою собственную динамику и логику развития (Дж. Марч, Й. Олсен и др.). Учитывая отдельные преимущества и недостатки каждой теории, исследователи пришли к выводу о целесообразности совмещения различных подходов к трактовке и анализу институциональных изменений (В. Лоундес, Э. Гэмбл, Б. Г. Питерс и др.), в том числе и в определении основных способов развития и изменения институтов, к которым относят интенциональный дизайн, случайность и эволюцию¹.

Согласно классическому определению С. Хантингтона, *институционализация* — это процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость². Исторически политические институты возникают из интеракций и разногласий среди социальных сил и постепенного развития процедур и организационных способов решения этих разногласий. Т. Парсонс подчеркивает важность интеграции действий множества акторов в специфической

¹ Goodin R. E. The theory of institutional design. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 24.

² Huntington S. P. Political Order in Changing Societies. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1996. P. 12.

ситуации, в которой различные акторы принимают набор согласованных правил в отношении целей и процедур¹. Результатом полной институционализации являются артикулированные бесконфликтные действия акторов. В отличие от рациональной теории нормативная теория делает акцент на развитии организационной идентичности, признании и легитимации в культуре (или субкультуре)². Общим результатом институционализации является увеличение ясности и согласия о правилах поведения, о том, как эти правила должны быть описаны, объяснены, правовым и концептуальным образом оформлены и реализованы. Применительно к процессу институционализации местного самоуправления можно говорить как о росте общественного согласия относительно ценностей местной демократии, местной автономии и эффективности местной власти, так и о приобретении институциональной устойчивости местного самоуправления в различных формальных и неформальных практиках и процедурах.

Противоположный институционализации процесс — *деинституционализация* — подразумевает, что существующие институциональные границы, идентичности, правила и практики, а также описания, объяснения, оправдания, а также ресурсы и власть становятся более спорными и прерывистыми (дискретными). Процесс деинституционализации особенно характерен для периода радикальных политических трансформаций, когда «старые» институты оказываются в условиях растущей неопределенности. Расширение социальной базы изменений и мобилизация новых акторов приводит к утрате «старыми» институтами своих взаимосвязей и устойчивости в новой институциональной среде. Примером тому могут быть советы народных депутатов, которые так и не смогли адаптироваться к новым условиям. Возрожденный в своей актуальности в конце 1980-х гг. лозунг «Вся власть Советам!» не мог помешать тому, что уже в 1991 г. советы стали восприниматься как оплот прежней власти. Скорость, с которой протекал процесс деинституционализации советских органов, свидетельствует о том, что институты слабеют и исчезают в силу множества взаимосвязанных причин³.

¹ Talcott Parsons on Institutions and Social Evolution: Selected Writings. Chicago: University of Chicago Press, 1985. P. 117–118.

² Olsen J. P. Change and Continuity: an institutional approach to institutions in democratic government // European Political Science Review. 2009. V. 1. № 1. P. 10–11.

³ Scott W. R. Institutions and organizations. L.: SAGE, 2001. P. 182–183.

Промежуточным по своей направленности и эффектам изменений можно считать процесс реинституционализации. *Реинституционализация* подразумевает ретроgressию либо трансформацию существенных характеристик института, развитие которых сдерживается под влиянием различных нормативных и организационных принципов. Данный процесс характеризуется тем, что институциональные изменения разной направленности происходят практически одновременно как в масштабах системы, так и в пределах конкретной институциональной среды. Определить вектор изменений отдельного института при этом достаточно сложно. Например, результаты ряда исследований показывают, что перспективы развития местного самоуправления зависят от роста уровня информированности граждан, повышения культуры социального взаимодействия и т. д. В то же время усложнение социальной реальности, высокие темпы социальных и экономических изменений вызывают растущую неопределенность в понимании основных ценностей местного самоуправления, их практической пользы для конкретного индивида, местных сообществ и общества в целом.

За последние два десятилетия в нашей стране так и не сложились четкие формальные критерии институционализации местного самоуправления. Большинство исследований, посвященных данной проблеме, анализируют в первую очередь поведение ключевых политических акторов, их роль и влияние в процессе социально-политических преобразований.

В анализе институционализации местного самоуправления в постсоветской России доминирует рациональный подход. Действительно, органы государственной власти и управления, группы интересов, партии, отдельные политические лидеры оказывают преимущественное влияние на формирование нового институционального порядка. Исследователи политических трансформаций региональных и местных режимов также исходят из понимания институциональных изменений в духе теории рационального выбора (В. Гельман, С. Рыженков и др.). Особое внимание уделяется роли элит, в оценке которой отечественные и зарубежные исследователи в большинстве своем занимают схожие позиции. Например, В. Д. Нечаев определяет современную институциональную организацию местного самоуправления как результат навязанного перехода, осуществляемого федеральными и отчасти региональными политическими элитами в условиях постсоветской трансформации¹. А. Эванс объясняет особенности

¹ Нечаев В. Д. Указ. соч. С. 16.

современного местного самоуправления в России следствием решений, принятых посткоммунистическим руководством страны¹. По мнению Д. Слайдера, реальная политика в российских регионах и на местах всегда была детерминирована центральным правительством и авторитетными официальными лицами².

Однако рациональное целеполагание элиты в значительной степени зависит от общего контекста. При том что формально тот или иной выбор можно приписать конкретным политическим акторам (президенту, губернатору, партии и т. д.), они не являются абсолютно свободными в своих решениях. Ситуация в стране была крайне неопределенной для того, чтобы воплощать в жизнь проекты, основанные на строгих идеологических или партийных позициях. Во-первых, речь идет о широкой общественно-политической дискуссии о перспективах местного самоуправления в нашей стране, развернувшейся в конце 1980-х — начале 1990-х гг., и последовавшей за этим острой политической борьбе. Позиции реформаторов, их сторонников и противников менялись по ходу развития ситуации, не имели четких целей и перспектив. По мере обострения политической борьбы все более радикальными становились мероприятия по реформированию местного самоуправления. Во-вторых, какими бы новыми ни были взгляды реформаторов, они не могли не учитывать предыдущий опыт местного самоуправления, его институциональные нормы, ценности, паттерны поведения, будь то земское самоуправление, опыт которого идеализировался, или советское, опыт которого полностью отрицался. Наконец, на рубеже XX и XXI вв. тенденции в развитии местного самоуправления сменились на прямо противоположные. Все это свидетельствует о трудностях выработки и реализации сколько-нибудь долгосрочных и согласованных стратегий.

Посткоммунистическая элита в нашей стране не смогла выработать консолидированное представление об общем интересе и соответствующей ему реформаторской стратегии, в то время как в Восточной Европе, по мнению исследователей, собственно трансформация началась с создания таких политических систем, которые воплощали достигнутое исходное согласие национальных элит относительно

¹ *Evans A. B.* Economic resources and political power at the local level in post-Soviet Russia // *Policy Studies Journal*. 2000. V. 28 (1). P. 114–133.

² *Slider D.* Federalism, Discord, and Accommodation. *Intergovernmental Relations in Post-Soviet Russia* // *Friedgut T. H., Hahn J. W. (eds). Local power and post-Soviet politics*. N. Y.: M. E. Sharpe Inc., 1994. P. 240.

общего интереса и общей стратегии развития¹. Конечно, не стоит преувеличивать успехи в проведении преобразований в бывших социалистических странах, особенно если речь идет о местной демократии или эффективности местного самоуправления, тем более что и в развитых западных полициях демократия сегодня переживает определенные трудности, связанные с неактуальностью как классических моделей демократии, основанных на участии и представительстве, так и постклассической модели демократического плюрализма (Н. Боббио, Д. Дзолло, Д. Кин, К. Крауч и др.).

Роль элиты, инициирующей изменения, но не способной обеспечить согласие, сводится к краткосрочному возбуждению политической системы, ее выводу из равновесного состояния, но без определения дальнейшего направления эволюции. Для закрепления той или иной тенденции в своем развитии новым институтам необходим статус социальных конвенций, который не может оспариваться и в то же время сопротивляется любым инкрементальным изменениям и любым реформам, исходящим от одного-единственного актора². В переходных обществах проблема социальных конвенций стоит особенно остро. Однако в период слома советской системы обнаружилось, что ни в элите, ни среди населения страны нет субъектов, адекватных задаче строительства государственности демократического типа³. Без статуса социальной конвенции институты развиваются фрагментарно, непоследовательно, за счет неравновесных отношений с отдельными институтами. Таким выглядит развитие местного самоуправления в 1990-х гг., оно поддерживалось центральной властью в противовес усилению региональных режимов.

Для становления местного самоуправления, способного интегрировать опыт прошлого, идеалы демократии, современные социальные и политические тенденции теоретических поисков и реформаторских интенций российской элиты оказалось недостаточно. В условиях нестабильности и неопределенности элита и группы интересов

¹ *Ashund A.* Building capitalism: the transformation of the former Soviet bloc. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 392–393.

² *Thoening J.-C.* Institutional Theories and Public Institutions: Traditions and Appropriateness // Peters B. G., Pierre J. (eds). Handbook of public administration. L.: SAGE, 2003. P. 129.

³ См.: Alexander J. Political culture in post-communist Russia: formlessness and recreation in a traumatic transition: N.Y.; L.: Palgrave Macmillan, 2000. P. 176; *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М., 2008. С. 413 и др.

способны договариваться лишь о краткосрочных действиях в ущерб долгосрочным и согласованным стратегиям. Частичные, порой случайные артикуляции, учет и реализация предпочтений отдельных групп интересов, не связанных с интересами основной массы населения и перспективами развития страны в целом, порождают еще большую институциональную неопределенность.

Устойчивое развитие институтов и социально-политическая динамика

Устойчивость является определяющей характеристикой институтов. Различные подходы по-своему разрешают противоречие между устойчивостью и изменчивостью, фокусируя внимание на динамике экономических, политических или социальных процессов. В рациональной парадигме устойчивое институциональное развитие достигается через совместимость институциональных изменений с ресурсами окружающей среды¹. Устойчивый институт — это не достигнутое равновесие, но динамический процесс, поддерживающий его активное функционирование и развитие. Произвольное введение новых формальных правил не гарантирует их реализации на практике, как было, например, с уже упомянутой выше нормой Конституции Российской Федерации о самостоятельности органов местного самоуправления в пределах своих полномочий (ст. 12). Представления разработчиков этих положений намного опередили реальные возможности их реального воплощения.

Исторический институционализм решает противоречие между устойчивостью и изменчивостью, строго различая процессы генезиса и институционального воспроизводства. Факторы, ответственные за происхождение института, не могут быть теми же, что поддерживают институты в течение долгого времени². В содержательном плане институционализацию можно рассматривать и как воспроизводство генетических черт, и как приобретение новых свойств, необходимых для адаптации к современным условиям. Что касается проблемы дискретности/инкрементности, то речь идет, во-первых, о способности института к поступательному развитию, т. е. восприятию инноваций в том объеме, который необходим для устойчивого развития, как самого института, так и политической системы в целом. Во-вторых, о способности системы выдерживать необходимые по времени и глу-

¹ *Goodin R. E.* Op. cit. P. 200.

² *Thelen K.* Op. cit. P. 209.

бине трансформации для укоренения институциональных новаций. Последующая институциональная трансформация в значительной степени связана с комплексом социальных, экономических и политических изменений.

Важным элементом современной институциональной теории является концепт «зависимости от маршрута» (*path dependency*). Прошлое влияет на настоящее и будущее через институты, созданные в результате предшествующего поведения и выбора, а также через опыт, формирующий наши сегодняшние предпочтения и цели¹. Концепт «зависимости от маршрута» объясняет эффект институциональных изменений в контексте временных перспектив. В долгосрочной перспективе важен не столько выбор формальных правил, сколько наличие или процесс создания дополнительных норм, а также механизмов управления и контроля, которые будут поддерживать эти правила в течение длительного времени (Д. Норт). В то же время осознание необходимости институциональных изменений может конфликтовать с системой ценностей, сформировавшейся на основе прошлого опыта и не способной помочь в решении новых проблем². Поэтому в краткосрочном периоде «зависимость от маршрута» является фактором ограничения возможностей изменения ситуации в лучшую сторону, что особенно характерно для переходных обществ.

Показательным примером может быть устойчивость авторитарных традиций в нашей стране, несмотря на все попытки демократических преобразований. Как отмечают исследователи, концепт «зависимости от маршрута» наилучшим образом подходит для анализа случаев, когда демократия и местное самоуправление имеют очевидные препятствия для успешного развития³. В менее успешных или не состоявшихся демократических транзитах авторитарные традиции остаются слишком сильными, а институциональные изменения ограниченными или замедленными. В нашей стране по-прежнему отдается предпочтение сохранению старых горизонтальных сетей региональных и местных элит и авторитарных ценностей, обеспечивающих сложившееся институциональное равновесие. Отчасти объяснением тому является отмеченное С. Хантингтоном отставание развития по-

¹ *Goodin R. E.* Op. cit. P. 10.

² На данное обстоятельство обращали внимание самые разные мыслители, например В. И. Ленин в своем споре с народниками, а также сторонник радикально-аристократического понимания истории Х. Ортега-и-Гассет.

³ *Local elites, political capital and democratic development: governing leaders in seven European countries.* Wiesbaden: VS Verlag, 2006. P. 328.

литических институтов от темпов экономических и социальных изменений¹. В то же время реформаторские интенции недостаточно учитывают динамику и изменившийся характер политического участия.

Противоречивая взаимосвязь трансформации политического и социального стала одной из главных тем теории рефлексивной модернизации У. Бека и Э. Гидденса. У. Бек не противопоставляет политику и общество, напротив, общество, представляет собой область субполитики, и это не столько уровень, сколько указание направления — политика снизу². Субполитика воплощает подвижность и разнообразие, амбивалентность и неопределенность жизни современного социума. Примером тому могут быть новые социальные движения. Они являются менее устойчивыми и более децентрализованными по своей структуре, более открытыми для широкого круга потенциальных членов. Трансляция интересов общества в публичную политику требует не столько формальных процедур, сколько разнообразных каналов и технологий взаимодействия, в отличие от управленческого и партийного истеблишмента, чья политическая монополия инкорпорирована в идеологию и право³.

Сегодня институциональные изменения детерминированы не только рациональным выбором в политике или экономике, но, пожалуй, в большей степени новыми силами политического активизма и даже политической апатией как обратной стороны коллективной рациональности. Общество постоянно генерирует новые формы и способы самоуправления и самоорганизации, которые необходимо интегрировать в актуальные социально-политические практики, в том числе в местное самоуправление, обеспечивая баланс между устойчивостью и изменчивостью в его развитии. Именно такой подход можно наблюдать в развитых европейских странах, где особенности и тенденции социально-политических взаимодействий учитываются в ходе различных институциональных преобразований.

В последнее время отмечен значительный рост интереса исследователей к проблемам локальной демократии и политической активности на местном уровне (Дж. Лафлин, Н. Керстинг, А. Веттер, Л. Пратчетт, К. Бреттшнайдер и др.). Однако в работах, посвященных российской действительности, по-прежнему более характерными

¹ *Huntington S. P.* Op. cit. P. 4.

² См.: *Beck U.* Die Erfindung des Politischen. Frankfurt a. Main: Suhrkamp, 1993. S. 154–163.

³ *Beck U., Giddens A., Lash S.* Reflexive modernization: politics, tradition and aesthetics in the modern social order. Cambridge: Polity, 1994. P. 18.

являются элитоцентристские подходы. Отмечается, что для нашей страны преимущественным является мобилизационный характер политического участия, т. е. направленного на поддержку существующего политического режима. В связи с этим акцент делается на посреднической функции местного самоуправления — его способности балансировать между государством и обществом. По мнению Т. Ланкиной, одной из важнейших функций органов местного самоуправления в России является управление социальной активностью на местах¹. Чем больше политическая, административная и ресурсная независимость местной власти, тем больше она поддерживает социальную активность на местах. Если местная власть интегрирована в иерархию исполнительной власти, то она использует местный ресурс для подавления любой оппозиции правящему режиму снизу. Таким способом происходит канализация социальной активности в русло, предпочтительное для местной власти. Местная власть как «режиссер местного активизма» формирует или ограничивает социальную активность.

В 1990-х гг. общий демократический подъем, разгосударствление собственности, центробежные управленческие тенденции — все это создавало благоприятную атмосферу для социальной и политической активности на местах. Местная власть стремилась к регулярным встречам с населением как по месту жительства, так и по месту работы, поддерживала создание разветвленной сети общественных организаций, например многодетных семей, инвалидов и т. д. Такая насыщенная общественная жизнь обеспечивала легитимность новых местных администраций и депутатов в глазах населения и вышестоящих уровней управления, даже при известной их оппозиции региональной власти. С конца 1990-х гг. в большинстве населенных пунктов местная власть перестала стимулировать гражданскую активность.

Политическая и экономическая централизация в управлении привела к тому, что в современной России сущность местной автономии и местной демократии оказалась выхожденной, а само местное самоуправление превратилось в низовое звено в вертикали власти. Учитывая глобальный характер социально-политической динамики, недостатки локального уровня могут привести к слабости институциональной системы в целом.

Становление местного самоуправления в условиях радикальной общественно-политической трансформации в нашей стране пред-

¹ *Lankina T. Governing the Locals: Local Self-Government and Ethnic Mobilization in Russia. Lanham: Rowman & Littlefield, 2006. P. 175.*

ставляет собой сочетание противоречивых и разнонаправленных тенденций. В настоящее время доминирующим фактором стала острая политическая борьба среди властной элиты, неспособной выработать согласованные и долгосрочные стратегии государственного строительства. Сегодня для местного самоуправления характерна тенденция неустойчивого и фрагментарного институционального развития, преодоление которой возможно с учетом особенностей современной социально-политической динамики.

Публичная политика как ресурс и фактор посткризисной модернизации*

В условиях выхода из кризиса особенно важным становится институт обратной связи, позволяющей власти своевременно улавливать тенденции развития общественных процессов, производить коррекцию управленческих решений, канализировать накопившееся общественное напряжение, а населению — верить в дееспособность института представительства интересов, в наличие права и возможностей влиять на принятие социально-значимых решений. Все эти вопросы в той или иной мере составляют суть феномена публичной политики. Серьезный кризис, как известно, не просто дает шанс новому или ранее маргинальному. Устойчивый выход из него возможен только усилиями тех субъектов, которые формируют существо нового этапа. Но заранее сказать, какие это будут субъекты, невозможно. Именно поэтому необходимо дать равные возможности для более широкого круга сторон, чтобы быстрее произошел поиск и переход от спада к оживлению.

Помимо этого, в последнее время в качестве приоритетного направления посткризисного развития была выдвинута задача проведения полномасштабной модернизации страны. В своих программных статьях и выступлениях президент РФ четко формулирует стратегические задачи по модернизации политической системы современного российского общества. А это предполагает развитие демократии и повышение качества представительства в органах власти, рост числа участников политического процесса и развитие политической конкуренции, усиление роли и влияния различных социальных групп,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ № 09-03-00001а «Оценка состояния публичной политики в регионах РФ: разработка и применение ЯН-индекса в сочетании с качественными методами».

как можно большего числа граждан в политической жизни страны, расширение их прямого участия в формировании органов власти и контроле за деятельностью ее органов.

Думается, что именно институт публичной политики выступает тем социально-политическим образованием, развитие которого позволит провести заявленную модернизацию на принципах демократии. Публичная политика во всем многообразии своего проявления представляет собой широкий круг процессов и явлений. Она являет собой, во-первых, особое качество государственного управления, которое все более ориентируется на идеи постбюрократической организации, предполагающей отказ от традиционной иерархической структуры управления в пользу горизонтальных отношений партнерства, кооперации, перехода от «логики учреждения» к «логике обслуживания», развитию нового государственного менеджмента, исключая жесткие вертикальные формы «господства-подчинения» (на это были нацелены все административные реформы, проводившиеся в современном мире в последнюю четверть XX в.); во-вторых, активное гражданское участие и соответствующие процедуры в принятии властных решений; в-третьих, разработку с общественным участием различного рода программ для решения в обществе возникающих проблем, а также социальные технологии их реализации; в-четвертых, процесс двусторонней коммуникации разнообразных общественных групп, выстраиваемых большей частью симметрично, в диалоговом режиме. От организации публичной сферы и развитости ее ключевых институтов и механизмов в значительной мере зависит характер публичной политики. Публичная сфера — это своеобразный «инновационный инкубатор», позволяющий «свежей крови» новых социальных технологий

— *оптимизировать* механизм взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества (развить межсекторное социальное партнерство),

— *преодолевать* с целью конструктивного реформирования закосненелость государственных институтов и

— *подключать* ресурс гражданских инициатив к формированию государственной политики и контролю за деятельностью власти.

Публичная сфера выполняет четыре важнейшие функции взаимодействия власти и общества в формировании политики, выражающей публичный интерес. Это

1. артикуляция общественных интересов;
2. публичный контроль деятельности власти и состояния дел в обществе, государстве, экономике и социокультурной сфере;

3. влияние на формирование государственной политики;
4. политическое просвещение граждан.

Суть третьей функции заключается в следующем:

— государство призвано представлять публичные интересы общества;

— другие институты, в том числе гражданские, представляют частные, групповые, корпоративные интересы (государственно-бюрократические, партийные, социальные, конфессиональные) и потому не в состоянии брать на себя функции публичной власти. Там, где частные интересы обретают доминирующее влияние, политика государства не совпадает с публичной;

— публичная политика нуждается в государстве, а государственная политика всегда претендует быть публичной. Иначе государство в глазах общества утрачивает всякую легитимность;

— публичные интересы выражаются в государственной политике как некий усредненный вектор частных влияний.

Разработанный нами *новый инструмент для количественной оценки и мониторинга состояния публичной политики в регионах России* (далее — *ЯН-индекс*) строится на основе показателей, характеризующих состояние субъектов публичной сферы и степени развитости институтов и механизмов публичной политики. ЯН-индекс — составной. Он строится из двух частных индексов, а именно: ЯН-индекса развитости субъектов публичной политики (оценивает развитость субъектов публичной сферы — представительная власть, исполнительная власть, сектор некоммерческих организаций (НКО), бизнес, партии, профсоюзы и пр.) и ЯН-индекса, характеризующего состояние институциональной инфраструктуры публичной политики (характеризует степень открытости и демократичности ключевых институтов и процедур, касающихся систем и каналов участия граждан в публичной политике (выборы, верховенство закона, возможности ведения экономической деятельности, гражданский контроль и пр.).

В целом задачи расширения рамок и качества социально-политического представительства интересов полноценно может осуществляться и функционировать только в публичной сфере. Публичная сфера — это сфера диалога, общения, коммуникации, это сфера договора с государством по общезначимым вопросам. Как только атрибут публичности начинает исчезать или ощутимо уменьшаться, так сразу же на смену ему идут закрытость, коррумпированность, клановость и пр. Каналы влияния на органы государственной власти монополизируются сильнейшими группами давления, а гражданские институты оказываются не в состоянии донести свои интересы до власть имущих.

Основная гипотеза нашего исследования состояла в том, что чем меньше развиты институты и субъекты публичной политики (далее — ПП), тем больше степень социальной напряженности и конфликтности в регионе, недовольства эффективностью государственного и муниципального управления, тем хуже показатели социального взаимодействия с основными активными группами региона и, соответственно, использования их потенциала для решения социально значимых проблем регионального сообщества в условиях кризиса. При конструктивном выстраивании ПП граждане не только сверху должны воспринимать *правильность принимаемых решений, но и быть подключены к поиску и реализации административных решений и иметь институциональные каналы для взаимного интенсивного обмена информацией, снятия напряжений и урегулирования конфликтных ситуаций.*

В условиях преодоления кризисных явлений и перехода к системной модернизации страны на принципах демократии и «укоренения» ее институтов очень важной является такая функция публичной политики, как *налаживание диалога между социально значимыми субъектами общественно-политического процесса*: властью, бизнесом, гражданскими организациями и самим населением, которое очень чувствительно реагирует на стремительное снижение общественного благосостояния. Расширение поля публичной политики может стать механизмом достижения консенсуса, т. е. общественного согласия между различными активными группами общества и властью по формированию и принятию той «повестки дня», которая будет способствовать выходу общества из кризиса и переходу его к новому качественному состоянию.

Вторым нашим предположением, которое проверялось в ходе исследования, было утверждение о том, что модель «управляемой демократии» в условиях кризиса и задач созидательной модернизации не только не оправдала себя, но и показала исчерпанность своих концептуальных и технологических возможностей и низкую их эффективность. Обрыв обратных связей и избыточная вертикализация системы политико-государственного управления способствуют лишь реализации модели бюрократической мобилизации, что характерно для догоняющего типа развития, экспансии административного начала властвования в «большую политику», нечувствительности к сигналам, идущим снизу, и, как следствие, формированию высокого уровня социальной напряженности и конфликтности, сужению спектра горизонтальных связей и интересов, которые только и могут быть той основой, на которой начинают складываться условия и предпо-

сылки формирования новых субъектов инновационного развития и посткризисного рывка. И самое главное, избыточная и жесткая вертикализация ведет к блокированию потенциала развития деловой и гражданской инициативы, что существенно тормозит развитие социального и человеческого капитала как в масштабах региона, так и в масштабах страны.

Третьим предположением проведенного исследования было то, что на характер и качество публичной политики в регионе существенное влияние оказывают *региональные особенности* социально-политических процессов, особенности политико-государственного управления, сложившаяся политическая культура и реальная заинтересованность в развитии полноценного взаимодействия субъектов гражданского общества и власти, а также взаимная настроенность использовать обоюдный потенциал власти и гражданской и деловой инициативы.

Расчетные значения ЯИ-индексов, гистограммы и «плоскостные портреты» публичной политики, полученные с помощью нашей методологии, являются информативными и очень наглядными. Ни в одной из трех проведенных фокус-групп представители трех секторов регионального сообщества — власти, бизнеса и НКО-сектора не опровергли полученных количественных оценок, более того, давая качественные интерпретации полученных результатов, они лишь подтвердили правоту и объективность представленных данных. По итогам проведенных фокус-групп было сформулировано общее мнение, что разработанный количественный инструментарий — *ЯИ-индекс* — позволяет наглядно сравнивать положение дел с развитием публичной политики и демократизации в разных субъектах РФ и внутри того или иного региона. Более того, используя развитый инструментарий, можно наладить систему мониторинга публичной политики в исследуемых регионах, постепенно опуская его и на субрегиональный уровень.

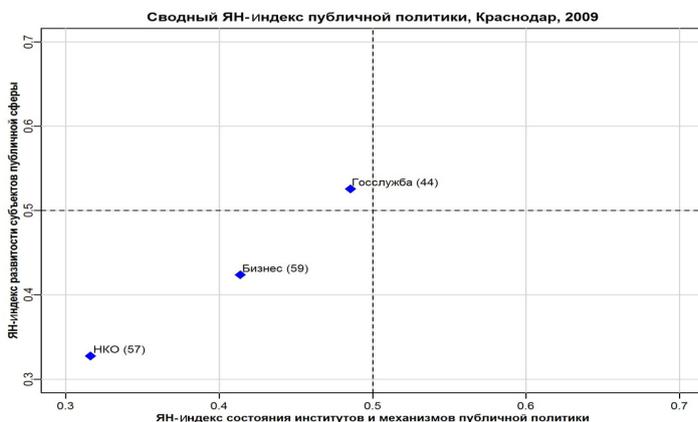
Исходя из вышесказанного, можно выделить, по крайней мере, четыре следующих направления применения результатов измерения для развития региональной публичной политики.

1. *Сопоставительный анализ оценок представителей всех трех секторов из одного и того же региона.*

Такое сравнение позволяет выявить комфортные (или дискомфортные) условия деятельности и взаимодействия этих секторов в сфере публичной политики и наметить пути их улучшения. Более того, опираясь на этот сравнительный анализ, можно выстроить определенную типологию регионов. Полученные результаты исследования позволили нам провести своеобразную классификацию реги-

онов по типу формирования и осуществления публичной политики в выбранных субъектах РФ. Так, состояние публичной политики в регионе-доноре, каким является Краснодарский край, характеризуется существенными «разрывными» моментами. В крае, согласно полученным данным, достаточно неплохо развиты институты гражданского общества, он занимает первое место во всей стране по количеству созданных ТОС, третье место — по рейтингу продвижения механизмов межсекторного партнерства. Однако все активные акторы гражданского общества, прежде всего малый и средний бизнес, НКО-сектор демонстрируют значительную степень недовольства реальными условиями и возможностями для развития гражданской и деловой инициативы, что существенно влияет на уровень и масштабы социального напряжения и недоверия по отношению к власти. Оценки состояния публичной политики в Краснодарском крае, данные представителями государственной и муниципальной власти, существенно отличаются от оценок двух других активных акторов публичного пространства, особенно от оценок НКО, и чуть меньше от оценок представителей малого и среднего бизнеса. Это говорит о том, что оценки государственных служащих в целом оказались более субъективизированы в том смысле, что их видение характера и уровня развития публичной политики, ее институтов и механизмов, отличающееся определенным оптимизмом, не учитывает фактически «проваливающиеся» оценки этого явления представителями бизнеса и НКО-сектора, особенно последнего. По сути, власть либо заблуждается в своих представлениях о реальном состоянии публичной сферы и ее основных акторах, либо сознательно выстраивает «потемкинские деревни» (см. рис. 1).

Рис. 1

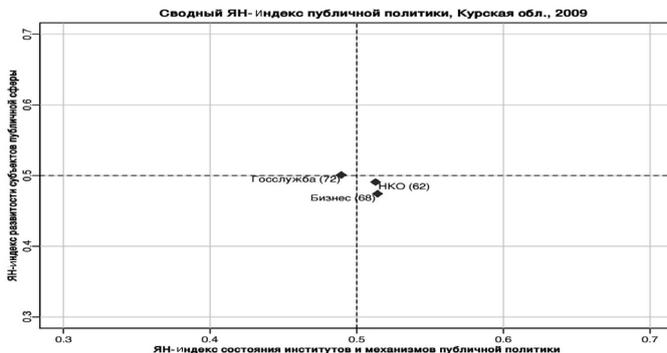

Показательными в этом отношении оказались качественные интерпретации результатов исследования экспертами, представляющими три целевые группы — НКО, бизнес и государственную и муниципальную власть и принимавшими участие в фокус-группах и глубинных интервью. Представители НКО-сектора подтвердили, что органы региональной и местной власти не создают достаточных условий для развития общественной инициативы в рамках объединений. *«Роль общественных организаций в современной России не просто очень слабая в силу неразвитости институтов гражданского общества, она скорее номинальная, так как местная власть не воспринимает их как своего партнера»* (эксперт, целевая группа — НКО). *«НКО края в последние годы занимают в крае маргинальное положение. Они не являются партнером ни для местной, ни для региональной власти»* (эксперт, целевая группа — НКО). *«Три года назад при главе администрации и в муниципальных образованиях края были созданы Общественные палаты. Однако за три года они ни разу не собирались. Закон не работает. И губернатор края, и главы муниципальных образований не выполняют собственные законы»* (эксперт, целевая группа — НКО). *«Да, финансирование общественных организаций осуществляется. Да, разрабатываются целевые программы. Но куда уходят эти деньги? Только на проведение праздников, чествование ветеранов, культурные мероприятия. И все. По сути, финансируются только ветеранские организации и организации инвалидов, деятельность которых не может повредить политической воле губернатора»* (эксперт, целевая группа — НКО). Эксперты целевых групп НКО и бизнеса фиксировали проблему отсутствия у региональной и местной властной элиты установки на взаимодействие с населением, создание институтов (каналов, площадок, процедур, устойчивых практик), направленных на организацию общественного диалога. Как показывает практика, значительная часть муниципальных и региональных служащих не понимают особенностей работы с различными категориями населения в принципиально новых условиях, не могут и не хотят относиться к населению как к равноценным партнерам. Здесь экспертное сообщество, в частности представители группы НКО и бизнеса, единодушно отмечают, что *«внутренняя организация деятельности органов местного самоуправления и администрации края оставляют желать лучшего»* (эксперты, целевая группа — НКО и бизнеса).

Оценка состояния публичной политики в регионе-реципиенте, каким является Курская область, как ни странно, оказалась намного лучше. Видимо, учтя свои незначительные материальные и финансовые ресурсы (Курская область занимает примерно 9-е место по уровню ВВП среди 18 субъектов РФ ЦФО), власть региона делает все возможное, чтобы активизировать и реально использовать потенциал деловой и граждан-

ской инициативы, снизить уровень и масштабы социального напряжения, выстроить такие каналы социально-политической коммуникации, которые в непростые кризисные времена позволят повысить уровень доверия власти и привлекательности области для граждан. Представители НКО-сообщества и бизнеса в целом демонстрируют позитивный настрой в плане своей реализации в публичном пространстве. Представители власти осознают характер основных проблем области, который связан с ограниченностью ресурсов, и стараются сделать все, чтобы, с одной стороны, не допустить провалов в социальной и экономической политике, роста социальной напряженности, не потерять управляемость регионом, а с другой, весьма тонко и аккуратно формируют инфраструктуру публичной политики, стараясь максимально использовать его конструктивный потенциал (см. рис. 2). Представители НКО-сообщества и бизнеса демонстрируют позитивный настрой в плане своей реализации в публичном пространстве: *«В регионе существует довольно значительное число общественных организаций, достаточно громко заявляют о себе представители региональных партийных отделений. Средства массовой информации постоянно поднимают вопросы, касающиеся реакции населения на те или иные нормативные акты, принятые в регионе, или проблемы, связанные с просчетами в осуществлении региональной административной политики. Работает интернет-канал обратной связи с населением администрации г. Курска. Довольно успешно действует Общественная палата курской области, а в текущем году ее представитель стал членом Общественной палаты Российской Федерации. Постоянно проводятся круглые столы по актуальным проблемам развития региона, в которых задействованы представители научной общественности, бизнесмены и управленцы. Представители общественности постоянно принимают участие в слушаниях по принятию планов развития региона и его центра»* (эксперт, группа — НКО).

Рис. 2

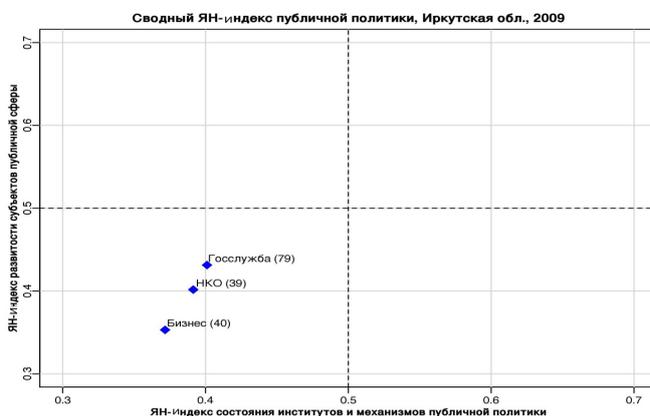
В целом можно говорить о том, что деловые и гражданские круги положительно оценивают характер их взаимодействия с властью в регионе: *«В Курской области в целом создаются благоприятные условия для осуществления конструктивного взаимодействия власти, НКО и бизнеса. Специальное подразделение администрации области постоянно поддерживает контакты с общественными организациями. С 2006 года существует Общественная палата Курской области. На сайте администрации города обозначены ведущие общественные организации г. Курска. Второй год подряд администрация области проводит конкурс грантов на поддержку социально значимых проектов, осуществляемых общественными организациями, в том числе и на проведение полевых социологических исследований. Администрация активно сотрудничает с РГНФ, поддерживая региональных ученых. Значимую поддержку получают общественные организации, отстаивающие права социально незащищенных граждан (ветеранов, инвалидов и др.), последовательно осуществляется молодежная политика, постоянный контакт проявляется с представителями организаций предпринимателей и т. д. На организации не оказывается никакого силового давления»* (эксперт, группа — НКО). Как видно из таблицы, менее комфортно в поле публичной политики чувствуют себя представители власти: *«После губернатора А. Н. Руцкого область развивается без потрясений, без скандалов, без серьезных провалов, развивается, но медленно-медленно. Управленцы исходят из принципа “как бы чего не вышло...”»* (эксперт, группа бизнеса). Представители власти осознают характер основных проблем области, связанных с ограниченностью ресурсов, и стараются сделать все, чтобы, с одной стороны, не допустить провалов в социальной и экономической политике, роста социальной напряженности, не потерять управляемость регионом, а с другой, весьма тонко и аккуратно формируют инфраструктуру публичной политики, стараясь максимально использовать его конструктивный потенциал: *«В регионе довольно высок рейтинг губернатора, вместе с тем очень низок рейтинг региональных представительств партий. Значительное число проблем, касающихся сферы ЖКХ, занятости, уровня заработной платы, невысокие темпы их решения не способствуют повышению доверия граждан региона [к власти]. О солидарности регионального сообщества говорить можно лишь с большим количеством оговорок, хотя люди довольно хорошо знают друг друга на разных уровнях организации местного сообщества. Протестный потенциал в регионе довольно высокий, но носит латентный характер. Но социального напряжения в области как такового люди не испытывают. Полагаю, отчасти проблема состоит в том, что*

многие проблемы не решаемы на уровне нашего региона, являющегося дотационным, и это многие понимают. И те, кто является социально активным, зачастую этот регион покидают. О высокой степени монополизации публичного пространства говорить не приходится. Монополизма режима не проявляется, климат заинтересованности не очень благоприятный, но не самый плохой, нормативно-правовая база постепенно формируется. Институты есть. Ресурсов крайне мало. Поддерживаемых идей немного. Информационное сообщение в режиме онлайн фактически отсутствует, компетентность представителей гражданского общества невысока; бюрократизма системы госуправления в регионе хватает, но о полной закрытости системы власти говорить не приходится, однако каналы внешней коммуникации развиты недостаточно. Навыков и технологий взаимодействия явно не хватает, но с этим сейчас ведется работа» (глубинное интервью с экспертом, НКО-группа).

Самым неожиданным результатом для нас стало существенное снижение, по сравнению с началом нулевых годов, оценок состояния публичной политики в Иркутске — регионе, который выступал пионером в продвижении гражданских инициатив и механизмов публичной политики. Оценки состояния публичной политики оказались консолидированно низкими у всех трех субъектов регионального общества и опустились в нижний — неблагоприятный — квадрант в двумерном пространстве визуализации оценок состояния ПП, тогда как несколько лет назад они были в верхнем — благоприятном — квадранте (см. рис. 3). Пример Иркутской области показателен, так как он ярко отразил все издержки непродуманных действий в отношении гражданской инициативы на федеральном уровне. Вступившие в силу поправки к Бюджетному кодексу России в принципе не запретили финансирование деятельности некоммерческих организаций из бюджетов разных уровней, а лишь исключили понятие «грант» из бюджетов уровня субъектов РФ и муниципалитетов. Многие органы исполнительной власти и местного самоуправления в других регионах, которые ранее практиковали выдачу грантов НКО, пересмотрели систему поддержки социально полезной деятельности некоммерческих организаций из своих бюджетов. Однако на территории Иркутской области структуры, ответственные за взаимодействие с гражданским обществом, не смогли найти достойный выход из сложившейся ситуации. Можно с уверенностью сказать, что система государственной поддержки социально полезной деятельности институтов гражданского общества в Иркутской области продемонстрировала свою неустойчивость. Вот лишь несколько показательных высказываний

участников фокус-группы в Иркутске: «Сворачиваются партнерские отношения — ликвидирована деятельность губернского собрания общест­венности, власть выдавливает НКО-сектор на обочину публич­ной политики, назначает те организации, с которыми начинает ра­ботать... Очень сильно развита вертикаль власти, она закрыта и не заинтересована в партнерстве... НКО перестали доверять власти, но еще очень сильно верят в свой потенциал» (глубинное интервью, экс­перт НКО-сообщества). Бизнес объясняет низкие оценки деятель­ности государственной власти трудностями кризисного времени, от­сутствием реальной помощи с ее стороны и, соответственно, низким доверием: «Власть давит и устрашает, а бизнес в ответ не подчиня­ется законам, уходит от непомерных налогов в вынужденную корруп­цию... Власти пора прекратить нам мешать, не давить, на практике демонстрировать, что малый и средний бизнес — движущая сила эконо­мики и выхода из кризиса. Если реально нас поддержать, мы созда­дим рабочие места, снизим тем самым безработицу и поднимем бла­госостояние людей... Надо просто наладить диалог! Но ведь нет заин­тересованности со стороны власти!» (глубинное интервью, эксперт бизнес-группы). Представители власти, со своей стороны, объясняли положение дел проблемами сохранения управляемости в регионе, от­мечали фактор частой сменяемости губернаторов за последние годы и пробелы в развитии нормативно-правовой базы взаимодействия между основными секторами регионального сообществ.

Рис. 3

Обобщая результаты количественных и качественных исследований состояния публичной политики в Иркутской области, можно сказать, что значительно снизились возможности системы под-

держки социально полезной деятельности НКО из областного бюджета. В условиях кризиса сокращается общий объем социального инвестирования за счет смены акторов в поле бизнес-деятельности. Прослеживается профессиональная неготовность власти, бизнеса и гражданского общества активно осваивать и развивать формы социального партнерства, обеспечивающего объединение ресурсов всех участников, прозрачность и открытость их действий. Пример «падения» уровня и качества ПП в Иркутской области показателен в том смысле, что дает возможность продемонстрировать, что в условиях кризиса и обострения финансово-экономической ситуации государство в одиночку, за счет только бюрократической мобилизации, не в состоянии решить весь комплекс проблем поддержания социального благополучия и реализации на приемлемом уровне социальной политики, полноценного воспроизводства социального и человеческого капитала. Практически все участники фокус-группы и глубоких интервью констатировали, что сформировавшееся в последние годы *отставание Иркутской области по темпам экономического и социального роста связано не с отсутствием потенциала роста, а с его нереализованностью.*

2. *Сопоставительный анализ оценок представителей всех трех секторов как из одного региона, так и из разных по параметрам оценки субъектов и институтов ПП.*

Так, исходя из характера оценок респондентов всех трех групп — бизнеса, НКО и власти Краснодарского края, — мы наблюдаем определенную дихотомию. Представители групп НКО и бизнеса в большей степени связывают проблемы своего участия в принятии социально значимых решений и формировании региональной политики с отсутствием необходимых условий для их развития на региональном и местном уровнях. Представители группы органов региональной власти и местного самоуправления (МСУ), напротив, склонны полагать, что все необходимые условия для этого создаются. Проблема заключается в самом населении, которое не воспринимает себя в качестве активного субъекта ПП, демонстрируя полную индифферентность по отношению к происходящим на региональном и локальном уровне процессам. В результатах интерпретаций целевыми группами от НКО-сектора и бизнеса ясно просматривается феномен «субъективизации» оценок представителей государственной и муниципальной власти, должное они принимают за действительное, отрываясь от объективного восприятия состояния публичной политики в регионе.

В Курской области мы видим в целом равнозначные оценки всех трех активных групп взаимодействия, что говорит о «центриро-

ванном» характер проявления публичной политики в области. Власть не отрывается в своих ожиданиях и притязаниях от основных носителей деловой и гражданской инициативы, а те, в общем, чувствуют климат заинтересованности и поддержки: ссорится никто не хочет, все силы стремятся к определенному балансу. И эта региональная солидарность ярче всего проявляется в сравнении с соседним, более богатым регионом ЦФО — Белгородской областью: *«В нашем регионе граждане проявляют свои позиции гораздо свободней, чем в ближнем регионе. Строгая вертикаль власти в регионе так не ощутима, как у близкого соседа. Уровень демократизма власти в нашем регионе гораздо выше, чем в соседней области. Полагаю, что наши граждане более “самодостаточны”. Что касается активистов-общественников, то они зачастую ориентируются на поддержку не только региональной власти, но и на поддержку извне (Москвы, других субъектов РФ)* (глубинное интервью с экспертом НКО).

3. *Сравнение оценок, данных представителями одного сектора (например, бизнесменами) в разных регионах.*

Так, если посмотреть на оценки состояния публичной политики, данные представителями бизнеса во всех трех регионах, хуже всего оказывается ситуация в Иркутской области. Это говорит о том, что условия для развития малого и среднего бизнеса в ней неблагоприятны, бизнес не имеет возможности влиять на принятие социально значимых решений и вообще быть услышанным. Вот две характерные позиции, которые были зафиксированы в ответах фокус-группы: *«На сегодняшний день неблагоприятны условия для любого бизнеса, поддержки от руководства области никакой. Если брать состояние бизнеса до сегодняшнего кризиса, то конечно же его можно было бы назвать цивилизованным и развивающимся. Сегодня же царит хаос, паника, неразбериха как среди руководителей крупных, средних и малых предприятий, так и среди населения. Политические партии и органы власти лоббируют определенные направления бизнеса в своих интересах, так всегда и было».* *«Высокий уровень коррумпированности и ряд многих других препятствий для развития бизнеса делает его малоэффективным для развития Иркутской области».* Представитель среднего бизнеса в глубинном интервью дает очень жесткую оценку перспективам развития бизнеса в области: *«Учитывая, что Иркутская область осталась единственной по России территорией, на которой возможен прирост добычи сырья, становится понятным, что большинство населения здесь просто обречено на обнищание, если ничего не менять. Как показывает мировая история, это закономерно для “сырьевых” регионов. Из года в год все крепче рука Москвы в Иркут-*

ске. Сюда же обращены стратегические интересы Китая. Например, большинство объектов коммерческой недвижимости в центре куплено московскими компаниями и китайскими коммерсантами. Центр объявляет о поддержке малого и среднего бизнеса, но эффективного механизма проталкивания денег в этот бизнес нет. Кроме того, благодаря отсутствию определенной федеральной политики и государственно-правового контроля сверху решения центра гасятся на местах, и мелкий и средний бизнес продолжают “доить” в своих интересах. И получается, что руководители вынуждены возвращаться к старым “теневым” схемам. Поэтому перспектив у государственной политики современного нэпа нет. Нет и перспектив для бизнеса в Иркутской области, кроме сырьевого».

4. Создание системы мониторинга публичной политики.

Ежегодное проведение опросов и расчет индексов создадут базу системы мониторинга для определения трендов развития региональной публичной политики. Мониторинг ПП в регионе позволит определять, в каком направлении происходит развитие институтов и механизмов публичной политики, как чувствуют себя в ее поле все основные субъекты. Характер полученных оценок, подкрепленный качественными интерпретациями, может служить основой для оценки эффективности деятельности органов региональной и муниципальной власти, с одной стороны, и институтов гражданского общества, с другой. Результаты проведенного в 2009 г. исследования позволяют констатировать, что в Краснодарском крае и Иркутской области потенциал публичной политики, ее основных субъектов и институтов является невысоким: не идет его системное накопление, существуют проблемы в его сохранении, а также в поиске ресурсов для развития. Курская область демонстрирует гораздо более высокий уровень потенциала публичной политики, но системная модернизация ставит перед ее руководством и гражданским обществом все более высокие задачи.

Суммируя, можно сказать, что проведенное исследование в целом продемонстрировало ряд закономерностей в развитии процессов публичной политики: во-первых, там, где регионы получают существенную подпитку со стороны федерального центра (как в случае с Краснодарским краем, который активно реализует ФЦП «Сочи-2014»), или крупных бизнесов, штабы которых располагаются в Москве, там они в большей степени ориентируются на интересы верхних этажей политико-государственной системы, часто превращая управление регионом в аналог иерархично и жестко выстроенной модели крупной корпорации. И наоборот, чем более дотационен и, соответственно, со-

циально уязвим регион, тем более взвешенно и партнерски его власти стремятся выстраивать отношения с основными акторами публичного пространства, апеллируя к их деловой и гражданской активности. Во-вторых, степень развитости субъектов, институтов и механизмов публичной политики на региональном уровне во многом зависит от комбинации факторов регионального характера — качества государственного и муниципального управления, стабильности и культуры кадрового корпуса управленцев (так, например, частая смена губернаторов в Иркутской области, нестабильность управленческих команд привела к существенным откатам в развитии институциональной базы публичной политики, наработанной в 1990-е и нулевые годы), особенностей развития культуры взаимодействия гражданского общества и власти, наконец, личной политической воли тех лидеров, которые возглавляют основные статусные позиции в регионе — губернаторов, руководителей законодательных собраний, Общественных палат, институтов гражданского общества и бизнеса.

Таким образом, исследование позволило типологизировать регионы по характеру и качеству реализации принципов публичной политики — Краснодарский край, регион-донор, характеризуется *«разрывным» типом* взаимоотношений между основными акторами поля публичной политики — бизнесом, НКО-сектором и властью, где самые низкие оценки показал прежде всего НКО-сектор, близкие к его оценкам — бизнес, а самые высокие — представители власти. Такие отношения, как показали результаты опроса фокус-группы, характеризуются высокой степенью латентной социальной напряженности, конфликтности и недовольства. *«Центрированным»* по типу реализации публичной политики оказался регион-реципиент — Курская область, где власть учитывает свои материальные и финансовые ресурсы и не отрывается в своих ожиданиях и притязаниях от основных носителей деловой и гражданской инициативы, а те, в общем, чувствуют климат заинтересованности и поддержки: ссорится никто не хочет, все силы стремятся к определенному балансу и взаимовыгодному позиционному обмену. *«Консолидированно низким»* по типу оценок формирования и реализации публичной политики оказалась Иркутская область, которая существенно *«провалилась»* по потенциалу публичной политики по сравнению с 1990-ми и нулевыми годами, когда она была в числе тех продвинутых регионов, где создавались и пилотировались многие, сегодня успешно работающие в стране механизмы и технологии межсекторного партнерства и открытого, публичного взаимодействия власти и общества.

В целом на общий уровень и характер развития институтов, механизмов и субъектов публичной политики в регионах, безусловно, влияют все системные пороки модели «управляемой демократии», креативный потенциал которой в условиях кризиса фактически оказался исчерпан. Переход к реализации целей и задач системной модернизации требует существенного пересмотра принципов организации публичной политики как на федеральном, так и на региональном уровне.

Подтвердилось наше предположение о том, что чем ниже качество и характер осуществления принципов публичной политики в регионе, тем выше недовольство такими дисфункциональными явлениями, как *коррупция, неэффективность деятельности институтов и технологий диалога между властью и обществом, высокая степень недоверия и потенциал недовольства и социальной напряженности, негативное отношение к действиям власти, низкий уровень доверия и взаимопонимания между всеми основными акторами публичной сферы*, что сказывается на состоянии социального и человеческого капитала региона.

В отношении субъектных характеристик публичной политики практически все три группы всех регионов указали на слабость и неэффективность деятельности профсоюзов. В условиях острого кризиса «официальные» профсоюзы, входящие в ФНПР, оказались в большинстве случаев недееспособны, а альтернативные — крайне малочисленны и в силу этого слабы. Наемные работники перед угрозой увольнений или неоправданных сокращений заработной платы чувствуют себя экономически и политически незащищенными, а предприниматели и шире — работодатели — свою безнаказанность и монополизм. Профсоюзов как будто нет! Как никогда сегодня нужны действенные профсоюзы, которые возьмут на себя заботу о соблюдении законных прав и интересов наемных работников и проявят способность организовывать — в случае необходимости — коллективные солидарные действия по защите прав простых людей труда. Как показывают наши исследования, практически все активные группы региональных сообществ в той или иной мере отказывают профсоюзам в праве считаться самостоятельной силой, способной отстаивать и выражать интересы наемных работников. К сожалению, независимость профсоюзов в общественном сознании россиян ставится под большое сомнение. Результаты многих исследований показывают, что большинство россиян воспринимают профсоюзные организации как *зависимую* структуру, либо слишком слабую для того, чтобы добиться от правительства и работодателей необходимого решения, либо

лишь имитирующую оппозиционность. Даже тогда когда профсоюзы громко заявляют о своем несогласии с правительством, они все равно выглядят в глазах населения «приводными ремнями», которые начинают действовать только тогда, когда это нужно правящим группам.

Низким качеством субъектности — согласно оценкам всех трех групп — характеризуется и местное самоуправление. И за этим фактом стоят серьезные политические процессы: в ходе длительного реформирования демократический потенциал институтов МСУ постепенно выхолащивался. В значительной мере муниципальная реформа, как и вся российская политика в сфере местного самоуправления, отражает общеполитические тенденции в стране. После того как выборы в России перестали быть конкурентными, было бы наивным ожидать расцвета автономного и демократического местного самоуправления. Более того, муниципальная политика оказалась заложником «управляемой демократии». Каждый шаг на пути к концентрации власти провоцировал дальнейшие «наезды» на местное самоуправление. Очень показательны в этом отношении предпринимаемые время от времени в крупных городах попытки отказаться от местного самоуправления вообще и от выборов градоначальников, в частности, заменив их государственным управлением, которое осуществляется губернаторами. Так или иначе, на сегодняшний день не существует почти никаких гарантий против полной ликвидации местного самоуправления или его низведения до политически и экономически ничтожного уровня.

Обобщая, можно сказать, что сложившийся моноцентричный режим привел к снижению роли публичной сферы и политики в современном политическом процессе как на федеральном уровне, так и на региональном. Как показали исследования, продолжает сохраняться система принятия политических и социально значимых решений в «режиме консультаций» и «приводных ремней» при активном контроле со стороны государственно-административных структур. Но подобная практика конструирования публичной политики ведет к усилению бюрократического корпоративизма. Традиционное чиновничество не готово к постоянному диалогу с партнерами, которые пытаются войти в круг общественных консультаций. Формирование государственной политики оно по-прежнему рассматривает как составную часть своих прерогатив. Участие внешних сил воспринимается как покушение на суверенную территорию исполнительной власти. Существующая система принятия решений демонстрирует устойчивую склонность превращать «режим консультаций» в декорацию традиционно бюрократической политики. Поэтому «режим

консультаций» работает в той мере, в какой высшая политико-государственная власть заинтересована оказывать политическое давление на участников, принуждая их к лояльности и сотрудничеству. Многие перспективные общественные организации и структуры, не обладая надежными каналами представительства интересов и политическими связями, оказываются вне сферы «парадигмы согласования», которая пока все больше функционирует в духе бюрократически-элитистского корпоративизма.

А между тем новые вызовы общественного развития, обусловленные задачами перехода к системной модернизации, нацеливающей на формирование национальной инновационной системы, создают повышенный спрос на функции и услуги, связанные с экспертизой и консалтингом по публичной политике, поскольку только последняя позволяет «свежей крови» социальных инноваций взломать стагнирующий механизм «управляемой демократии». Отсюда появляется потребность в поддержке со стороны гражданского общества центров публичной политики, связанных с различными гражданскими и деловыми инициативами. В этом, видимо, кроется глубинный настрой государства поддерживать тот формат взаимодействия с гражданскими структурами, который в последнее время оформился в виде общественных обсуждений программных статей и обращений президента РФ (пример публичной дискуссии вокруг его статьи «Россия, вперед», подготовки последнего Послания Федеральному собранию РФ). Иными словами, тот вариант стабильности и порядка, который вначале нынешнего десятилетия отвел Россию от края пропасти и минимизировал угрозы безопасности для государства и общества, сегодня показал невысокий запас прочности и, особенно, развития, поскольку Путин так и не решил проблему российской бюрократии и ее экспансии в «большую политику». Именно поэтому политическая и экономическая стабилизация как безусловные и очевидные достижения путинской политики, сняв остроту проблемы безвластия и анархии, вернули мощь и уверенность бюрократическому классу в России, который в турбулентно развивающейся кризисной ситуации оказывается все более неэффективным, поскольку контролируемая сверху бюрократия и не может быть иной, кроме как традиционной, служащей не делу и закону, а лицам, преследующим свои собственные интересы. Сформировавшаяся «партия порядка» лишила себя «защиты от дурака» — политическая жизнь перестала своевременно получать подпитку снизу. Роль оппозиции была заранее сведена к нулю. Стала плохо выполняться функция представительства интересов. Узкий политический класс замкнулся сам на

себя и «закапсулировался». Поэтому симптомы кризисного развития не привели к усилению голоса конструктивной политической оппозиции и к политической публичной дискуссии. Нарастающее социально-политическое напряжение не канализировалось. В кризисные и штормовые 1990-е гг. ситуацию вытянул стихийно формирующийся вопреки всем обстоятельствам малый бизнес (люди становились «челноками», создавали малые предприятия и пр.) и некоммерческий сектор, который решал проблемы самозанятости и микрокредитования. (Коррупция и криминалитет их прижимали, но они были не системны.) Сегодня малое предпринимательство и НКО-сектор фактически заблокировано административным прессом и коррупцией, которая стала системной, поскольку она не «портит» государственный механизм, а сама стала этим механизмом.

Но сегодня проблема стоит глубже — без расширения качества и системности публичной политики невозможно вести речь о переходе к модернизации, а тем более к инновационному типу развития российского общества. *Мировой опыт показал, что развитие инноваций и национальной инновационной системы требуют «диверсификации» вертикали управления в сторону расширения действия принципов конкурентности, плюрализма, открытости, диалога, т. е. тех принципов, на которых основывает свою деятельность гражданское общество. Способность органов власти, бизнеса и гражданских инициатив к партнерству и консолидации во имя внедрения и стимулирования инноваций — один из важнейших критериев постиндустриальной цивилизации, главный ресурс преодоления технологической отсталости.*

Связующим фактором между системной модернизацией и инновационным типом развития, с одной стороны, и состоянием гражданского общества, с другой, является «социальный капитал». По мнению специалистов, экономический капитал находится на банковских счетах, человеческий капитал — в головах людей, *социальный же капитал* присущ структуре человеческих отношений. *Он включает в себя горизонтальные связи между людьми, социальные сети и соответствующие нормы, которые воздействуют на продуктивность и благосостояние различных сегментов сообщества.* Последние серьезные исследования (Р. Патнэма, например) показали существенную связь социального капитала с наличием гражданского общества. Исследуя взаимозависимость культуры и экономического благосостояния различных сообществ, ученые пришли к выводу, что материальное благосостояние не является причиной развития социального капитала, но, наоборот, *экономический рост происходит в тех странах, где име-*

ется развитая гражданственность. Почему? Распространенность многообразных локальных сетей и высокая степень доверия внутри них способствует быстрому и эффективному принятию коллективных решений и стимулирует результативные совместные действия. Социальный капитал «есть определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат доверия между его членами» (Ф. Фукуяма), т. е. этот вид капитала представляет собой форму материализованного доверия. Связь между родственными по интересам группами общества, административными структурами и лидерами бизнеса, бизнесом и профсоюзами является необходимой социальной платформой для создания правил взаимодействия, а также процедур контроля над их выполнением. Взлет экономики Японии и других «азиатских тигров» не в последнюю очередь связан с традиционно высоким доверием граждан друг к другу и к институтам власти. Дефицит доверия часто восполняется жесткими властными вертикалями и планированием, которые в условиях кризиса существенно сокращают потенциал социального капитала. Что касается России, то, согласно данным многочисленных социологических опросов, в обществе присутствует тотальный кризис доверия, что свидетельствует о полном разрыве связей между властью и обществом, высокой степени отчуждения общества от власти, и превращения последней в самодостаточную, закрытую систему, управленческая деятельность которой давно лишилась эффективности.

В принципе речь надо вести о создании условий для социальной инновации, т. е. новых форм и технологий общественной жизнедеятельности, которые способствовали бы социальной оптимизации общества и повышению качества жизни большинства людей. Поэтому представляется важным сделать так, чтобы в России как можно быстрее возникла полноценная среда, позволяющая реализовать эту функцию гражданского общества. Такая среда включает в себя науку (которая сейчас в контексте гражданского общества, как правило, вообще не упоминается), экспертную среду (которая без науки существовать не может), собственно НКО и такой важнейший институт, как независимые и квалифицированные средства массовой информации. Множественность политических лидеров и институтов гражданского общества — страховка от опасностей авторитаризма и тоталитаризма, преследующих, как тень, едва ли не любую крупную демократию и всегда возникающих перед глазами в периоды преодоления кризисов либо затяжных трудностей. Попросту говоря, ситуация требует срочного разворота к широкому общественному диалогу, декомпрессии политического режима. Требуется возврат к реальной демократии,

т. е. процессу постепенного «размораживания политических процессов и гражданских инициатив, свернутых отчасти в годы правления В. Путина». Обществу необходимо вернуть веру в работоспособность политических механизмов воздействия на реальную власть, на процесс принятия социально значимых решений, а значит, и в разделение ответственности за свое будущее между обществом и властью. Большая гибкость и социальная эластичность создаваемой системы делает общественную среду менее напряженной, вовремя разряжает скопившуюся деструктивную энергию, канализирует недовольство. А самое главное — дает возможность пробиться новым росткам и трендам.

Углубление системного кризиса с незавершенным реформированием социальной сферы, ЖКХ, системы образования, здравоохранения и прочего со всей остротой ставит проблему поиска того оптимума, при котором взаимодействие общества, бизнеса и власти сохраняло бы свой позитивный потенциал и не вытесняло граждан и их организации в поле *противостояния* власти. Иначе формы уличного, прямого, часто ультимативного проявления гражданской позиции могут перерасти в гражданское неповиновение. Последние протестные выступления населения против непопулярных антикризисных мер правительства, стихийно возникающие в регионах институты гражданской (общественной) экспертизы как реакция общественности на непродуманные и малоэффективные действия власти говорят о серьезных проблемах в поиске этого оптимума.

Серьезный кризис не просто дает шанс новому или ранее маргинальному. Устойчивый выход из него возможен только усилиями тех субъектов, которые формируют существо нового этапа. Но заранее сказать, какие это будут субъекты, невозможно. Придавая системные свойства публичной политике, мы будем способствовать формированию благоприятных условий для посткризисной модернизации. Попытка жестко защитить механизмы вчерашнего роста способна лишь усугубить проблемы, поскольку предпосылки для такого роста уже исчерпаны.

Создание новых независимых индикаторов оценки социально-политического развития регионов (речь идет о представленном здесь ЯН-индексе) позволит существенно дополнить стандартный набор инструментов для оценки состояния государственного управления и развития региональной публичной политики в направлении повышения их позитивного потенциала.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ПОЛИТИКА¹

Гражданская активность как фактор модернизации

Общеизвестно: модернизация — это обозначение перехода к «современному состоянию», т. е. к модерну. Со временем обнаружилось, что «модернов» может быть много, хотя и есть какие-то объединяющие их характеристики. Иными словами, говоря о модернизации, желательно понимать, какой тип модерна и какой вариант общества имеется в виду. Здесь не обойтись без обсуждения вопроса о том, что такое российский модерн, российский проект модерна. Проблема осложняется, если мы начинаем обсуждать еще и создание инновационной национальной системы, или инновационного общества как типа общественной организации с определенными механизмами и институциональными структурами. Понятно, что этот тип общества предполагает инновации как конституирующий элемент, но к ним не сводится. Тогда мы должны определиться с тем, чего хотим: общество модерна или инновационное общество? На мой взгляд, инновационное общество — это вариант позднего модерна, а может быть, и постмодерна, т. е. общества, которое, возможно, следует после модерна.

Рассуждать об обществе постмодерна в эпоху, когда Россия в общем-то не прошла состояние современности, преждевременно. Но проблема не только в этом.

Исторический опыт показывает, что традиционалистская система воспринимает инновации как «покушение на свою “самость”. ...Чтобы избежать побочных — всегда неожиданных — разрушительных последствий инноваций, надо “примирить” их с традицией»². В рос-

¹ Все исследования данного раздела выполнены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках исследовательского проекта № 08-03-00364а «Гражданское участие в меняющихся политико-институциональных условиях» (2008–2010 гг.). Руководитель проекта — С. В. Патрушев.

² *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 648.

сийском социуме сосуществуют современные и традиционалистские фрагменты. Имеющиеся тенденции означают, что отсталые сегменты социума будут сохраняться наряду с формированием фрагментов модерна и даже постмодерна, т. е. инновационного развития, а модернизация скорее всего будет иметь частичный характер. «Несостыкованность» этих фрагментов чревата напряжениями и конфликтами, которые могут усугубляться по мере разворачивания процесса изменений и чревата его срывом, что уже бывало в отечественной истории. Между тем, как тонко заметил В. Л. Иноземцев, «успешная модернизация — это политическое и экономическое усилие, устраняющее необходимость своего повторения в будущем и открывающее путь гармоничному развитию. Если быть предельно кратким, успешная модернизация лишает общество любой потребности в каких бы то ни было последующих модернизациях»¹.

Но как при этом обеспечить интегрированность развития? И каким должно стать государство, с которым у нас существует большая проблема? У нас нет ни современного общества, ни государства как институциональной системы. Поэтому институциональное изменение является исходной и конечной точкой любой российской модернизации — как социальной, так и политической.

Определенное представление об институциональном измерении дает нормативно-ценностная структура как реальное основание порядка². Говоря о «реальных основаниях», мы исходим из положения,

¹ *Иноземцев В. Л.* Мы все можем! // Военно-промышленный курьер. 2010. № 17.

² Здесь и далее, если не оговорено особо, приводятся данные, полученные в ходе реализации ряда исследовательских проектов, осуществлявшихся под руководством С. В. Патрушева в 1995–2005 гг. в Институте сравнительной политологии РАН и в 2006–2009 гг. — в Институте социологии РАН. Исследовательский проект отдела сравнительных политических исследований Центра политологии и политической социологии ИСПАН «Гражданское участие в меняющихся политико-институциональных условиях» (2008–2010 гг.) посвящен изучению влияния институциональных условий на особенности гражданской и политической активности и ее воздействие на изменение институциональной среды. В рамках проекта были проведены интервью с экспертами, активистами общественных организаций и пилотажное (2008 г.), а также полевое обследование на основе анкетирования. Оно состоялось в июле — августе 2009 г. в 26 населенных пунктах 15 регионов России, в том числе Москве и Московской области, Воронеже, Барнауле, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Томске, Иркутской области, Краснодаре и др. Объем выборки — 987 человек. Отбор респондентов (вовлеченных в гражданскую активность и не вовлеченных) проводился методом

известного как теорема Уильяма А. Томаса: «Если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям». При интервьюировании респондентов выяснилось, что в своем повседневном поведении они ориентируются именно на сложившиеся у них представления об окружающей реальности.

Рисунок 1

«снежного кома» с более чем 40 «точками входа» и заданием квот по полу и вовлеченности в общественную или политическую деятельность. Среди ответивших 44 % мужчин и 56 % женщин, что с погрешностью в 2 п. п. соответствует соотношению между полами в структуре российского населения. Из 987 опрошенных 44 % не включены в деятельность общественных организаций, 56 % — включены; кроме того, 12 % вовлечены в деятельность политических организаций или движений. Мы не можем соотнести выборку с генеральной совокупностью, так как общее число активистов общественных и политических организаций и инициативных групп неизвестно, но заданная нами квота на опрос примерно одинакового числа вовлеченных и невовлеченных была соблюдена. Среди респондентов значительно больше людей с высшим и незаконченным высшим образованием (43 и 20 % соответственно), чем в структуре населения, так как люди с неполным средним и средним специальным образованием нередко отказывались заполнять анкету, тематика которой казалась им слишком сложной. Основную часть выборки (70 %) представляют респонденты в возрасте 30–50 лет, с некоторым смещением в сторону более молодых респондентов: средний возраст опрошенных — 36±14 лет. Выборка представляет широкий спектр социально-профессиональных категорий — от предпринимателей до пенсионеров, от работающих в различных секторах экономики (государственном и частном) и студентов и до безработных.

Совершенно очевидно, что современный социум воспринимается россиянами как *не вполне свободный*, причем, по оценке респондентов, свободы — что бы они под нею ни понимали, в любом случае это их восприятие свободы — стало в последнее десятилетие меньше, чем в предыдущее, и направление происходящих изменений оценивается нашими согражданами вполне однозначно. Хотя само желание свободы остается устойчивым...

Не менее очевидна ситуация с другими составляющими гражданского соглашения¹ — *доверием* и *равенством*. Здесь нам кажется важным обратить внимание не столько на очевидный дефицит и того, и другого в реальности, сколько на повышение их важности в желаемом образе общества. Это особенно заметно в отношении равенства.

Представленная нормативно-ценностная картина (она касается в той же мере *солидарности*² и *справедливости*) значима не столько констатацией почти очевидного — недостаточности оснований для конституирования гражданского общества в сегодняшней России, но и выявлением сохраняющегося и даже растущего потенциала для его становления.

Кто и как реализует этот потенциал, кто и как осуществит институциональное изменение и в каком направлении?

Опыт модернизаций показывает, что ответы на эти вопросы надо искать в повседневных социальных и политических практиках, которые реализуются в виде разнообразных форм активности индивидов, в том числе активности гражданской как условия становления и трансформации социального и политического порядка.

Исследование проблемы политического порядка нередко сводят к определению пределов политической власти и соотношения правовой и политической регуляции, выявлению источников и меха-

¹ Подробнее о понятии «гражданское соглашение» см.: Институциональная политология. Современный институционализм и проблемы политической трансформации России / Под ред. С. В. Патрушева. М., 2006. С. 412–424.

² Мы не можем пройти мимо уникального события. Пожалуй, впервые за последние два десятилетия проблема солидарности в обществе стала предметом освещения в российских СМИ, когда к этой теме обратился патриарх Кирилл во время встречи с молодежью 11 сентября 2009 г. в Нижнем Новгороде (ИА Regnum. Общество, лишенное солидарности, становится похожим на кисель и не выдержит никаких нагрузок: патриарх Кирилл. URL: <http://www.regnum.ru/news/1204849.html>).

низмов легитимности¹. В более продвинутых исследованиях, апеллируя к классической традиции, актуализируют значение духовной общности и морального порядка и, подключая конструктивистский подход, анализируют политический порядок как воображаемый и социально-сконструированный феномен, исходным и конечным основанием которого является идентичность². И в том, и в другом случаях акцент делается скорее на проблеме устойчивости, чем на проблеме трансформации.

В начале XX в. было замечено, что свобода требует законного порядка, уважения к самому себе и ближнему, но у нас очень мало того и другого, и нам еще предстоит длинный путь для создания граждан³. Столетием позже весьма информированный наблюдатель, отметив вялую и индифферентную реакцию общества на факты нарушения прав человека, констатировал: в нашей стране пока не сформировалось понимание того, что проблемы прав и свобод каждого члена общества прямо и непосредственно касаются всех⁴.

Следуя одной из влиятельных исследовательских традиций⁵, мы рассматриваем феномен гражданского общества как *тип социально-социальной интеграции* на основе солидарности независимых личностей, связанных коллективными обязательствами с другими индивидами как *особое пространство бытования гражданских добродетелей* — доверия, уважения к другому индивиду, равенства, справедливости, лежащих в основе норм социальных взаимодействий, как *гражданские практики*, в которых реализуется обеспеченная правовой санкцией государства публичная роль гражданина — *гражданская активность*. Гражданское общество отделено от негражданских сфер — экономики, государства, религии, семьи и науки, не говоря

¹ Мордасова Т. А. Политический порядок. Методология исследования // Правоведение. М., 1999. № 1. С. 242.

² Сообщества как политический феномен М., 2009. С. 10–14.

³ Суворин А. С. Русско-японская война и русская революция: маленькие письма, 1904–1908 гг. М., 2005. С. 300.

⁴ Доклад уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 год // Российская газета. 2009. 17 апр.

⁵ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001; Alexander J. C. The Paradoxes of Civil Society. Univ. of Hong Kong. Social Sciences Research Centre, Occasional Paper 16, 1994; Ионин Л. Г. Социология в обществе знаний: от эпохи модерна к информационному обществу. М., 2007; он же. Теоретические вопросы гражданского общества // Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством. М., 2008.

уже об общностях, конструируемых на расовых, языковых, территориальных и национально-этнических основаниях¹.

Необходимо различать *сферу активности индивидов*, которые являются гражданами в той мере, в какой они наделены гражданским статусом, и *гражданское общество* как институциональный, нормативно-ценностный порядок, который делает возможной собственно гражданскую активность. Это различие кажется очевидным для многих отечественных исследователей, начиная с В. Ключевского, предложившего трехзвенную конструкцию социального устройства страны: власть, общество, народ².

В современном обществе (по крайней мере, в ареале иудео-христианской традиции) граждане имеют один и тот же формально-правовой статус, содержанием которого являются права, свободы и обязанности — базовые (они же универсальные, прирожденные, неотъемлемые, гражданские, личные), а также политические, экономические, социальные, культурные, экологические и т. д. Гражданская активность связана с универсальными правами и свободами, включая право всеми способами, не запрещенными законом, защищать свои права и свободы, т. е. возможность реализовывать основные и общепризнанные права.

Общие принципы соотношения прав и свобод человека и гражданина, с одной стороны, и государства, с другой, как известно, сводятся (в либерально-республиканской традиции) к следующему: права и свободы принадлежат человеку от рождения, в равной мере всем и каждому; их признание, соблюдение и защита, включая судебную, — обязанность государства, которое гарантирует правовое равенство для всех; осуществление прав и свобод одних лиц не должно нарушать права и свободы других; права и свободы должны действовать непосредственно, определять смысл, содержание и применение законов, деятельность государственной власти и местного самоуправления; государство не должно издавать законы, отменяющие или умаляющие права и свободы, за исключением возникновения чрезвычайных условий.

Исследования показывают, что россияне признают и высоко оценивают важность конституционных прав и свобод. Они рассматривают права человека как один из важнейших принципов желаемого общественного порядка (так в 2009 г. считало 65 % респондентов)

¹ Alexander J. C. The Civil Sphere. N.Y.: Oxford University Press, 2006.

² Гросул В. Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003.

и ясно осознают его нереализованность: только 6 % респондентов обнаруживало права человека в качестве основания реального социума.

Дефицит равенства и избыток силы в российском социуме не только деформируют реализацию принципов правовой справедливости, но и влияют на исходные установки относительно правового равенства. Каждый седьмой российский респондент в 2009 г. полагал справедливым отсутствие принципа правового равенства. Видимо, поэтому, констатируя, что разделяемый 80 % респондентов принцип правового равенства не используется в современной России (иное обнаружили только 6 % опрошенных), свыше 12 % респондентов полагают, что лично у них стало больше прав.

Очевидно, что говорить о нормализации правовой ситуации в России на исходе первого десятилетия нового века не приходится. Известно, что реальный (а не формально-правовой) статус гражданина отражает отношения индивида и государства и определяется соотношением прав и свобод человека, с одной стороны, и гарантиями их реализации, правовыми санкциями власти, с другой. Рассуждая логически, противоречия между формальными правами и дефицитом возможностей, обеспечивающих реализацию прав граждан, между формальным и реальным статусами являются не столько юридической, сколько практической проблемой гражданской активности.

В опросе 2009 г. около 45 % респондентов заявили, что за последние 10 лет их конституционные права и свободы нарушались, а почти 25 % (!) затруднились ответить на вопрос о таких нарушениях.

При обсуждении конкретных нарушений прав доля столкнувшихся с нарушениями несколько увеличивается и колеблется в диапазоне от 30 для группы политических прав и свобод до 50 % для социально-экономических. Приведенные данные относятся исключительно к нашей выборке, которая смещена в сторону активных граждан, включенных в общественные объединения, движения и т. п., и никоим образом не характеризует масштабы нарушения конституционных прав в России. Нас интересуют не столько количественные оценки, сколько качественные характеристики явления: структура правонарушений и стратегии поведения в этих случаях. Поскольку россияне отдают приоритет социально-экономическим и культурным правам, затем личным и уже потом — политическим (на такое отношение практически не влияют собственные характеристики респондентов), то понятно, что нарушения политических прав воспринимаются менее остро, их масштаб получает более скромную оценку.

Структура нарушений по группам прав
(в процентах от числа опрошенных)

<i>Гражданские права и свободы</i>	90
Свобода и неприкосновенность личности, неприкосновенность частной жизни	25
Возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц	16
Свобода передвижаться, выбирать место пребывания и жительства	14
Свобода защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом	13
Равные права и свободы мужчин и женщин и равные возможности для их реализации	8
Право иметь имущество в собственности	5
Свобода выбора языка общения, воспитания, обучения и творчества	3
Замена военной службы альтернативной гражданской службой	3
Свобода вероисповедания	2
<i>Политические права и свободы</i>	50
Свобода собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование	16
Свобода искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом	12
Право на объединение и свобода деятельности общественных объединений	7
Право обращаться лично, направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления	5
Право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления	4
Право участвовать в управлении делами государства непосредственно и через своих представителей	4
Право участвовать в отправлении правосудия	2
Право обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты	1
<i>Социально-экономические права и свободы</i>	84
Право на охрану здоровья и медицинскую помощь	20
Право на благоприятную окружающую среду, информацию о ее состоянии	19
Право на вознаграждение за труд без дискриминации и не ниже минимальной оплаты труда	16
Право на защиту от безработицы	8
Право на жилище	6
Право на образование	5
Право на индивидуальные и коллективные трудовые споры, право на забастовку	4
Право на использование способностей и имущества для предпринимательской и иной экономической деятельности	3
Право на участие в культурной жизни, на доступ к культурным ценностям	3
Право на создание профессиональных союзов для защиты своих интересов	2

* Здесь и далее, если не оговорено особо, приведены данные обследования 2009 г.

Нарушения прав граждан формируют проблемную область, в рамках которой люди пытаются решить возникшие проблемы различными способами.

Таблица 2

**Стратегии поведения граждан в зависимости
от вида и субъекта правонарушения/решения**
(в процентах от числа опрошенных)

Что Вы предприняли в случаях нарушения Ваших прав и свобод? Что Вы делали, если оказывались в ситуации, когда в отношении лично Вас приняли несправедливое решение?	Гражданские права и свободы	Полит. права и свободы	Соц.-экон. права и свободы	Органы местн. самоуправления	Органы госуд. власти
<i>Гражданское участие (стратегии) индивидуального характера</i>					
Обратился в органы власти (прокуратуру, правоохранительные органы)	19	16	8	7	5
Обратился в российский суд	13	10	6	7	6
Обратился в международный суд	3	3	1	1	3
Направил жалобу в вышестоящие инстанции	13	14	10	12	9
<i>Всего</i>	<i>47</i>	<i>44</i>	<i>25</i>	<i>26</i>	<i>23</i>
<i>Гражданское участие (стратегии) коллективного характера</i>					
Обратился в общественные/правозащитные организации	12	10	7	4	4
Обратился в СМИ, к журналистам	16	19	10	6	7
<i>Всего</i>	<i>28</i>	<i>29</i>	<i>17</i>	<i>10</i>	<i>11</i>
<i>Гражданские стратегии коллективного участия или действия</i>					
Объединился с теми, кто оказался в такой же ситуации, для организации совместных действий	13	21	13	7	9
<i>Негражданские индивидуальные стратегии</i>					
Попросил помощи у родных, друзей	16	11	13	8	8
Попытался решить проблему другими способами	19	18	21	7	7
<i>Всего</i>	<i>35</i>	<i>29</i>	<i>35</i>	<i>15</i>	<i>15</i>
<i>Случаи выбора неэффективных стратегий</i>					
Не смог ничего сделать	17	16	18	4	4
<i>Стратегия отказа</i>					
Не стал ничего делать, стерпел	24	25	29	5	5
<i>Всего</i>	<i>41</i>	<i>41</i>	<i>47</i>	<i>9</i>	<i>9</i>

Реакция индивида на нарушение его прав весьма разнообразна: от сознательного отказа что-то делать до использования стратегий

разного характера, масштаба и уровня (микро и макро) в зависимости от группы прав или субъекта правонарушения или решения. Сопоставление практик использования стратегий выявляет приоритет индивидуальных (гражданских и негражданских) способов защиты прав над коллективными, причем и те, и другие реализует примерно половина опрошенных, тогда как другая половина не готова, не может или не хочет что-либо сделать.

Вступая в любые социальные взаимодействия, индивиды в той или иной мере воспроизводят сложившиеся нормы или отклоняются от них. Иначе говоря, социальная активность проявляет себя одновременно и в воспроизводстве, и в трансформации общественного порядка. Соответственно, различаются типы активности.

В нашем случае мы выделяем два типа гражданской активности.

1) *Гражданское участие* — адаптивная публичная активность, связанная с реализацией универсальных прав и свобод и соответствующих компетенций — знаний, умений, поведенческих навыков и способностей, обеспечивающая (как правило, в сотрудничестве с другими индивидами) достижение индивидуальных, групповых и общественных целей в существующих институциональных условиях. Гражданское участие обеспечивает воспроизводство конституирующих ценностей и норм гражданского общества, сложившихся институциональных практик, а также гражданской идентичности. При этом индивиды проводят различие между универсальными правами гражданина и их партикулярными ограничениями в негражданских сферах (например, в экономике, политике и т. д.).

По ориентации и масштабу целей можно различать:

— *индивидуальное участие* — деятельность отдельных граждан, использующих универсальные права и свободы для решения собственных или семейных проблем;

— *коллективное участие* — деятельность граждан или их объединений, использующих универсальные права и свободы для решения проблем отдельных общностей граждан;

— *общественное участие* — деятельность отдельных индивидов или объединений граждан, использующих универсальные права и свободы для решения проблем, значимых для большинства или всех граждан.

Следует обозначить и *глобальное участие*, ориентированное на международный режим прав человека, глобальные нормы¹.

¹ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-историческая экономия. М., 2007.

Решения, связанные с достижением общественных целей, могут требовать нормативно-правового оформления (закона), превращаясь тем самым в политические решения, а гражданское участие — приобретать политический характер.

По мере роста, освоения и институционализации форм гражданского участия падает значение принудительной правовой регуляции.

2) *Гражданское действие* — неадаптивная публичная активность, связанная с проблемами реализации универсальных прав и свобод: обеспечение равноправия гражданских статусов, преодоление разрыва между формальными и реальными правами в повседневной жизни, устранение барьеров на пути гражданского участия, снятие ограничений на осуществление прав в тех или иных сферах.

Гражданское действие направлено на трансформацию сложившихся институциональных практик и их нормативно-ценностных оснований, причем его отличает ориентация не на личные или общие интересы, не на частное, а на общественное благо, связанное с универсальными правами и свободами. Это позволяет различать индивидуальные и коллективные негражданские действия, имеющие специфический, сугубо частный характер, с одной стороны, и гражданские действия, выражающие *частные интересы общественного значения*¹, с другой.

Основанием для различения гражданского и негражданского видов действия являются также солидарность — специфическая (коллективно-групповая, корпоративная или же категориальная) и универсальная (общественная)², доверие (личное и социальное)³ и равенство («своих», «чужих» или «всех»), а также реципрокность (осознание взаимной обусловленности и взаимное признание граждан, их прав).

Переход от гражданского участия к гражданскому действию зависит от позиционирования индивида по отношению к власти и политическим институтам (в том числе от представлений о роли гражданина в обществе и государстве), когнитивной компетентности, включая опыт работы в общественных или политических организациях и движениях или индивидуального отстаивания прав, ресурсов и складывания проблемной ситуации⁴.

¹ Хабермас Ю. Указ. соч.

² Исаев И. А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. М., 2009.

³ Селигмен А. Проблема доверия. М., 2002.

⁴ Семенюк Л. М. Психология гражданской активности: особенности, условия развития. М.; Воронеж, 2006.

Трансформация сферы активности граждан в гражданское общество предполагает особый тип действия, которое можно определить как *протогражданское*, когда индивид не только осваивает свой статус гражданина, но и формирует представление о своей гражданской роли и гражданской идентичности.

Развертывание сетей гражданского действия способствует распространению ценностей и норм гражданского участия, преодолению гражданской пассивности и утверждению институциональных практик, противодействующих фрагментации социума. Гражданское действие создает новые формы, способы и каналы гражданского участия, новые ценности и нормы, расширяет границы прав и свобод, трансформирует повседневность, обновляет гражданскую идентичность и воздействует на негражданские сферы. Именно в сетях гражданского действия происходит институционализация ценностей и норм, необходимых для развития гражданского общества, что обеспечивает переход к гражданскому участию.

Сравним нормативно-ценностные представления об обществе тех, кто участвует в митингах, демонстрациях или других выступлениях граждан в защиту экономических и социальных прав, против роста цен, падения уровня жизни или же в защиту политических прав, и представления тех, кто предпочитает другие способы социального поведения.

Участники массовых действий социально-экономической и политической направленности отличаются от неучаствующих в них ровно по тем основаниям, которые связаны с реализацией гражданского потенциала. Именно отношение к базовым гражданским добродетелям — свободе, равенству и уважению чужого мнения — дифференцирует общественные проекты участников и неучаствующих в массовых выступлениях. Эти общие приоритеты определяют видение общественного устройства и тем самым задают ориентиры при оценке реальности. По мнению «неучастников», основными принципами общественной организации должны быть закон, права человека, мораль и семья. А для участников — прежде всего свобода и права человека и только потом — закон и мораль.

При этом дифференциация респондентов относительно таких нормативно-ценностных комплексов, как права человека, труд, мораль, традиция и личный успех, не дает оснований для их противопоставления, хотя совершенно очевидно, что неучаствующие в массовых выступлениях несколько более консервативны. Различия в отношении к семье и дому указывают на большую приверженность «неучастников» ценностям частной жизни (хотя эти ценности отнюдь не отвергаются и «участниками»).

**Представления о желаемых принципах общества в зависимости
от участия/неучастия в массовых действиях в защиту прав
(в процентах от числа опрошенных)**

Участие в митингах, демонстрациях или др. выступлениях граждан в защиту экономических и социальных прав	Да, участвую	Нет, не участвую	Разница	Участие в митингах, демонстрациях или др. выступлениях граждан в защиту политических прав	Обычно да, участвую	Обычно нет, не участвую	Разница
Равенство	55	36	19	Равенство	56	37	20
Свобода	62	46	16	Свобода	65	45	20
Уважение к чужому мнению	58	47	11	Уважение к чужому мнению	57	47	9
Доверие	53	47	6	Доверие	49	49	0
Труд	47	45	2	Труд	45	46	-2
Выгода	6	7	-1	Выгода	5	7	-2
Личный успех	13	14	-1	Личный успех	13	15	-2
Традиция	28	29	-1	Традиция	22	30	-8
Мораль	50	52	-2	Мораль	48	52	-4
Права человека	63	65	-2	Права человека	61	65	-4
Сила	6	8	-2	Сила	6	8	-2
Собственность	12	19	-7	Собственность	11	20	-8
Закон	59	68	-9	Закон	55	69	-14
Семья, дом	40	50	-10	Семья, дом	34	51	-17

Участники массовых действий и те, кто склонен оставаться в стороне, практически сходным образом оценивают роль закона в России, демонстрируя как знание правовых принципов, так и включенность в российскую культуру. Но участвующие в массовых выступлениях, видимо, более прагматичны, резонно полагая, что закон создается людьми и людьми же может быть изменен при сохранении приверженности ценностям равенства, свободы, доверия и уважения к человеку, наконец, его правам и моральным принципам.

Рассмотренные различия, на наш взгляд, подтверждают нашу позицию о роли гражданского действия как фактора нормативной, институциональной трансформации.

Индивиды действуют одновременно в гражданской, экономической, политической, правовой, культурной, государственной сферах, реализуют набор статусов и ролей, что порождает смешение правил, норм, ценностей.

Отношение к закону в России
(в процентах от числа опрошенных)

С какой точкой зрения Вы согласны?	Когда в Вашем городе, районе были митинги, демонстрации или другие выступления граждан в защиту экономических и социальных прав, против роста цен, падения уровня жизни, Вы лично принимали в них участие?	
	Да	Нет
В России законы можно и нужно выполнять	38	40
Какие-то законы нужно, какие-то нет	45	44
В России нет нормальных законов, которые следовало бы выполнять	16	16

Гражданская активность, воспроизводя и развивая гражданское общество, способствует дифференциации сфер жизнедеятельности человека, институционализации соответствующих порядков. Это особенно очевидно в случае недостаточной развитости и дифференциации общественных пространств, что проявляется в трудности различения гражданского и политического видов деятельности, независимо от степени вовлечения индивидов в ту или иную активность. Одна из возможностей такого различения связана со спецификой институтов и институциональной трансформации, ведущей к демократизации¹.

Применительно к России пока точнее говорить о властном пространстве, которое уже не является «социумом власти»², но еще не стало полем политики.

Гражданские инициативы, действия активного меньшинства, осознающего потребность в гражданском участии и его расширении, сталкиваются с серьезным сопротивлением власти, которая не желает делиться полномочиями в процессе принятия решений с гражданами. Но вне гражданского действия процесс институциональных изменений невозможен, как невозможна и эффективная модернизация общества и государства.

¹ Патрушев С. В. Институциональная политология. Четверть века спустя // Политическая наука. Сб. науч. трудов. № 3. М., 2009.

² Гелфтер М. Я. 1991. Из тех и этих лет. М., 1991.

Стратегии гражданского действия в социуме клик: их влияние на воспроизводство и трансформацию институциональной среды

Любая среда упорядочена лишь в той мере, в какой в ней установлены и воспроизводимы всеми акторами те правила и нормы, которые обеспечивают социальную и социетальную (системную) интеграцию. Поскольку оба типа интеграции возникают как следствие практикуемых акторами форм координации сотрудничества и конфликта между собой, институциональный дизайн может не совпадать с практиками, признаваемыми легитимными. Другими словами, институты и практики не тождественны друг другу отнюдь не только потому, что задаваемые институтами ценностные ориентации и правила их реализации подвергаются реинтерпретации (переосмыслению) и прикладной корректировке с целью установления их приемлемости как форм координации сотрудничества и конфликта. При заимствовании, т. е. копировании, демократических по дизайну институтов практики россияне зачастую производят и воспроизводят деривации (остатки) традиционных правил и норм, что создает проблему институциональных ловушек¹.

В наших исследованиях выявлено сосуществование *разнонаправленных* тенденций — *социетальной дезинтеграции макросреды* наряду с *социальной интеграцией микросред*. При этом вслед за Э. Гидденсом особо выделялось различие в *принципах* структуриации сетей (или общностей) разного уровня². *Социальная интеграция* основана на *личном взаимопонимании и доверии*, возникающем в *микросреде*, образованной *сетью* из устойчивых связей и отношений типа «лицом к лицу», которые регулируются нормами *специфической* реципрокности — взаимности в признании прав и исполнении обязанностей между родственниками, друзьями, хорошо знакомыми людьми, реже — соседями. Такие связи и отношения обычно именуются неформальными. Неформальные отношения, регулируемые правилами *специфической* реципрокности, вполне могут быть четко структурированными формами координации сотрудничества и конфликта, хотя и не обязательно согласованными с универсальными нормами права и морали.

¹ О происхождении институциональных ловушек в российском социуме см.: Институциональная политология... С. 448–463.

² См.: Giddens A. The Constitution of Society. Cambridge, 1984. P. 28.

Социетальная интеграция возникает в процессе *политической самоорганизации* сегментов социума на основе ценностей и норм *общей* реципрокности. Они не только регулируют координацию сотрудничества и конфликта между различными микросредами, но и поддерживают их автономию в рамках *макропорядка*, повсеместно признанного *легитимным*. Характерная для общей реципрокности *симметрия* в признании прав и обязанностей *любого* гражданина *легитимирована формальным равенством перед законом*, гарантированным социетальными институтами власти (государством). «Равенство перед законом заменило привилегию в качестве основополагающего принципа социальной организации»¹. Этот принцип макропорядка реален и эффективен лишь в той мере, в какой поддерживается *безличностью* в применении нормы общей реципрокности: симметрия в реализации прав и обязанностей любого гражданина *безразлична* по отношению к личности как тех, кто применяет эту норму, так и тех, к кому она применяется. *Безличность* как *образец* для *оценки приемлемости* применения нормы общей реципрокности можно рассматривать как «следствие формально-рационального порядка, существующего в обществе»².

Сосуществование *разнонаправленных* тенденций — *социетальной дезинтеграции микросреды* наряду с *социальной интеграцией микросред* — свидетельствует о фрагментарности, несистемности политического порядка. В сегментированном социуме, разделенном на множество микросред (общностей с разной степенью интегрированности и идентичности), затруднено установление избирательного сродства между формальными и неформальными институтами. *Складывающаяся* между ними *конфигурация (способ взаимодействия)* *отнюдь не свидетельствует о комплексности* российской институциональной среды. Из четырех способов взаимодействия между формальными и неформальными институтами, которые были выделены Гретхен Хелмке и Стивеном Левитски, — *комплементарного, согласующего (accommodating), конкурентного и замещающего (substitutive)*³, в российской институциональной среде преобладают два последних. Первые два — *комплементарный и согласующий* способы взаимодействия — либо свидетельствуют о наличии избирательного срод-

¹ *Зидентон Л.* Демократия в Европе. М., 2001. С. 116.

² См.: *Быченко В. М.* Институты. Сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъективности. М., 1996. С. 392.

³ См.: *Helmke G., Levitsky S.* Informal institutions and comparative politics: a research agenda // Working Paper # 307. September 2003. P. 11.

ства между формальными институтами и практиками по производству и воспроизводству установленных в них норм и правил, либо согласуются в некую более или менее приемлемую конфигурацию. Хелмке и Левитски утверждают: «Конкурирующие неформальные институты создают у акторов такие стимулы, которые не совместимы с формальными правилами — следуя одному правилу, нельзя не нарушать другое. К числу примеров относятся клиентелизм, патримонильное господство (patrimonialism), клановая политика и другие частные институты». Конкурентный способ взаимодействия между социальными нормами и предписаниями законов возникает в случае сосуществования неформальных институтов со слабыми или неэффективными формальными институтами. Когда же слабые формальные институты не вступают в противоречие с целями акторов, то они, «стараясь достичь тех результатов, которые ожидалось от формальных институтов, но получены не были, создают или используют замещающие неформальные институты»¹.

Устойчивость и неэффективность социального института обусловливается разрывом между формальными правилами и реальными практиками с учетом этих правил. Они могут быть освоены акторами, вынужденными под давлением обстоятельств пользоваться ими для того, чтобы *суметь* нарушить их предписания, обойти или как-то иначе приспособить к «своим» целям, но не трансформироваться в нормы, *понимаемые* и *принимаемые* в качестве *общепринятых образцов* для действия. Когда «игру по правилам» изначально замещает «игра с правилами», то акторы, заинтересованные в такой подмене, рискуют оказаться в *ловушке*: при деформализации правил скопированный институт остается для них *функционально необходимым*, но обреченным быть *слабым*, поскольку толком не справляется ни с *нормативной*, ни *социализирующей* функциями.

Разрыв между формальными правилами и реальными практиками с учетом этих правил проявляет устойчивость в собственном воспроизводстве до тех пор, пока россияне не выработают и более или менее успешно не реализуют *стратегии гражданского действия*, направленного на *трансформацию институциональной среды*. Поэтому представляется весьма актуальным исследование *стратегий гражданского действия*.

Основной исходной посылкой в исследовании стратегий гражданского действия служит отличие последнего от негражданского действия. Если гражданское действие главным образом направлено

¹ Ibid. P. 15.

на трансформацию сложившихся институциональных практик, так как выражает частные интересы общественного значения (например, преодоление разрыва между формальными и реальными правами в повседневной жизни), то негражданское действие ориентировано на сугубо частные интересы, не сопряженные с общественным благом и, как правило, не связанные с пониманием универсальности прав и свобод человека. Поскольку в российском социуме не дифференцировалось политическое пространство, интерпретируемое как сфера взаимоотношений и коммуникации граждан, а также граждан и государства с целью согласования и реализации общественных, коллективных и частных интересов, негражданские виды действия акторов не исключают их политическое участие (например, в электоральной активности), что способствует воспроизводству традиционных институциональных практик. В этих практиках наилучшим средством сохранить конституционные права и свободы оказывается не столько *когнитивная компетентность* (знание законов или умение обходить их — важное, но не главное средство), сколько *коммуникативная рациональность*, проявляющаяся в навыках устанавливать и поддерживать *неформальные* связи по нормам *специфической* реципрокности *для решения проблем координации конфликта с властями* по поводу реализации тех или иных прав. Социальная интеграция микропрактик на упомянутых основаниях делает сети «своих» людей больше похожими на *кликки*, чем на свободные ассоциации граждан, добровольно подчиняющихся законам в обмен на защиту их прав со стороны социальных институтов.

Другой исходной посылкой исследования служит рассогласование между средовой потребностью граждан и институциональной структурой, формально предназначенной для ее удовлетворения. Суть этого рассогласования определена и эмпирически подтверждена в других наших исследованиях. Оно отражает базовое противоречие, характеризующее взаимоотношения власти и социума в России. Потребность в самостоятельно организованной среде повседневной жизни, регулируемой недвусмысленными, понятными гражданам нормами, находится в противоречии с зависимостью ее организации от социальных институтов, пользующихся властными полномочиями для произвольной регламентации гражданских прав. Анкетный опрос 2009 г. показал, что половина респондентов признает личные случаи нарушения конституционных прав и свобод, тогда как 29 % их отрицает, а 26 % респондентов затруднились с ответом. Четверть ответивших признала случаи нарушения «свободы и неприкосновенности личности», «неприкосновенности частной жизни», в 14 % отве-

тов признано ограничение права «свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства» и в около 16 сообщило, что не произошло «возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц». Все эти данные о нарушении гражданских прав косвенно свидетельствуют о наличии у значительной части респондентов неудовлетворенной потребности в самостоятельно организованной среде обитания, т. е. институциональной среде.

Выбор стратегий гражданского действия (индивидуального или коллективного) определяется *стилем мышления* предпринявших его акторов. Такова третья исходная посылка. Стил мышления интерпретируется как сочетание *когнитивной* и *коммуникативной компетенций*. Под первой из них подразумевается усвоенный акторами *способ толковать и определять ситуации*, а вторая проявляется в их *способе справляться с неопределенностью* в повседневной жизни, *оперируя* теми или иными *ценностями и нормами*.

Для исследования стратегий гражданского действия будет применен подход, разрабатываемый в рамках *конструктивистского институционализма*. К числу его достоинств относят понятие «когнитивных фильтров» — представлений акторов о том, что для них *осуществимо, легитимно, возможно или желательно* в процессе воспроизводства или трансформации их самостоятельно организованной среды обитания¹. Слабую же сторону конструктивистского институционализма усматривают в трудности формализации и операционализации параметров объекта исследования². Трудность формализации параметров представляется преодолимой, если использовать опрос для выявления стратегий индивидуального или коллективного действия, исследуя *порядки значимости*³ тех или иных способов их реализации по критериям их легитимности, осуществимости, возможности или желательности.

Проблема *рационализации* коммуникативной компетенции респондентов заслуживает специального анализа. От того, как и насколько изменяются выбираемые ими *способы справляться с неопре-*

¹ О когнитивных фильтрах см.: The Oxford handbook of political institutions / Ed. by R.A.W. Rhodes, S.A. Binder and B.A. Rockman. Oxford: Oxford univ. press, 2006. P. 65.

² См.: Ibid.

³ Понятие легитимных порядков значимости ценностей или критериев оценки было впервые использовано Л. Болтански и Л. Тевено. См.: Boltanski L., Thévenot L. De la justification. Paris: Gallimard, 1991.

деленностью в их повседневной жизни, оперируя ценностями универсальных прав и свобод, а также нормами общей реципрокности (взаимном признании равенства всех и каждого человека), зависят ход и направленность не только *социальной*, но и *социетальной* интеграции участников коллективных действий, когда они объединяются в сети личного доверия. Другими словами, речь идет о пути трансформации дискретных сетей *кликерного* типа в *объединения граждан*, защищающих свои *конституционные права* и отстаивающих свои *частные интересы общественной значимости*.

В процессе рационализации коммуникативной компетенции акторам приходится осваивать социальные навыки, проявляющиеся в их способности склонять других людей «к сотрудничеству с целью производства, опротестования или воспроизводства имеющегося набора правил»¹. Им предстоит создать «новые культурные рамки [frames], используя уже существующие фреймы, для того чтобы вызвать совместные действия людей»². При минимальной склонности многих россиян к солидарности, т. е. способности к личностной идентификации с другими людьми, способности понимать их проблемы, интересы и т. д., следует обратить особое внимание на те явления, которые либо содействуют, либо препятствуют освоению и распространению подобных навыков. Необходимость их изучения обусловлена сложностью и многовариантностью самого перехода от гражданского участия к гражданскому действию (и, что не менее важно, от гражданского действия к гражданскому участию). Он сопряжен со стилем мышления граждан и предполагает трансформацию свойственного им фрейма — интерпретативной схемы, используемой для выбора стратегий индивидуального или коллективного действия. Эти стратегии могут существенно отличаться по целям и средствам их достижения даже при наличии одинаковой когнитивной компетенции в истолковании ситуации с гражданскими правами и обязанностями (если, например, граждане не связывают свободы с объемом формально или реально существующих прав). Поэтому главная задача — установить, как происходит трансформация смыслов уже существующего фрейма для выбора стратегий гражданского действия.

Когда стиль мышления интерпретируется как сочетание *когнитивной* и *коммуникативной компетенций*, то в процессе рефлексии

¹ Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М., 2002. С. 127.

² Там же. С. 147.

над практиками у респондентов может возникнуть своего рода контроверза *должного* (относящегося к трансцендентному миру ценностей) и *сущего* (представляемого в виде наличного порядка). По замечанию Эвиатара Зерубавеля, ученика Ирвина Гофмана и представителя современной когнитивной социологии, *стиль мышления человека ограничен его кругозором*, который определяет релевантность того или иного явления и, соответственно, неотделим от понятия *социальной упорядоченности*. *Соотношение сущего (возможного) и должного (правильного) определяется опытом*, своего рода «оградой» — «специфической областью, которая включается в поле нашего восприятия как релевантная, отделяя все остальное в тень»¹. *Сущее* как организованный порядок есть *предвидимое и ожидаемое*, а *должное* — это *правомерное*, едва ли не тождественное *правильному*. Если следовать пониманию ценностей как стандартов правомерности (Падьюло), то осуществимое или возможное, т. е. реальное, проверяется на соответствие установленному актором порядку значимости способов действия (индивидуальных или коллективных) посредством *определения* (исследования, прощупывания) *предела возможного и вероятного*. В принципе компетенция не тождественна опыту, так как позволяет выйти за известные актору пределы возможного и вероятного, если *индивид ориентирован на инновацию, на расширение границ возможного*. Компетенция не тождественна и знанию правила, так как включает в себя и *рецепт его применения*². Вычленение рецептов применения норм и неформальных правил, вероятно, позволяет представить себе, как образуется иерархия знания по воспроизводству или трансформации институциональной среды в некий фрейм или (по Ю. Л. Качанову) в «легитимную практическую схему». Фрейм или практическая схема может трансформироваться, если изменится значение их содержания, которое перестает быть *доксой* (само собой разумеющимся знанием о легитимном социальном порядке, согласно П. Бурдьё³), функционирующей в соответствии с некоторыми безошибочными «социальными правилами исключения»⁴. Поэтому так важно определить, как пользуются эти-

¹ Zarubavel E. Horizons. On the sociomental foundations of relevance // Social Research. 1993. V. 60. № 2. P. 399.

² См.: Padioleau J. L'ordre social: Principes d'analyse sociologique. P., 1986. P. 64, 68–69.

³ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 273–274.

⁴ О социальных правилах исключения см.: Zarubavel E. The Fine Line. Boundaries and Distinctions in Everyday Life. N. Y.: Free Press, 1991. P. 11.

ми правилами респонденты, меняют ли они их в каких-то повторяющихся ситуациях.

Значимость и распространенность «социальных правил исключения», вероятно, придает ригидность фреймам или легитимным практическим схемам, так как они «цензурируют и канализируют восприятие и мышление агентов, стимулируют одни и подавляют другие представления»¹. Отсюда фрейм как интерпретативная схема становится фоновым знанием, позволяющим определять ситуацию и действовать в ней по правилам, само собой разумеющимся в данном контексте. Их контекстуальная самоочевидность задана неэксплицированным и разделяемым всеми участниками взаимодействия практическим знанием, которое получено из опыта их общения. Критическая способность к осмыслению подобного опыта затруднена его фреймированием, коль скоро в современном понимании фрейм определяется как «элементарная структура коммуникативного опыта»². При этом важно также подчеркнуть, что *ригидность фреймов россиян*, вероятно, во многом определяется *онтологическим стилем мышления*, с характерной для него апелляцией к *интуиции и опыту*³.

По мнению Качанова, «легитимные практические схемы не дают агенту воспринимать и мыслить, понимать и выражать то, чего он не может воспринимать и мыслить, понимать и выражать. Они лишают агента способности рефлексивно и по-настоящему критично относиться к государству». Можно ли утверждать, что легитимная практическая схема тождественна фрейму? Думается, что можно по вышеизложенным соображениям. Если так, то *ломкой фрейма* заканчивается *рефлексия*, в процессе которой восприятие и мышление высвобождаются из-под цензуры присвоенных индивидами практических схем как способов действия. Качанов не отрицает, что хотя эти схемы «выступают в роли *горизонта*, в котором действуют *созерцание* и *рассудок*» агентов, они относительно легитимны (в зависимости от социальной позиции агентов), но, видимо, лишь до тех пор,

¹ Качанов Ю. Л. Социология и государство: к вопросу о легитимных практических схемах.

² См.: Вахштайн В. С. Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира. Дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. С. 34–35.

³ Об онтологическом стиле мышления см.: Хлотин А. Д. Закон в социальных представлениях «новых русских», или Где проходит грань преступления? // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 3.

пока «узнаваемы и признаваемы» агентами¹. Тогда уместно задаться вопросом: в чем могут быть выражены *признаки ломки фрейма*?

Рефлексия предполагает обнаружение *зазора* «между нашими явными целями и теми целями, которые неявно присутствуют в наших действиях и суждениях, мы, естественно, испытываем потребность изменить либо то, либо другое (а также, не исключено, и то и другое)»². Вероятно, рефлексии должны подвергаться прежде всего именно правила, что труднее всего, если сильна приверженность к личному опыту. В акте рефлексии предпринимается попытка выстроить и *декларируемые* и *явные* цели в одну линию, чтобы устранить непоследовательность в поведении.

Понимание людьми несоответствия их *реальных* действий тому, что им *следует* делать, можно интерпретировать как *рассогласование* (disharmony) между *должным* и *сущим* как раз потому, что его легко игнорировать, если людям кажется, что оно их не касается (не затрагивает)³. Они смирились с подобным несоответствием (вариант двоемыслия), приняв его как само собой разумеющееся, как не противоречащее здравому смыслу (the common-sense understanding of what happens). Осмысление *сущего* может привести к инновациям — реконфигурации, артикуляции, заимствованию. Инновациям предшествует *проверка* обычных, кажущихся понятными (имплицитно) социальных навыков (*the way we do things is the natural way of doing things*)⁴ на их соответствие определенному порядку значимости ценностей. В процессе такой проверки интуитивное знание таких навыков, т. е. всеми усвоенных способов действия, может быть эксплицировано и определено как парадоксальное или непоследовательное (anomaly)⁵. Проверка реальности на соответствие определенному порядку значимых ценностей происходит в процессе *определения ситуаций*, которое дано респондентами в отношении их прав и свобод. Порядок значимости этих прав и свобод может быть обоснован (оправдан) представлением о справедливости. Насколько и как порядок значимых ценностей связан с общим благом?

¹ См.: Качанов Ю. Л. Указ. соч.

² Лаудан Л. Наука и ценности // Современная философия науки. Хрестоматия. М., 1994. С. 223.

³ См.: Spinosa Ch., Flores F., Dreyfus H. Disclosing New Worlds. Entrepreneurship, Democratic Action, and the Cultivation of Solidarity // Inquiry. 1995. Vol. 38. № 1–2. P. 58–59.

⁴ Ibid. P. 17.

⁵ См.: Ibid. P. 20.

Следует подчеркнуть, что обнаруживаемые респондентами парадоксы зачастую чреваты понижением уровня доверия между акторами, которое обычно питается относительной уверенностью каждого в *предсказуемости* поведения другого. По справедливому мнению Л. Д. Гудкова, «предсказуемость институционального поведения в общем и целом гораздо выше, чем группового и тем более индивидуального, но только в том случае, если структуры формального и неформального взаимодействия не расходятся и не оказываются в конкурентных отношениях друг с другом»¹. В российской же институциональной среде, как уже было отмечено, эти структуры как раз расходятся и конкурируют. Устранить оба явления собственно и призваны *стратегии гражданского действия*. Ключевым элементом таких стратегий предположительно должна стать *солидаризация* гражданских действий.

Очевидно, *солидарность* не сводима к свойственной человеческой природе способности сочувствия, но предполагает также способность к рефлексии — осознанию стимулов и интересов *другого*². Предсказуемость поведения других основана (*и обоснована*) на *общности разделяемых ценностей и норм*. С кем и на каких основаниях респонденты готовы объединяться с другими людьми? Как они понимают, что такое *солидарность* вообще и в нашей стране в частности? Ответы на эти вопросы будут различаться в зависимости от степени рационализации стратегий, что предполагает возникновение или расширение доверия, основанного (и обоснованного) на выраженных или предполагаемых интересах другого с опорой на опыт подобных взаимодействий. Однако этот опыт должен быть абстрагирован, деперсонализирован, он не должен предполагать исключительную опору на личное знание партнеров, поскольку источником генерализации доверия служит рационализация взаимодействий³.

¹ Гудков Л. Д. Условия воспроизводства «советского человека» // Вестник общественного мнения. 2009. № 2. URL: <http://www.polit.ru/research/2009/11/10/sovhuman.html>.

² См.: Мухомелишвили Н. Л., Сергеев В. М., Шрейдер Ю. А. Ценностная рефлексия и конфликты в разделенном обществе // Вопросы философии. 1996, № 11. С. 14.

³ О генерализации доверия и его роли в становлении современного общества см.: Гудков Л. Д. Указ. соч.

Институциональное включение/исключение и стратегия институционального изменения

Реализация политики модернизации, рассматриваемой как процесс институциональной трансформации, неизбежно натолкнется на принципиальный и, как правило, не учитываемый аспект институциональной динамики.

Институты по своей сути направлены в большей степени на исключение, нежели на включение: поскольку в институтах происходит фиксация норм, они должны исключать или сильно затруднять деятельность тех, кто стремится нарушить статус-кво (М. Холден-мл.)¹.

Исключение/включение можно рассматривать с нескольких точек зрения:

- на организационном уровне — по отношению к гражданам (группам/категориям граждан);
- на уровне норм — по отношению к любой новой информации.

С одной стороны, это создает проблему «ригидности» институтов, что может особенно сильно проявляться в кризисных ситуациях. С другой стороны, направленность на исключение можно рассматривать как «нормальное» состояние институтов, а переход от исключения к включению — как признак деинституционализации и условие трансформации институтов.

Гражданское/политическое *действие* инклюзивно, поскольку оно «создает новые формы, способы и каналы гражданского участия»² и потенциально может создать возможности реализации прав широких категорий граждан, в том числе и тех, кто ранее не имел возможности реализовать свои права. Когда же изменение института осуществлено, обновленный институт будет стремиться перейти обратно к исключению, граждане же будут переходить к *участию*, не содержащему новаций.

Если в условиях институциональной стабильности правила воспринимаются как существующие «сами по себе» надындивидуальные образования и «являются относительно инвариантными по отношению к индивидам и устойчивыми перед специфическими предпочтениями и ожиданиями индивидов, а также перед меняющимися

¹ *Holden Jr. M.* Exclusion, inclusion, and political institutions // The Oxford handbook of political institutions / Ed. by R.A.W. Rhodes, S. A. Binder and V. A. Rockman. Oxford: Oxford univ. press, 2006.

² *Патрушев С. В.* Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. 2009. № 6. С. 28.

внешними условиями»¹, то для трансформации институтов принципиальным является наличие *носителя* новой нормы и/или практики (*актора*). Этот носитель потенциально будет становиться объектом исключения со стороны тех, кто находится «внутри» института и, следовательно, получает преференции в условиях действующих норм и практик, т. е. *участников*. Таким образом, при появлении *актора* как субъекта институциональной трансформации институт в определенной степени утрачивает свой «надындивидуальный» характер и предстает перед наблюдателем как «собственность» конкретных социальных субъектов (*участников*), которых устраивает статус-кво, и одновременно «объект посягательств» тех, кто стремится изменить действующие правила. Следовательно, вопрос трансформации институтов можно рассмотреть с точки зрения возможностей, ресурсов и стратегий *акторов*.

То, что субъекты, стремящиеся к изменению, как было сказано выше, «исключаются», означает, что они не могут (или не хотят) действовать в рамках существующих институтов и осознают это. Возможные действия людей, неудовлетворенных функционированием того или иного института, можно описать с помощью модели «голоса» и «выхода», предложенной А. Хиршманом². Хотя Хиршман связывает стратегию «выхода» преимущественно с экономикой, а стратегию «голоса» — с политикой, обе этих стратегии потенциально могут быть эффективными в политической сфере (прежде всего в электоральном процессе) и в сфере гражданского общества. М. Уоррен³ развивает тезис Хиршмана, указывая на то, что в современных демократиях стратегии, так или иначе связанные с «выходом», могут оказываться даже более эффективными, чем традиционные формы вовлечения граждан в процесс принятия решений, основанные на «голосе». Снижение эффективности последних он связывает с ослаблением роли государства (в тех случаях, когда его функции передаются транснациональным акторам, неправительственным организациям и пр.), децентрализацией и «размыванием» ответственности, а также с перераспределением влияния в процессе принятия решений от предста-

¹ *March J. G., Olsen J. P.* Elaborating the «New Institutionalism» // *The Oxford handbook of political institutions*. P. 3.

² *Хиршман А. О.* Выход, голос и верность. Реакция на упадок фирм, организаций и государств. М., 2009.

³ *Warren M. E.* Exit Based Empowerment in Democratic Theory. Paper prepared for presentation to the working group on political ethics, APSA annual meeting, September 3–6, 2009.

вительных органов власти к исполнительным. Согласно классической модели, «голос» является средством контроля над элитами, однако механизм перевода голосов в директивы для элит может оказаться чрезмерно сложным, или же он может *формально* наличествовать, но реально не работать. Именно в таких ситуациях, по мнению Уоррена, «выход» должен становиться более эффективным средством давления на элиту: во-первых, использование этой стратегии восстанавливает принцип равенства (возможность использовать «голос» — более ресурсоемкая стратегия, «выход» потенциально доступен всем), во-вторых, на угрозу «выхода» элита должна реагировать более оперативно (между использованием гражданами «голоса» и реакцией элиты существует временной зазор, а на угрозу «выхода» элита должна реагировать «превентивно»).

Можно предположить, что мерой «открытости» института, его ориентации на включение (т. е. готовности к изменению) является доступность для акторов обеих стратегий, при этом ориентация акторов на использование «выхода» потенциально более радикально трансформирует институт. Стратегии «голоса» и «выхода» при этом не являются взаимоисключающими.

Для применения стратегии «выхода» в политической и гражданской сферах, однако, есть существенное препятствие — в некоторых случаях плата за «выход» для индивида может оказаться слишком высокой и перевесить возможную выгоду. К числу организаций, существенно затрудняющих «выход», Хиршман относит семью, род, религиозную общину и *государство*. Речь идет не только об угрозе непосредственного применения санкций (например, попытка «выхода» из государства — эмиграция, ссылка, преследования вплоть до физического устранения), но и о том, что даже отказываясь от прямого использования благ, предоставляемых организацией, индивид будет ощущать на себе последствия того, что окружающие его люди эти блага продолжают использовать («Если я не одобряю... скажем, политическую партию, я могу выйти из ее рядов, но вообще-то я не могу перестать быть членом общества, в котором действует эта сомнительная партия»¹). На это же указывает и Уоррен, говоря о том, что общность (community) и религия являются теми институтами, «выход» из которых их фактически разрушает. То есть в политической сфере и гражданском обществе «выход» работает только при наличии альтернатив *внутри* данной сферы (отказ от голосования за одну партию в пользу другой, переход из одного добровольного объ-

¹ Хиршман А. О. Указ. соч. С. 98.

единения в другое), а отсутствие конкуренции не дает возможности использовать стратегию «выхода». Таким образом, абсентеизм или использование «негражданских» методов не могут рассматриваться как «выход» в том смысле, в каком этот термин используют Хиршман и его последователи, — как стратегия, использование которой должно трансформировать институт (причем, как предполагается, не просто трансформировать, а улучшить, повысить его эффективность). Отказываясь от использования гражданских прав, люди, по меньшей мере, не могут трансформировать институты, а в пределе — разрушают эти институты.

Для России, возможно, даже в большей степени, чем для стран Запада, справедливо утверждение Уоррена о высокой «затратности» стратегии «голоса». Это утверждение выглядит, на первый взгляд, парадоксально, но если учесть различие между «правом голоса» и возможностью это право эффективно использовать (это различие, похоже, неплохо фиксируют респонденты — см. табл. 1), становится понятно, что большинство граждан России не обладают достаточными ресурсами для оказания влияния на общественные и политические институты (это затруднение должно в теории преодолеваться за счет объединения граждан).

Таблица 1

Отношение к принципам права и оценка их распространения в России

	Какие принципы права Вы считаете справедливыми? (в процентах)	Какой принцип права чаще всего используется в современной России? (в процентах)
1. Все люди разные, и права у всех должны быть разные	9	8
2. Все должны иметь равные права	83	5
3. Где сила, там и право	3	50
4. У кого больше возможностей, у того должно быть больше прав	3	44

«Выход», даже там, где он потенциально может быть применен, только фиксирует или усиливает «исключенность», индивиды лишаются статуса участников, но не приобретают статуса акторов. Так, в результате роста уровня протестного голосования («голос») и отказа части граждан от участия в выборах («выход») избирательное законодательство было изменено таким образом, что использование

этих стратегий для трансформации института выборов стало практически бессмысленным.

Таким образом, при формальном наличии возможностей «голоса» и «выхода» институты в современной России не становятся «открытыми» и реагируют на попытки трансформации по принципу «ловушки» (Холден), т. е. допускают минимальные изменения, которые зачастую оказываются символическими и фактически не приводят к «включению» в институт (имеет место формальное наделение граждан правами, но возможность их реализации не предоставляется).

«Государственники» и «партикуляристы»¹. Попытка рассмотреть изложенную выше теоретическую конструкцию применительно к институту государства привела к выделению нами двух групп, исходя из взглядов респондентов на допустимость нарушения тех или иных норм (см. табл. 2).

Таблица 2

Какие правила Вы считаете для себя недопустимым нарушить?

	Ответы		% респондентов
	Количество	%	
Законы государства	398	19	41
Нормы морали	660	31	68
Нормы семейной жизни	424	20	44
Нормы, принятые на работе, учебе	157	8	16
Нормы, принятые среди близких друзей	292	14	30
Правила, принятые среди «своих» людей	167	8	17
Все ответы	2098	100	217

«Государственники» считают для себя недопустимым нарушать законы государства (из 398 респондентов отобраны 83 респондента, которые дали *только* этот ответ).

«Партикуляристы» считают для себя недопустимым нарушать «частные» нормы (семейной жизни, трудового коллектива, близких друзей, «своих» людей) (166 респондентов, которые, выбрав эти нормы, *не* выбрали «Законы государства» или «Нормы морали»).

Еще 207 респондентов выбрали *только* ответ «Нормы морали». Эту группу «моралистов» следует рассматривать отдельно, исходя из предположения, что моральные установления являются в конеч-

¹ Следующая часть статьи написана при участии С. В. Патрушева.

ном счете когнитивным основанием норм и правил, формирующих институты¹.

Об обоснованности дифференциации групп по указанным основаниям говорит распределение ответов респондентов на вопрос об отношении к выполнению законов (см. табл. 3). «Государственники» вдвое чаще, чем «партикуляристы», в соответствии с исходной установкой полагали, что в России законы можно и нужно выполнять. Для них менее характерен избирательный подход к исполнению законов и еще менее — полное отрицание правовой системы.

Таблица 3

Отношение к выполнению российских законов
(в процентах от респондентов в группе)

	Группы	
	«Государственники»	«Партикуляристы»
В России законы можно и нужно выполнять	51	24
Какие-то законы нужно выполнять, какие-то нет	35	54
В России нет нормальных законов, которые следовало бы выполнять	14	22

«Государственники» активнее подчеркивают важность усиления государства при сходном с «партикуляристами» отношении к развитию демократии (см. табл. 4).

Таблица 4

Что для России более важно?
(в процентах от респондентов в группе)

Для России более важно	Группы	
	«Государственники»	«Партикуляристы»
Усиление государства	54	37
Развитие демократии	34	38
Затрудняюсь ответить	12	25

Представители обеих групп сходным образом отождествляют российскую власть с президентом, правительством, парламентом, губернаторами, судами, местной властью. Но «партикуляристы» делают

¹ См.: *Сергеев В. М.* Посткоммунизм: от метафоры к теории. М., 1999.

очевидный акцент на администрации президента, уравнивая ее по значению с Государственной думой, и на чиновниках, а также выделяют крупный бизнес, полагая его равно значимым для характеристики российской власти, что и судебная система.

Таблица 5

Что означает для Вас понятие «российская власть»?
(в процентах от респондентов в группе)

	«Государственники»	«Партикуляристы»
Президент России	68	69
Правительство России	49	49
Государственная дума	38	30
Государство	38	29
Местная власть	18	13
Правоохранительные органы	18	28
Администрация президента	17	30
Губернатор	17	18
Закон	15	17
Чиновники	15	24
Суды разного уровня	13	12
Граждане	10	3
Крупный бизнес	4	12
Политические партии	4	8
Затрудняюсь ответить	6	8

Имея сопоставимое представление о российской власти, «государственники» и «партикуляристы» демонстрируют различающийся уровень институционального доверия применительно практически ко всем властным структурам (см. табл. 6). Причем если первые скорее *доверяют* президенту и правительству, то вторые — скорее *не доверяют*. Во всех остальных случаях речь идет о степени недоверия, особенно это касается «партикуляристов».

Таблица 6

Доверие к государственным институтам, организациям, учреждениям
Средний балл по шкале от 1 (совсем не доверяют) до 10 (полностью доверяют)

Институты, организации, учреждения	«Государственники»	«Партикуляристы»
Президент России	6,1	4,2
Правительство России	5,2	3,7

Институты, организации, учреждения	«Государственники»	«Партикуляристы»
Армия	4,8	3,3
Руководитель региона, губернатор	4,5	3,6
ФСБ	4,4	3,2
Прокуратура	4,4	3,4
Судебная система	4,2	3,4
Государственная дума	4,2	3,2
Местная власть	4,0	3,2
Государственный аппарат	3,8	3,2
Милиция	3,7	2,5

Показательно, что «государственники» больше доверяют властным структурам, чем тем, кто в них работает: институциональное доверие к Думе оценено в 4,2 балла, а социальное доверие к депутатам — только на 2,8; аналогично в случаях с государственным аппаратом, доверие которому определено в 3,8 балла, в то время как доверие чиновникам — в 2,5 (см. табл. 6 и 7).

Таблица 7

Доверие к отдельным категориям и группам общества
Средний балл по шкале от 1 (совсем не доверяют) до 10 (полностью доверяют)

Категории и группы общества	«Государственники»	«Партикуляристы»
Членам семьи, родственникам	8,8	8,7
Друзьям	7,4	8,0
Коллегам по работе, учебе	5,7	5,5
Товарищам по общественной организации	5,5	5,6
Жителям нашей страны	5,2	4,5
Людям, занимающимся общественной работой	4,9	4,8
Сотратникам по политической деятельности	4,7	4,6
Судьям	4,1	3,1
Предпринимателям	3,6	3,2
Людям, занимающимся политикой	3,4	2,9
Сотрудникам милиции	3,2	2,4
Депутатам	2,8	2,2
Чиновникам, госслужащим	2,5	2,0

Приведенные данные позволяют утверждать, что «государственники» в значительной мере «включены» в институт государства. Напротив, «партикуляристы», оставаясь гражданами России, демонстрируют свою отстраненность от государства. Конечно, это не «выход», но вполне очевидное отчуждение.

Если это так, то следует ожидать различающегося отношения к выполнению гражданских обязанностей, ассоциирующихся с институтом государства, например к службе в армии или участию в выборах.

Действительно, «партикуляристы» не склонны считать службу в российской армии обязательной: их 58 % против 38 среди «государственников» (см. табл. 8).

Таблица 8

Отношение к службе в российской армии
(в процентах от респондентов в группе)

Служить в армии	«Государственники»	«Партикуляристы»
непочетно, но <i>обязательно</i> + почетно и <i>обязательно</i>	53	36
почетно, но <i>необязательно</i> + непочетно и <i>необязательно</i>	38	58

Очевидно также, что «государственники» заметно чаще, чем «партикуляристы», участвуют в общероссийских и региональных выборах (см. табл. 9).

Таблица 9

Участие в общероссийских и региональных выборах
(в процентах от респондентов в группе)

	Общероссийские выборы		Региональные выборы	
	«Государственники»	«Партикуляристы»	«Государственники»	«Партикуляристы»
Всегда	58	38	53	34
Иногда	21	36	28	34
Никогда	18	23	17	28

Причины неучастия в выборах связаны именно с отношением к институту государства, а также к политике и политикам в России, а не с общей аполитичностью. «Государственники» вдвое чаще, чем «партикуляристы», выражают доверие государству (см. табл. 10).

Доверие к государству
(в процентах от респондентов в группе)

	«Государственники»	«Партикуляристы»
Российскому государству можно доверять	31	14
С государством в России нужно быть поосторожнее	69	86

Они же менее критически оценивают мотивации политиков (см. табл. 11).

Таблица 11

Представление о мотивах решений и действий политиков
(в процентах от респондентов в группе)

	«Государственники»	«Партикуляристы»
Собственные интересы	57	70
Интересы государства	40	31
Благо людей	10	9

«Государственники» подходят к оценке российской власти в основном с патерналистских позиций: власть «забывает» об интересах простых людей, слишком бюрократизирована и коррумпирована (= «далека от народа»), действует в интересах крупного бизнеса, не прислушивается к требованиям граждан и т. п. «Партикуляристы», в целом соглашаясь с этими претензиями, акцентируют политическую неэффективность власти: уклонение от решения важных проблем, обман и создание видимости решения проблем, авторитарность, недемократичность, отстранение граждан от принятия решений, слабое прогнозирование своих действий и т. п. (см. табл. 12).

Таблица 12

Основные претензии к российской власти
(в процентах от респондентов в группе)

Власть	«Государственники»	«Партикуляристы»	Разница
Забывает об интересах простых людей	37	30	7
Слишком бюрократизирована	31	25	6
Действует только в интересах крупного бизнеса	28	24	4

Власть	«Государственники»	«Партикуляристы»	Разница
Не прислушивается к требованиям граждан	16	14	2
Допускает беззаконие, произвол	35	34	1
Неэффективна	19	21	-2
Не гарантирует исполнение прав граждан	20	23	-3
Не принимает в расчет возможные последствия своих решений	10	13	-3
Заботится только о своих собственных интересах	26	30	-5
Уклоняется от решения самых важных проблем	6	13	-7
Ограничивает свободу СМИ	5	11	-7
Не допускает влияния граждан на принятие политических решений	4	12	-8
Коррупцирована	43	51	-8
Прибегает к обману, создает видимость решения проблем	15	26	-11
Авторитарна, недемократична	12	24	-12

«Партикулярные» респонденты гораздо активнее используют разные способы влияния на власть — подписывают обращения, пишут письма, просят помощи или выражают недовольство, участвуют в массовых акциях (см. табл. 13).

Таблица 13

Активность, проявленная в течение последних 12 месяцев
(в процентах от респондентов в группе)

Виды активности	«Государственники»	«Партикуляристы»
Писали письма должностным лицам, ходили к ним на прием, просили о помощи или выражали свое недовольство	23	46
Участвовали в согласованных или несогласованных с властями массовых акциях	8	34
Высказывали суждение или подписывали обращение	15	27

«Партикуляристы» стремятся действовать в сфере формирования, а не воспроизводства государственной политики. Они чаще участвуют в политических дискуссиях и избирательных кампаниях, а также работают в органах самоуправления или стремятся представлять граждан во властных структурах (см. табл. 14).

Таблица 14

Политическая активность
(в процентах от респондентов в группе)

Виды активности	«Государственники»	«Партикуляристы»
Участие в разговорах, спорах о политике, в публичных политических дискуссиях	68	93
Участие в избирательной кампании в качестве активиста, агитатора	20	39
Распространение политических листовок, газет и журналов	27	38
Участие в выборах в качестве кандидата	4	9
Работа в органах самоуправления	4	7

Иными словами, граждане, которые не склонны к рутинному воспроизводству существующей организации власти посредством электоральных процедур, т. е. скорее ориентируются на стратегию «выхода», используют свои гражданские права для воздействия на властные структуры и фактически реализуют стратегию «голоса».

Насколько эффективна последняя стратегия? Судя по мнению самих респондентов, результативность влияния граждан на принятие решений органами власти не слишком велика. Так полагают даже те, кто склонен поддерживать существующий институт государства (см. табл. 15).

Таблица 15

Представления о влиянии граждан на принятие решений властными органами
(в процентах от респондентов в группе)

	«Государственники»	«Партикуляристы»
Стали влиять больше	27	8
Стали влиять меньше	42	52
Затрудняюсь ответить	31	40

Большинство же «партикуляристов» констатируют, что в последние годы произошло падение гражданского влияния либо в лучшем случае результаты гражданской активности неопределенны.

Таким образом, мы можем утверждать, что эмпирические данные в основном подтвердили наши исходные теоретические предположения. Стремление к институциональному изменению государства «извне», выражаемое в стратегии «голоса» гражданских активистов, сопровождается или их исключением из этого института, или частичной реализацией стратегии «выхода», которая в данном случае в принципе ограничена природой этого института. Как следствие, попытки трансформации института государства «извне» оказываются недостаточно эффективными. Основное направление институциональной модернизации российского государства связано скорее с использованием политических прав граждан в рамках существующих институциональных структур. Но это отнюдь не умаляет значение гражданской активности. Гражданское действие оказывается необходимым для формирования социетальных предпосылок политической активности.

Гражданские стратегии изменений и российская власть

Многочисленные исследования гражданского общества показывают, что изучение этого феномена без попыток понять происходящее «внутри», без вычленения тенденций его развития, целей его акторов приводит к формальным, граничащим с бессмысленными результатами и бесконечным спорам на тему «есть ли в России гражданское общество».

Попытки выделения различных сегментов, стратегий и акторов гражданского общества, а также изучения социальных движений, предпринимались в России не один раз¹. Опрос населения России с акцентом на граждански активные группы, проведенный отделом сравнительных политических исследований ИС РАН в 2009 г., показывает, что наиболее заметные отличия между различными группами активных граждан обусловлены их отношением к власти. В соответствии с ответами на вопрос: «Вы скорее поддерживаете политику российских властей или находитесь к ней в оппозиции?» мы выделили три группы респондентов: группу «оппозиционных», группу «провластных» и группу «нейтральных» граждан. Результаты анализа показывают, что ответы респондентов очень часто коррелируют с тем, в какой группе «по отношению к власти» они находятся.

¹ Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Загорающиеся социальные движения в современной России. М., 2010. С. 343–362.

А. Сунгуров предлагает классификацию сегментов гражданского общества по основанию «тип взаимодействия органов власти и структур гражданского общества» и шкалу из восьми типов, объединенных в четыре группы — «партнерское взаимодействие», «взаимодействие, основанное на доминировании власти», «отсутствие взаимодействия» и «конфронтация»¹.

Как будет показано ниже, наша группа «оппозиционеров» соответствует группе «конфронтация» А. Сунгурова, включающей два типа: «борьба с противником» (государство рассматривает независимые общественные организации как опасность и старается осложнить их деятельность) и «гражданское неповиновение» (в условиях нарушения гражданских свобод часть организаций использует методы гражданского неповиновения и переходит в плоскость политической борьбы). Группа «провластных» близка к «патерналистской» модели по Сунгурову (поддержка власти в обмен на лояльность к общественной организации), «нейтральные» в нашем опросе — это те, кто соответствует модели «игнорирования» Сунгурова (государство не мешает, но и не помогает ее деятельности). Выводы, полученные нами как по результатам этого опроса, так и в ходе качественных исследований (интервью с активистами общественных организаций и движений в 2005–2009 гг.), совпадают с выводами А. Сунгурова: во второй половине 2000-х гг. в России стали преобладать две модели взаимодействия гражданского общества и государства: «патерналистская» модель по отношению к готовым принять такую модель организациям и модель «борьбы с противником» по отношению к остальным»². Согласно нашим исследованиям, сохранилась также довольно большая группа «нейтральных» активистов, которые либо игнорируются властью, либо то сотрудничают с ней, то вступают в конфликты.

Наша выборка распределилась по группам следующим образом.

Таблица 1

Распределение респондентов по отношению к политике российских властей и степени вовлеченности в гражданскую активность

Группа респондентов	Количество респондентов, человек	% респондентов
Неактивные	361	38
Активные	626	62

¹ Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством. М., 2008. С. 211–214.

² Там же. С. 231.

Группа респондентов	Количество респондентов, человек	% респондентов
В том числе*:		
«Провластные»	99	10
«Оппозиционеры»	245	25
«Нейтральные»	177	18
Затруднились ответить	105	11
Всего	987	100

* По ответам на вопрос: «Скажите, пожалуйста, Вы скорее поддерживаете политику российских властей или находитесь к ней в оппозиции?»

Рассмотрим различия между группами. На вопрос «Как власти относятся к Вашей политической деятельности?» (допускалось несколько вариантов ответов) 78 % опрошенных затруднились ответить (возможно, значительная часть не занимается политической деятельностью). Среди ответивших больше всего сказали, что власти им «противодействуют, борются» (42 %), 28 % — «пытаются манипулировать в своих интересах», 25 — что «игнорируют, не замечают». Только 10 % опрошенных отметили, что власти им помогают и 10 % ответили: «Взаимодействуем на равноправной основе».

Среди тех, кто отметил, что власть их политической деятельности «противодействует, борется», 94 % были «оппозиционерами», среди тех, кто ответил: «пытаются манипулировать в своих интересах» — 50 % — «оппозиционеры», 26 — «нейтральные» и 17 — «провластные». Власти игнорируют политическую деятельность 48 % «оппозиционеров», 30 — «нейтральных» и 7 — «провластных». Группы, которым власти помогают и взаимодействуют, слишком малы (22 и 23 человека), чтобы делать на их основе какие-то выводы.

Что касается общественной деятельности респондентов, вопрос задавался несколько иначе и ответы получились не столь определенные. «Исходя из Вашего опыта, наблюдений, как российские власти относятся сегодня к общественным организациям, инициативам?» — спросили мы респондентов. Во-первых, на этот вопрос затруднились ответить только 14 % опрошенных. И снова больше всего, 37 % ответивших, считают, что власть противодействует и борется с общественными организациями. 33 % считают, что власть пытается манипулировать, и 29 — что она их игнорирует. 19 % респондентов полагают, что власти сотрудничают с общественными организациями, и 8 — что они им помогают. При этом почти половина (40 %) тех, кто считает,

что власти помогают, приходится на невовлеченных в общественную активность, т. е. невовлеченные в общественную активность представляют картину взаимодействия власти и общественности более благополучной, чем активисты. Больше всего власти помогают «провластным» (29 %).

Среди «оппозиционеров» 55 % опрошенных отметили, что власти противодействуют общественным организациям, 40 — что пытаются манипулировать ими в своих интересах, 35 — что они с общественными организациями сотрудничают (поскольку вопрос задавался об отношении к общественным организациям вообще, вполне объяснимо, что оппозиционеры признают наличие сектора общественной деятельности, поддерживаемого властями) и 13 — что игнорируют.

Рассмотрим репертуар коллективных действий, преобладающий в разных группах.

Таблица 2

Репертуар коллективных действий
(в процентах от числа ответивших по группам и всей выборке)

Доводилось ли Вам в течение последних 12 месяцев	Группы				Ответили, человек
	«Провластные»	«Оппозиционеры»	«Нейтральные»	Неактивные или затруднившиеся ответить	
Сдавать деньги или вещи на благотворительные цели	10	42	23	25	306
Высказывать суждение или подписывать обращение	8	58	20	15	274
Безвозмездно работать в общественной или политической организации	13	52	22	13	231
Участвовать в политических дискуссиях, конференциях, публичных слушаниях	13	64	18	6	156
Принимать участие в согласованной с властями акции протеста	4	78	13	5	147
Обращаться к представителям власти, чтобы выразить свое недовольство	8	66	18	9	139
Писать письма должностным лицам или ходить к ним на прием	18	42	19	21	139
Обращаться к журналистам	8	62	21	10	132

Доводилось ли Вам в течение последних 12 месяцев	Группы				Ответили, человек
	«Провластные»	«Оппозиционеры»	«Нейтральные»	Неактивные или затруднившиеся ответить	
Распространять политические листовки, газеты, журналы	5	81	8	7	118
Собирать подписи среди населения	11	60	17	13	104
Обращаться к представителям власти с просьбой о помощи	17	36	29	18	84
Участвовать в деятельности профсоюзных организаций	17	31	32	20	78
Участвовать в несогласованных акциях и акциях «прямого действия»	0	93	5	1	75
Звонить на радио или в ТВ-ток-шоу, чтобы выразить мнение	6	56	21	16	48
Проводить голодовку	7	59	24	10	29
Работать в органах самоуправления	21	25	29	25	24
Участвовать в забастовке	6	35	35	24	17

Мы видим, что репертуар коллективных действий «оппозиционеров» намного шире и действуют они значительно активнее. Прагматические задачи — решить проблему, добиться результатов, получить защиту от репрессий — заставляют их прибегать к вполне легальным, «неконфронтационным» методам для достижения своих целей, в том числе обращаться за помощью к представителям власти. 36 % из тех, кто обращался к представителям власти с просьбой о помощи, — это «оппозиционеры». По мнению Карин Клеман, это свидетельствует «о реальном структурировании социально-политической системы в России, где экономические и политические ресурсы все больше замыкаются на власти»¹.

«Оппозиционеры» более политизированы: они составляют 80 % распространявших политические листовки, 64 % участников политических дискуссий.

¹ Институциональная политология... С. 229–264.

Пассивность «провластных», узкий набор их действий, очевидно, вызваны тем, что наличие ресурсов, ориентация в большей степени на имитацию деятельности, чем на реальные действия, ведут к тому. «провластные» ведут свою деятельность в 1–2 формах. Чаще всего они работают в органах местного самоуправления или пишут письма должностным лицам.

«Нейтральные» также оказались более активными, чем «провластные». Они активнее всего обращаются к власти за помощью, занимаются благотворительностью, работают в органах самоуправления. Высокие цифры участников забастовок среди нейтральных (35 %) нельзя считать достоверными из-за малого числа респондентов в этой группе.

Резко расходятся представления представителей разных групп о наиболее эффективных методах достижения целей (вопрос «Какие методы достижения целей Вашей организации Вы считаете наиболее эффективными в современных условиях?»). Среди сторонников несанкционированных действий (голодовки, пикеты на дорогах) оказалось 83 % «оппозиционеров», 0 — «провластных» и 6 — «нейтральных»; среди сторонников акций гражданского неповиновения — 84 % «оппозиционеров», 3 — «провластных», 5 — нейтральных. Это наибольшие расхождения в оценке эффективности форм общественной деятельности. При этом «оппозиционеры» считают эффективными намного большее число методов, чем остальные опрошенные, что говорит о том, что для достижения результата они привыкли действовать одновременно по всем направлениям. «Оппозиционеры» активно высказываются за такие методы, как агитация, просвещение, сбор подписей, подача обращений, уличные акции и привлечение внимания СМИ. Наименее эффективными они считают партнерские отношения с властью и бизнесом, переговоры с представителями власти, лоббистские методы, участие в выборах и поиск «своих» людей во власти.

«Провластные» считают самыми эффективными обращения в органы исполнительной власти и партнерские отношения с властью и бизнесом. «Нейтральные» на первое место по эффективности ставят финансовую помощь (фондов, благотворителей), на второе — поддержку конкретной партии на выборах, на третье — обращения в органы законодательной власти и поиск «своих» людей.

Интересна оценка условий, в которых работали общественные организации в разные периоды новейшей российской истории.

Как Вы считаете, в какой из этих периодов условия работы общественных организаций в нашей стране были наиболее благоприятными?
(в процентах от числа ответивших по группам)

	Группы				Затруднились ответить
	«Неактивные»	«Провластные»	«Оппозиционеры»	«Нейтральные»	
1988–1991 гг.	13	18	29	20	10
1992–1999 гг.	11	17	35	16	20
2000–2008 гг.	17	31	12	22	13
2009 г.	3	8	3	7	2
Затруднились ответить	58	30	25	37	55

Мало кто взялся оценить условия работы в 2010 г., но по остальным периодам оценки оказались закономерными: «провластные» время президентства В. Путина чаще всего оценивали как наилучшее для работы общественных организаций. Ответы «нейтральных» распределились достаточно равномерно, а «оппозиционеры» считали, что лучше всего общественным организациям работалось в 1990-е гг.

«Оппозиционеры» меньше ориентированы на соблюдение российских законов: 32 % из них считают, что законы надо выполнять, 47 % — какие-то надо, какие-то нет, а 21 % утверждают, что в России нет нормальных законов, которые следовало бы выполнять. При этом «закон» как ценность занимает в иерархии ценностей «оппозиционеров» довольно значимое место. Представители остальных групп относятся к существующим законам более позитивно.

Описывая образ желаемого общества, «оппозиционеры» наибольшее значение придают таким ценностям, как свобода (70 %), права человека (67), уважение к чужому мнению (64), равенство (58), закон (54), доверие (52). «Провластные» на первые места поставили закон (73 %), права человека (61), мораль (53), семью (52) и труд (51). Меньше, чем остальных, их волнует свобода, равенство и уважение к чужому мнению.

«Оппозиционеры» чаще других считают, что благополучие человека зависит от того, насколько справедливо устроено общество.

Среди «провластных» больше оплачиваемых активистов: 37 % из них получают вознаграждение за общественную работу время от времени или на постоянной основе. Среди «оппозиционеров» таких 24 %, среди «нейтральных» — те же 37.

Претензии к российской власти у оппозиционных активистов связаны с ее коррумпированностью, авторитарностью и допущением произвола (см. табл. 4). Для «нейтральных» в отличие от остальных двух групп общественных активистов, было важно отметить, что власть забывает об интересах простых людей. Для «провластных» кроме произвола актуальна бюрократизированность власти, и чаще, чем остальные, они упрекают власть в излишней либеральности.

Таблица 4

Основные претензии к российской власти
(в процентах от числа ответивших по группам)

Российская власть	Тип активности			Затруднились ответить
	«Провластные»	«Оппозиционеры»	«Нейтральные»	
Коррумпирована	56	65	66	36
Авторитарна, недемократична	4	52	17	12
Допускает беззаконие, произвол	33	49	41	36
Забывается только о своих собственных интересах	13	43	23	18
Действует только в интересах крупного бизнеса	19	39	29	16
Прибегает к обману, создает видимость решения проблем	16	29	23	18
Забывает об интересах простых людей	31	26	38	31
Не гарантирует права граждан	18	24	26	26
Слишком бюрократизирована	37	19	33	24
Не имеет стратегии развития страны	7	18	12	7
Неэффективна	13	18	17	18
Ограничивает свободу СМИ	6	18	10	8
Не допускает влияния граждан на принятие политических решений	6	16	9	6
Не прислушивается к требованиям граждан	13	13	12	6
Уклоняется от решения самых важных проблем	10	12	13	4
Не принимает в расчет возможные последствия своих решений	14	9	11	10

Российская власть	Тип активности			Затруднились ответить
	«Провластные»	«Оппозиционеры»	«Нейтральные»	
Проводит несправедливую политику	3	8	1	2
Излишне либеральна, не наводит порядок	11	4	5	13
Затруднились ответить	13	1	6	29

Еще в 2006 г. на основании предварительных выводов качественных социологических исследований российского поля активизма (включенное наблюдение и интервью) Карин Клеман писала: «Теперь выбор стоит более ясный (и тяжелый) перед активистами — либо вместе с властью по правилам и на позициях власти, либо по своим правилам и на своих позициях... но против власти»¹. На наш взгляд, этот вывод подтвердился последующими исследованиями социальных движений.

Пространство гражданской и политической активности к 2010 г. распалось на три сегмента, отличающиеся по типу отношения к власти, стратегиям достижения целей, репертуарам коллективных действий и источникам ресурсов. Границы между ними не являются непроницаемыми, но тем не менее стратегия определяет образ жизни активиста, организации или социального движения, выбор сторонников и противников. Провластные организации работают прежде всего на легитимацию существующей политической системы, способствуют созданию положительного образа власти в глазах населения. Оппозиционные — ориентированы на критику власти в целом и ее конкретных решений в политической и социальной сферах. Прагматичные нейтральные организации привержены гибкой стратегии в достижении поставленных целей.

Политическая активность как фактор политической модернизации

Одним из основных отличий современного общества от традиционного является высокий уровень вовлеченности граждан в политику и наличие политической системы современного типа, представля-

¹ Институциональная политология... С. 257.

ющей собой комплекс сложных, автономных, адаптивных и согласованных политических институтов, содействующих расширению участия граждан в модернизационных процессах¹. Поэтому цели и задачи модернизации российского общества недостижимы без решения проблем политической модернизации. Речь идет, во-первых, об изменении институциональной среды (ценностей и норм, которыми руководствуются люди в политическом поведении). Во-вторых, о создании политической системы, основанной на политическом плюрализме и конкуренции, способной представлять и согласовывать интересы разнообразных социальных групп и формировать каналы мобилизации для участия граждан в преобразованиях. В случае если власть не способна создать такую политическую систему, низовая активность граждан находит другие, неинституциональные каналы реализации (протестная активность, «прямое действие»).

Многие западные исследователи модернизации (наиболее известен из них Р. Инглехарт) отмечают, что экономическая модернизация сама по себе создает благоприятные социальные и культурные условия для массового политического участия, поскольку обладание большими экономическими и когнитивными ресурсами способствует переходу от «ценностей выживания» к «ценностям самовыражения». В ценностях самовыражения проявляется «синтез межперсонального доверия, толерантности и политической активности, который играет ключевую роль в возникновении и сохранении демократии»². Представляется, однако, что, соглашаясь с важностью экономических и социокультурных процессов для модернизации российского общества, следует не забывать о той, часто решающей роли, которую играли и продолжают играть политические факторы в российской истории.

Возможности и перспективы политической активности в современной России в значительной мере обусловлены спецификой российского политико-институционального контекста, включающего в себя как формальные политические институты (государство, политические партии, средства массовой информации), так и неформальные — поведение основных политических акторов в соответ-

¹ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.

² Welzel C., Inglehart R. The Role of Ordinary People in Democratization // Journal of Democracy. 2008.V. 19. № 1. P. 138. См.: *они же*. Modernization, Cultural Change, and Democracy. N. Y.: Cambridge University Press, 2005. На русском языке опубликована их статья «Как развитие ведет к демократии» (Россия в глобальной политике. 2009. № 3).

ствии с нормами и ценностями российской политической культуры. Изменения этого контекста в последние годы и его влияние на политическую и гражданскую активность российских граждан исследованы в отделе сравнительных политических исследований Центра политологии и политической социологии ИС РАН в рамках проекта «Гражданское участие в меняющихся политико-институциональных условиях». С другой стороны, проанализировано воздействие политической активности на изменения институциональной среды.

Анализ результатов полевых обследований позволил верифицировать некоторые гипотезы относительно отношения россиян к политике, их политического поведения в данном институциональном контексте и оценить перспективы перехода от традиционных для России пассивных форм участия в политике к активным формам, к политическому действию.

Все опрошенные эксперты (среди них — известные исследователи, а также активисты общественных организаций) однозначно отрицательно оценивают происшедшие в 2000-е гг. существенные изменения в избирательном законодательстве, законодательстве, касающемся политических партий и общественных организаций. Среди них: повышение проходного барьера на выборах в Госдуму, снизившее возможности для прохождения в Думу малых партий, увеличение минимальной численности партий, что привело к сокращению общего количества политических партий и, таким образом, уменьшило возможности массового политического участия. Что касается законодательства об общественных организациях, то принятый Госдумой в 2006 г. закон «Об общественных неправительственных организациях» внес значительные изменения в закон 1995 г. «Об общественных объединениях». Эти изменения существенно усложнили условия деятельности структур гражданского общества, установили серьезные барьеры на пути их создания и систему контроля над всеми аспектами функционирования существующих организаций, прежде всего финансовыми, что часто вынуждает их просто прекращать свою деятельность.

По мнению экспертов, общественные движения практически оказались лишены возможности влиять на политическую систему, на основных политических акторов, вообще участвовать в политическом процессе. Создание же властью Общественной палаты оценивается экспертами как мера, направленная на поддержку не гражданских инициатив, возникающих снизу, а лояльных власти организаций, как фактическая подмена структур реального гражданского общества связанными с властью общественными организациями, создаваемы-

ми сверху. В целом происшедшие в политико-институциональном контексте изменения, реализуемая властями стратегия ведут, по оценке экспертов (с которой нельзя не согласиться), к отчуждению граждан от политики, снижению гражданской активности.

По данным анкетных обследований, российские граждане также дают вполне адекватную оценку этим изменениям. Большинство из них негативно относится к принятию поправок в избирательное законодательство (касающихся отмены прямых выборов губернаторов и нижнего порога явки на выборы, повышения барьера для прохождения партий в парламент), а также в законы о политических партиях и общественных организациях.

Более 70 % респондентов считают, что политический выбор в последнее время «стал однообразнее», а свыше 60 % оценивают происходящие изменения как «свертывание демократии». 55 % ответивших относятся негативно к появлению в России политической партии, контролирующей абсолютное большинство мест в Государственной думе. Очевидно, что люди оценивают указанные политико-институциональные изменения как сокращение возможностей для политической и гражданской активности. Отвечая на вопрос, «стали ли граждане больше или меньше влиять на принятие решений властными органами», 51 % респондентов выбрали второй вариант ответа, тогда как первый — лишь 12 %. Следует отметить, что достаточно большое число людей (31 %) затруднилось с ответом, что, вероятно, говорит о том, что этот вопрос не является для них значимым.

Эти данные подтверждаются и результатами опроса, проведенного социологами Левада-центра в конце февраля — начале марта 2010 г. Только 14 % россиян считают, что они могут оказывать определенное влияние на принятие государственных решений в стране, большинство же (85 %) уверены, что такой возможности у них нет.

Вместе с тем в проведенных нами обследованиях ответы респондентов на вопросы об их конституционных правах и свободах свидетельствуют о том, что в перечне наиболее значимых для них прав политические и гражданские права (объединение в общественные организации, участие в управлении делами государства, право избирать и быть избранным и др.) находятся на самых последних местах. В опросе Левада-центра о демократии, проведенном в августе 2009 г., также наименьшее число опрошенных — всего 4 % — назвали в числе наиболее важных прав человека свободу собраний и объединений.

Серьезной проблемой для увеличения потенциала политической активности российских граждан является несформированность в российском социуме политического пространства, понимаемого

как сфера взаимоотношений и коммуникации граждан, а также граждан и государства с целью согласования и реализации общественных, коллективных и частных интересов. В соответствии с традициями отечественной политической культуры граждане дистанцируются от власти, выражая ей свое недоверие в виде набора претензий, состоящих в первую очередь в «авторитарности, недемократичности, отстаивании интересов крупного капитала, неспособности защищать законные права граждан». По-прежнему высоким остается уровень недоверия к государству и ко всем политическим институтам, прежде всего к Госдуме и политическим партиям. Государству доверяют лишь 17 % ответивших, тогда как 83 — не доверяют.

Данные наших обследований показывают, что около половины респондентов в той или иной мере интересуются политикой, участвуют в разговорах, спорах о политике, обсуждают во время избирательных кампаний вопрос, за кого стоит голосовать, имеют свои представления о сфере политики. Однако значительная часть опрошенных признала, что им достаточно трудно составить собственное мнение по политическим проблемам. Вместе с тем 64 % наших респондентов¹ смогли определить свою политическую идентификацию, назвав идеологию, соответствующую их взглядам (при этом наибольшее число опрошенных придерживаются социал-демократических взглядов, далее идут — по убывающей — сторонники либерализма, анархизма, экологизма и коммунизма).

Выделяя проблемы, которыми обычно занимаются политики, респонденты отдали приоритет лишь трем из них — «безопасности страны», «безопасности граждан» и «проблемам бизнеса», между тем очень незначительная часть ответивших отметила в качестве значимых такие проблемы, как «определение стратегии развития страны» и «обеспечение эффективности государственного управления». В ответе на вопрос, «в какие сферы вмешательство политики обязательно», лишь немногие респонденты смогли очертить границы политической сферы, отделив ее от других сфер общественной жизни. Все это свидетельствует как о наличии определенного интереса к политике у части граждан, так и о достаточно низком уровне гражданской и политической компетентности, а также о несформированности в российском социуме политической сферы как самостоятельной, отделенной от других сфер общественной жизни, что отражается и в представлениях граждан о политике.

¹ Это объясняется, вероятно, некоторой «скошенностью» нашей выборки: в ней довольно высока доля участников общественных движений.

Граждане периодически в той или иной форме реализуют свое право на участие в политике, прежде всего в форме электоральной активности. Голосование является *политическим* участием, если оно основано на осознанном *политическом выборе* граждан, обладающих определенным набором компетенций относительно политики и власти. В этом случае граждане конституируют политическую власть и выражают свое отношение к политическому курсу, в рамках которого рассматриваются и решаются проблемы и требования, значимые для большинства или даже всех граждан, т. е. стремятся повлиять на власть. В противном случае электоральная активность является рутинной формой политического поведения, связанной с готовностью предоставить власти (начальству) полномочия для проведения сформулированной ею же политики.

Как же обстоит дело с электоральной активностью по данным наших обследований? Анализ их результатов показывает, что электоральная активность российских граждан имеет положительную корреляцию с образованием (см. табл. 1), с интересом к политике (см. табл. 2), членством в партиях и отрицательную — с членством в политических движениях (см. табл. 3). То есть несколько чаще участвуют в выборах образованные граждане, граждане, интересующиеся политикой, и члены политических партий (в нашей выборке их около 8 %), что, очевидно, связано с большим объемом компетенции, большей информированностью о политике и вовлеченностью в нее (в той или иной степени).

Таблица 1

Участие в выборах и фактор образования
(в процентах от числа ответивших)

Как часто Вы голосовали на общероссийских выборах?	Образование			
	Неполное среднее	Среднее и среднее специальное	Незаконченное высшее	Высшее
Всегда	26	48	40	54
Иногда	29	33	31	34
Никогда	42	16	26	11

Показательно, что среди респондентов с высшим образованием число участвующих в выборах вдвое больше, чем среди респондентов с неполным средним образованием, а не участвующих среди лиц с неполным средним образованием — в 4 раза больше, чем среди лиц с высшим образованием. Однако среди тех, кто регулярно пользуется Интернетом, количество голосующих почти на двадцать пунктов

меньше, чем не голосующих, что связано, очевидно, с возрастом респондентов — молодежь голосует значительно реже, чем люди старших поколений.

Таблица 2

Электоральная активность и интерес к политике
(в процентах от числа ответивших)

Как часто Вы голосовали на общероссийских выборах?	Насколько Вы интересуетесь политикой?				
	Очень интересуюсь		Совсем не интересуюсь		
	1*	2	3	4	5*
Всегда	55	55	48	49	36
Иногда	24	27	39	33	38
Никогда	20	18	12	14	22

* От 1 (очень интересуюсь) до 5 (совсем не интересуюсь).

Показательно, что у членов политических движений и клубов (около 11 % опрошенных) положительная корреляция между членством и электоральным участием отсутствует: среди них процент голосующих значительно ниже среднего по выборке, а неголосующих — значительно выше (что, очевидно, связано с их оппозиционностью по отношению к власти, которую подтверждают ответы на другие вопросы анкеты).

Таблица 3

Электоральная активность и членство в партиях и движениях
(в процентах от числа ответивших, по столбцам)

Как часто Вы голосовали на общероссийских выборах?	Являетесь ли Вы членом политической партии?		Являетесь ли Вы участником других политических объединений?		
	Да	Нет	Политического движения	Политического клуба	Нет, не являюсь
Всегда	74	46	33	42	50
Иногда	15	35	25	30	34
Никогда	11	17	41	27	14

В контексте тотального недоверия людей к существующим политическим институтам возникают вопросы о содержании голосования, о том, какой смысл придают граждане своим действиям. Направлены ли они на влияние на политику властей или же граждане просто делегируют им полномочия на реализацию любого политического курса?

В данной связи представляется важным проанализировать ответы на вопросы о власти и демократии.

Выше уже отмечалось, что одна из основных претензий наших респондентов к российской власти — ее авторитарный характер. С такой оценкой характера власти логично увязывается общая неудовлетворенность состоянием демократии в нашей стране: 3,6 балла по 10-балльной шкале (от 1 — совершенно не удовлетворен до 10 — полностью удовлетворен).

По результатам нашего опроса выделяются две примерно равные группы респондентов, которые в ответе на вопрос, «что более важно для России: усиление государства или развитие демократии», выбирают первый или второй вариант (37 %). Примерно такие же количественно группы дают ответы на вопрос о сторонниках и противниках «сильной руки» (соответственно 32 и 36 %). Таким образом, можно констатировать наличие в российском обществе, по крайней мере, около трети граждан, для которых актуален запрос на демократию (примерно те же данные дают и другие, в том числе и проводившихся нами ранее обследования).

Содержательная трактовка демократии при этом у разных групп респондентов различается: наибольшее число сторонников у представительной демократии и демократии участия (партисипаторной), а также технократической версии демократии — соответственно 35, 32 и 22 %. Дальнейший анализ показывает, что число приверженцев партисипаторной версии среди сторонников «развития демократии» почти вдвое превышает их количество среди тех, кто выступает «за усиление государства», тогда как поддерживающих технократическую версию в два раза больше у «государственников», чем у «демократов» (см. табл. 4).

Таблица 4

**Представление о демократии и выбор между
усилением государства и развитием демократии**
(в процентах от числа ответивших)

Представление о демократическом правлении	Для России более важно	
	усиление государства	развитие демократии
Осуществление власти народом через своих избранных в представительные органы власти	34	32
Передача властных функций наиболее достойным профессионалам	30	14

Представление о демократическом правлении	Для России более важно	
	усиление государства	развитие демократии
Результат борьбы партий и передачи полномочий победившей партии	12	8
Возможность для граждан участвовать в принятии политических решений	25	46

Соответственно, мотивация при голосовании у выделенных нами групп должна различаться: для одних — это делегирование полномочий (что в российских условиях не сопрягается с контролем и подотчетностью власти, а означает отстранение граждан от реального влияния на политику), для других — возможность повлиять на власть, что предполагает ее демократическую трактовку.

Помимо электоральной политическая активность реализуется и в других формах политического участия — создании политических партий и политических движений, поддержке их деятельности или работе в них и др. Такое участие предполагает как наличие релевантных партий, способных артикулировать и агрегировать требования людей, так и граждан, знающих свои политические права и интересы, усвоивших нормы и ценности гражданской политической культуры, мотивированных к действиям, направленным на общественные изменения.

Анализ данных анкетных опросов 2008–2009 гг. показывает, что большинство российских граждан не видят в существующих политических партиях представителей своих интересов. Лишь 20 % респондентов считают, что в России есть политические партии, которые действуют в интересах таких людей, как они, тогда как 32 % полагает, что таких партий нет. Высокая доля респондентов (36 %), затруднившихся с ответом, позволяет предположить, что они также не считают свои интересы представленными. Существующие в России партии они критикуют прежде всего за то, что те «защищают только интересы крупного бизнеса», «не защищают интересы простых граждан», за отрыв лидеров от рядовых членов.

Критически оценивают респонденты и деятельность российских политиков в целом, отмечая, что они в первую очередь ориентируются в своей работе на собственные интересы, а не на общее благо (см. табл. 5).

Мотивационные ориентации политиков при решениях и действиях
(в процентах от числа ответивших)

Благо людей	8
Интересы государства	30
Собственные интересы	62

Если же сравнить, как голосуют респонденты, полагающие, что в России есть партии, представляющие их интересы, и те, кто считает наоборот, то оказывается, что первые голосуют в полтора раза чаще, чем вторые (см. табл. 6).

Участие в выборах и партии
(в процентах от числа ответивших)

Участие в выборах в Государственную думу	Если Вы не являетесь членом партии, то тем не менее есть ли в России политические партии, которые действуют в интересах таких людей, как Вы?	
	Да, есть	Нет, таких партий нет
Да	70	48
Нет	30	52

Таким образом, очевидно, что граждане, имеющие определенные политические предпочтения, выражают их в ходе электоральной процедуры и делают это вполне рационально. Однако в нашем опросе они составляли 20 % от общего числа респондентов, тогда как, по данным этого опроса, голосует на выборах в Государственную думу всего 51 % граждан. Следовательно, большая часть участвующих в выборах голосует нерационально, в силу традиции, привычки и т. д., т. е. их голосование представляет собой в значительной мере рутинную процедуру, не является осознанным политическим выбором, т. е. собственно политическим участием.

Тем не менее россияне явным образом ощущают потребность в более широком политическом представительстве. Почти половина (47 %) ответивших на вопрос о том, «какая партийная система полезна для России», высказались за многопартийную систему, тогда как двухпартийную поддержали 12 %, а однопартийную — лишь 8. При этом больше половины респондентов выступают против доминирующей

нирования одной партии, а с другой стороны, значительная их часть (33 %) положительно относится к сокращению количества политических партий в России в 2000-е гг. (столько же респондентов относятся к этому отрицательно). Отчасти это можно, вероятно, объяснить пониманием респондентами опасности чрезмерного количества партий без определенной политической идентификации, которое наблюдалось в российской политике в 1990-е гг.

Каковы же возможные перспективы изменений в сфере политической активности в современных российских условиях?

В ситуации, когда существующие политические партии, по мнению почти половины граждан, не представляют их интересов, не предлагают решения тех или иных конкретных проблем, граждане могут перейти от рутинного голосования к политическому действию: поиску и созданию новых каналов влияния на власть и новых форм представительства и реализации своих интересов — проведению разного рода акций, формированию различных политических инициатив и движений, объединению в новые партии.

Данные наших обследований выявляют существенные различия между членами политических партий и движений в том, что касается их приверженности нормам социального доверия, реципрокности, установкам на справедливое устройство общества и коллективизм, готовности к объединению для решения общих проблем. По всем этим позициям, демонстрирующим наличие позитивного социального капитала, участники политических движений значительно отличаются не только от средних цифр по всей выборке, но и от показателей членов политической партии (см. табл. 7).

Таблица 7

Социальное позиционирование и политическая включенность
(в процентах от числа ответивших, по столбцам)

Благополучие человека зависит		Членство в политической партии		Участие в политических объединениях		
				Политическом движении	Политическом клубе	Нет, не участвую
		Да	Нет			
От самого человека	65	61	64	40	54	66
От того, насколько справедливо устроено общество	35	39	36	60	46	34

Уровень межличностного доверия участников политических движений и клубов составляет соответственно 44 и 46 % (при среднем уровне доверия по выборке 31 % и показателе доверия у членов партии 35 %). По уровню доверия к государству также наблюдаются значимые различия: средний показатель по выборке — 17 %, у членов движений — 4, а у партийцев — 25, что свидетельствует о гораздо большей дистанцированности от государства участников движений по сравнению с членами политических партий. Таким образом, можно предположить, что именно политические движения в большей мере, чем партии, могут стать в современных российских условиях новыми представителями интересов тех групп общества, которые не считают свои интересы представленными и в то же время ориентированы на общественные изменения.

Именно в движениях происходит институционализация ценностей и норм гражданского и политического участия, что создает определенные предпосылки для изменения институциональной среды, формирования демократического политического порядка. Движения, таким образом, могут, по-видимому, стать актором в поле политики, способным инициировать и воспроизводить практики политического участия и действия.

Вероятно, что в условиях изменений политико-институционального контекста, неблагоприятных для политической активности, сужающегося пространства публичной политики поиск наиболее эффективных способов влияния на власть будет смещаться от институционализированных форм политического участия (электоральная активность, деятельность в политических партиях) к неинституционализированным формам *политического действия* (политическим инициативам, движениям), различным формам непосредственной коммуникации с властью, методам прямого действия.

Целью политического действия является влияние на процесс принятия политических решений. Не случайно поэтому, что среди сторонников партисипаторной версии демократии, участвующих в митингах и демонстрациях в защиту политических прав почти в два раза больше, чем среди приверженцев представительной версии, и втрое больше, чем среди «технократов» и «плюралистов» (см. табл. 8).

Представление о демократии и политическое действие
(в процентах от числа ответивших, по столбцам)

Когда в Вашем городе, районе проходят митинги, демонстрации или другие выступления в защиту политических прав, Вы лично принимаете в них участие?		Обычно да	Обычно нет
Представление о демократии	Осуществление власти народом через своих избранников в представительные органы власти	18	73
	Передача властных функций наиболее достойным профессионалам	9	82
	Результат борьбы партий и передачи полномочий победившей партии	10	77
	Возможность для граждан участвовать в принятии политических решений	30	59

По данным нашего обследования, показатели участия в таких неинституционализованных, прямых формах гражданского и политического действия, как митинги, демонстрации и другие выступления в защиту экономических и политических прав, членов политических партий и движений существенно различаются (см. табл. 9).

Таблица 9

Политическое действие и членство в партиях и организациях
(процентах от числа ответивших, по столбцам)

Когда в Вашем городе, районе проходят митинги, демонстрации или другие выступления в защиту политических прав, Вы лично принимаете в них участие?	Член политической партии		Участник политических объединений			Вся выборка
	Да	Нет	Политического движения	Политического клуба	Нет, не являюсь	
Обычно да	53	16	71	61	12	18
Обычно нет	41	74	21	33	78	72

Если в среднем по выборке доля участия в акциях в защиту экономических прав составляет 26 %, в защиту политических прав — 18 %, то аналогичные показатели для членов политических партий составляют 60 и 53 %, а для участников движений — 80 и 71 % соответственно.

Сравнение приведенных показателей с данными анкетного опроса, касающихся электоральной активности участников движений, позволяет сделать вывод об отказе от рутинного голосования в поль-

зу «прямого действия»: в политических демонстрациях и митингах участвуют около 70 % наших респондентов, а в голосовании — несколько более 30 %.

Проведенный анализ позволяет предположить, что именно с движениями, а не с партиями в первую очередь связаны перспективы массового политического участия в нашей стране и его возможной трансформации в политическое действие. В этом случае речь может идти о появлении политики, сформулированной гражданами, предъявляющими свои требования непосредственно власти, и о перераспределении властных полномочий между государством и обществом в пользу последнего.

К сожалению, пока для большинства россиян ценности самовыражения и демократического участия, о которых пишут Р. Инглехарт и другие исследователи демократии и модернизации, не являются актуальными. Это, вероятно, связано в значительной мере и с недостаточным уровнем экономического развития, и с неразвитостью политического сознания. В такой ситуации власть, выдвигающая перед обществом цели модернизации и демократизации, должна создавать благоприятные политико-институциональные условия для массового политического и гражданского участия, поскольку никакая модернизация, в том числе и политическая, невозможна без заинтересованных и активно участвующих в ней социальных и политических акторов.

Модернизация как контекст гендерного равноправия

В последние годы в дискурсе российских политиков едва ли не преобладающим стало понятие «модернизация». Как правило, его используют, когда говорят о технологических или экономических преобразованиях. Между тем классическое представление о модернизации в политической науке связывается прежде всего с сознательными действиями по утверждению прав человека, а точнее — с обеспечением равенства всех перед законом, политическим участием граждан, политической свободой. То есть всем тем, что можно определить как расширение жизненных шансов людей. Лозунг модерна, по убеждению такого столпа политической мысли XX в., как Р. Дарендорф: «Большее количество шансов — большому числу людей». Р. Дарендорф настаивал на том, что «понятие жизненных шансов является центральным для понимания эпохи модерна»¹. И добавлял:

¹ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политической свободы. М., 2002. С. 32–33.

«Борьба за полное членство в гражданском обществе превратилась в одну из величайших тем» модернизации. Ее важнейшей составляющей является «социальное включение женщин». Дарендорф так раскрывал этот свой тезис: «Долгое время аристотелевское положение о том, что женщины “по природе”, может быть, и не люди второго сорта, но все же должны находиться у домашнего очага, а не на рыночной площади гражданской общественной жизни, господствовало в государственной философии. Движение суфражисток привязало требование гражданских прав к вопросу об избирательном праве и в конце концов... добилось успеха в большинстве развитых стран. Однако дискриминация, превращающая женщин в “граждан второго класса”, сохранилась и сохраняется до сих пор. Ее формы изощренны и малозаметны, но весьма заметно их действие»¹. Именно поэтому требования полноты гражданских прав для женщин, вообще проблематика гендерного равенства являются частью модернизационных процессов.

Задолго до Р. Дарендорфа глубинный, сущностный смысл взаимосвязи между модернизацией общества и наделением гражданскими права не только мужчин, но и женщин всерьез интересовал знаменитого русского философа Н. А. Бердяева, писавшего, что «женская эмансипация, конечно, является симптомом кризиса рода, надлома в поле... Глубокие потрясения пола упреждают наступление новой мировой эпохи»². К числу главных проявлений модернизации общества, наряду с промышленной революцией, урбанизацией, развитием образования, относил проблематику прав женщин и один из основателей социологии немецкий философ Георг Зиммель³.

Каждый из этих философов, осмысляя феномен модернизации, по-своему вел речь о гигантском социальном сдвиге, суть которого заключается в радикальном пересмотре одного из базисных принципов общественного устройства. Тысячелетиями мир и порядок, включая отношения мужчин и женщин, брак, семью, любовь, покоились на принципе иерархического подчинения сакральному мужскому авторитету — авторитету отца-вседержителя, будь то монарх, диктатор — отец нации или глава семейства. Но этот устоявшийся порядок вещей взорвался под сокрушительным натиском великих бур-

¹ Там же. С. 51–52.

² *Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества.* М., 1989. С. 418.

³ *Simmel G. Philosophie de la modernite.* P., 1989. P. 159–161.

жуазных революций. Эти революции провозгласили наступление новой эры — эры прав человека, отрицая тем самым незыблемость полного и якобы освященного небесами всевластия монарха над подданными, мужчины — над женщиной. И в противовес былым представлениям заявили о свободе и равенстве всех (подчеркнем — всех) людей перед законом.

Такой подход в интенции предполагает пересмотр самой совокупности властных отношений. Из отношений господства/подчинения, или субъект/объектных отношений, они должны превратиться в отношения субъект/субъектные. Проще говоря, это означает, что любой властитель — монарх, начальник, хозяин или муж — развенчивается: он перестает быть и (что тоже очень важно) ощущать себя властителем подчиненных, которые при традиционном укладе принадлежат ему душой и телом. Он превращается в простого исполнителя определенных функций в совершенно иной системе разделения труда, предусматривающей не владение другим человеком, а управление конкретным процессом. Его взаимодействие с подчиненными в конечном счете всего лишь согласованное распределение ролей, обязанностей между различными, но равными субъектами. В этом изменении характера власти и одновременно ее разделении, т. е. перераспределении полномочий между различными ветвями власти, государством и гражданским обществом, между мужчинами и женщинами, по большому счету, состоит суть модернизации общественных систем, их демократического переустройства.

Таким образом, с постановки вопроса о правах человека, равенстве всех людей перед законом начинаются перемены во взглядах на назначение женщин, оценке их роли в обществе, наконец, их статусе, который при традиционном порядке держится на их функции продолжательниц рода. Эти перемены происходят трудно, мучительно. Ведь в интенции речь идет о возникновении совершенно новой, по определению известного мыслителя Б. Парамонова, «нерепрессивной культуры», которая, как он справедливо отмечает, стала «подлинной темой двадцатого века, вне всякого сомнения, переходящей в двадцать первый»¹. Возникновение «нерепрессивной культуры» призвано завершить модернизацию, что предполагает включение в демократический процесс всех без исключения членов общества, а значит, и женщин.

¹ *Парамонов Б. М.* Конец стиля. М., 1998. С. 66.

В ходе этих перемен для их осмысления постепенно формулируется концепт гендерного равноправия¹. Он складывается в недрах сначала феминистских, а затем гендерных исследований, которые оцениваются методологами науки как одна из стремительно развивающихся отраслей современного общественного знания. Гендерные исследования все шире захватывают и поле политической науки. В последние десятилетия эти исследования позволили обнаружить, что гендер является центральным организующим принципом общества — он создает разные социальные статусы людей, наделяет их теми или иными правами и обязанностями, обозначает для них тот или иной коридор социальных возможностей. В качестве конститутивного элемента общественных отношений, основанного на воспринятых различиях между полами, гендер пронизывает собой все другие общественные институты — экономические, социальные, политические.

Внимательное прочтение истории под этим углом зрения позволяет обнаружить, что все институциональные структуры — закон, политика, религия, государство, экономика, как правило, гендерно иерархичны — изначально они были созданы мужчинами и все еще подчинены им. Но та же история доказывает, что определения «женственности» и «мужественности», нормативные установки относительно гендерного различия и деятельности, считающейся подходящей для мужчин и женщин, меняются в зависимости от ситуации и контекста. В гендерных отношениях либо воспроизводятся паттерны господства/подчинения, либо возникают новые логики гендерного равноправия, характерные для современной эпохи, эпохи модерна. Новые правила начинают складываться тогда, когда под воздействием модернизации женщины вступают в ранее закрытые для них сферы общественной деятельности — экономическую и политическую.

Итак, развитие гендерной теории происходит как реакция на модернизацию и ее осмысление представителями самых разных направлений общественной мысли — философами, социологами, историками, политологами и т. д. На нынешнее состояние гендерной теории серьезное воздействие оказали очень многие из них. Особым образом

¹ Один из самых авторитетных социологов современности Энтони Гидденс объясняет, что гендер — это «не физические различия между мужчиной и женщиной, а социально формируемые особенности мужественности и женственности». Гендер, по его словам, означает прежде всего «социальные ожидания относительно поведения, рассматривающегося как соответствующее для мужчин и женщин». См.: Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 665.

на нее повлияли, в частности, идеи крупнейшего французского философа современности Мишеля Фуко, разработавшего «капиллярную» теорию власти, а также теоретиков постструктурализма Жака Лакана, Жака Деррида, Жюльена Делеза и др. Благодаря их влиянию произошло определенное смысловое приращение к обоснованию идей гендерного равноправия, возникла новая трактовка базовых для этих исследований понятий «равенство» и «различие». Переопределение термина «различие» сопровождалось рядом принципиально значимых уточнений — «различие» стало раскрываться не как маргинальность, исключение из культуры гражданственности, не как отклонение от нормы, а как некая особая ценность. В этой парадигме любой Другой (иная субъектность) получает возможность претендовать на полновесный гражданский статус. За Другим признается право на полноценное существование в публичной политике. На этой основе формулируется важнейший для прочтения эпохи модерна тезис о многогранности, многоликости, пестроте современного политического пространства, которое держится в напряжении не одним — центральным — конфликтом, не одним противоречием — классовым, расовым или национальным, — а множеством разных конфликтов, разных противоречий, по-разному и разрешаемых.

Понятие «субъектного разнообразия» стало смыслообразующим для современных гендерных исследований, поэтому остановимся на нем чуть подробнее. Раскрывая его содержание, известный теоретик Джоан Скотт поясняет: «Современные теории не предполагают фиксированных отношений между сущностями, а трактуют их как изменчивые эффекты временной, культурной или исторической специфики, динамики власти. Ни индивидуальная, ни коллективная идентичность не существуют без Другого; включенности не существует без исключенности, универсального — без отвергнутого частного, не существует нейтральности, которая не отдавала бы предпочтения ни одной из точек зрения, за которыми стоят чьи-то интересы. Власть играет существенную роль в любых человеческих отношениях. Для нас различия — это факт человеческого существования, инструмент власти, аналитический инструмент»¹. Гендерная теория сумела доказать, что «история субъекта является историей его/ее идентификаций»².

¹ Скотт Дж. Отголоски феминизма // Гендерные исследования. Харьков, 2004. № 10. С. 11, 25.

² См. подробнее: *Муфф Ш.* Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Харьков; СПб., 2001. С. 216.

Признание «субъектного разнообразия» фактически взорвало классическое либеральное представление о некоем «универсальном» субъекте публичной политики, который на поверку оказывался «состоятельным белым субъектом мужского пола». Концепт субъектного разнообразия подводил к совершенно новому пониманию политики. В его рамках доказывалось, что политика может и должна строиться не путем исключения Другого, а, напротив, путем его включения, наделения гражданским статусом, полномочиями гражданского участия. Таким образом, ставился под сомнение сам принцип иерархического соподчинения и доминирования как единственно возможный при отправлении властных отношений, что, в свою очередь, расширяло поле возможностей для освоения сетевых форм коммуникации.

Данный концептуальный подход получил признание и в серьезных работах по политической теории современности, и в специальных стратегиях институциональных изменений, направленных на преодоление гендерной дискриминации и достижение не только юридического, но и фактического равноправия женщин. Такого рода стратегии были, в частности, предложены международными организациями — ООН, Советом Европы и др. — для преодоления неравенства «жизненных шансов» мужчин и женщин. Все они были объединены общим понятием стратегии «позитивных», или «аффирмативных», действий¹ по искоренению дискриминации женщин, выраженной самыми очевидными показателями. К этому времени, по данным ООН, женщины всего мира выполняли $\frac{2}{3}$ совокупной работы, получали $\frac{1}{10}$ совокупных доходов, владели $\frac{1}{10}$ собственности, составляли $\frac{2}{3}$ неграмотных². Такое масштабное неравенство, по убеждению экспертов международных организаций, тормозило и продолжает тормозить процесс модернизации в рамках мирового сообщества.

Одной из самых законченных и логически выстроенных считается стратегия достижения «паритетной демократии». В ее основе лежат теоретические разработки, служившие подготовительными материалами для таких значимых международных документов в области защиты прав женщин, как, скажем, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Она была принята

¹ Анализ этих стратегий см.: *Поленина С. В.* Гендерное равенство: проблема равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. М., 2005; *Шведова Н. А.* Просто о сложном. Гендерное просвещение. М., 2002.

² The World's Women 2005: Progress in Statistics. URL: http://unstats.un.org/unsd/demographic/products/indwm/ww2005_pub/English/WW2005_text_complete_BW.pdf.

ООН в 1979 г. и впервые на международном уровне поставила вопрос о правах женщин как неотъемлемой части прав человека. В числе прочих мер, Конвенция обязывала все государства, которые в ней участвуют, включить принцип равноправия мужчин и женщин в Конституции и другие законодательные акты своих стран и добиваться его практической реализации. Одна из рекомендаций этой Конвенции относилась к использованию особых мер и процедур («позитивные» или «аффирмативные» действия), способствующих фактическому выравниванию статуса мужчин и женщин. В числе прочего в Конвенции шла речь о выделении специальных квот для женщин в представительных или законодательных органах и структурах исполнительной власти, списках кандидатов в депутаты, руководящих органах партий, движений для достижения их реального равноправия в поле политики.

Следующий пакет документов, принципиально значимых для утверждения гражданского и политического равноправия женщин, был сформирован в ходе подготовки к Четвертой Всемирной конференции по положению женщин, которая состоялась в сентябре 1995 г. в Пекине. На одном из предшествовавших пекинской встрече региональных совещаний, происходившем в октябре 1994 г. в Вене, и произошло обсуждение стратегии «паритетной демократии». Она была разработана Комитетом по равенству между мужчинами и женщинами и Департаментом прав человека, которые действуют в структуре Совета Европы. Стратегия вобрала в себя идеи и предложения, выдвинутые в те годы женскими организациями западноевропейских стран. Эти организации требовали от своих правительств и руководящих органов Европейского сообщества принятия конкретных мер по обеспечению реального равноправия женщин в структурах власти. Главный лозунг этого времени — «паритет», представительство женщин и мужчин в структурах власти по формуле «50/50».

Для авторов стратегии «паритетной демократии» отправными были три тезиса. Во-первых, тезис о том, что человечество состоит из мужчин и женщин, которые обладают равным достоинством и равной ценностью. Во-вторых, о том, что демократия является подлинной только в том случае, если люди принимаются такими, какими они являются в действительности, — не абстрактными, бесполоыми существами, а мужчинами и женщинами, каждый и каждая из которых могут быть по-своему полезны обществу. В-третьих, о том, что подлинная демократия предполагает полноценное участие женщин на основе равенства с мужчинами на всех уровнях и во всех областях функционирования общества. Из этих постулатов делался сле-

дующий вывод: участие каждого пола в органах управления должно осуществляться на паритетной основе, при этом цель — подойти к соотношению 50 на 50 %. По убеждению сторонников паритетной демократии, в результате ее установления возникнет реальная основа для устойчивого развития мирового сообщества. Женщины получат возможность наравне с мужчинами вносить свой вклад в дела общества — его экономику, политику, культуру. Мужчины, в свою очередь, станут больше заниматься семейными делами, воспитанием детей.

Предполагалось, что стратегия «паритетной демократии» будет обсуждаться на Пекинской конференции. Но организаторы конференции сочли эту проблематику опережающей время. Они были вынуждены считаться не только с мнением ее участников от западноевропейских стран, но и с позицией исламских государств, Святейшего престола (Ватикана), активно участвовавших в подготовке пекинской встречи. Разрыв между уровнями требований представителей женских организаций и государств — членов ООН из разных регионов мира оказался в Пекине столь значимым, что заставил организаторов конференции отказаться от слишком продвинутых установок теоретиков женского движения.

Вместо стратегии «паритетной демократии» Пекинская конференция приняла другие документы — «Пекинскую декларацию» и «Платформу действий». В этих документах тем не менее говорилось о гендерном равенстве как об основном векторе развития мирового сообщества в XXI в., а также о необходимости более широкого включения женщин в процесс принятия решений, результатом которого должно стать общее расширение коридора социальных возможностей для женщин во всех сферах общественной жизни.

Пекинская конференция рекомендовала правительствам государств — членов ООН добиваться равного представительства женщин и мужчин в правительственных органах, государственно-административных структурах, судебных инстанциях, при необходимости путем квотирования. Политическим партиям было рекомендовано рассматривать проблемы гендерного равноправия в своих политических программах и одновременно принимать меры, обеспечивающие участие женщин в их руководящих органах на равных основаниях с мужчинами. В числе других стран — участниц ООН Россия подписала эти документы Пекинской конференции.

Правительства целого ряда стран серьезно восприняли данные рекомендации международного сообщества и попытались с помощью специальных законодательных актов и практических мер обеспечить баланс в гражданских и политических позициях мужчин и женщин.

Один из законов такого типа был принят, например, 6 июня 2000 г. Национальным собранием Франции. Закон назывался «О паритете между женщинами и мужчинами» и был направлен на обеспечение паритетного, т. е. абсолютно равного — 50/50 — представительства женщин и мужчин на всех выборных должностях.

Подчеркнем, что Франция не была исключением из правил. В начале XXI в. гендерные квоты стали действующей нормой регулирования политического представительства женщин почти в половине стран, входящих в систему ООН. Они были закреплены либо в партийных уставах, либо в избирательном законодательстве и конституциях не только европейских, но и латиноамериканских, азиатских и африканских стран¹. 30-процентная норма гендерного представительства утверждена, например, в Законе о квотах Аргентины, который, в отличие от французского Закона о паритете, предусматривает за ее нарушение такую серьезную санкцию, как отклонение любого избирательного списка. Такая же норма и соответствующая санкция за ее нарушение предусмотрены сейчас и в избирательном законодательстве («Кодексе о выборах») Киргизии.

Можно с полным основанием утверждать, что теоретические разработки в рамках гендерных исследований, так же как стратегии «аффирмативных действий», со своей стороны, создавали предпосылки для повышения «жизненных» шансов женщин в мировом сообществе. Сама проблематизация их положения в условиях модернизации спровоцировала острую общественную дискуссию, по-своему обеспечившую «прорыв» женщин в прежде закрытые для них сферы публичной политики, органы законодательной и исполнительной власти. Этот прорыв символически означал трансформацию системы властных отношений в сторону усиления гендерного равноправия. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют фактические данные. Возьмем, к примеру, Великобританию. Парламентские выборы 1983 г. привели в палату общин 19 женщин, их доля составила тогда 3 % от общего числа парламентариев. Аналогичные выборы 2005 г. обеспечили женщинам уже 19,5 % парламентских мест (126 из 646 депутатов). Выборы 1980 г. позволили пройти в палату представителей конгресса США только 19 женщинам, что составило около 4 % от общего числа конгрессменов. Выборы 2006 г. обеспечили женщи-

¹ Подробнее см.: *Степанова Н. М.* Гендерные квоты — стратегия продвижения женщин в органы власти. Доклад на Всероссийской конференции РАПН — декабрь 2004 г. // *Женщина в российском обществе.* 2004. № 3–4. С. 26–32.

нам 16,8 % мест (73 из 435 депутатов)¹. Тогда же спикером конгресса впервые в истории США была избрана женщина. Этот пост заняла конгрессмен от Демократической партии Нэнси Пелоси.

В канун 8 Марта 2008 г. Еврокомиссия подготовила доклад «Мужчины и женщины в принятии решений», в котором анализировалось состояние дел с равноправием полов в высших эшелонах власти объединенной Европы. Доклад констатировал, что в настоящее время среди тех, кто занимает высшие государственные должности в странах — участницах ЕС, 33 % составляют женщины. А в 1999 г. их было только 17 %. За этот же период доля женщин на схожих должностях в структурах самой Еврокомиссии увеличилось с 14 до 20 %².

Происходящий на наших глазах прорыв женщин в сферу политического представительства в странах «старой» демократии можно расценивать как знак легитимации, принципиального согласия общества на новые роли женщин, в том числе и на их участие в политике. Но сходный процесс происходит и в странах, где демократические процедуры только утверждаются либо имитируются. В марте 2008 г. генеральный секретарь Межпарламентского союза Андерс Джонсон в своем докладе представил так называемую карту участия женщин в политике. Отметив, что по уже сложившейся традиции почти половину мест в законодательных органах своих стран имеют представительницы Скандинавии, он обратил внимание на то, что лидерство по числу женщин в парламенте, начиная с 2005 г., остается за Руандой. В этой стране, где громадное число мужчин погибло в ходе недавней гражданской войны, женщины занимают 48,8 % депутатских кресел, тогда как в Швеции среди парламентариев только 47 % женщин, а в Финляндии — 41,5. Около 40 % женщин насчитывается также в парламентах Бурунди, Новой Зеландии и Танзании³.

Женщины осмеливаются конкурировать с мужчинами и в борьбе за должности глав государств. Во второй половине XX в. в разное время 76 женщин в 56 государствах занимали посты премьер-министров или президентов. Первое десятилетие XXI в. отмечено особыми женскими победами. В 2006 г., например, женщины возглав-

¹ См.: Гидденс Э. Указ. соч. С. 311, а также данные Межпарламентской ассамблеи Европы на 30 ноября 2010 г. URL: <http://www.ipu.org/wmn-e/classif.htm>.

² Айвазова С. Российские выборы: гендерное прочтение. М., 2008. С.18.

³ Руанда и Швеция по-прежнему лидируют по числу женщин-депутатов. 29.02.2008. URL: <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=9219>.

ляли 11 государств¹. В тот момент на пост президента Финляндии была переизбрана Тарья Халоннен. Канцлером Германии стала Ангела Меркель, президентом Чили — Мишель Бачелет, Либерии — Эллен Джонсон-Серлиф, Латвии — Вайра Вике-Фрайберге и т. д. В 2007 г. в числе глав государств, пришедших к власти на высшие государственные посты — президента или премьер-министра (всего 71 человек), было пять женщин: генерал-губернатор Антигуа и Барбуда Луиза Лейк-Так, президент Аргентины Кристина Киршнер, Индии — Пратибха Патил, Швейцарии — Мишлен Кальми-Рей, премьер-министр Украины Юлия Тимошенко². На пост президента Франции в 2007 г. претендовала социалистка Сеголен Руаяль, на пост президента США в 2008 г. — представительница Демократической партии, бывшая первая леди страны Хиллари Клинтон.

Согласно данным Межпарламентского союза на конец мая 2009 г., по показателю представленности женщин в национальных парламентах Россия находилась на 81-м месте среди 188 стран, имеющих органы законодательной власти³.

На неблагоприятные ситуации с обеспечением гендерного равноправия в России указывают и доклады «Глобальный гендерный разрыв», которые, начиная с 2005 г., ежегодно публикуют аналитики Всемирного экономического форума в Давосе⁴. По особым критериям они рассчитывают рейтинг ситуации с разрывом жизненных шансов, которые существуют у мужчин и женщин в 134 странах (по данным на 2009 г.), доказывая при этом, что глубина гендерного разрыва чревата кризисами в модернизационном развитии и неэффективностью управления. В числе показателей разрыва значатся экономические возможности мужчин и женщин, доступ к образованию, здравоохранению, участие женщин в политике, общественной и государственной деятельности, а также продолжительность жизни

¹ В их числе: Бангладеш, Германия, Ирландия, Латвия, Либерия, Мозамбик, Новая Зеландия, Сан-Томе и Принсипи, Финляндия, Чили, Филиппины.

² Альманах издательского дома «Коммерсантъ». Первый рейтинг главных событий и тем 2007 года. 2008. 14 янв. С. 94–95.

³ Следует учитывать, что данный расчет велся только по показателю представленности женщин в Государственной думе — нижней палате Федерального собрания РФ — после выборов 2007 г. В другой его палате — Совете Федерации женщин еще меньше: 8 из 169 сенаторов, что составляет 4,7 % от его состава.

⁴ The Global gender gap. Report 2007. World Economic Forum. 2007; Ibid. Report 2008. World Economic Forum. 2008; Ibid. Report 2009. World Economic Forum. 2009; Ibid. World Economic Forum 2010.

и пропорциональное соотношение полов среди населения той или иной страны. При этом особо подчеркивается, что речь идет не о качестве жизни женщин в стране, а об их возможностях по сравнению с мужчинами.

Согласно докладу WEF 2009 г., лидером данного рейтинга стала Исландия. В этой стране, по мнению аналитиков WEF, минимизирована разница в возможностях мужчин и женщин в различных областях общественной жизни. Следом за Исландией располагаются Финляндия, Норвегия и Швеция. Благоприятная ситуация с гендерным равноправием сложилась в Германии (12-е место) и Великобритании (15-е место). Франция и США заняли соответственно 18-ю и 31-ю позиции. Невысокое место США аналитики WEF объясняют недостаточным участием женщин в предпринимательской деятельности. На последнем месте в докладе 2009 г. оказался Йемен.

По данным доклада «Глобальный гендерный разрыв» за 2007 г. Россия в гендерном рейтинге по совокупным показателям занимала 45-е место. В докладе 2008 г. ей отвели чуть более почетное 42-е место. Однако в рейтинге 2009 г. страна опустилась вниз — уже до 51-го места. Сразу вслед за Россией в этом рейтинге числятся Словения — 52-е место, Македония — 53-е место, Хорватия — 54-е место, Украина — 61-е место. Согласно расчетам аналитиков WEF, основная проблема нашей страны заключается не столько в необходимости обеспечения равных возможностей мужчин и женщин в экономической сфере, где соответствующие показатели лучше, чем во многих странах, сколько отчетливо выраженная проблема политических возможностей и представленности женщин в выборных органах власти. По показателю обеспечения экономических возможностей женщин по сравнению с мужчинами в 2009 г. Россия оказалась на 24-м месте в общем рейтинге 134 стран, по показателю возможностей в сфере образования — на 29-м; по показателю возможностей в сфере здравоохранения — на 41-м; по показателю политических возможностей — только на 99-м.

Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что всего лишь за двухлетний промежуток времени с 2007 по 2009 г., правда, пришедшийся на мировой экономический кризис, шансы российских женщин по сравнению с шансами мужчин снизились по всем показателям «гендерного разрыва». В частности, по показателю «экономические возможности» мужчин и женщин в 2007 г. Россия занимала 18-е место; в 2009 г. — лишь 24-е, по показателю «политические возможности» мужчин и женщин в 2007 г. она находилась на 93-м месте, а в 2009 г. — всего лишь на 99-м.

Вполне закономерно может возникнуть вопрос: почему вдруг аналитиков WEF, да и других международных экономических и поли-

тических структур, стала волновать тема гендерного равноправия? В одном из докладов, подготовленных для Национального разведывательного совета США, мы находим следующий ответ на этот вопрос: «Достижение равенства полов сулит значительные выгоды, причем не одним только женщинам. Все больше авторов с цифрами в руках доказывают, что реализация этого равенства в образовании стимулирует экономический рост, снижает детскую смертность и недоедание»¹. Подчеркнем, что этот ответ дает вовсе не специалист в области гендерной теории или убежденная феминистка, а аналитик специализированной силовой структуры. В этом же докладе он отмечает, что к 2020 г. женщины завоюют множество прав и свобод, в большинстве стран расширится их доступ к образованию, участию в политической жизни, они добьются новых успехов в борьбе за равноправие в сфере труда. Однако, по данным ООН и Всемирной организации здравоохранения, к тому времени неравенство полов до конца не исчезнет даже в развитых странах и будет все еще значительным в странах развивающихся². Среди факторов, препятствующих реализации гендерного равноправия, автор доклада называет исторически сложившиеся патриархальные традиции, которые способны всерьез обострять проблему конкурентной борьбы за ограниченные общественные ресурсы. Среди факторов, способствующих утверждению гендерного равноправия, модернизацию, включающую обширную программу преобразований, важное место занимают распространение информационных и коммуникационных технологий, которые могут открыть перед женщинами новые перспективы в сфере занятости, реформу управления, нацеленную на децентрализацию и расширяющую полномочия местных органов власти, в которых все активнее будут участвовать женщины³.

Каковы с этой точки зрения перспективы выравнивания жизненных шансов женщин и мужчин в России?

Президент страны Д. А. Медведев сразу же после своего избрания на этот пост в 2008 г. заявил о том, что правовой нигилизм является одной из острейших проблем развития России. Развивая эту мысль президента, будет уместно напомнить о том, что в нарушение многих международных договоров, подписанных Россией (включая совсем недавний документ — одобренный Государственной думой 2 июня

¹ Шубин А. Россия-2020: будущее страны в условиях глобальных перемен. М., 2005. С. 62.

² Там же. С. 59.

³ Там же. С. 60–61.

2004 г. Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин), в России нет национальных механизмов и процедур, способных не только юридически, но и фактически проводить политику, направленную на сокращение того гендерного разрыва, на наличие которого указывают, в частности, аналитики Всемирного экономического форума, а главное, выполнять положения действующей российской Конституции, которая содержит в числе прочего нормы гендерного равноправия. Сохраняющийся дисбаланс социальных возможностей женщин и мужчин в первую очередь сказывается на повседневной жизни российских женщин — их зарплатах, пенсиях, пособиях для детей.

В стране нет и серьезной общественной дискуссии по связанным с этим проблемам. В ее отсутствие принимаются политические решения, не согласующиеся с логикой тех глубинных повседневных практик, которые определяют социальную реальность. Это значит, что существующая ситуация гендерного неравенства не разрешается, а загоняется вовнутрь, прорываясь в совершенно неожиданных сферах и областях. Например, в условиях правовой незащищенности, дискриминации по признаку пола женщины «вдруг» перестают рожать, отказываются воспитывать детей, откладывают на более поздние сроки вступление в брак или вообще начинают избегать официально зарегистрированных браков. Маститые эксперты рассуждают о кризисе семьи, демографическом кризисе, а дело прежде всего в необходимости полноценного и гарантированного соблюдения прав женщин и мужчин.

С другой стороны, слабая представленность женщин в сфере политики, зафиксированная не только отечественными специалистами¹, но и аналитиками WEF и других международных организаций, имеет своим следствием воспроизводство традиционалистской, «подданнической», а не современной, гражданской и демократической, политической культуры. Поскольку политика для большинства женщин остается совершенно чуждой, далекой от их жизненных стратегий сферой, то в массе своей их политическое поведение оказывается продиктованным вовсе не рациональным выбором, а аффектом, повышенной склонностью к конформизму, нежеланием задумываться над тем, что происходит где-то вне пространства их повседневной жизни. Но ведь именно женщины, носительницы этой культуры, являются в России основными агентами социализации подрастающего

¹ См., в частности: *Айвазова С.* Российские выборы: гендерное прочтение. М., 2008.

поколения, и в процессе воспитания они неизбежно транслируют ему эти «подданнические» нормы. Учитывая эти обстоятельства, можно с полным основанием утверждать, что гендерное неравенство в сфере политики является одним из самых существенных препятствий, или блокировок, на пути политической модернизации России.

Почему партии, полагающие себя демократическими, не задают себе этих вопросов хотя бы из прагматических соображений с целью победы в борьбе за голоса избирателей — понять сложно. Вероятно, логика мужского доминирования в этом случае перевешивает прагматику. Эта логика, по большому счету, оказывается более значимым мотивом их политического выбора, чем осознанная потребность учитывать и развивать принципы современной демократии, в том числе принцип равных возможностей участия в политике всех граждан, независимо от пола, и потребность рассматривать паритетное представительство женщин в структурах власти в качестве одного из индикаторов справедливости и равенства в обществе.

Авторитетный американский политолог Чарльз Тили, рассуждая о характерных для эпохи модерна процессах демократизации и дедемократизации, справедливо отмечал, что эти процессы обеспечиваются тремя группами изменений, в том числе «нарастанием или ослаблением... *основных категориальных неравенств*» в сфере публичной политики¹. И разъяснял: «Социальное неравенство задерживает демократизацию и подрывает демократию в двух случаях: первое — когда устойчивые различия... превращаются в обычное категориальное различие по расе, полу, классу... во-вторых, когда эти категориальные различия прямо претворяются в публичную политику»². В свою очередь, понятие «неравенство» Тили раскрывал как «отношения между лицами или группами лиц, когда в результате их взаимодействия одна группа получает большие преимущества, чем другая»³. И до тех пор, пока неравенство преимуществ, т. е. неравенство прав и жизненных шансов мужчин и женщин будет предопределять характер принятия государственных решений, Россия, несмотря на все многообещающие модернизационные проекты и «инновации», останется страной, в которой влияние образцов и норм традиционной политической культуры явно перевешивает силу права как основного, неотъемлемого атрибута модернизации.

¹ Тили Ч. Демократия. М., 2007. С. 40.

² Там же. С. 136.

³ Там же. С. 137.

СПИСОК АВТОРОВ

С. Г. Айвазова — доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

А. Б. Вебер — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

А. А. Галкин — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

М. Р. Деметрадзе — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

В. К. Коломиец — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

Е. А. Кондратьева — кандидат экономических наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Ю. А. Красин — доктор философских наук, профессор, руководитель отдела анализа социально-политических процессов Института социологии РАН.

В. Марчиняк — доктор, заведующий сектором Института политических исследований Польской академии наук.

Л. Я. Машезерская — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

О. И. Мирясова — младший научный сотрудник Института социологии РАН.

Л. Б. Москвин — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

А. В. Назаренко — кандидат политических наук, научный сотрудник Института социологии РАН.

Л. И. Никовская — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

Ю. С. Оганисян — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН.

Т. В. Павлова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

В. И. Пантин — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

С. В. Патрушев — кандидат исторических наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований Института социологии РАН.

И. Н. Трофимова — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Л. Е. Филиппова — кандидат политических наук, научный сотрудник Института социологии РАН.

А. Д. Хлопин — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

Г. А. Цысина — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

И. С. Яжборовская — профессор, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

В. Н. Якимец — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института системного анализа РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

Инновационное развитие: проблемы и перспективы	3
Инновационное развитие как программа действий (Галкин А. А.)	3
Инновационный тип развития общества и политическая система в России (Красин Ю. А.)	17
Инновационное развитие и демократия (Вебер А. Б.)	27
Социальные и политические предпосылки инновационного типа развития: проблема демократического консенсуса (Машезерская Л. Я.)	35
Инновационная деятельность и политика государства (Кондратьева Е. А.)	60
«Перезагрузка» либеральной модели: от экономического к политическому измерению общественных процессов (Назаренко А. В.)	82
Перспективы развития институтов гражданского общества в современной России (правовая направленность политических процессов) (Деметрадзе М. Р.)	99
Альтернативы и риски социально-экономической политики и возможности российской инновационной модернизации (Пантин В. И.)	112
Опыт модернизации: акторы и условия	120
Государство и бизнес в России: дилеммы взаимодействия (Оганисян Ю. С.)	120
Стратегия российских профсоюзов перед вызовами экономической и социальной модернизации (Цысина Г. А.)	140
Миграционные процессы в России: противоречивые тенденции развития (Москвин Л. Б.)	155
К проблеме исторического «аналога» политического процесса (историческая память в модернизирующемся обществе: итальянский вариант) (Коломиец В. К.)	168
Системная политическая трансформация — поиск инновационной модели развития Центрально- и Юго-Восточной Европы (Яжборовская И. С.)	195

Россия и Польша: два примера политической трансформации (Марчиняк В.)	208
Местное самоуправление в Российской Федерации: проблемы институционального развития (Трофимова И. Н.)	227
Публичная политика как ресурс и фактор посткризисной модернизации (Никовская Л. И., Якимец В. Н.)	241
Институциональная модернизация:	
гражданская активность и политика	262
Гражданская активность как фактор модернизации (Патрушев С. В.)	262
Стратегии гражданского действия в социуме клик: их влияние на воспроизводство и трансформацию институциональной среды (Хлопин А. Д.)	276
Институциональное включение/исключение и стратегия институционального изменения (Филиппова Л. Е.)	286
Гражданские стратегии изменений и российская власть (Мирясова О. А.)	298
Политическая активность как фактор политической модернизации (Павлова Т. В.)	306
Модернизация как контекст гендерного равноправия (Айвазова С. Г.) ...	319
Список авторов	334

Научное издание

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКА В XXI ВЕКЕ

Ведущий редактор *Е. А. Кочанова*

Редактор *Н. П. Зимарина*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Е. Л. Бородина*

Компьютерная верстка *С. В. Ветрова*

Корректор *Н. П. Голубцова*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 20.01.2010.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 15,5. Тираж 2000 (1-й завод 1000) экз. Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция);
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)